M 79/155

MARYNA MNISZCHOWNA

Aleksander Hirschberg

Русскій переводъ съ предисловіемъ

Андрея Титова.

Москва. 1908 г.

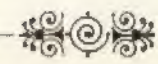
79/155

MARYNA MNISZCHOWNA

Aleksander Hirschberg

Русскій переводъ съ предисловіемъ

Андрея Титова.



ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕИ
БИБЛІОТЕКА

Москва. 1908 г.

4422.

2007089500

МАРИНА МНИШЕКЪ

Александръ Гиршбергъ

Русскій переводъ съ предисловіемъ

Андрея Титова.

ИЗДАНІЕ

ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВАХРОМѢЕВА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе. . . . . I—IV

Вступленіе. . . . . I—III

I. Семья Мнишковъ. Юность Марины.—Современныя сношенія съ Москвой. — Димитрій Самозванецъ. — Была ли Марина дѣйствительно красавица?—Наружность Димитрія. Какія причины побудили Марину и отца ея отдать ему ея руку?—Успѣхъ Димитрія. Бракосочетаніе Марины въ Краковѣ и свадебныя торжества въ Москвѣ. . . 6

II. Рѣзня въ Москвѣ.—Избраніе Василія Шуйскаго.—Происки его враговъ.—Шуйскій старается упрочить свою власть.—Привезеніе мощей царевича Димитрія.—Мятежи въ столицѣ. Бунтъ въ Сѣверской землѣ. 20

III. Положеніе поляковъ въ Москвѣ.—Шуйскій разсылаетъ ихъ по отдаленнымъ городамъ.—Тяжелая жизнь польскихъ плѣнныхъ въ Бѣлозерскѣ.—Пребываніе Мнишковъ въ Ярославлѣ.—Происки враговъ Шуйскаго.—Иванъ Болотниковъ и иные главари этого сторонничества.—Петрушко.—Побѣды, одержанныя Василіемъ Шуйскимъ. 38

IV. Появленіе второго Димитрія.—Мѣховецкій.—Происки покровителей Самозванца.—Первыя военныя дѣйствія.—Препирательства съ Рожинскимъ.—Василія заручиться помощью Сигизмунда III.—Меморіалъ Мнишка. 51

V. Битва подъ Волховымъ. Самозванецъ подступаетъ къ Москвѣ.—Битва надъ рѣкой Ходынкой.—Переговоры между Польшей и Москвой.—Заключеніе четырехлѣтняго перемирія. 67

VI. Новыя польскія войска подъ Москвой.—Окончаніе Зебжидовскаго мятежа.—Дальнѣйшіе происки не-

Стран.

довольныхъ.—Прибытіе Яна Петра Сапѣги.—Его политическое положеніе.—Конфедерація, заключенная войскомъ Сапѣги.—Стычки подъ Смоленскомъ.—Встрѣча съ партіей польскихъ плѣнныхъ.—Марина узнаетъ о смерти перваго Димитрія. Препирательства Мнишковъ съ Самозванцемъ.—Невыгодное впечатлѣніе, вызванное дѣйствіями дочери воеводы. Переговоры Шуйскаго съ Димитріемъ. 80

VII. Планъ взятія столицы голодомъ.—Битва подъ Рахманцевымъ Осада Сергіева Все новые города сдаются Димитрію. Лагерь въ Тушинѣ.—Недоразумѣнія между войскомъ и Димитріемъ. Юрій Мнишекъ возвращается въ Польшу. 102

VIII. Происки покровителей Самозванца, чтобы заручиться для него помощью Сигизмунда и содѣйствіемъ Рима Миссія Лопухина. Корреспонденція съ Римомъ. Злоупотребленія сборщиковъ податей и грабежи слугъ.—Возстаніе противъ Димитрія.—Переговоры съ войскомъ относительно уплаты жалованья.—Неудачи подъ Коломной, Сергіевымъ и Москвой.—Битвы подъ Тверью и Калязиномъ.—Жизнь Марины въ Тушинскомъ лагерѣ. 116

IX. Шуйскій нарушаетъ перемиріе, заключенное въ іюлѣ 1608 г.—Голоса, требующіе войны съ Москвой.—Нерѣшительность и неспособность Сигизмунда.—Поляки съ неудовольствіемъ относятся къ планамъ короля. Совѣты гетмана Жолкевскаго.—Походъ Сигизмунда подъ Смоленскъ.—Попытки вступить въ переговоры съ Шеинымъ.—Количество и составъ польскаго войска.—Тогдашнее положеніе Смоленска.—Первыя попытки овладѣть этой крѣпостью. 141

X. Польское войско въ Тушинѣ составляетъ конфедерацію.—Сапѣга иначе относится къ дѣлу.—Дерзкія требованія конфедератовъ.—Посольство Сигизмунда подъ Москву. Переговоры съ войскомъ конфедератовъ.—Димитрій бѣжитъ въ Калугу.—Переговоры съ боярами, сторонниками Самозванца.—Договоръ отъ 14 февраля 1610 г. . . 155

XI. Высокомѣріе Марины.—Положеніе ея становится все тяжелѣе.—Происки сторонниковъ Димитрія.—

Стран.

Бунтъ донцовъ.—Марина въ Дмитровѣ.—Ея отъѣздъ въ Калугу. 176

XII. Бунты въ Тушинѣ. Поляки отступаютъ изъ-подъ Москвы. Раздѣлъ войска.—Трудное положеніе Сигизмунда. Смерть Скопина-Шуйскаго.—Побѣдоносный походъ шведско-московскихъ войскъ.—Сигизмундъ старается войти въ соглашеніе съ Димитріемъ.—Роль Яна Петра Сапѣги. 192

XIII. Димитрій Шуйскій идетъ освобождать Смоленскъ.—Схватки подъ Царевымъ-Займищемъ.—Битва подъ Клушинымъ.—Самозванецъ подступаетъ къ столицѣ.—Замѣшательство въ Москвѣ. Сверженіе Шуйскаго съ престола. Претенденты на царскій вѣнецъ 209

XIV. Жолкевскій подступаетъ къ столицѣ.—Положеніе Боярской Думы въ Москвѣ.—Ея переговоры съ гетманомъ.—Договоръ отъ 27-го августа. Переговоры Жолкевскаго съ Сапѣгой.—Бѣгство Димитрія. 228

XV. Московскіе бояре высылаютъ посольство къ Сигизмунду.—Роль Василія Голицына.—Переговоры подъ Смоленскомъ. Неудовольствіе въ столицѣ.—Отъѣздъ Жолкевскаго. Гонсевскій строго караетъ польскихъ солдатъ за своеволіе.—Враги Сигизмунда входятъ въ соглашеніе съ Самозванцемъ. Уразъ-Махметъ.—Смерть втораго Димитрія.—Смута въ Калугѣ 243

XVI. Новая фаза въ московскихъ отношеніяхъ. Ошибки, сдѣланныя Сигизмундомъ.—Возстаніе противъ поляковъ.—Настроеніе приверженцевъ Сапѣги. Ихъ переговоры съ Ляпуновымъ и Заруцкимъ въ Москвѣ. Взрывъ возстанія.—Заключеніе патріарха въ тюрьму.—Повстанцы осаждаютъ столицу 264

XVII. Безплодные переговоры со смоленскимъ гарнизономъ. Заточеніе московскихъ пословъ.—Дальнѣйшія усилія съ цѣлью взять Смоленскъ. Послѣдній штурмъ, увѣнчанный взятіемъ этой крѣпости . . 285

XVIII. Войско Сапѣги возвращается подъ столицу.—Двуличная роль ковятскаго старосты.—Его экспедиція за провіантомъ.—Потеря и пріобрѣтеніе вновь Бѣлыхъ стѣнъ.—Смерть Ляпунова.—Деморализація

Стран.

въ польскомъ войскѣ.—Смерть Яна Петра Сапѣги.—Ходкевичъ идетъ подъ Москву. 296

XIX. Тріумфальное возвращеніе Сигизмунда.—Негоціаціи относительно сношеній съ Москвой на сеймѣ въ 1611 г.—Послѣднее появленіе Юрія Мнишка. Новое московское посольство въ Варшавѣ. . . 316

XX. Ходкевичъ подступаетъ къ Москвѣ.—Недостатокъ пищевыхъ продуктовъ принуждаетъ поляковъ отступить отъ столицы.—Польское войско составляетъ конфедерацію. Прибытіе Струся. Сигизмундъ полагаетъ собирается въ походъ на Москву.—Зарудскій. Новое движеніе въ Московскомъ Государствѣ.—Ходкевичъ старается снабдить столицу пищевыми продуктами.—Сигизмундъ подъ Федоровскимъ. Страшный голодъ въ Москвѣ.—Сдача польскаго гарнизона.—Сигизмундъ пытается начать переговоры.—Смѣлые замыслы и послѣдняя борьба Зарудскаго.—Характеристика Марины . . 325

Указатель. . . . . I—XX

Замѣченныя опечатки.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
17	2 снизу	Самозванца, его съ	Самозванца съ
24	1 сверху	пятисовъ	пятисотъ
27	17 „	какъ	какъ разъ
63	12 „	хоторый	который
67	17 „	Польной	Польшей
84	1 снизу	съ нами	съ ними
90	16 сверху	не получаютъ	не получатъ
91	12—13 „	Посольскую	Подольскую
102	15 „	Димитремъ	Димитріемъ
104	1 снизу	вслѣдствіи	впослѣдствіи
110	15 сверху	крестъянина	крестьянина
111	4 „	что	то
133	17 „	ото взякихъ	ото всякихъ
185	11 снизу	проповѣдниковъ	проводниковъ
191	11 сверху	усвяжскій	усвятскій
221	16 снизу	изъ надежныхъ	надежныхъ
224—225	1 „	Жолкекевскій	Жолкевскій
288	16 сверху	осужденные	осажденные
338	16 снизу	надежыд	надежды

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Личности Димитрія Самозванца и Марины Мнишекъ особенно заинтересовали историковъ послѣдняго времени. О. Павелъ Пирлингъ и Александръ Гиршбергъ издали немало своихъ капитальныхъ работъ въ этой области. Но и кромѣ нихъ не менѣе серіозныя изысканія русскихъ ученыхъ останавливаютъ на себѣ вниманіе интересующихся этимъ предметомъ. Впрочемъ, несмотря на обширность литературы объ обоихъ Димитріяхъ, вопросъ о томъ, кто былъ первый изъ нихъ— истинный ли царевичъ, спасшійся въ Угличѣ, или смѣлый самозванецъ,—такъ и остается неразрѣшеннымъ. О. Пирлингъ въ своей рецензіи по поводу книги Валишевскаго „Смутное время" говоритъ, что личность Димитрія, подобно Желѣзной маскѣ или Людовику XVII, возбуждаетъ много разныхъ проблемъ, и не одни только историки съ увлеченіемъ предаются отысканію истины.

Тайна, которую стараются открыть, заключается въ томъ: былъ ли Димитрій дѣйствительнымъ сыномъ Грознаго, или это былъ только ловкій самозванецъ. И тайна эта, несмотря на всѣ старанія, остается неоткрытой.

Но, благодаря этому Димитрію, по словамъ одной польской рукописи[1]), сдѣлался достояніемъ исторіи

[1]) Рукопись № 1633 находится въ Краковскомъ музеѣ кн. Чарторыйскихъ.

необыкновенный характеръ Марины Мнишекъ, достойной болѣе лучшей участи.

Замѣчательно ея письмо къ Сигизмунду III, писанное 15-го января 1610 года. Этотъ неосторожный монархъ отозвалъ къ себѣ польскія войска, находившіяся при Димитріи, и этимъ необдуманнымъ шагомъ ослабилъ его и подкрѣпилъ Шуйскаго, между тѣмъ какъ объ стороны должны были считать его общимъ врагомъ. Въ своемъ письмѣ Марина даетъ Сигизмунду почувствовать это, выражая надежду, что король придетъ на помощь ея справедливымъ притязаніямъ на русскій престолъ. Она подписывается: „Желающая Вамъ всякаго блага и успѣха Императрица Марина".

Недурень и разсказъ, что когда посолъ Сигизмунда III отъ имени своего монарха предложилъ ей Саноцкую землю и доходы съ Самборской экономіи при условіи, чтобы она отказалась отъ русской державы въ пользу короля польскаго. Марина отвѣтила: „Я уступила бы королю Варшаву, если бы онъ отдалъ мнѣ Краковъ".

Ея письмо къ войску великолѣпно. Она пишетъ въ немъ, что она государыня сѣверныхъ странъ, русская царица, и не хочетъ признавать надъ собой чуждой ей власти короля. Войска она постарается вознаградить, а теперь ѣдетъ къ мужу, которому клялась въ супружеской вѣрности въ Краковѣ въ присутствіи короля: она хочетъ держать съ нимъ совѣтъ относительно неприкосновенности своего титула. Когда нѣмецкій каштелянъ Стадницкій, ея родственникъ, узнавъ о мятежѣ въ Россіи и о смерти царя, въ письмѣ къ ней не далъ ей титула императрицы, а назвалъ только ясневельможной, она отвѣтила ему собственноручно слѣдующими краткими строками:

„Кого осѣняетъ Богъ, тотъ не утрачиваетъ сіянія. Солнце не перестаетъ быть яснымъ, когда его закрываетъ темная туча. И я, хотя меня свергли съ престола измѣнники и лжесвидѣтели, — все же императрица".

Ее вообще упрекали въ томъ, что, желая царствовать, она такъ же довѣрчиво бросилась въ объятія втораго обманщика, какъ согласилась на бракъ съ первымъ Димитріемъ, котораго могла считать истиннымъ. Такъ какъ она собственными глазами не видѣла смерти мужа, то могла предположить, что онъ раненъ, но что ему удалось бѣжать, пользуясь замѣшательствомъ. Услышавъ, что онъ живъ и стоитъ во главѣ значительныхъ войскъ, она, несомнѣнно, возымѣла желаніе присоединиться къ нему. А прибывъ въ лагерь и увидѣвъ, что это не Димитрій, — по силамъ ли ей было отвернуться отъ него, сказавъ, что это — самозванецъ? Могла ли она одна отстаивать свои собственныя права? (что, конечно, было бы честнѣе и, быть можетъ, неоднократно приходило ей въ голову). Гдѣ найти силы, гдѣ найти средства для достиженія этого намѣренія? гдѣ сокровища, безъ которыхъ ничего нельзя было сдѣлать? гдѣ войско, которое могло бы побѣдить враговъ? гдѣ помощь и вѣрный совѣтъ? Все было въ заговорѣ противъ нея; народъ взбунтовался; Шуйскій царствовалъ; а тотъ, про котораго твердо думали, что онъ Димитрій, имѣлъ столькихъ приверженцевъ... Сигизмундъ III не былъ ея сторонникомъ: онъ имѣлъ въ виду лишь собственныя выгоды. Ея отецъ былъ человѣкъ слабаго характера, родственники, друзья — малочисленны и преисполнены ужаса. Лишенная всего, она бросилась туда, гдѣ для нея оставался хотя какой-нибудь лучъ надежды: она предпочитала погиб-

нуть, нежели трусливо сложить оружіе предъ дальнѣйшими опасностями и превратностями судьбы и отверзтой передъ ней бездной.

Марина, какъ заключаетъ А. Гиршбергъ въ своемъ превосходномъ трудѣ, была „не игрушкой судьбы", какъ она жаловалась, а прежде всего—жертвою собственнаго честолюбія.

Андрей Титовъ.

Ростовъ Ярославскій.
1907 ноября 21.

Димитрій Самозванецъ.

Марина Мнишекъ.

Марина Мнишекъ знакома намъ до сихъ поръ по поэтическимъ и повѣствовательнымъ произведеніямъ. Въ народныхъ пѣсняхъ—говоритъ одна русская поэтесса—„живетъ она до сихъ поръ, какъ вѣдьма злов'ѣщая". Въ повѣстяхъ ее изобразили романической героиней. Какова же была въ дѣйствительности жизнь этой несчастной женщины?

Ясно, что мы можемъ узнать и выяснить это лишь на основаніи событій, ей современныхъ, поэтому въ предлагаемомъ трудѣ мы постарались точно воспроизвести ихъ, что оказалось весьма благодарной задачей, ибо періодъ этой борьбы имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи нашихъ сношеній съ Москвой: въ этихъ событіяхъ, рядомъ съ Мнишками, выступаетъ цѣлый рядъ необыкновенныхъ личностей, какъ Жолкевскій, Ходкевичъ, Левъ и Янъ Петръ Сапѣги, Александръ Гонсевскій, Николай Струсь, Романъ Рожинскій, Иванъ Зарудскій и еще нѣсколько другихъ, хотя и не столь громкихъ, но не менѣе знаменательныхъ и выдающихся именъ. Болѣе близкое знакомство съ этими людьми даетъ намъ также нѣкоторое представленіе о современномъ имъ польскомъ обществѣ, столь богатомъ выдающимися характерами,—увы! почти

совершенно обезличенными неспособнымъ Сигизмундомъ.

Въ польскихъ рукописяхъ, разсѣянныхъ по разнымъ архивамъ и библіотекамъ, нѣтъ также недостатка въ матеріалахъ, проливающихъ на эти событія совершенно новый свѣтъ. Изъ этихъ источниковъ мы перечислимъ здѣсь лишь нѣкоторые важнѣйшіе.

Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ дневникъ Я. П Сапѣги. Этотъ дневникъ велся его секретарями, которые записывали почти ежедневно то, что происходило въ его лагерѣ, а также извѣстія, стекавшіяся къ нему съ разныхъ сторонъ. Этотъ источникъ тѣмъ драгоцѣннѣе, что записи въ немъ составлены по предметной системѣ и людьми, вполнѣ освѣдомленными съ положеніемъ дѣлъ. До сихъ поръ дневникъ этотъ былъ извѣстенъ лишь по неудачнымъ отрывкамъ, вѣрнѣе — по произвольнымъ ихъ толкованіямъ.

Важнымъ источникомъ является также дневникъ Вацлава Діаментовскаго, два обширныхъ извлеченія изъ котораго уже опубликованы Тургеневымъ и Шуйскимъ. Въ частяхъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ, находимъ много интересныхъ деталей о пребываніи Мнишковъ въ Ярославлѣ, тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что сандомирскій воевода не только переписывался въ ту пору тайно съ врагами Василія Шуйскаго, но и къ Сигизмунду высылалъ обширныя записки, совѣтуя ему оказать помощь и второму Самозванцу.

Очень важнымъ документомъ къ исторіи московскаго посольства, высланнаго въ концѣ 1611 года въ Варшаву, является дневникъ тѣхъ же пословъ, который мнѣ удалось отыскать въ собраніи рукописей графа

Браге, находящемся теперь въ Государственномъ Архивѣ въ Стокгольмѣ[1]). Въ весьма тѣсной связи съ этимъ дневникомъ находится легація, данная этимъ посламъ и сохранившаяся въ одной изъ рукописей музея князей Чарторыйскихъ. Она весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, съ какой безумной настойчивостью и близорукостью Сигизмундъ непремѣнно хотѣлъ стать царемъ московскимъ.

Кромѣ того, въ коллекціяхъ современныхъ писемъ и актовъ нашлось не только множество весьма цѣнныхъ и характерныхъ деталей, но и свѣдѣнія о фактахъ первостепенной важности, до сихъ поръ совершенно неизвѣстныхъ.

Кажется, на основаніи этихъ матеріаловъ, мнѣ удалось раскрыть тѣсную связь, существовавшую между планами Самозванцевъ и дѣятельностью недовольныхъ поляковъ, и освѣтить надлежащимъ образомъ какъ интриги и честолюбивыя прихоти Мнишковъ, такъ и роль Льва и Яна Петра Сапѣговъ, и, наконецъ, выяснить истинныя причины паденія кандидатуры Владислава на московскій престолъ.

Въ заключеніе съ удовольствіемъ воздаю должное, приношу искреннюю благодарность Правленіямъ архивовъ и библіотекъ, облегчившимъ мнѣ публикацію предлагаемаго труда.

А. Гиршбергъ.

---

[1]) Всѣ эти дневники я опубликовалъ въ моемъ сборникѣ „Польша и Москва въ первой половинѣ XVII вѣка (Львовъ, 1901)“.

Одной изъ наиболѣе знаменательныхъ чертъ нашей исторіи является сильное вліяніе, оказанное польскими вельможами на общественныя дѣла. Причиной этого было безсиліе правительства и нашъ національный характеръ. Въ послѣдній періодъ существованія Рѣчи Посполитой нельзя даже понять событій первостепенной важности, если не знать основательно политики нашихъ знатныхъ родовъ. Впрочемъ, вліяніе ихъ обнаруживалось уже гораздо раньше. Такъ, при Сигизмундѣ I, Ласкіе старались склонить короля къ союзу съ Солиманомъ и Заполіей и такимъ образомъ принудить его къ открытому разрыву съ Габсбургами. Позднѣе удалые походы Вишневецкихъ и другихъ подвергали Польшу почти безпрестанно угрожающей войнѣ съ Турціей. Въ XVII же вѣкѣ „честолюбіе и алчность“ Мнишковъ на долгіе годы смутили наши сношенія съ Москвой.

Главнымъ факторомъ въ этихъ событіяхъ были тайныя интриги Юрія Мнишка; роль же его дочери, Марины, скорѣе пассивна, нежели активна; она явилась почти жертвой честолюбивыхъ стремленій отца и своей собственной безумной гордости. Но среди лицъ, выступавшихъ на этой обширной аренѣ, она долгое время занимала первенствующее мѣсто въ качествѣ московской царицы.

I.

Семья Мнишковъ. — Юность Марины. — Современныя отношенія съ Москвой.—Димитрій Самозванецъ.—Была ли Марина дѣйствительно красавица?—Наружность Димитрія. — Какія причины побудили Марину и отца ея отдать ему ея руку? — Успѣхъ Димитрія.—Бракосочетаніе Марины въ Краковѣ и свадебныя торжества въ Москвѣ.

У подножія Карпатъ, въ Самборѣ, бывшемъ издавна мѣстопребываніемъ Мельштынскихъ, устроилъ себѣ великолѣпную резиденцію Юрій Мнишекъ, сандомірскій воевода.

Съ 1588 года, ставъ самборскимъ старостой, онъ обращалъ почти всѣ доходы этой весьма прибыльной экономіи на увеличеніе или украшеніе дворцовыхъ зданій. Расходы эти были на столько крупны, что въ теченіе первыхъ 10—15 лѣтъ онъ совсѣмъ почти не вносилъ королю откупныхъ платежей, рискуя лишиться даже королевской милости; но зато въ Самборѣ воздвигались все новыя и новыя зданія, покои которыхъ украшались окнами изъ „стекла венеціанскаго", дверьми со „слоевчатыми наличниками", расписными печами и мозаичными или „дубовыми столярной работы" паркетами. Этихъ зданій было такъ много, что они составляли особый пригородъ, расположенный тутъ же подъ городомъ, а такъ какъ Сигизмундъ III никогда не пріѣзжалъ въ Самборъ, то нашъ воевода жилъ въ нихъ самъ со своей семьей.

Мнишки недавно, только при Сигизмундѣ I, переселились въ Польшу; прежнимъ ихъ гнѣздомъ были Великіе Кончицы въ Моравіи. Отецъ Юрія, Николай, поселившись въ Червонной Руси, женился на Каменецкой, дочери сандецкаго каштеляна. Этимъ бракомъ онъ породнился съ нѣсколькими знаменитыми семьями: несомнѣнно то, что благодаря ихъ стараніямъ, онъ сталъ коронымъ подкоморіемъ и краковскимъ бург-

графомъ, и получилъ два старостетва — луцкое и сокольское.

У него было двѣ дочери и три сына. Брачныя связи дочерей также облегчили Мнишкамъ занятіе въ Рѣчи Посполитой выдающагося и вліятельнаго положенія. Старшая изъ нихъ, Екатерина, вышла за Николая Сѣнницкаго, который послѣ своего тестя сталъ бургграфомъ краковскаго замка; младшая, Варвара, вышла сперва за Луку Нагурскаго, гарволинскаго старосту, потомъ за Яна Фирлея, краковскаго воеводу и, наконецъ, за Яна Дульскаго, великаго короннаго казначея.

Два сына Николая, а именно Николай и Юрій, провели свою молодость при дворѣ Сигизмунда Августа. Стараясь заручиться благосклонностью короля, они до такой степени прислуживались къ нему, что пріобрѣли этимъ весьма печальную извѣстность. Ихъ упрекали также въ томъ, что послѣ смерти послѣдняго изъ Ягеллоновъ они присвоили себѣ большую часть сокровищъ, находившихся въ Кнышинѣ.

Младшій изъ нихъ, Юрій, ловкій, угодливый и краснорѣчивый, былъ истиннымъ основателемъ знаменитости этого рода.

При королѣ Стефанѣ онъ долго служилъ въ войскѣ и участвовалъ въ его походахъ на Москву. Въ награду за это онъ получилъ старостетва сапоцкое и сокольское, а затѣмъ сталъ радомскимъ старостой. Но его значеніе усилилось только при Сигизмундѣ III. Тогда, какъ извѣстно, одной изъ наиболѣе вліятельныхъ личностей былъ его двоюродный братъ, ставшій позднѣе кардиналомъ, Бернардъ Маціевскій. Вѣроятно, благодаря его же протекціи, Юрій получилъ въ 1588 году самборскую экономію и управленіе русскими соляными копями; въ слѣдующемъ году онъ сталъ сандомірскимъ воеводой, а нѣсколько лѣтъ спустя и львовскимъ старостой.

Съ этими должностями были связаны немалые оклады. Панъ Юрій получилъ кромѣ того значительное приданое за своей женой, Ядвигой Тарло, дочерью сандомірскаго хорунжаго, о которой Папроцкій говоритъ, что она „вынесла большую часть имущества изъ дома Тарловъ“. Однако всѣхъ этихъ доходовъ не хватало воеводѣ, увлеченному роскошью и пышностью. Его потребности были велики, потому что показная жизнь многочисленной семьи сопровождалась немалыми расходами.

У Мнишка было 5 сыновей и 5 дочерей. Изъ сыновей Николай и Сигизмундъ заканчивали свое образованіе въ Парижѣ; вѣроятно, и два старшихъ сына, Янъ и Станиславъ, и младшій, Францискъ, также обучались во Франціи или въ Италіи.

Старшая изъ дочерей, Анна, вышла за Петра Шишковскаго, войницкаго каштеляна; Урсула была за княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, а младшая, Евфросинія, за Іорданомъ изъ Закличина.

Надѣленіе дочерей приданымъ и образованіе сыновей, обширныя родственныя и сосѣдскія связи, многолюдные и частые съѣзды, и великолѣпные пріемы гостей поглощали, конечно, громадныя суммы, особенно при расточительности Мнишка, который своей пышной жизнью хотѣлъ сравняться съ самыми богатыми изъ нашихъ вельможъ.

Среди такой обстановки провела свою юность Марина, по старшинству четвертая дочь воеводы. Родилась она, вѣроятно, въ 1588 или 1589 году.

О ея воспитаніи, какъ и вообще о воспитаніи тогдашнихъ дѣвушекъ въ кругу шляхты и вельможъ, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Позже мы узнаемъ, что она умѣла писать и читать. Несомнѣнно также, что ей преподали главнѣйшія основы католической религіи, преподавателями же ея были, вѣроятно, самборскіе бернардинцы, ибо орденъ этотъ давно уже

состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Мнишками, а позднѣе пользовался особеннымъ довѣріемъ Марины. Съ ранняго дѣтства ей, вѣроятно, часто приходилось слышать разсказы о знаменитости своего рода, о древности происхожденія семьи Тарловъ и о великихъ подвигахъ предковъ пана воеводы, которые въ теченіе предыдущихъ вѣковъ оказали будто бы необыкновенныя услуги германскимъ императорамъ. Эти разсказы, а равно блестящій бракъ старшей сестры Урсулы, оказали вліяніе на характеръ молодой дѣвушки: они разжигали ея гордость и побуждали къ дерзкимъ, крайне честолюбивымъ мечтамъ.

—

Пока Марина подрастала въ Самборѣ, въ сосѣднемъ Московскомъ Государствѣ назрѣвали важныя событія.

Послѣ смерти Ѳеодора, послѣдняго потомка Мономаха, царемъ сталъ Борисъ Годуновъ. Этотъ необыкновенно способный человѣкъ, удивительно послѣдовательно и въ теченіе многихъ лѣтъ стремившійся къ престолу, ловко умѣлъ отстранять всѣ препятствія, мѣшавшія его цѣли и, не разбираясь въ средствахъ, велѣлъ даже умертвить царевича Димитрія, младшаго брата Ѳеодора. Однако избраніе Годунова было оскорбительно для именитыхъ московскихъ бояръ, ибо предки его, татарскаго происхожденія, хотя издавна славились своимъ богатствомъ, но до послѣдняго времени не занимали высокихъ должностей. Итакъ, враги Бориса желали во что бы то ни стало лишить его престола. Но послѣ почти единодушнаго избранія его земскимъ соборомъ не такъ-то легко было найти ему соперника, который съ успѣхомъ могъ и пожелалъ бы вести съ нимъ борьбу. Среди московскихъ князей было, правда, много потомковъ Рюрика и Гедимина, но ни одинъ изъ нихъ не могъ сравниться съ нимъ въ способностяхъ, въ богатствѣ и вліятельномъ положеніи. Поэтому про-

тивники Годунова, желая отстранить его отъ престола, задумали использовать сильную привязанность народа къ прежней династіи,—объявить, что Димитрій, законный преемникъ ея, былъ спасенъ отъ покушенія на свою жизнь, и найти лицо, которое пожелало и сумѣло бы хорошо сыграть эту трудную роль.

Партія эта насчитывала больше всего сторонниковъ въ княжествахъ смоленскомъ и сѣверскомъ. Издавна существовали близкія связи между тамошними боярами и многими польскими магнатами и панами, жившими въ сосѣднихъ воеводствахъ Рѣчи Посполитой. Среди послѣднихъ было немало людей, воодушевленныхъ воинственностью и склонныхъ ко всякаго рода удалымъ предпріятіямъ. Какъ извѣстно такими наклонностями особенно отличались князья Вишневецкіе. Большое участіе въ этомъ дѣлѣ принялъ также Михаилъ Ратомскій, острожскій староста, Матвѣй Война, приказный литовскій, и даже Левъ Сапѣга, великій канцлеръ литовскій. Благодаря общимъ усиліямъ этихъ враговъ Бориса, удалось найти человѣка, который согласился назваться убитымъ царевичемъ; кромѣ того удалось собрать весьма значительныя боевыя силы и такъ настроить народъ въ сосѣднемъ государствѣ, что вскорѣ можно было съ успѣхомъ начать борьбу съ могущественнымъ московскимъ царствомъ.

Таинственный юноша, принявшій на себя роль убитаго Димитрія, появился сперва въ Кіевѣ въ 1601 году; вначалѣ онъ находился въ качествѣ черпеца въ Печерскомъ монастырѣ, потомъ проживалъ на дворѣ у князя Острожскаго, кіевскаго воеводы. Затѣмъ онъ находился въ Острожско-Троицкомъ монастырѣ въ Дерманѣ, откуда отправился въ Гощу, къ Гавріилу Гойскому, кіевскому каштеляну. Въ то время въ Гощѣ процвѣтала славная тогда аріанская школа. Димитрій учился тамъ нѣкоторое время; наконецъ, къ половинѣ 1602 года онъ переселился въ Брагинъ, во дворъ князя Адама Вишне-

вецкаго, и тутъ-то въ слѣдующемъ году открыто объявилъ себя претендентомъ на московскій престолъ.

Стараніями Вишневецкихъ и иныхъ покровителей Самозванца, уже въ январѣ 1604 года въ Лубнахъ на Запорожьѣ собралась весьма значительныя вооруженныя силы, состоящія исключительно изъ казачьихъ отрядовъ. Онъ намѣревался во главѣ этихъ войскъ въ мартѣ того же года вторгнуться въ границы Московскаго Государства; но его удержалъ Сигизмундъ III, значительно относившійся къ нему недружелюбно, нежели заинтересовавшійся имъ и, наконецъ, призвавшій его ко двору.

Вмѣстѣ съ Димитріемъ отправился въ Краковъ и князь Константинъ Вишневецкій, но прежде, чѣмъ ѣхать въ столицу, онъ поѣхалъ къ своему тестю въ Самборъ. Тутъ послѣ продолжительныхъ совѣщаній рѣшено было, что отцомъ Юрій Мнишекъ долженъ стать главнымъ совѣтникомъ и покровителемъ Самозванца.

Въ самборскомъ замкѣ Димитрій познакомился съ Мариной, дочерью воеводы. Безъ сомнѣнія, она произвела тогда же сильное впечатлѣніе на него, и во время перваго же своего пребыванія въ Самборѣ Самозванецъ просилъ ея руки.

Почти всѣ тогдашніе и позднѣйшіе писатели прославляютъ ея красоту и пріятельныя качества. Можно ли вѣрить имъ?

До сихъ поръ сохранились два портрета Марины. Одинъ изъ нихъ находится въ Петербургскомъ Эрмитажѣ, а другой недавно былъ перевезенъ изъ Вишневца въ Историческій Музей въ Москву. Оба портрета изображаютъ ее въ роскошномъ костюмѣ, увѣшанную золотыми цѣпями, съ діадемой на головѣ и въ большихъ испанскихъ брыжахъ по тогдашней модѣ.

На обоихъ портретахъ, хотя они отличаются другъ отъ друга въ деталяхъ костюма Марины, черты ея лица изображены одинаково: высокій и слегка выпуклый

лобъ, длинный носъ, маленькія сжатыя губы, слегка выступающій подбородокъ, овалъ лица несимметричный—внизу гораздо шире, нежели вверху, волосы черные, вовсе неотличающіеся густотой. Она была такого маленькаго роста, что, по словамъ Буссова, во время вторженія заговорщиковъ въ ея кремлевскіе покои, будто бы спряталась подъ юбкой своей гофмейстерины Казановской. Должно быть, главной прелестью Марины были ея большіе умные глаза, и они-то, вѣроятно, придавали больше всего прелести ея лицу, такъ какъ вообще черты его, изобличающія гордость, упрямство и мстительность, должны были производить скорѣе непріятное, чѣмъ пріятное впечатлѣніе.

Родители Марины, удивленные желаніемъ Димитрія, не отвергли его предложенія, а только отложили на нѣкоторе время осуществленіе его. Марина также отвѣтила ему согласіемъ. Какія же соображенія руководили ею въ рѣшеніи столь важнаго дѣла?

Нѣкоторые русскіе историки усматриваютъ на ея лицѣ признакъ хитрости и утверждаютъ, что черты ея лица обнаруживаютъ скорѣе холодный расчетъ, нежели склонность къ искреннимъ и страстнымъ чувствамъ. Итакъ, быть можетъ, въ этомъ случаѣ ея честолюбивыя мечты и желанія сыграли дѣйствительно главную роль. Въ пользу этого предположенія говоритъ и то обстоятельство, что наружность Димитрія была далеко непривлекательна.

По словамъ хорошо знавшихъ его писателей, роста онъ былъ ниже средняго, широкоплечій и вообще хорошаго сложенія. Лицо у него было круглое, смуглое, черты лица довольно неправильныя и очень вульгарныя, волосы рыжеватые. Безобразили его также двѣ бородавки—одна большая подъ носомъ, другая поменьше у праваго глаза, а также совершенное отсутствіе растительности на лицѣ.

Такимъ изображаютъ его писатели Масса, Маржеро и Немоевскій. Папскій нунцій, Клавдій Рангони, присовокупляетъ однако, что его бѣлыя, красивыя руки свидѣтельствовали о благородномъ происхожденіи и что вообще въ немъ было что-то необыкновенное. И если можно полагаться на портретъ Димитрія, недавно перевезенный изъ Виннівица въ Историческій Музей въ Москву, то его умные, вдумчивые глаза дѣйствительно придавали лицу какое-то особенное выраженіе.

Обаятельны были, вѣроятно, и многочисленныя, необыкновенныя качества Самозванца. Онъ отличался удивительно проницательнымъ, быстрымъ умомъ и высокимъ, благороднымъ честолюбіемъ. Въ личныхъ сношеніяхъ онъ былъ привѣтливъ и очень впечатлителенъ, а своимъ краснорѣчіемъ и манерами превосходно умѣлъ возбуждать симпатію. Онъ былъ одаренъ также неустрашимымъ мужествомъ: на охотахъ, любимомъ тогдашнемъ времяпровожденіи, онъ поражалъ всѣхъ, какъ наѣздникъ и необыкновенно ловкій силачъ. Правда, онъ не получилъ почти никакого образованія, но ни теперь, ни тѣмъ болѣе въ то время не было нужды въ учености для покоренія женскихъ сердецъ. Не достаточно ли было всѣхъ этихъ качествъ, въ особенности же обаянія царскаго происхожденія, столь мощно вліявшаго на тогдашніе умы, чтобы заручиться искренней симпатіей дочери воеводы?

Хотѣлось бы мнѣ дать категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ ради моихъ благосклонныхъ читательницъ, но долженъ заявить откровенно, что, придерживаясь строго источниковъ, въ настоящее время извѣстныхъ намъ, невозможно рѣшить, повиновалась ли Марина голосу сердца, обѣщая свою руку Димитрію, или же ею главнымъ образомъ руководило только честолюбіе и надежда на блестящее будущее.

Впрочемъ, наши рѣшенія являются зачастую слѣдствіемъ столькихъ разнородныхъ причинъ, что въ дан-

номъ случаѣ, очевидно, дѣйствовало и то, и другое: и спокойный, холодный расчетъ, и чувство искренней, хотя быть можетъ несовсѣмъ глубокой, симпатіи.

Гораздо легче угадать побудительныя причины, руководившія ея отцомъ.

Расточительная жизнь Мнишковъ поглощала столь крупныя суммы, что воевода постоянно испытывалъ денежныя затрудненія. Поэтому онъ не вноситъ королю откупныхъ платежей ни съ русскихъ соляныхъ копей, ни съ самборскаго старостетьа. Онъ оправдывается необходимостью безпрестанныхъ вкладовъ или убыткомъ въ доходахъ, причиненнымъ татарами, разбоями пограничныхъ солдатъ или стихійными бѣдствіями. Его тогдашняя переписка усѣяна жалобами и пререканіями по этому поводу и всевозможными оправданіями. Наконецъ, Сигизмундъ былъ до того возмущенъ этимъ, что рѣшилъ отдать самборскую экономію подъ секвестрацію или, быть можетъ, даже совсѣмъ ее отнять у воеводы.

Въ іюнѣ 1603 года онъ выслалъ одного изъ своихъ приверженцевъ въ Самборъ, чтобы привести въ исполненіе „экзекуцію декрета“, изданнаго по этому дѣлу. Тогда Мнишекъ, видя, что не помогутъ никакія просьбы и увертки, продалъ одно изъ своихъ „наслѣдственныхъ имѣній“ за 28,000 злотыхъ, и такимъ образомъ внесъ по крайней мѣрѣ часть считавшихся за нимъ прежнихъ недоимокъ. Но и впослѣдствіи положеніе его было въ высшей степени затруднительное, ибо онъ остался еще долженъ крупныя суммы королю. Изъ этого тяжелаго, быть можетъ даже отчаяннаго, положенія могъ онъ выйти лишь въ случаѣ какихъ-либо необыкновенныхъ событій, а именно — предложивъ свои услуги какому-нибудь новому государю, который согласился бы щедро вознаградить ихъ.

Такой награды онъ могъ ждать отъ этого преемника на московскій престолъ, появившагося въ

февраль 1604 года неожиданно въ его домъ, если бъ послѣднему на самомъ дѣлѣ удалось „вновь пріобрѣсти свои наслѣдственныя земли и сѣсть на престолъ своихъ предковъ“.

Эти соображенія и привели Мнишка къ близкой связи съ симъ авантюристомъ и толкнули его на столь трудный и опасный путь.

Въ концѣ того же мѣсяца воевода отправился вмѣстѣ съ Димитріемъ и своимъ зятемъ въ Краковъ, гдѣ, благодаря стараніямъ Мнишка, Самозванецъ вскорѣ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Обольщеніе шло такъ ловко, что имъ послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ столицѣ удалось заручиться не только благосклонностью Сигизмунда и нѣсколькихъ именитыхъ польскихъ вельможъ, но еще и покровительствомъ папскаго нунція и ордена іезуитовъ, которые уже въ то время располагали весьма могущественнымъ и обширнымъ вліяніемъ и связями.

Въ маѣ оба вернулись въ Самборъ. Съ помощью родственниковъ и друзей Юрій немедленно началъ приготовленія къ походу Димитрія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался также обезпечить себѣ и дочери своей блестящую будущность взамѣнъ за оказанныя услуги.

Уступая его желаніямъ, Самозванецъ обязался въ запискѣ отъ 25 мая того же года жениться на Маринѣ и подарить ей изъ царской казны много „серебра столоваго и лучшихъ драгоцѣнностей“, а ея отцу—милліонъ польскихъ злотыхъ на уплату долговъ и на путевыя издержки своей будущей супруги. Кромѣ того Димитрій обѣщалъ, что тотчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ вышлетъ къ королю посольство, прося ея руки, а въ качествѣ вѣна отдастъ ей Псковъ и Новгородъ съ правомъ полновластнаго управленія этими двумя княжествами.

Въ половинѣ сентября „царевичъ“ отправился въ походъ къ московской границѣ. Его армія возрастала

почти ежедневно и уже при въѣздѣ въ Кіевъ насчитывала до 20,000 солдатъ. Весьма удачны были также и первыя военныя дѣйствія: цѣлый рядъ крѣпостей и городовъ, какъ то: Моравскъ, Черниговъ, Путивль, Курскъ, Рыльскъ и Кромы, добровольно сдались ему, а первая битва подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ закончилась рѣшительнымъ пораженіемъ Годунова.

Несмотря на эту побѣду, въ войскѣ Самозванца было далеко неспокойно, особенно же въ польскихъ рекрутскихъ ротахъ, которыя все упорнѣе добивались выплаты имъ просроченнаго жалованья; въ заключеніе среди нихъ вспыхнулъ даже открытый бунтъ, и онѣ покинули лагерь Димитрія.

Эти неудачи убѣдили Мнишка въ томъ, что завоеваніе колоссальнаго Московскаго Государства не можетъ осуществиться ни быстро, ни особенно легко и что для веденія дальнѣйшей борьбы съ Борисомъ слѣдуетъ непремѣнно располагать болѣе значительными матеріальными средствами и новыми наборами увеличить армію „царевича". Съ этой цѣлью онъ въ половинѣ января 1605 года выѣхалъ изъ лагеря въ Польшу. Вернувшись въ Самборъ, сандомірскій воевода немедленно и занялся этими вопросами.

Во время его пребыванія въ Польшѣ произошли важныя событія въ Сѣверской землѣ.

31-го января было дано генеральное сраженіе подъ Добрыничами, гдѣ Самозванца постигла жестокая неудача: его армія была совершенно разбита, и самъ онъ лишь съ трудомъ спасся. Онъ бѣжалъ сперва въ Рыльскъ, а потомъ въ Путивль, откуда выслалъ гонцовъ къ Мнишку и къ инымъ своимъ друзьямъ въ Польшу съ просьбой немедленно притти ему на помощь. Вначалѣ положеніе его было весьма критическое: въ Путивлѣ, по свидѣтельству очевидцевъ, въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ недѣль царило непрерывно тревожное настроеніе. Но и въ войскѣ Бориса, и въ са-

моей Москвѣ слишкомъ много было приверженцевъ „царевича“: безъ сомнѣнія численность ихъ оказала рѣшительное вліяніе на событія. Несомнѣнно имъ-то и слѣдуетъ приписать, что не только не была использована побѣда подъ Добрыничами, но и то, что ему снова сдались въ началѣ марта многія крѣпости и города. Когда же 23-го апрѣля внезапно умеръ Годуновъ, въ его арміи, осаждавшей Кромы, вспыхнулъ открытый бунтъ, и большая часть ея тотчасъ же сдалась „царевичу“. Вскорѣ прибыло также посольство изъ Путивля, состоящее изъ представителей „всѣхъ уѣздовъ“, которое торжественно признало Димитрія своимъ законнымъ государемъ.

Между тѣмъ вѣсти, приходившія въ Польшу съ поля битвы, должны были произвести угнетающее впечатлѣніе въ Самборѣ. Жестокая неизвѣстность царила весь апрѣль и весь май, и только въ іюнѣ пришли вѣсти отъ Самозванца, который доносилъ о смерти Годунова, о сдачѣ ему Борисовой арміи и о своемъ побѣдоносномъ походѣ на Москву.

Самымъ желаннымъ его письмомъ для воеводы было, вѣроятно, то, въ которомъ онъ совѣтовалъ, чтобы воевода, „отложивши этотъ наборъ военный“, къ нему „въ Москву соблаговолилъ поспѣшить для болѣе веселаго времяпровожденія“. „Мы то“—заключаетъ „царевичъ“—„что сообща рѣшили, неотмѣнно вскорѣ хотимъ осуществить. Поэтому, лишь только Господь Богъ водворитъ насъ въ столицѣ покойныхъ предковъ нашихъ, мы задумали немедленно послать къ вашей милости“.

Дальнѣйшія событія были рядомъ блестящихъ тріумфовъ Димитрія. 30-го іюня совершился его торжественный въѣздъ въ столицу; мѣсяцъ спустя, мать истиннаго царевича всенародно признала въ немъ своего сына, а московскій патріархъ вѣнчалъ его на царство.

И по вступленіи на престолъ связь Самозванца, его съ семьей Мнишковъ оставалась весьма тѣсной. Онъ пи-

салъ къ нимъ часто и посылать столь крупныя суммы воеводѣ, что панъ Юрій, наконецъ, совершенно выплатилъ королю всѣ тяготѣвшія на немъ недоимки за самборское староство. Также искренне желалъ Димитрій выполнить свои прочія обязательства въ отношеніи къ Маринѣ и ея отцу.

Съ этой цѣлью въ началѣ ноября того же года прибыло въ Краковъ торжественное московское посольство. Во главѣ его находился Аѳанасій Власьевъ, царскій канцлеръ и казначей, который на частной аудіенціи у короля заявилъ, что его господинъ и царь рѣшилъ жениться на дочери сандомірскаго воеводы и просилъ Сигизмунда, чтобы онъ для этого разрѣшилъ Маринѣ и ея отцу выѣхать въ Москву.

22-го ноября состоялось въ Краковѣ бракосочетаніе Марины съ Димитріемъ. Это торжество было обставлено такъ великолѣпно, подарки, присланные царемъ невѣстѣ, ея отцу и Сигизмунду, вызвали столь единодушное удивленіе, что вѣсть объ этой свадьбѣ разнеслась по всей Европѣ, и всюду прогремѣла слава о необыкновенныхъ богатствахъ и силѣ Самозванца.

Черезъ нѣсколько дней Бернарду Маціевскому была торжественно вручена кардинальская шляпа, какъ разъ къ этому времени присланная ему папой. Эту церемонію совершилъ въ церкви Пресвятой Дѣвы Маріи папскій нунцій Клавдій Рангони въ присутствіи какъ московской царицы, такъ и многихъ королевскихъ сенаторовъ и дворянъ. Для Марины было приготовлено почетное мѣсто на возвышеніи подъ балдахиномъ, передъ ней, на скамьяхъ, застланныхъ великолѣпнымъ ковромъ, сидѣло нѣсколько почтенныхъ матронъ и дѣвушекъ, составлявшихъ ея свиту. Многіе возмущались этой пышностью, свидѣтельствовавшей о гордости дочери воеводы и сулившей ей зловѣщее будущее.

Вскорѣ появились и предвѣстники этой быстро надвигавшейся грозы, которой суждено было обратить во

прахъ всѣ стремленія воеводы, проведенныя имъ столь ловко и съ такими усиліями.

Въ половинѣ января (1606 г.) прибылъ въ Краковъ царскій гонецъ Иванъ Безобразовъ, который фамильярно-горько сѣтовалъ на Димитрія и заявилъ, что бояре рѣшили свергнуть его, и даже отъ ихъ имени предложилъ царскій вѣнецъ Владиславу. Такія же вѣсти привезъ также и одинъ изъ ротмистровъ Самозванца, возвратившійся къ этому времени въ Польшу.

Хотя Безобразовъ обставилъ свою миссію глубокой тайной, о ней вскорѣ узналъ воевода; поэтому онъ, не смотря на свое обѣщаніе прибыть съ Мариной въ Москву черезъ нѣсколько недѣль послѣ ея бракосочетанія, долгое время откладывалъ отъѣздъ. Онъ надѣялся, что тѣмъ временемъ благополучно пройдетъ гроза, предреченная Борисомъ и Безобразовымъ.

Дочь его также не торопилась ѣхать къ своему супругу, но по причинамъ совершенно иного характера. Въ Польшу часто приходили вѣсти о слишкомъ разгульной жизни Димитрія, главнымъ образомъ о его многочисленныхъ связяхъ съ прекраснымъ поломъ. Особымъ вниманіемъ Самозванца пользовалась несчастная Ксенія, дочь Бориса, въ то время жившая въ царскомъ дворцѣ. Эти извѣстія сильно оскорбляли чувство Марины; поэтому-то она медлила съ отъѣздомъ и даже совсѣмъ не отвѣчала на письма Димитрія.

Въ концѣ концовъ воевода, уступая, вѣроятно, усиленнымъ просьбамъ его, въ мартѣ собрался въ путь вмѣстѣ съ дочерью. Ихъ сопровождало весьма многочисленное общество родственниковъ, друзей и придворныхъ.

Это путешествіе было рядомъ почти безпрестанныхъ овацій Маринѣ; вездѣ ее привѣтствовали, какъ московскую царицу, а ея въѣздъ въ столицу обставили также весьма торжественно.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи ея въ Москву (18 мая) совершилась коронація и вторичное бракосо-

сочетаніе Марины съ Димитріемъ. Оба эти обряда совершалъ самъ Игнатій, московскій патріархъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Марина пріобщалась св. Таинъ изъ рукъ патріарха по обряду восточной церкви, хотя не получила никакого разрѣшенія на это отъ папы. Итакъ, стремленіе стать московской царицей было у нея гораздо сильнѣе привязанности къ католической церкви, въ пользу которой напрасно такъ усиленно старались настроить ее папа Павелъ V и въ особенности Іезуиты.

Въ послѣдующіе дни устраивались великолѣпныя свадебныя торжества и пиршества, происходившія либо среди многочисленнаго общества высшихъ сановниковъ и приглашенныхъ гостей, либо въ болѣе тѣсномъ кругу родныхъ и друзей Димитрія. На этихъ пирахъ было очень весело, а музыка и пѣніе, къ немалому соблазну народа, громко раздавались въ строгихъ стѣнахъ дворца. Собирались организовать еще рядъ иныхъ увеселеній и празднествъ, какъ-то маскированный балъ, турниры и проч., но всему этому положило конецъ внезапное возстаніе, давно уже приготовляемое Шуйскими. Какъ извѣстно, на разсвѣтѣ 27-го мая заговорщики ворвались въ Кремль и послѣ непродолжительной борьбы убили Самозванца.

Со смертью Димитрія кончилось время блестящихъ тріумфовъ Марины. Съ этой минуты ея удѣломъ должна была стать жизнь, исполненная тяжелыхъ испытаній и случайностей и закончившаяся даже трагической смертью.

II.

Рѣзня въ Москвѣ.—Избраніе Василія Шуйскаго.—Происки его враговъ. Шуйскій старается упрочить свою власть.—Привезеніе мощей царевича Димитрія.—Мятежи въ столицѣ.—Бунтъ въ Сѣверской землѣ.

Хотя побѣда Димитрія въ борьбѣ съ Борисомъ избавила Москву отъ ненавистнаго ей рода Годуновыхъ, она все же не удовлетворила высшаго класса москов-

скихъ бояръ. Этотъ слой общества, хотя уже немногочисленный въ то время, но располагавшій еще обширными связями и могучими средствами, состоялъ исключительно изъ потомковъ Рюрика и Гедимина. Послѣ смерти Бориса эти князья старались вновь возвратить въ свои руки то положеніе, которымъ они пользовались при Иванѣ Грозномъ. Во время разыгравшихся событій весьма важную роль сыграли Шуйскіе, принадлежавшіе къ именитѣйшему изъ княжескихъ родовъ. Они происходили отъ удѣльныхъ суздальскихъ князей, и послѣ смерти Ѳеодора, сына Ивана Грознаго, съ полнымъ правомъ могли считать себя законными наслѣдниками московскаго престола.

Въ царствованіе Годунова поведеніе ихъ было удивительно неясно и двусмысленно. На видъ они были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, а на самомъ дѣлѣ искренне одобряли усилія его враговъ. Старшій изъ нихъ, Василій, много содѣйствовалъ окончательной побѣдѣ Самозванца. Вѣроятно, онъ полагалъ, что послѣ упадка Годуновыхъ будетъ несравненно легче добиться вѣнца, и что легко можно будетъ свергнуть Димитрія, если объявить его обманщикомъ и авантюристомъ.

Уже въ концѣ іюня (1605 г.) Шуйскіе стали дѣйствовать въ этомъ смыслѣ и составили заговоръ на его жизнь. Но ихъ заговоръ очень скоро былъ обнаруженъ, и Василій чуть не поплатился жизнью за свои дерзновенныя поползновенья, ибо судъ, созванный спеціально по этому дѣлу, рѣшилъ покарать его смертью. Но Димитрій, желая пріобрѣсти расположеніе Шуйскихъ, только сослалъ ихъ въ изгнаніе, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ снялъ съ нихъ даже и эту кару.

Въ ноябрѣ того же года вернулись Шуйскіе въ Москву. Пережитыя ими тяжелыя испытанія не примирили ихъ однако съ Самозванцемъ а только научили

дѣйствовать осторожнѣе. Съ этихъ поръ они медленно, но систематически, шли къ осуществленію своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Къ несчастью, самъ Димитрій своимъ поведеніемъ весьма облегчилъ ихъ задачу. Кромѣ членовъ именитѣйшихъ боярскихъ родовъ, имъ вскорѣ удалось заручиться союзничествомъ большей части духовенства и жителей столицы; а когда, послѣ прибытія Марины, были организованы весьма шумныя свадебныя торжества, и дерзкое удальство поляковъ вызвало почти всеобщее неудовольствіе, 27-го мая (1606 г.) на разсвѣтѣ вспыхнулъ открытый бунтъ.

Царица, предупрежденная Димитріемъ о грозящей ей опасности, бѣжала изъ своихъ покоевъ и укрылась въ помѣщеніи, служившемъ спальней ея свитѣ. Но и сюда вскорѣ проникли заговорщики, которые тотчасъ же выломали запертую дверь. Ужасъ Марины былъ тѣмъ значительнѣе, что она была лишена почти всякой защиты. Одинъ лишь ея лакей, Янъ Осмульскій, ставъ у дверей, долго и храбро сопротивлялся нападавшимъ и палъ въ неравной борьбѣ отъ смертельной раны изъ винтовки. Тогда чернь бросилась на него, разрубила на части, затѣмъ, ворвавшись въ комнату, стала все истреблять и грабить съ неслыханнымъ ожесточеніемъ. Въ то же время заговорщики, осыпая испуганныхъ женщинъ самыми грубыми эпитетами, спрашивали у нихъ:

— „Гдѣ вашъ Царь и ваша Царица?“

На это имъ отвѣчала ея гофмейстерина, Казановская:

— „Ея Величество Царицу мы проводили сегодня утромъ къ ея отцу, пану воеводѣ, а гдѣ Царь, объ этомъ вамъ лучше знать“.

Къ счастію для Марины подоспѣло нѣсколько знатныхъ бояръ, которые прекратили дальнѣйшія насилія и разогнали чернь, а для охраны приставили къ Маринѣ стражу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они велѣли опечатать всѣ вещи, принадлежащія и ей, и ея свитѣ, такъ что несчастныя женщины, лишившись почти всего, остались

въ однѣхъ сорочкахъ. Одна изъ нихъ, пани Хмѣлевская, раненая во время нападенія, черезъ нѣсколько дней даже умерла.

Въ это же время во всѣхъ частяхъ города, гдѣ квартировали поляки, началея ожесточенный бой.

На Никитской и смежныхъ съ нею улицахъ квартировала свита царицы. Не смотря на значительную численность ея слугъ и домашнихъ, ихъ положеніе оказалось весьма затруднительнымъ, ибо, будучи разбросаны по разнымъ квартирамъ, они не могли притти на помощь другъ другу. Многіе изъ нихъ, застигнутые во снѣ, были тотчасъ же умерщвлены и совершенно ограблены. Другимъ, храбро защищавшимся, предводители поклялись, что лишь только они сдадутъ оружіе, ихъ отпустятъ невредимыми. И нашлись легковѣрные, повѣрившіе этимъ обманчивымъ обѣщаніямъ. Тогда разъяренная черни бросалась на безоружныхъ и тотчасъ же убивала ихъ, нерѣдко издѣваясь самымъ ужаснымъ образомъ. Здѣсь удалось спастись только тѣмъ, которые не довѣряя никакимъ обѣщаніямъ, мужественно защищались до конца.

Съ неменьшимъ остервенѣніемъ бросилась чернь и на дворы, въ которыхъ стояли польскіе вельможи. Но тутъ борьба оказалась для нея гораздо труднѣе, такъ какъ въ этихъ дворахъ находилось извѣстное число польскихъ солдатъ, значительно превосходившихъ ее выучкой и вооруженіемъ. Поэтому почти всѣмъ, не сдавшимся добровольно, удалось въ концѣ концовъ дать отпоръ нападавшимъ.

Самый горячій бой кипѣлъ возлѣ квартиры князя Константина Вишневецкаго. Его придворные защищались на столько храбро, что уложили будто бы „до трехсотъ москвичей“.

Удалось также спастись самому воеводѣ сандомірскому, его брату, сыну и племяннику, а также и многимъ другимъ.

Въ этой рѣзнѣ погибло до пятисотъ поляковъ. Нѣтъ однако сомнѣнія въ томъ, что число жертвъ было бы несравненно больше, еслибъ бояре послѣ убіенія Димитрія не разсѣялись по городу, удерживая черезъ отъ дальнѣйшихъ нападеній.

Вообще въ настоящемъ случаѣ члены именитѣйшихъ княжескихъ родовъ всюду выступали въ качествѣ представителей законной власти и почти вездѣ добились повиновенія. Они намѣревались воспользоваться этимъ моментомъ, чтобы вновь пріобрѣсти свое прежнее значеніе.

Въ тотъ же день вечеромъ собрались въ Кремлѣ главари заговора и тамъ, по словамъ Немоевскаго, „всю ночь совѣщались“. Тутъ-то, вѣроятно, было рѣшено, какъ можно скорѣе провести избраніе Василія Шуйскаго.

Черезъ два дня (29 мая) „лишь только разсвѣло“, бояре опять съѣхались во дворецъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ состоялось упомянутое избраніе. Отсюда они отправились на Красную площадь. Тутъ разсказываетъ Масса— одинъ изъ нихъ съ Лобнаго мѣста возвѣстилъ толпамъ собравшихся столичныхъ жителей, что они только что избрали новаго царя и что выборъ ихъ палъ на Василія Шуйскаго. Его сторонники увѣряли, что онъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для столь высокаго сана и уже неоднократно подвергалъ свою жизнь опасности для блага родины. Наконецъ, тотъ же ораторъ спросилъ у собравшихся, подтверждаютъ ли они выборъ бояръ, а когда собраніе, состоявшее преимущественно изъ ихъ приверженцевъ, громкими криками выразило одобреніе, бояре, вмѣстѣ съ Шуйскимъ, отправились въ Успенскій Соборъ, гдѣ новый царь принесъ торжественную присягу въ томъ, что будетъ пользоваться своей властью лишь для общаго блага.

Такъ совершился этотъ важный актъ, который вскорѣ долженъ былъ сопровождаться столь печальными для

Москвы послѣдствіями. Его провели съ такой поспѣшностью, что уже въ полдень во всѣхъ церквахъ города звонили въ колокола, въ знакъ радости по поводу благополучно совершившагося избранія.

Не смотря на столь легкую побѣду, Василій очутился вскорѣ въ положеніи весьма затруднительномъ. Ибо на самомъ дѣлѣ онъ совсѣмъ не былъ одаренъ качествами, необходимыми для управленія государствомъ при столь тяжелыхъ условіяхъ.

Одна уже его наружность не могла производить благопріятнаго впечатлѣнія. Небольшого роста, лысый и полный, съ хитрымъ выраженіемъ лица, честолюбивый старикъ этотъ никого не могъ плѣнить своей внѣшностью. Одаренный живымъ умомъ, но недовѣрчивый и подозрительный, онъ окружалъ себя обществомъ наушниковъ, на мнѣніе которыхъ полагался совершенно. Кромѣ того, любя чтеніе старыхъ книгъ, онъ какъ будто презиралъ военныхъ и охотно предавался тайнамъ чернокнижія. Современники упрекали его въ упрямствѣ, склонности къ жестокостямъ и въ чрезмѣрной скупости, чѣмъ онъ также возбудилъ недовольство многихъ.

Его положеніе было тѣмъ затруднительнѣе, что поддерживали его, собственно говоря, одни лишь члены княжескихъ боярскихъ родовъ да часть столичныхъ жителей, которыхъ удалось привлечь на его сторону.

Народъ же вообще относился къ нему безразлично, быть можетъ, даже враждебно; главнымъ же образомъ недружелюбно относилось къ нему то многочисленное боярство, которое не принадлежало къ высшимъ слоямъ московской аристократіи. И прямо-таки враждебно были настроены главари той партіи, дѣломъ которой было провозглашеніе Самозванца, а равно и всѣ, имѣвшіе съ нимъ болѣе близкія сношенія.

Слѣдуетъ обратить особое вниманіе на то обстоятельство, что подобные люди занимали въ то время цѣлый

рядъ высокихъ должностей. Шуйскій старался ослабить ихъ вліяніе, лишая ихъ занимаемыхъ ими мѣстъ. Такимъ образомъ, Михаила Нагого лишили должности великаго царскаго конюшаго, а князя Хворостина, который состоялъ кравчимъ у Димитрія, заперли въ монастырь. Иныхъ удалили изъ Думы, разсылая ихъ воеводами по отдаленнымъ городамъ: князя Рубецъ-Масальскаго послали въ Корелу, Салтыкова въ Новгородъ, Бѣльскаго въ Казань, Власьева въ Уфу. Но Василій вскорѣ убѣдился въ томъ, что этимъ путемъ ему не удалось обезсилить ихъ, и что его враги немедленно и такимъ же образомъ, какъ съ Борисомъ, начали борьбу и съ нимъ.

Уже черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Димитрія стали ходить вѣсти, что не онъ именно былъ убитъ, а что, вмѣсто него, умертвили очень похожаго на него сына какого-то нѣмца или поляка, котораго застали въ его спальной во время нападенія на Кремль. Говорили, что трупъ, который публично былъ выставленъ подъ видомъ останковъ царя, былъ снабженъ густой бородой, хотя и выбритой, но все же ясно замѣтной,— въ то время какъ Самозванецъ, по общему признанію, былъ лишенъ всякой растительности. Кромѣ того, говорили, будто бы Димитрій, за нѣсколько часовъ до вспышки бунта бѣжалъ изъ Москвы вмѣстѣ со своимъ любимцемъ Молчановымъ, и что сдѣлалъ онъ это съ цѣлью убѣдиться, кто изъ его подданныхъ искренно вѣренъ и доброжелателенъ къ нему.

Для подтвержденія этого столь неправдоподобнаго факта говорили, что въ полночь, по приказанію Димитрія, вывели изъ конюшни 3-хъ турецкихъ лошадей, и что на другой день ихъ нигдѣ не нашли. Слугу, который вывелъ ихъ, будто бы, по приказанію Шуйскаго, подвергли пыткѣ и замучили до смерти

Бѣгущаго Самозванца узнали будто бы на нѣсколькихъ почтовыхъ станціяхъ, гдѣ онъ мѣнялъ лошадей

а владѣлецъ того дома, гдѣ онъ остановился впервые послѣ бѣгства изъ Москвы, будто бы разговаривалъ съ нимъ и даже привезъ его собственноручное письмо въ Москву. Въ письмѣ этомъ Димитрій жаловался на неблагодарность своихъ подданныхъ, не сумѣвшихъ оцѣнить надлежащимъ образомъ его милости и благодѣянія; въ заключеніи онъ писалъ, что вскорѣ вернется въ Москву и строго ихъ покараетъ за это.

Черезъ недѣлю послѣ убіенія Самозванца появились еще въ большемъ количествѣ письма подобнаго содержанія, доносящія о спасеніи Димитрія и будто бы написанныя имъ самимъ. Эти письма прикрѣплялись къ воротамъ боярскихъ домовъ, разбрасывались по улицамъ и общественнымъ площадямъ.

Такого рода вѣсти, по словамъ Буссова, распространялъ между прочимъ князь Григорій Шаховской, который какъ въ это время былъ назначенъ Шуйскимъ воеводой въ Путивль и отправился въ Сѣверскую землю.

Когда онъ подъ Серпуховымъ съ двумя товарищами переправился черезъ Оку, то будто бы далъ перевозчику шесть польскихъ злотыхъ и спросилъ его, знаетъ ли онъ того, съ кѣмъ говоритъ въ эту минуту?

Перевозчикъ отвѣчалъ на это:

— „Господинъ мой, я не знаю никого изъ васъ“.

Тогда Шаховской будто бы сказалъ:

— „Послушай, любезный! Никому этого не сказывай, но знай, что ты перевозилъ Димитрія, царя всей Руси“!

Съ этими словами онъ указалъ на одного изъ своихъ товарищей и прибавилъ:

— „Вотъ онъ, тотъ юноша, котораго хотѣли погубить жители столицы! Слава Богу, что ему удалось спастись. Мы ѣдемъ въ Польшу, чтобы оттуда привести войско и, если Богъ снова поможетъ намъ, мой господинъ щедро вознаградитъ тебя“.

Подобный же разговоръ произошелъ будто бы въ Серпуховѣ между княземъ Шаховскимъ и какой-то нѣмкой, у которой онъ остановился по пути, чтобы немного закусить. Послѣ обѣда онъ далъ ей горсть денегъ и сказалъ:

— „Пока удовольствуйся этимъ. Приготовь хорошіе меды и водки, ибо, если будетъ на то Божья воля, мы вскорѣ возвратимся сюда съ большимъ войскомъ, но вамъ, нѣмцамъ, опасаться нечего“!

Сильно удивленная этими словами женщина спросила:

— „Что вы за люди? Вы говорите такія странныя вещи“!

— „Я“—будто бы отвѣтилъ Шаховской:—„только князь московскій, но скажу тебѣ, что теперь ѣлъ и пилъ у тебя нашъ царь Димитрій, противъ котораго подняли мятежъ жители Москвы и хотѣли убить его. Но съ Божьей помощью ему удалось бѣжать; онъ оставилъ другого вмѣсто себя, котораго и убили на самомъ дѣлѣ. Вскорѣ мы снова будемъ у васъ“!

Такимъ же образомъ поступалъ князь Шаховской и въ другихъ постоялыхъ дворахъ, гдѣ онъ останавливался во время этого путешествія.

Кажется, что и поляки, желая отомстить Шуйскому, распускали подобные же слухи. Такъ, Станиславъ Бучинскій, одинъ изъ секретарей Димитрія, будто бы утверждалъ, что 27-го мая исчезъ изъ Москвы одинъ молодой боярипъ, любимецъ Самозванца, и что даже по усмиреніи мятежей, его нигдѣ не удалось найти. Говорили, что этотъ боярипъ на столько былъ сходенъ съ Димитріемъ, что отличался лишь присутствіемъ растительности на лицѣ.

Маржерэ приводитъ также разсказъ одного француза, который былъ поваромъ у сандомірскаго воеводы и тоже распространялъ подобныя вѣсти. Этотъ французъ сказалъ ему, что Марина была совершенно убѣждена въ

спасеніи своего мужа, и что съ той минуты, какъ узнала объ этомъ, сдѣлалась несравненно веселѣе прежняго.

Эти слухи и разсказы пользовались тѣмъ болѣе общимъ довѣріемъ, что народъ благосклонно относился къ Димитрію, и что именно въ это время на Москву обрушились весьма жестокія и необычайныя стихійныя бѣдствія, которыя, при необыкновенномъ суевѣріи тогдашняго общества, поддерживали странное, непормальное настроеніе умовъ среди большинства жителей. Такъ, черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Димитрія наступили столь сильные холода, что во всей почти странѣ посѣвы были уничтожены.

Это бѣдствіе особенно сильно обрушилось на ближайшія окрестности Москвы. „Окрестъ Москвы на разстояніи двадцати миль“ —пишетъ Масса—„всѣ растенія, какъ злаки, такъ деревья и кустарники, высохли на верхушкахъ, какъ будто спаленныя огнемъ. Даже ели, которыя постоянно зелены и зимой, и лѣтомъ, стояли какъ будто съ обожженными верхушками и молодыми побѣгами, что представляло весьма печальное зрѣлище. Москвичи (а именно сторонники Шуйскаго), глядя на это, утверждали вначалѣ, что это покойный царь съ помощью сатаны спускался на землю, желая околдовать ихъ страну. Чтобы помѣшать этому, рѣшено было сжечь его останки. И дѣйствительно, ихъ вырыли, вывезли за городъ и сожгли, и „вѣтры разсѣяли прахъ его“. Но холода все же не прекращались; тогда люди „въ величайшемъ изумленіи глядѣли другъ на друга, и ничѣмъ ужъ не могли объяснить это бѣдствіе“.

Видя такое смятеніе умовъ въ народѣ, Шуйскій рѣшилъ пустить въ ходъ всѣ средства, чтобы убѣдить своихъ подданныхъ въ томъ, что Димитрій былъ не только обманщикомъ, но вреднымъ и опаснымъ человѣкомъ, поэтому его и слѣдовало убить.

Уже по прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ своего вступленія на престолъ онъ разсылалъ по всему госу-

дарству грамоты, написанныя отъ своего имени, отъ имени бояръ и царицы Марѳы, матери убитаго нѣкогда въ Угличѣ царевича, въ которыхъ, извѣщая о своемъ избраніи, осыпалъ вмѣстѣ съ тѣмъ Самозванца самыми тяжелыми обвиненіями. Въ этихъ письмахъ Василій утверждалъ, что онъ вовсе не былъ сыномъ Ивана Грознаго, а Гришкою Отрепьевымъ, обманщикомъ, еретикомъ и чернокнижникомъ, что онъ намѣревался уничтожить въ Москвѣ православную вѣру и ввести латинскую и лютеранскую, что онъ съ этой цѣлью поддерживалъ тайныя сношенія съ Польшей и папой;— наконецъ, что онъ даже собирался раздробить все государство на части и нѣкоторыя изъ нихъ подарить Мнишкамъ, а земли Смоленскую и Сѣверскую уступить польскому королю.

Кромѣ этихъ болѣе или менѣе обоснованныхъ упрековъ, Шуйскій распространялъ вещи, совершенно уже вымышленныя. Такъ, онъ обвинялъ Димитрія въ намѣреніи умертвить всѣхъ именитыхъ бояръ. Это должно было произойти въ воскресенье, 28-го мая, когда Самозванецъ въ ихъ обществѣ, а также въ сопровожденіи ротъ польскихъ рекрутовъ собирался ѣхать за городъ яко бы для военныхъ упражненій. Поляки отправились бы вооруженными, а бояре по обыкновенію выѣхали бы безъ оружія. Тогда-то въ условленный моментъ, поляки должны были броситься на нихъ и всѣхъ перебить, а именно: Ѳеодора Мстиславскаго долженъ былъ убить Михаилъ Ратомскій, Шуйскихъ —Тарло и Стадницкіе, иныхъ, менѣе именитыхъ, Мнишки, Домарадскій и другіе. Въ общемъ тогда должны были погибнуть до двухсотъ бояръ. Послѣ убіенія ихъ высшія должности достались бы сандомірскому воеводѣ, сыну его Станиславу, князю Константину Вишневецкому, Тарло, Стадницкимъ, а также иным друзьямъ Самозванца, которыхъ съ этой цѣлью вызвали изъ Польши.

Говорили, что Василій узналъ объ этомъ по сообщеніямъ 2-хъ самыхъ интимныхъ секретарей Димитрія, Яна и Станислава Бучинскихъ. Однако не подлежитъ сомнѣнію, что какъ это обвиненіе вообще, такъ и всѣ вышеприведенныя подробности были вымышлены Шуйскимъ, равно какъ поддѣльны были и мнимыя сообщенія Бучинскихъ, разосланныя потомъ въ грамотахъ по всему государству.

Такія же обвиненія читались въ Москвѣ всенародно съ Лобнаго мѣста, въ присутствіи заранѣе вызванныхъ сюда для этой цѣли жителей столицы. Кромѣ того, Димитрія осыпали еще иными упреками. Такъ, говорили, что онъ пренебрежительно относился къ именитѣйшимъ боярамъ, даже открыто высказывалъ имъ свое презрѣніе. Поэтому имъ, въ случаѣ надобности видѣть его, неоднократно приходилось, долго ожидать у воротъ дворца, куда ихъ не впускали его тѣлохранители, въ то время, какъ полякамъ безпрепятственный доступъ къ нему былъ разрѣшенъ всегда. Сильно жаловались также на поведеніе польскихъ вельможъ и солдатъ, которые дерзко оскорбляли мѣстныхъ жителей и не гнушались даже насилій. И самъ Димитрій будто бы своей расточительностью причинилъ невознаградимыя потери царской казнѣ, тратя какъ текущіе доходы, такъ и громадныя суммы, накопленныя предшествовавшими царями. Ему также ставили въ вину то, что въ апрѣлѣ того же года появился на Волгѣ нѣкій Петрушко, утверждавшій, что онъ племянникъ его и сынъ Ѳеодора, послѣдняго изъ потомковъ Мономаха. Этотъ новый самозванецъ, собравъ будто бы нѣсколько тысячъ казаковъ, ужасно опустошилъ Поволжье. Наконецъ, Димитрія упрекали въ весьма распутной жизни и въ различныхъ святотатствахъ, которыми онъ оскорблялъ православную церковь.

Тогда же распространялись подробные разсказы о предыдущей жизни Гришки Отрепьева, который, по

увѣренію бояръ, и сталъ впослѣдствіи Димитріемъ, сѣвшимъ на Московскій престолъ.

Вмѣстѣ съ этимъ вывели всенародно передъ толпу вотчима этого Отрепьева, его мать и брата, что бы они подтвердили истину разсказа. „Эти люди"—пишетъ Русель —„ничѣмъ не походили на Самозванца и Богъ одинъ знаетъ, не подговорили ли ихъ, чтобы они такого рода вещи утверждали передъ всѣмъ народомъ. Но я смѣло утверждаю, что самъ видѣлъ, какъ они цѣловали крестъ и клялись въ томъ, что убитый царь назывался Григоріемъ и что онъ до этого былъ монахомъ въ Чудовомъ монастырѣ". А такъ какъ въ Москву, вмѣстѣ съ Димитріемъ, прибылъ также и подлинный Гришка Отрепьевъ, то утверждали, что это былъ, собственно говоря, другой черецъ, а именно Пименъ, или Леонидъ, который, по приказу Димитрія, принялъ его имя, за что и получилъ щедрую награду.

Однако всѣ эти разсказы, не смотря на торжественныя завѣренія бояръ, не встрѣчали сочувствія въ народѣ и не производили соотвѣтствующаго впечатлѣнія. Положеніе новаго царя не укрѣпилось и послѣ его короноваціи, которое совершилось черезъ 2 дня (11-го іюня) и—какъ говоритъ Дьяментовскій —„прошло довольно жалкимъ образомъ", ибо во время этой церемоніи „было много крестьянъ, но мало бояръ".

Большого вліянія на утвержденіе своей власти ждалъ Шуйскій отъ перенесенія мощей убитаго пятнадцать лѣтъ тому назадъ царевича Димитрія Іоанновича, и съ этой цѣлью, черезъ нѣсколько дней послѣ своего избранія, онъ выслалъ въ Угличъ нѣсколькихъ епископовъ и архимандритовъ, а также именитыхъ бояръ.

По распоряженію этихъ сановниковъ приступили къ открытію его гроба. „Тогда" — писалъ Шуйскій въ своихъ грамотахъ, разосланныхъ по всему государству—„церковь наполнилась удивительнымъ благоуханіемъ, а тѣло князя Димитрія Ивановича оказалось

ственно заявляли Шаховской и Болотниковъ, до сихъ поръ совершенно не появлялся.

Предводители партіи старались до нѣкоторой степени и на время замѣнить его другимъ самозванцемъ, назвавшимся его племянникомъ Петромъ, сыномъ царя Ѳеодора, послѣдняго изъ потомковъ Мономаха.

Его настоящее имя было Илейко, происходилъ онъ изъ Мурома. Этотъ новый „царевичъ“ появился сперва среди казаковъ надъ Терекомъ, еще при жизни Димитрія, который, собравъ о немъ точныя свѣдѣнія, велѣлъ ему пріѣхать въ Москву. Пётрашко — какъ его обыкновенно называли — дѣйствительно собрался въ столицу, но по пути услыхалъ объ убіеніи Димитрія. Узнавъ объ этомъ, онъ вернулся въ свои степи, но сюда черезъ нѣкоторое время за нимъ прислалъ князь Шаховской, чтобы онъ какъ можно скорѣе прибылъ въ Путивль. Пётрашко, дѣйствительно, вскорѣ прибылъ туда съ четырехтысячнымъ отрядомъ казаковъ.

Кажется, что враги Шуйскаго старались распространить и въ Польшѣ слухи о существованіи этого „царевича“. Вѣроятно, съ той же цѣлью въ концѣ 1606 г. его привезли въ Оршу два „пана солдата“, Зеновичъ и Сенкевичъ.

По ихъ словамъ, они будто бы лишь случайно узнали о немъ. По пути изъ Могилева въ Оршу они остановились въ деревнѣ Романовѣ, гдѣ и застали его, укрывавшагося у одного изъ тамошнихъ крестьянъ; отсюда они увезли его съ собою въ Оршу и привели къ тамошнему старостѣ, Андрею Сапѣгѣ. Послѣднему и, вѣроятно, многимъ другимъ, подробно разсказалъ Пётрашко объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его рожденіе, о томъ, какъ его мать Ирина, стараясь уберечь его отъ покушеній Годунова, отдала его на воспитаніе какой-то женщинѣ въ деревнѣ Братошинѣ, какъ впослѣдствіи онъ укрывался у какого-то стрѣльца въ Астрахани. Послѣ смерти Бориса, узнавъ о воца-

реніи своего „дяди“, онъ отправился было къ нему въ Москву, а теперь, т. е. въ исходѣ 1606 г., надѣясь, что найдетъ его въ Польшѣ, собирался пріѣхать съ этой цѣлью въ Литву.

Всѣ эти сказки подробно записалъ Сапѣга и въ особомъ донесеніи переслалъ ихъ Сигизмунду. Онъ хотѣлъ было даже и самого Нёграшка отослать къ королевскому двору, но вышеупомянутые „паны солдаты“ ловко сумѣли уклониться отъ этого и вскорѣ вмѣстѣ со своимъ „царевичемъ“ выѣхали изъ Орши.

А борьба между Шуйскимъ и его врагами продолжалась. Царскіе воеводы всю зиму осаждали Калугу, въ которой недостатокъ въ пищѣ сталъ весьма чувствительнымъ. Но гарнизонъ защищался съ необыкновеннымъ мужествомъ; и, наконецъ, съ наступленіемъ весны 1607 года онъ дождался помощи. Тогда-то тридцатитысячная армія подъ предводительствомъ Нёграшка и Шаховского прибыла въ Тулу; часть ея, отправленная подъ Калугу, освободила Болотникова.

Съ этихъ поръ Тула стала главнымъ очагомъ возстанія. Предводители возстанія отовсюду собирали новыя силы. Они старались также стянуть отряды польскихъ рекрутовъ и, кажется, усилія ихъ въ этомъ направленіи были далеко не безуспѣшны. По крайней мѣрѣ Николай Олесницкій доносилъ Сигизмунду въ вышеприведенной реляціи, что „въ томъ войскѣ изъ государствъ В—о К—о В—а „кажется“ должно быть немало людей, и не только украинцевъ и казаковъ, но о нѣкоторыхъ почтенныхъ людяхъ говорятъ, что и они тамъ“.

Шуйскій собралъ тоже весьма значительныя силы. 15-го іюня (1607 г.) надъ рѣкой Восмой, недалеко отъ Каширы, произошло генеральное сраженіе, въ которомъ счастье снова оказалось на его сторонѣ. Повстанцы потерпѣли столь ужасное пораженіе, что лишь жалкимъ остаткамъ ихъ арміи удалось спастись въ

Тулу. Вскорѣ со всѣхъ сторонъ ее окружили царскія войска. Но осажденные долго и храбро защищались и сдались лишь тогда, когда отведена была рѣка Упа, и всему городу угрожало потопленіе.

Василій, пользуясь этой побѣдой, жестоко отомстилъ своимъ противникамъ. Тысячи „воровъ“ были наказаны смертью. Нѣтрашко былъ повѣшенъ въ Москвѣ, а Болотникова въ апрѣлѣ слѣдующаго года послали въ Каргополь на пожизненное тюремное заключеніе. Вѣроятно, Шуйскій полагалъ, что, взявъ Тулу, онъ одержалъ окончательную побѣду надъ своими врагами.

—

IV.

Появленіе второго Димитрія. Мѣховецкій.—Происки покровителей Самозванца.—Первыя военныя дѣйствія.—Препирательства съ Рожинскимъ.—Усилія заручиться помощью Сигизмунда III.—Меморіалъ Мнишка.

Въ іюлѣ 1607 г., когда Шуйскій осаждалъ Тулу, появился, наконецъ, въ Стародубѣ новый, уже давно ожидаемый, Димитрій. Происхожденіе его, равно какъ и предшествующая жизнь, до сихъ поръ облечены непроницаемой тайной. Хотя и существуютъ о его предшествовавшемъ житьѣ-бытьѣ различныя свѣдѣнія въ современныхъ дневникахъ, но ни одно изъ этихъ сообщеній мы не можемъ провѣрить, да и довѣрять имъ вполнѣ нельзя. Вѣрно только то, что этотъ новый Самозванецъ совершенно не годился для той трудной роли, которую онъ взялъ на себя, не отличаясь ни такими способностями, ни тѣмъ чувствомъ монаршаго достоинства, которыми въ необычной степени отличался первый. Мартинъ Стадницкій, Маскевичъ и другіе единодушно утверждаютъ, что это былъ человѣкъ „грубыхъ и дурныхъ нравовъ“, и даже въ отношеніи внѣшности, по словамъ львовскаго подстольничаго,

Станислава Домарадскаго, „весьма мало походилъ на покойнаго“.

Его появленіе въ роли Димитрія было, вѣроятно, заранѣе организовано врагами Шуйскаго, ибо вскорѣ по его прибытіи въ Стародубъ, пріѣхалъ туда же полякъ, Николай Мѣховецкій, который у предшествовавшаго „царька занималъ не послѣднее мѣсто“ и прекрасно зналъ „тайны покойника“. Вотъ этотъ-то Мѣховецкій такъ хорошо обучилъ новаго самозванца, что послѣднему иногда удавалось вводить въ заблужденіе даже бывшихъ товарищей перваго Димитрія, находившихся въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ нему.

Нѣсколько интересныхъ деталей по этому поводу сообщаетъ Мархоцкій.

Въ войскѣ второго Самозванца былъ нѣкій бернардинскій монахъ, который хорошо зналъ перваго Димитрія и даже утверждалъ, что „въ Самборѣ жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ одной кельѣ“. Этотъ монахъ долгое время увѣрялъ, что война противъ Шуйскаго была „несправедливой“, такъ какъ новый претендентъ на царскій престолъ вовсе не былъ тѣмъ Димитріемъ, котораго вѣнчали въ Кремлѣ. Но затѣмъ, послѣ одного разговора съ Самозванцемъ, послѣдній „такъ околдовалъ“ добродушнаго бернардинскаго монаха, что тотъ совершенно увѣровалъ, что это „тотъ, а не иной“.

Равнымъ образомъ долго не довѣрялъ ему нѣкій Тромбчинскій, „воинъ изъ роты князя Рожинскаго“, который совершалъ походъ на Москву съ первымъ Димитріемъ. Онъ рѣшилъ даже основательно убѣдиться въ справедливости своего мнѣнія, и съ этой цѣлью, однажды въ разговорѣ съ Самозванцемъ „напомнилъ ему — разсказываетъ Мархоцкій — первыя дѣйствія, изображая ихъ не такъ, какъ они происходили, а въ извращенномъ видѣ. Царь во всемъ поправилъ его“, возстановляя достовѣрность событій. Испытавъ его такимъ образомъ въ нѣсколькихъ отно-

шеніяхъ, Трембчинскій удивился и сказалъ: — „Я должень признаться Вашему Царскому Величеству, что во всемъ войскѣ я былъ одинъ, котораго нельзя было убѣдить въ томъ, что вы тотъ самый, но теперь Духъ Святой меня осѣнилъ“.

Подобными уловками возбуждали въ легковѣрныхъ убѣжденіе, что этотъ новый Самозванецъ былъ дѣйствительно тѣмъ самымъ московскимъ „царевичемъ“, который въ 1603 г. появился въ Польшѣ, въ качествѣ сына Іоанна Грознаго.

Этотъ новый Димитрій прибылъ въ Стародубъ 12-го іюня того же года, но тогда онъ совсѣмъ еще не претендовалъ на ту роль, которую вскорѣ долженъ былъ сыграть. Тогда онъ утверждалъ только, что онъ—Андрей Нагой, царскій дядя. Отсюда онъ разослалъ своихъ агентовъ въ сѣверскіе города съ извѣщеніемъ, что царь Димитрій дѣйствительно уцѣлѣлъ и въ настоящее время находится въ Стародубѣ.

При этомъ извѣстіи тамъ собралось много бояръ, которые желали лично убѣдиться въ его достовѣрности. Когда ихъ привели къ Самозванцу, онъ сперва не хотѣлъ разыгрывать своей царской роли и выступилъ въ ней лишь послѣ того, какъ бояре для испытанія рѣшили подвергнуть его пыткѣ. Тогда —разсказываетъ Мархоцкій — Димитрій „схвативъ палку“, гнѣвно воскликнулъ:

—„А вы... еще меня не узнаете Я—государь!“

Этотъ смѣлый поступокъ сразу убѣдилъ ихъ въ его подлинности, и съ этихъ поръ онъ уже открыто и постоянно придерживался своей роли.

Главнѣйшія усилія новаго претендента и его сторонниковъ были тогда направлены къ тому, чтобы заблаговременно вызвать какъ можно больше рекрутскихъ ротъ изъ Польши.

Мѣстное населеніе могло предоставить лишь незначительныя силы, ибо главный ихъ контингентъ сра-

ялся тогда въ Тулѣ подъ предводительствомъ Болотникова. Поэтому уже въ половинѣ іюля Димитрій разсылалъ письма къ „ротмистрамъ земли Литовской и воинамъ ихъ“, съ воззваніемъ поскорѣе притти къ нему на помощь.

Въ этихъ письмахъ Самозванецъ разсказывалъ, что ему сначала пришлось укрыться въ Литвѣ, во избѣжаніе измѣнническихъ покушеній Василія Шуйскаго и „его уполномоченныхъ“, теперь же онъ возвратился „къ себѣ на родину“, въ городъ Стародубъ, и, собираясь возобновить борьбу со своими врагами, высылаетъ эти письма „отъ своего царскаго пресвѣтлаго лица пану Зеретиновскому и его воинамъ“.

„Поэтому вы — читаемъ мы дальше въ тѣхъ же письмахъ — съѣзжайтесь къ намъ въ наше Царство, въ славный замокъ Стародубъ, доброхотно собравшись съ солдатами, казаками и со всѣмъ воинскимъ людомъ, служить намъ, Великому Царю Димитрію Ивановичу, противъ нашихъ измѣнниковъ. А когда будете при нашемъ Царскомъ Величествѣ, мы васъ пожалуемъ своимъ царскимъ жалованіемъ (т. е. щедро одаримъ васъ): кто захочетъ остаться въ нашемъ отечествѣ, мы васъ пожалуемъ: а если захотите уѣхать, мы велимъ васъ выпустить съ большой благодарностью и одаримъ самаго послѣдняго слугу. Когда же вы пріѣдете въ московскую землю, на каждомъ мѣстѣ дадутъ вамъ квартиру, а деньги за службу будутъ высланы вамъ впередъ: мы велимъ заплатить вамъ вдвое и втрое противъ того, что платятъ въ Королевствѣ Польскомъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ“.

Кромѣ этого,—ближе, впрочемъ, намъ не знакомаго—„Зеретиновскаго“, работали на томъ же поприщѣ и другіе агенты. Особеннымъ усердіемъ отличался Фридрихъ Тышкевичъ и Николай Харлинскій. Оба они въ своихъ письмахъ не только утверждали съ безпри-

мѣримъ безстыдствомъ, что претендентъ этотъ былъ именно тѣмъ самымъ Димитріемъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ находился въ Польшѣ, но даже осыпали его величайшими похвалами.

Ихъ происки не остались безъ послѣдствій. Вскорѣ начали все болѣе возрастать вооруженныя силы Самозванца. „Москвичей, представлявшихъ хотя и не очень хорошее войско", собрано было „до трехъ тысячъ". Вскорѣ начали стягиваться и тѣ рекрутскія роты, которыя были набраны въ Польшѣ. Однимъ изъ первыхъ 2-го сентября того же года, прибылъ въ Стародубъ „панъ Будило, мозырскій хорунжій", которому мы обязаны очень цѣннымъ и интереснымъ дневникомъ съ подробнымъ описаніемъ современныхъ ему событій. Немного спустя, съ нимъ соединились и другіе, а также отряды запорожскихъ казаковъ. Въ концѣ октября „пришелъ панъ Самуилъ Тышкевичъ, который привелъ съ собой 700 гусаръ и 200 пѣхоты, а вскорѣ послѣ него „панъ Валевскій съ 500 конныхъ и 400 пѣхоты". Въ декабрѣ прибыли Велоговскій, Рудницкій, Хрустинскій, Казимерскій и Микулинскій. Не подлежитъ также сомнѣнію, что тогда уже было заключено интимное соглашеніе Самозванца съ княземъ Адамомъ Вишневецкимъ и княземъ Романомъ Рожинскимъ. Вишневецкій былъ первою выдающеюся личностью, появившеюся въ лагерѣ втораго Димитрія. Хотя князь Рожинскій въ концѣ 1607 вступилъ въ предѣлы Московскаго Государства, но Вишневецкій уже нѣсколькими мѣсяцами раньше началъ приготовляться къ своему походу и уже въ октябрѣ выслалъ ему на помощь Валевскаго и другихъ.

Въ ноябрѣ того же года прибылъ, кромѣ того, въ лагерь Димитрія новый Самозванецъ, сказавшійся братомъ Петрушка, т. е. сыномъ Ѳеодора, послѣдняго изъ потомковъ Мономаха. Вотъ что пишетъ Станиславъ Куровскій въ письмѣ отъ 30-го ноября.

„Увѣдомляю также вашу милость, что съ нами здѣсь находится еще другой Царевичъ, двоюродный братъ Димитрія, который недавно пришелъ на войну съ 3.000 донскихъ казаковъ, а зовутъ его Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ. Онъ самъ со своими воинами находится подъ начальствомъ нашего Царя и служитъ ему, какъ какой-нибудь боярскій сынъ, но пользуется у Царя большимъ почетомъ".

Вскорѣ начались также первыя военныя дѣйствія. Хотя у Самозванца не было столь большихъ силъ, чтобы притти на помощь къ осажденнымъ въ Тулѣ, онъ все же старался, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ главному полю борьбы. Съ этой цѣлью онъ уже 20-го сентября покинулъ Стародубъ, нѣсколько дней спустя, прибылъ въ Почаповъ, а 12-го октября въ Карачевъ. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе изъ Козельска, что этотъ городъ осажденъ войсками Шуйскаго.

„14-го октября — читаемъ въ вышеупомянутомъ дневникѣ—снарядилъ царь пана Мѣховецкаго и пана Будилу спасать Козельскъ, который осаждали князь Масальскій и Матвѣй Мизиновъ. Они пришли къ московскому лагерю утромъ, на зарѣ, 18-го числа тогоже мѣсяца. Сразившись сперва съ часовыми, по ихъ слѣдамъ проѣхали въ лагерь. Встревоженные москвичи не могли дать отпора, часть ихъ спаслась бѣгствомъ, а часть легла на мѣстѣ. Поляки совершенно овладѣли лагеремъ; остатокъ его сожгли; взяли Матвѣя и многихъ другихъ въ плѣнъ и побѣдоносно вступили въ Козельскъ. У входа въ городъ народъ съ великой радостью встрѣчалъ ихъ съ хлѣбомъ-солью и вмѣстѣ съ горожанами оказывалъ воеводамъ почести съ великой благопристойностью".

Вслѣдствіе полнаго разгрома непріятельскаго войска „наши —разсказываетъ въ письмѣ одинъ очевидецъ-современникъ—взяли немалую добычу, состоящую изъ доспѣховъ, копій, коней, захваченныхъ прежде у на-

ныхъ москвичами въ столицѣ, а также и много всякаго другого оружія. Воевода Матвѣй отъ рожденія былъ взятъ къ татарамъ, оттуда продался москвичамъ и былъ у Шуйскаго лучшимъ гетманомъ".

Черезъ три дня Димитрій прибылъ въ Козельскъ, „благодарилъ войско" за одержаніе этой побѣды, потомъ отправился въ Бѣлевъ. Нѣкоторые его отряды заняли будто Крапивную, Дѣдиловъ и Епифань. Между тѣмъ, 20-го октября Тула сдалась Шуйскому. Узнавъ объ этомъ и не будучи въ состояніи состязаться съ превосходящими силами, Самозванецъ началъ отступать. 29-го того же мѣсяца онъ прибылъ въ Карачевъ, но, не чувствуя себя и здѣсь вполнѣ безопаснымъ, черезъ нѣсколько дней возобновилъ обратный походъ, намѣреваясь отступить даже къ Путивлю. Но по пути въ Лабуновѣ къ нему присоединился Самуилъ Тышкевичъ, „съ 700 конныхъ и 200 пѣхоты", а вскорѣ и „панъ Валевскій съ 500 конныхъ и 400 пѣхоты". Получивъ столь „хорошее подкрѣпленіе", Димитрій двинулся къ Брянску, который послѣ взятія Тулы „измѣнилъ было" и поддался Шуйскому: Самозванецъ желалъ отвоевать этотъ городъ. „Брянскій воевода Михаилъ Кашинъ — пишетъ „панъ Будило" въ своемъ дневникѣ — узнавъ о походѣ царя, вышелъ ему на встрѣчу на милю отъ города". Но „его легко отогнало наше войско. Оно гналось за нимъ до самой крѣпости и тотчасъ же ворвалось въ городъ, который зажгли. Москвичи съ воеводой заперлись въ крѣпости", но поляки немедленно „осадили ихъ и расположились лагеремъ на погорѣломъ городѣ".

Штурмовать замки и крѣпости было нашимъ гораздо труднѣе, нежели сражаться въ открытомъ полѣ, поэтому и осада Брянска пропила безуспѣшно.

24-го декабря пришелъ на помощь крѣпостному гарнизону князь Масальскій, который расположился по ту сторону Брянска и окопалъ свой лагерь. Но,

встрѣтивъ сильное сопротивленіе, но прошествіи нѣсколькихъ дней, онъ долженъ былъ бѣжать ночью".

Между тѣмъ наступила суровая зима. Начались столь сильные морозы, что „воины, не будучи въ состояніи вынержать холодъ въ лагерѣ", рѣшили отправиться на зимнія квартиры. Итакъ, Димитрій отказался отъ дальнѣйшей осады и, вмѣстѣ со своимъ войскомъ, отправился въ Орелъ, гдѣ вслѣдствіе сильныхъ морозовъ и снѣговъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ бездѣятельно.

Во время этихъ событій въ Сѣверской землѣ князь Рожинскій окончилъ свои военныя приготовленія.

Вѣроятно, онъ уже раньше завязалъ нѣкоторыя сношенія съ той московской партіей, которая ранѣе боролась съ Годуновымъ, а теперь боролась съ Шуйскимъ, ибо когда первый Самозванецъ въ октябрѣ 1604 г. совершалъ торжественный въѣздъ въ Кіевъ, онъ находился также среди лицъ, сопровождавшихъ его.

Въ 1607 г. Рожинскій рѣшилъ принять дѣятельное участіе въ тогдашней борьбѣ.

„Узнавъ, что Димитрій дѣйствительно уцѣлѣлъ — разсказываетъ въ своемъ дневникѣ Мархоцкій — народъ отовсюду стекался къ нему и собралось насъ всѣхъ около 4000. Къ Рождеству Христову князь Рожинскій отправился подъ Черниговъ и тамъ ожидалъ, пока соберутся всѣ его люди. Оттуда войско послалоословъ къ царю, который въ то время былъ въ Орлѣ, увѣдомляя Димитрія о нашемъ вступленіи въ Московское Государство и требуя отъ него извѣстныхъ условій, а сами мы выступили за ними въ новомъ году (въ январѣ 1608 г.). Мы встрѣтились съ возвращавшимися послами подъ Новогрудкомъ; тамъ они дали намъ отчетъ о своемъ посольствѣ на рѣкѣ, на льду. Нѣкоторые изъ насъ сомнѣвались, тотъ ли это Димитрій, который былъ въ Москвѣ. Они съ лукавствомъ

отдѣлались отъ насъ, говоря, что это тотъ, „къ которому вы насъ послали“.

„Отъ Новогрудка мы шли снѣжно и прибыли въ Кромы, городъ, отстоящій всего въ шести миляхъ отъ Орла, гдѣ находилась царская резиденція. Прибывъ въ Кромы, мы снова отправили къ царю пословъ, между которыми былъ и я, увѣдомляя его о нашемъ прибытіи и требуя отъ него нѣкоторыхъ условій, слѣдовательно, и денегъ. Въ этомъ посольствѣ было до тридцати лицъ.

Эти переговоры начались сейчасъ же по прибытіи посольства въ Орелъ, но столковаться съ Димитріемъ было вовсе не такъ легко, какъ, вѣроятно, воображало все воинство, а можетъ быть и сами послы.

Немалое затрудненіе составляло уже одно требованіе денегъ, ибо тогда онъ былъ почти безъ средствъ. „Во всѣхъ отношеніяхъ намъ хорошо“, писалъ Станиславъ Куровскій въ письмѣ, отрывокъ изъ котораго мы помѣстили выше — „только денегъ у насъ нѣтъ“. Другой его воинъ также жаловался, что „царю нечѣмъ заплатить солдатамъ“, потому что „у него денегъ не хватаетъ“. При такихъ условіяхъ требованіе пословъ должно было оказаться весьма непріятнымъ для Димитрія.

Но были еще и другіе поводы къ недоразумѣніямъ. До сихъ поръ наиболѣе вліятельнымъ лицомъ въ его лагерѣ былъ тотъ самый Николай Мѣховецкій, который такъ хорошо разучилъ съ нимъ царскую роль. Онъ былъ не только его главнымъ вождемъ, но и первымъ руководителемъ во всѣхъ дѣлахъ политики. Вотъ этотъ-то Мѣховецкій не сомнѣвался въ томъ, что, по прибытіи Рожинскаго, онъ долженъ будетъ уступить ему первенство и поэтому старался какъ можно хуже настроить Самозванца по отношенію къ нему.

Это недоброжелательство Димитрія весьма ярко обнаружилось тотчасъ же во время первой аудіенціи, данной посламъ.

„Когда мы предстали передъ нимъ — разсказываетъ дальше въ своихъ мемуарахъ Мархоцкій — то привѣтствовали его согласно обычаю и исполнили свое посольство, на которое намъ отъ его имени отвѣтилъ панъ Валевскій, его канцлеръ. Послѣ рѣчи пана Валевскаго ему самому захотѣлось съ нами поговорить, и онъ сказалъ на своемъ московскомъ нарѣчіи:

„Я былъ бы радъ, что Рожинскій идетъ, но такъ какъ я узналъ, что онъ намѣревается мнѣ измѣнить, то я предпочелъ бы, чтобы онъ вернулся назадъ. Богъ посадилъ меня въ моей столицѣ безъ Рожинскаго, ну, и теперь посадитъ а насчетъ того, что и вы требуете денегъ, то знайте, что у меня тутъ немало такихъ же, какъ и вы, поляковъ, которымъ я еще ничего не заплатилъ. Я убѣжалъ изъ своей столицы, отъ милой супруги и отъ милыхъ друзей, не взявъ съ собой не только лишнихъ денегъ, но и самаго необходимаго. А когда вы собрались на льду подъ Новогрудкомъ, то спрашивали, тотъ ли я самый, или не тотъ? А я съ вами въ карты не игралъ“!

„Послѣ этихъ словъ и мы стали гнѣвно къ нему обращаться и сказали: „По этому самому мы узнаемъ, „что ты не тотъ Димитрій, ибо тотъ умѣлъ уважать и принимать вопиовъ, а ты не умѣешь. Не стоило приходить къ тебѣ, чтобы вынести такую неблагодарность. Мы отнесемъ твой отвѣтъ братьямъ, которые насъ послали. Они будутъ знать, какъ поступить.

„Такъ мы и разстались съ нимъ. Потомъ онъ послалъ за нами, прося, чтобы мы остались пообѣдать и не обижались такими его словами, говоря: „Меня самого обманули“.

Мы догадывались, а потомъ и убѣдились въ томъ, что обманъ этотъ исходилъ отъ Мѣховецкаго, которому тяжело было—онъ это уже предчувствовалъ –уступить начальство Рожинскому.

„Мы дали себя уговорить и обѣдали за его столомъ. На другой день, когда насъ отправили, мы уже смягчились и, вернувшись обратно въ Кромы, передали нашимъ все, что произошло.

„Большинство нашихъ стояли за то, чтобы вернуться обратно въ Польшу, тѣ же, что были при немъ въ Орлѣ, удерживали насъ и просили, говоря, что все пойдетъ иначе, какъ только къ нему пріѣдетъ самъ князь Рожинскій". Однако и Рожинскому не легко было поладить съ нимъ, такъ какъ, кромѣ интригъ Мѣховецкаго, помѣхой являлась необыкновенная дерзость и неотесанность Димитрія.

Его грубость уже и раньше служила причиной непріятныхъ инцидентовъ. Такъ „6-го октября- пишетъ Будило въ своемъ дневникѣ—наше войско обидѣлось на царя за какое-то слово. Взбунтовавшись и забравъ всѣ орудія, оно ушло; только на другой день удалось уговорить его, и оно вернулось, отойдя три мили".

Вѣроятно, отчасти по тому же поводу, нѣсколько недѣль спустя, „взбунтовались" и запорожскіе казаки, которые совсѣмъ покинули Самозванца.

Его неумѣстное удальство, а можетъ быть, и наговоры Мѣховецкаго, чуть не послужили причиной совершеннаго прекращенія переговоровъ. Прекрасно ознакомленный съ этимъ дѣломъ Мархоцкій слѣдующимъ образомъ описываетъ дальнѣйшія событія:

„Тогда князь Рожинскій, не долго мѣшкая, поѣхалъ въ Орелъ. Поѣхали съ нимъ также 200 человѣкъ однихъ воиновъ; кромѣ того, при немъ было триста пятьдесятъ человѣкъ его пѣхоты. Изъ Орла ему на встрѣчу выѣхали всѣ. Это было постомъ.

„На другой день послали къ князю Рожинскому сообщить, чтобы онъ ѣхалъ къ царской рукѣ, а потомъ, когда мы собрались и уже ѣхали, опять прислали сказать, чтобы мы вернулись, пока царь не сядетъ на свое мѣсто, такъ какъ онъ еще умывается;

онъ обыкновенно всякій день мылся въ банѣ. Князь Рожинскій не хотѣлъ возвращаться, поѣхалъ дальше, и намъ пришлось первымъ войти въ ту квартиру, гдѣ царь долженъ былъ насъ принимать.

„Потомъ между нами и имъ черезъ посредство его чиновниковъ начались пренирательства: намъ говорили, чтобы мы вышли изъ комнаты для того, чтобы царь вошелъ первымъ и сѣлъ на свое мѣсто“, а потомъ чтобы и мы вошли и привѣтствовали его. Князь Рожинскій не хотѣлъ уступить; и такимъ образомъ послѣ долгихъ споровъ Димитрію пришлось пройти мимо насъ всѣхъ. Но пути онъ отворачивалъ лицо отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Рожинскій.

„Когда онъ уже сѣлъ на своемъ стулѣ, князь Рожинскій обратился къ нему съ рѣчью и поцѣловалъ у него руку; потомъ и остальные подошли къ рукѣ. Послѣ этого привѣтствія онъ просилъ Рожинскаго и всѣхъ насъ къ обѣду.

„Рожинскій сидѣлъ съ нимъ за однимъ столомъ, а мы за другими. Во время и послѣ обѣда было много разговоровъ съ нимъ; онъ спрашивалъ о бунтахъ и о томъ, есть ли среди насъ бунтовщики? Мы наслушались немало всевозможныхъ богохульныхъ рѣчей. Онъ говорилъ, что не согласился бы быть нашимъ королемъ, ибо не для того народился московскій монархъ, чтобы имъ управлялъ какой-то архибѣсъ, или, какъ по нашему зовутъ, архіепископъ. Отвѣчали ему на это, кому какъ заблагоразсудилось. День закончился банкетомъ“.

На другой день Рожинскій добивался частной бесѣды съ нимъ. Но Димитрій, вѣроятно, по совѣту Мѣховецкаго, со дня на день откладывалъ эту аудіенцію. Тогда Рожинскій рѣшилъ вернуться въ Польшу и собрался въ путь. Уже пѣхота его вышла, и мы всѣ съѣзжались. Вдругъ прибѣжало много ротмистровъ и воиновъ прежняго набора, которые просили его и насъ

всѣхъ, чтобы мы обождали до завтрашняго дня, „а мы—сказали они—составимъ изъ своей среды совѣтъ. Если царь будетъ продолжать выражать вамъ свою неблагодарность, мы присоединимся къ вамъ, лишимъ Мѣховецкаго гетманства, а тебя, князь Рожинскій, произведемъ въ гетманы. Мы будемъ согласны на все, что тебѣ захочется сдѣлать съ нашимъ войскомъ". Уступая ихъ просьбамъ и уже выѣхавъ изъ города, мы остались ждать на предмѣстьи до слѣдующаго дня.

На другой день всѣ, сѣвъ на коней, составили совѣтъ, въ который пригласили князя Рожинскаго и насъ, разжаловали Мѣховецкаго и наложили запрещеніе на него и на нѣкоторыхъ другихъ, чтобы ихъ въ войскѣ не было, а если бы кто изъ нихъ осмѣлился остаться, каждый имѣетъ право ихъ убить. Составивъ списокъ въ присутствіи князя Рожинскаго, избрали его гетманомъ и послали къ царю сказать: если онъ хочетъ, чтобы мы при немъ остались, пусть назоветъ тѣхъ, которые заклеймили князя Рожинскаго и его войско именемъ измѣнниковъ.

„Онъ не захотѣлъ ихъ назвать черезъословъ, а пожелалъ лично явиться въ совѣтъ. До его пріѣзда князь Рожинскій просилъ насъ всѣхъ, чтобы мы были терпѣливы и не врывались въ дѣло, говоря: „я во всемъ за васъ буду отвѣчать".

Тогда пріѣхалъ къ намъ царь на богато убранномъ конѣ, въ парчевомъ платьѣ. Пріѣхало съ нимъ свыше десятка бояръ и столько же пѣхотинцевъ, держа коней подъ уздцы. Какъ только онъ пріѣхалъ, въ совѣтѣ раздался какой-то гулъ. Думая, что воины спрашиваютъ, самъ ли это царь, онъ съ бранью воскликнулъ:

— „Молчите, вы... (тутъ онъ произнесъ весьма оскорбительное слово)! Это не печестивецъ какой-нибудь, а самъ царь московскій пріѣхалъ!

„Мы переглянулись, но такъ какъ за насъ должны были отвѣчать другіе, то сдержали себя.

„Тогда отъ имени совѣта произнесъ рѣчь панъ Хрусличскій и сказалъ ему, что мы „для того выслали пословъ къ Вашей Царской Милости, чтобы Вы назвали тѣхъ, которые оклеветали это войско и гетмана именемъ измѣнниковъ, а такъ какъ Вы пріѣхали сами, то мы отъ Васъ желаемъ узнать, кто они".

„Онъ приказалъ говорить отъ своего имени одному москвичу, а когда рѣчь не понравилась ему, онъ сказалъ:

— „Вы прислали ко мнѣ, чтобы я вамъ выдалъ и назвалъ своихъ вѣрныхъ слугъ, которые предостерегаютъ меня. Никогда не приходилось московскимъ монархамъ выдавать своихъ вѣрныхъ слугъ. И я этого не сдѣлаю, не только для васъ, но даже еслибъ самъ Богъ спустился съ высокаго неба и велѣлъ бы мнѣ сдѣлать это!

„Тогда уже пошли съ нимъ другія рѣчи. Сказали ему между прочимъ и слѣдующее:

— „Предпочитаешь ли ты окружать себя только тѣми, которые тайно пользуются шпіонами, или тѣмъ войскомъ, которое пришло служить тебѣ своей жизнью и своимъ мечемъ? Ибо если ты этого не сдѣлаешь, то войско покинетъ тебя!

„А онъ отвѣтилъ:

— „Если хотите, уходите!

„Эти слова вызвали большое смятеніе: войско взбунтовалось. Его стрѣльцы стали потрясать оружіемъ и бить, а мы стали защищаться и подъѣзжать къ нему самому. Одни кричали: „Убить обманщика, разрубить его!" Другіе: „Изловить его! А, обманщикъ! Ты провелъ насъ и еще угощаешь насъ такой неблагодарностью!"

— „Онъ былъ настолько отважепъ, что, лишь оглянувшись раза два, погналъ копя во всю прыть къ го-

роду, къ своей квартирѣ. Тамъ сейчасъ же изъ совѣта приставили къ нему стражу, чтобы онъ не убѣжалъ; а онъ съ отчаянія выпилъ, говорятъ, невѣроятное количество водки, желая уморить себя".

Къ счастью для Самозванца, въ это дѣло вмѣшались поляки, занимавшіе высшія должности при его дворѣ, какъ, напр., князь Адамъ Вишневецкій, Вавовскій и Харлинскій, усиленно работавшіе съ цѣлью примирить его съ войскомъ. Усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ. „Чтожъ намъ было дѣлать — присовокупляетъ въ своихъ Мархоцкій — мы ошиблись и согласились на примиреніе".

„На другой день онъ пріѣхалъ къ намъ въ совѣтъ и оправдывался, что сказалъ эти оскорбительныя слова не намъ, а своимъ стрѣльцамъ. Мы приняли такое оправданіе, а потомъ, оставивъ при немъ тѣхъ, постои которыхъ находились въ Орлѣ, сами съ Рожинскимъ вернулись въ Кромы".

Кромѣ этого извѣстенъ, Димитрій, посредники его должны были также сдѣлать нѣкоторыя обѣщанія, какъ относительно выплаты жалованья, такъ и касательно тѣхъ „условій, выполненія которыхъ отъ него требовали". Итакъ, благодаря этимъ усиліямъ, остались въ его арміи 4.000 поляковъ, находящихся подъ начальствомъ Рожинскаго. Кромѣ того, благодаря стараніямъ его друзей и агентовъ, пришло къ нему и „иныхъ людей и казаковъ запорожскихъ около трехъ тысячъ, а донскихъ казаковъ съ Заруцкимъ около пяти тысячъ".

Несмотря на столь крупныя силы, которыми Димитрій располагалъ уже въ мартѣ 1608 г., дальнѣйшія военныя дѣйствія были пріостановлены до мая „по причинѣ большихъ снѣговъ". Между тѣмъ покровители Самозванца старались заручиться также помощью со стороны польскаго короля.

Съ этой цѣлью уже въ началѣ февраля Самозванецъ отправилъ своихъ агентовъ въ Краковъ. Однимъ

изъ нихъ былъ еврей Арнульфъ Калнекій. Онъ получилъ „полное полномочіе для переговоровъ во всѣхъ дѣлахъ Рѣчи Посполитой и военныхъ и коммерческихъ". Кромѣ того, Димитрій обѣщалъ черезъ него, что взамѣнъ за нѣкоторыя, къ сожалѣнію—не извѣстныя намъ ближе преимущества, онъ обязуется ежегодно уплачивать Сигизмунду пятьсотъ тысячъ злотыхъ.

Однако агенты Самозванца весьма холодно были встрѣчены на польскомъ дворѣ. Опытъ, перенятый съ первымъ Димитріемъ, убѣдилъ и короля и его совѣтниковъ, что въ дѣлахъ такого рода слѣдуетъ поступать гораздо осторожнѣе. Поэтому долгое время тамъ находились въ нерѣшительности, „дать ли посламъ Димитріевымъ аудіенцію. Наконецъ, на краковскомъ сеймѣ, происходившемъ въ концѣ апрѣля этого года, хотя и рѣшили „выслушать ихъ, но съ отпускомъ ихъ обождать, соображаясь съ exitum тамошнихъ дѣлъ, чтобы не признавать ни за Шуйскимъ, ни за Димитріемъ Московскаго царства.

На настроеніе Сигизмунда не повліялъ и обширный меморіалъ, присланный по этому дѣлу Юріемъ Мнишкомъ.

Интересный этотъ документъ состоитъ изъ трехъ частей.

Въ первой панъ Юрій пространно излагалъ, какія обиды претерпѣла Рѣчь Посполитая изъ-за тогдашнихъ событій въ Москвѣ. Онъ притворяется, что вѣритъ въ дѣйствительное спасеніе Димитрія, и настаиваетъ на томъ, что ему надо помочь „послѣ заключенія имъ конфедераціи съ Короной Польской. Эти слова относятся къ тому тайному трактату, который Сигизмундъ заключилъ съ первымъ Самозванцемъ еще въ 1604 г. Кромѣ того, для поддержанія своего требованія, воевода ссылается на „заключеніе съ нимъ родственныхъ связей по совѣту, желанію, въ присутствіи

и съ помощью Е. В. Короля", и, наконецъ, указываетъ на какіе-то незнакомые намъ ближе, какъ со стороны Димитрія, такъ и со стороны короля польскаго „особые, частнымъ образомъ заключенные съ нимъ договоры въ пользу Рѣчи Посполитой".

Во второй и въ третьей части меморіала Мнишекъ еще разъ пространно излагаетъ всѣ причины и всѣ выгоды, ради которыхъ Польшѣ слѣдовало бы оказать защиту Самозванцу: въ концѣ онъ перечисляетъ способы, которыми, по его мнѣнію, слѣдовало бы пользоваться для этой цѣли.

Хотя этотъ меморіалъ и не сопровождался ожидаемыми послѣдствіями, онъ все же весьма краснорѣчиво характеризуетъ какъ Мнишка, такъ и его близкія отношенія къ Сигизмунду.

V

Битва подъ Болховымъ. — Самозванецъ вступаетъ къ Москвѣ. — Битва надъ рѣкой Ходынкой. — Переговоры между Польшей и Москвой.—Заключеніе четырехлѣтняго перемирія.

Съ наступленіемъ весны (1608 г.) обѣ партіи начали приготовляться къ рѣшительной битвѣ. Армія Самозванца собиралась подъ Орломъ; армія Шуйскаго подъ Болховымъ. Хотя послѣдняя была гораздо многочисленнѣе войскъ Димитрія, но она въ значительной степени состояла изъ татарскихъ полковъ, а также изъ всякаго сброда, плохо вооруженнаго и непріятнаго въ бою. Къ тому же главное начальство надъ ней Василій поручилъ своему брату Димитрію, который отличался совершеннымъ отсутствіемъ военныхъ способностей.

Передъ началомъ военныхъ дѣйствій Самозванецъ старался пріобрѣсти новыхъ сторонниковъ. Съ этой цѣлью онъ разсылалъ грамоты, въ которыхъ пространно излагалъ преступленія, совершенныя Борисомъ Годуновымъ и Василіемъ Шуйскимъ. Въ концѣ онъ

призывать къ признанію его власти и за вѣрную службу обѣщалъ щедрую награду. Въ этихъ грамотахъ онъ предостерегалъ отъ другихъ самозванцевъ, именовавшихъ себя сыновьями Ѳеодора, послѣдняго изъ потомковъ Мономаха, и увѣрялъ, что рѣшитъ строго покарать ихъ. Но эти грамоты не оказали никакого вліянія.

Точно также не произвело ожидаемаго впечатлѣнія и письмо князя Рожинскаго, посланное къ двумъ именитымъ боярамъ, находящимся въ лагерѣ Шуйскаго князю Василію Голицыну и Ивану Куракину. Въ этомъ письмѣ Рожинскій старался убѣдить ихъ въ томъ, что Димитрій былъ дѣйствительно сыномъ Ивана Грознаго, слѣдовательно, ихъ законнымъ государемъ, и призывалъ ихъ подчиниться ему во избѣжаніе дальнѣйшаго пролитія христіанской крови. Но московскіе бояре слишкомъ хорошо знали, какого мнѣнія слѣдовало держаться какъ относительно перваго, такъ и относительно втораго Димитрія: поэтому подобные аргументы не произвели на нихъ никакого впечатлѣнія.

Наконецъ 8-го мая возобновились военныя дѣйствія. Димитрій, отправивъ Лисовскаго съ донцами въ Михайловъ, съ остальнымъ войскомъ подступилъ къ Болхову. Узнавъ объ этомъ, Шуйскій со своей арміей вышелъ на встрѣчу ему. Произошла двухдневная битва, которая такъ рѣшительно повліяла на дальнѣйшій ходъ событій.

10-го мая Рожинскій выслалъ авангардомъ казаковъ и два полка польской конницы, а именно Рудскаго и Велогловскаго, чтобы они, симулируя стычки, „привлекали московскій людъ“. Эти полки долгое время храбро сражались съ непріятелемъ. Но, наконецъ, предводители ихъ, убѣдившись въ превосходящихъ силахъ непріятеля, „дали знать пану гетману, что со столь большимъ войскомъ они совладать не могутъ“ и потребовали, чтобы онъ какъ можно скорѣе пришелъ

имъ на помощь. Тогда вся армія Самозванца „вскачь — какъ выражается Будило — должна была поспѣшить", а когда, „сдѣлавъ двѣ мили хорошей рысью", она прибыла на поле брани, то все „войско Шуйскаго уже застала выстроеннымъ въ боевомъ порядкѣ".

Въ боевую линію вступили также полки князя Адама Рожинскаго, Валевскаго и Тупальскаго. Имъ безъ труда удалось прорвать первые непріятельскіе ряды. Тупальскій погнался такъ далеко, что потерялъ даже свое знамя, которое ему удалось отыскать лишь на другой день. Умѣло сопротивлялся одинъ только князь Иванъ Куракинъ. Онъ стоялъ со своимъ полкомъ въ тылъ и стражъ и сумѣлъ удержать дальнѣйшій напоръ нападавшихъ. Хорошо дралась также одна изъ нѣмецкихъ рекрутскихъ ротъ, которая и погибла почти вся въ этой битвѣ. Между тѣмъ „Москва, вмѣсто того, чтобы притти въ помощь своимъ, только толпилась у орудій". „Видя это, князь Рожинскій — пишетъ авторъ этого дневника — насчитывая въ своемъ войскѣ много загнанныхъ и убитыхъ коней, которыхъ немало пало и отъ жары, а уже дѣло было къ ночи — ввелъ свое войско въ лагерь, который онъ разбилъ тутъ же подъ московскимъ".

На другой день „съ разсвѣтомъ" объ арміи снова выступили въ боевомъ порядкѣ. Шуйскій расположилъ свои полки „за незамѣтными, но непроходимыми болотами, находившимися передъ его лагеремъ". Но поляки разгадали это коварство „Подойдя и увидя, что это мѣсто для насъ неудобно — разсказываетъ Мархоцкій — мы прервали свои дѣйствія и отправились отыскивать болѣе удобное мѣсто для переправы выше". Одновременно съ этимъ Рожинскій рѣшилъ перенести свой лагерь „въ бокъ непріятелю, на другое, болѣе ровное мѣсто".

„Когда мы долго стояли, — продолжаетъ тотъ же очевидецъ — лишь издали глядя другъ на друга, по-

дошли наши телѣги въ шестнадцать или болѣе рядовъ, во всю ширину поля; погонщики ихъ по собственному желанію повтыкали сюда свои знамена. Эти телѣги со знаменами въ поднявшейся густой пыли произвели на москвичей впечатлѣніе какого-то свѣжаго и большого войска, такъ что среди нихъ тотчасъ же произошла тревога, и они направили свой обозъ и орудія къ Болхову, о чемъ предостеречь насъ одинъ изъ нихъ (Иванъ Ляхарекъ), тайно пробравшись къ намъ. Когда у верховьевъ этихъ болотъ было найдено хорошее мѣсто для переправы, мы пошли къ этому мѣсту, обезпечивъ обозъ защитой отъ Москвы, которая со всѣмъ войскомъ направилась къ этому же мѣсту".

„Мы въ этотъ день не собирались сражаться, потому что было поздно, а только хотѣли расположить обозъ выше переправы и съ этой цѣлью за переправу была послана часть войска, а именно—небольшой полкъ, въ которомъ было нѣсколько сотъ человѣкъ Рудскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Но когда мы замѣтили, что московское войско наступаетъ на насъ, намъ пришлось какъ можно скорѣе переправиться, чтобы отвлечь его и дать нашему войску возможность переправиться и прикрыть обозъ. Князь Рожинскій отправилъ на насъ джигитовъ, а знаменамъ, какъ они пришли въ боевомъ порядкѣ, велѣлъ приступать къ атакѣ. Въ первую роту, во главѣ, онъ поставилъ больше всего легкихъ, а для подкрѣпленія ихъ двѣнадцать сотенъ,—такъ какъ больше не было, гусаръ; въ тылу же у гусаръ была третья дивизія изъ казачьихъ и пятигорскихъ ротъ.

„Нашъ гетманъ, сведя джигитовъ, велѣлъ первой ротѣ произвести атаку на московскую конницу, во главѣ которой было тысячъ пятнадцать. Она не выдержала напора нашихъ, подалась въ тылъ, а наши сильно нажали на нее. Подкрѣпленіе изъ гусаръ и

третья дивизія находилась тутъ же за ними, наступая въ боевомъ порядкѣ. Такимъ образомъ, когда либо наши начинали слабѣть, либо москвичи хотѣли вновь выстроиться,—какъ только послѣдніе увидятъ копья, сейчасъ же должны были отступать дальше; а у нашихъ, прибавлялось храбрости, когда они видѣли тутъ же за собой надежное подкрѣпленіе. И вотъ, начавъ сраженіе за три часа до наступленія вечера, наши гнали ихъ до самой засѣки, на разстояніи двухъ миль до Волхова и трехъ миль за Волховъ. Засѣкой у нихъ называютъ частоколы, которыми ограждаются отъ татаръ; эти засѣки тянутся на тридцать миль въ длину, черезъ лѣса и поля, какъ придется; передъ ними находятся окопы, башни, а гдѣ проходятъ дороги, тамъ въ нихъ продѣланы ворота".

Въ этой битвѣ Самозванецъ одержалъ блестящую побѣду. „Въ погонѣ пало множество, труповъ не считали и не хоронили". Кромѣ того нѣсколько десятковъ орудій и весь обозъ „со всѣмъ имуществомъ" попалъ въ руки побѣдителей.

Впечатлѣніе отъ этого пораженія, понесеннаго Шуйскимъ, было такъ велико, что черезъ два дня послѣ него и самъ Волховъ сдался Димитрію.

Въ его лагерѣ царила немалая радость по этому поводу. Самозванецъ такъ былъ обрадованъ этой побѣдой, что рѣшилъ даровать войску „двѣ четверти", а когда поляки, „собравъ совѣтъ", требовали удостовѣренія, что имъ не только будетъ „уплачено сполна", но что, кромѣ того, они будутъ вправѣ, „посадивъ его на престолъ", вернуться на родину,—онъ торжественно обязался удовлетворить всѣ эти требованія. Тогда же, произнося прочувствованную рѣчь, Димитрій будто бы сказалъ: „Я не могу царствовать въ Москвѣ безъ васъ и желалъ бы, если меня Богъ посадитъ на престолъ, всегда имѣть поляковъ при себѣ, чтобы въ одномъ замкѣ воеводой былъ полякъ, а въ

другомъ москвичъ. Хочу, чтобы все золото и все серебро, какое есть, было ваше, я удовольствуюсь одной славой. А если ужъ иначе не можетъ быть, и вы должны будете уйти, то не оставляйте же меня совершенно, а поступите такъ, чтобы я могъ призвать къ себѣ другихъ людей на ваше мѣсто изъ Польши".

Самозванецъ надѣялся, что послѣ впечатлѣніемъ этой побѣды и столица безъ труда сдастся ему. Поэтому онъ рѣшилъ какъ можно скорѣе подступить къ Москвѣ. Но вскорѣ онъ увидѣлъ, какъ обманчивы были его надежды.

Несмотря на тяжкое пораженіе подъ Болховымъ, Василій очень быстро собралъ новую армію. Главнокомандующимъ ея онъ назначилъ Михаила Скопина Шуйскаго. Эти войска, долженствовавшія прикрывать столицу съ юга, расположились лагеремъ надъ рѣкой Незнанкой, между Подольскомъ и Звенигородомъ. Но Димитрій, миновавъ Ковельскъ, Калугу и Борисовъ, успѣлъ обойти ихъ правое крыло. Вездѣ его встрѣчали съ хлѣбомъ-солью и принимали, какъ законнаго государя. Только въ Можайскѣ гарнизонъ старался сопротивляться, но и эта крѣпость сдалась послѣ однодневной осады. Отсюда уже прямо подъ столицу выступила армія Самозванца.

Подъ Звенигородомъ встрѣтились съ ней Петръ Бобковскій и „племянникъ пана малогоскаго", высланные польскими послами, проживавшими тогда въ Москвѣ. Они обратились съ воззваніемъ къ полякамъ, служащимъ въ войскѣ Димитрія, чтобы они „вышли изъ Московскаго Государства" и „не нарушали договоровъ", которые какъ разъ въ это время заключались. Но это „увѣщаніе" осталось безъ послѣдствій.

Наконецъ, 24 іюня Самозванецъ подступилъ къ Москвѣ. „Мы пришли — пишетъ Маржоцкій — къ не особенно хорошему мѣсту надъ рѣкой.

Мы подъѣзжали къ столицѣ, которая очень велика и на видъ красива, потому что въ ней множество золотыхъ главъ на церквахъ. Мы смотрѣли, но ни одной живой души не видно было къ намъ отъ стѣнъ".

Въ теченіе нѣсколькихъ дней совѣщались насчетъ выбора мѣста, гдѣ расположиться лагеремъ. Въ итогѣ перевѣсили мнѣніе тайныхъ сторонниковъ Шуйскаго, чтобы „пройти за столицу" и „занять дороги, по которымъ подвозятъ людей и пищу въ Москву".

„Тутъ мы пошли, пишетъ дальше авторъ того же дневника—покинувъ свои дороги отъ Сѣверской земли. Остановились мы за столицей, на разстояніи всего одной мили отъ города, при царскомъ дворѣ, называемомъ Таинское, среди кустарниковъ, имѣя малое поле. Это мѣсто было болѣе выгодно" для Москвы, нежели для насъ, и „мы были завлечены туда именно изъ-за измѣны. Мы стояли на этомъ мѣстѣ всего нѣсколько дней, а уже нѣкоторые изъ нашихъ москвичей вошли въ соглашеніе со столичными.

Пушкари были въ заговорѣ: позаливали намъ оруднія и позабивали заправки гвоздями. Сдѣлавъ это, они бѣжали однажды ночью, давъ знать въ Москву; но у насъ была чуткая стража: ихъ изловили, послѣ чего они выдали и другихъ участниковъ этой измѣны. Надъ ними произвели экзекуцію, нѣкоторыхъ посадили на колъ, другимъ тамъ же немедленно отрубили голову".

Покаравъ такимъ образомъ виновныхъ, Димитрій вернулся къ рѣкѣ Москвѣ, на позиціи, занимаемыя раньше его войсками, на которыхъ между тѣмъ уже расположилась армія Шуйскаго. Чтобы вывести ее изъ этой позиціи, войска Димитрія, „собравъ совѣтъ", рѣшили притвориться будто возвращаются къ польской границѣ. Василій не понялъ этого коварства Самозванца и „на тверской дорогѣ", „въ узкомъ мѣстѣ" преградилъ ему путь. „Тамъ мы съ ними вступили

въ бой — разсказываетъ дальше Марховскій — поразили ихъ и разсѣяли. А потомъ мы пошли и заняли очень хорошее и безопасное мѣсто, гдѣ рѣка Тушинь соединяется съ рѣкой Москвой. Это мѣсто возвышенно, какъ въ междурѣчьи; равнина тамъ порядочная, такъ что на ней немалое войско могло расположиться лагеремъ; это мѣсто называлось Тушиномъ".

Сюда опять (въ началѣ іюля) прибыли два посредника, отправленные польскими послами, а именно Станиславъ Домарадскій, львовскій подстольничій, и панъ Бучинскій, которые старались уговорить поляковъ, чтобы они покинули Самозванца, но и на сей разъ всѣ ихъ убѣжденія и доводы не возымѣли никакого дѣйствія.

Во время этихъ переговоровъ Шуйскому удалось собрать значительную армію. Эти войска, подобно прежнимъ, состоящія въ значительной степени изъ татаръ, расположились надъ рѣкой Ходынкой; обширный ихъ лагерь простирался отъ села Хорошева до самой столицы. Видя ихъ превосходящую численность, князь Рожинскій рѣшилъ ударить на нихъ неожиданно и какъ можно скорѣе. Съ этой цѣлью, посовѣтовавшись тайно съ нѣсколькими надежными полковниками и ротмистрами, 4-го іюля онъ издалъ распоряженіе, чтобы все войско было наготовѣ, а къ вечеру велѣлъ „садиться на коней и выступить изъ лагеря со знаменами". На другой день до разсвѣта Рожинскій выслалъ Зарудскаго съ казаками „правымъ крыломъ на татаръ", а самъ съ польской конницей ударилъ на московскіе таборы. Первымъ пошелъ въ атаку „полкъ пана Валевскаго", который, сразившись съ непріятельской стражей, „въѣхалъ въ самый лагерь". Вслѣдъ за нимъ „прискакали" также иные полки. Эта атака была проведена такъ быстро, что „Москва, не успѣвъ выстроиться въ боевой порядокъ", должна была спасаться бѣгствомъ.

„Тогда произошло — разсказываетъ Мархоцкій — великое побоище; мертвыми легло, по счету самихъ москвичей, четырнадцать тысячъ. Однихъ сыновъ думныхъ бояръ погибло сто человѣкъ“. Кромѣ того, „орудія и весь обозъ были захвачены. У нихъ были и другія стоянки подъ самымъ городомъ, куда намъ воспрещено было гнаться, потому что большая часть нашего войска бросилась на добычу и подъ знаменами осталось всего по тридцати или по двадцати конныхъ. Все же мы начали кое-какъ стягиваться въ строй, а тутъ уже совсѣмъ разсвѣло“.

Между тѣмъ „московскія войска, стоявшія въ другихъ лагеряхъ, и тѣ, что укрылись отъ преслѣдованія, соединившись, вмѣстѣ наступали на насъ съ великимъ крикомъ и натискомъ. Мы выдержали напоръ и двинулись на нихъ. Но такъ какъ насъ было мало,—они окружили насъ со всѣхъ сторонъ, и мы поперемѣнно, то обращались къ нимъ тыломъ, то отражали ихъ. Такъ продолжалось долго, наконецъ, въ полдень мы уже не могли устоять и отступили безъ возврата, словно проигравъ. Этимъ долгимъ отвлеченіемъ непріятельскихъ войскъ мы сослужили службу лишь тѣмъ, которые увлеклись добычей; они такъ успѣли очистить весь лагерь, что, когда мы отступали по этому мѣсту, лагерь былъ уже пустъ, и всѣ трупы лежали обнаженными. Мы бѣжали почти до своего лагеря. Послѣ переправы черезъ рѣчку Ходынку, по милости Божьей, нѣкоторые начали останавливаться. Нѣсколько времени эта рѣчка отдѣляла насъ отъ Москвы. Вдругъ одинъ донской казакъ изъ самострѣла ранилъ въ московскомъ войскѣ хорунжаго, да такъ, что и знамя съ нимъ упало. Наши снова пріободрились и погнались за Москвой, которая повернула тылъ. Мы прогнали ихъ до самаго мѣста побоища—до Ходынки; тамъ, перегнавъ ихъ черезъ рѣчку, вступили въ дѣло, и на этотъ разъ наша взяла. Они

уже не дерзали нападать на насъ; и мы такимъ образомъ возвратились въ свой лагерь, неожиданно одержавъ побѣду".

Однако побѣда эта была куплена дорогой цѣной: „кромѣ убитыхъ, было по меньшей мѣрѣ до трехсотъ раненыхъ;" да подъ каждымъ знаменемъ было убито или подстрѣлено по нѣсколько десятковъ коней.

Во время этихъ битвъ Шуйскій снова очутился въ весьма затруднительномъ положеніи. Подъ впечатлѣніемъ ихъ онъ сталъ поступать совершенно иначе съ плѣнными поляками. Раньше въ уплату за ихъ свободу онъ надѣялся потребовать отъ Рѣчи Посполитой самыхъ выгодныхъ условій мира. Теперь же онъ старался лишь смягчить негодованіе противъ себя въ Польшѣ; кромѣ того, черезъ посредство тѣхъ же плѣнныхъ, онъ намѣревался склонить поляковъ, находящихся въ Тушинѣ, чтобы они отказались отъ предпріятія Самозванца.

Эта перемѣна въ отношеніяхъ Василія обнаружилась тотчасъ послѣ пораженія его подъ Болховымъ, либо уже въ половинѣ мая того же года приставы гораздо снисходительнѣе стали обращаться съ польскими плѣнными. Они разрѣшали полякамъ прогулки, старались доставить имъ лучшую и болѣе обильную пищу, главнымъ же образомъ утѣшали надеждой на скорое возвращеніе въ Польшу. Дѣйствительно, въ началѣ іюня всѣхъ болѣе именитыхъ плѣнныхъ привезли въ Москву, а именно: Марину, Мнишковъ, князя Константина Вишневецкаго, Тарловъ и Стадницкихъ.

Одновременно съ этимъ возобновили переговоры съ польскими послами.

Еще въ апрѣлѣ 1606 года Сигизмундъ отправилъ Николая Олесницкаго и Александра Гонсевскаго въ

Москву, какъ своихъ представителей. Они должны были присутствовать отъ его имени на свадьбѣ перваго Димитрія и Марины и вмѣстѣ съ тѣмъ вести переговоры относительно заключенія тѣснаго союза между обоими государствами. Послѣ убіенія Самозванца они послы добивались, чтобы имъ поскорѣе разрѣшили вернуться въ Польшу, но царь постоянно и подъ различными предлогами задерживалъ ихъ.

Сперва болѣе долгое время отдѣлывался отъ нихъ, говоря, что „Государь хотѣлъ бы сперва черезъ своихъ пословъ" войти въ соглашеніе съ Сигизмундомъ, и слѣдовательно, они должны оставаться въ Москвѣ до ихъ возвращенія. Дѣйствительно, уже въ половинѣ іюня того же года (1606 г.) Шуйскій отправилъ въ Польшу князя Григорія Волконскаго и дьяка Андрея Иванова. Но эти послы лишь въ концѣ декабря прибыли въ Краковъ, а 1-го января 1607 г. получили аудіенцію у короля.

Во время этой аудіенціи они жаловались на то, что Сигизмундъ и польскіе вельможи „навязали имъ въ государи Димитрія", поведеніемъ котораго они объясняли его убіеніе, а также и смерть многихъ другихъ поляковъ; наконецъ, они заявили, что новый царь желаетъ возобновить союзъ съ Польшей, и просили короля, чтобы онъ по этому поводу, а также по вопросу объ освобожденіи польскихъ плѣнныхъ, отправилъ въ Москву особое посольство.

Въ отвѣтъ короля были отвергнуты всѣ сдѣланные москвичами упреки безъ утайки сильнаго раздраженія Польши по поводу рѣзни 27-го мая. Въ заключеніе было сказано, что если Шуйскій дѣйствительно желаетъ мира, то ему слѣдуетъ прежде всего возвратить свободу плѣннымъ полякамъ, которыхъ такъ несправедливо до сихъ поръ задерживали, ибо только этимъ онъ можетъ смягчить возбужденное противъ него негодованіе.

Послѣ этой публичной аудіенціи московскіе послы потребовали „отдѣльной бесѣды съ господами сенаторами“. На этой частной конференціи Волконскій заявилъ, что бояре недовольны правленіемъ Василія, и что они желали бы избрать своимъ государемъ Сигизмунда, или же сына его, Владислава. Вѣроятно онъ дѣлалъ эти интимныя сообщенія по соглашенію съ Шуйскимъ, который при своей хитрости, должно быть, ожидалъ, что надежда на полученіе московской короны повліяетъ на дальнѣйшія дѣйствія польскаго короля.

Послѣ отъѣзда Волконскаго и Иванова Сигизмундъ собирался было „тотчасъ же выслать своихъ пословъ“ къ Василію. Дѣйствительно, въ половинѣ февраля „Е. В. Король изволилъ назначить — пишетъ канцлеръ Петроконскій въ современномъ письмѣ — посломъ въ Москву пана Витовскаго, который долженъ былъ ѣхать въ этотъ путь не мѣшкая, для скорѣйшаго освобожденія нашихъ“.

Но Сигизмундъ вовсе не торопился съ отправленіемъ посла. Вначалѣ вмѣстѣ со Станиславомъ Витовскимъ, парчевскимъ *войскимъ*[1]), должны были также выслать князя Богдана Огинскаго, троцкаго подкоморія, но впослѣдствіи къ нему присоединили другого спутника, а именно Яна Соколинскаго изъ Друцка, королевскаго секретаря и придворнаго. И только въ концѣ мая для нихъ составили посольскую инструкцію.

Въ послѣдней имъ еще разъ поручили отвергнуть обвиненія, возведенныя на короля московскими послами, а также — усиленно хлопотать объ освобожденіи всѣхъ поляковъ, задержанныхъ Шуйскимъ, и о справедливомъ вознагражденіи всѣхъ причиненныхъ имъ убытковъ.

---

[1]) Чиновникъ, наблюдавшій за спокойствіемъ края во время всеобщаго ополченія.

„Посланные" эти прибыли въ Москву 22-го октября. Между тѣмъ, предыдущихъ пословъ все еще задерживали бояре. Они поступали такъ подъ тѣмъ предлогомъ, что, до отправленія ихъ, имъ необходимо столковаться съ новымъ посольствомъ. Но и по прибытіи этихъ новыхъ пословъ, не скоро начались переговоры. Хотя 20-го ноября Василій и далъ имъ аудіенцію, но поступалъ вообще такъ, какъ будто желалъ, на сколько возможно, оттянуть и затруднить переговоры съ ними. Такъ, напр., когда послы, согласно полученной ими инструкціи, потребовали, чтобы имъ прежде всего разрѣшили видѣться и посовѣтоваться съ прежними послами,—царь разрѣшилъ имъ это только въ половинѣ декабря.

Кажется, что эти переговоры приняли серіозный оборотъ лишь послѣ болховской битвы, т. е. въ половинѣ мая 1608 г., когда Шуйскій, находясь въ бо-тѣе трудномъ положеніи, рѣшилъ совершенно измѣнить свое поведеніе относительно Сигизмунда и плѣнныхъ поляковъ. Но и тогда нелегко было столковаться. Московскіе бояре придумывали всевозможныя обвиненія, которыя польскимъ посламъ приходилось опровергать детально. Подобные споры длились до конца іюля, и только тогда, а именно 27-го числа, было, наконецъ, заключено новое перемиріе между Польшей и Москвой.

Въ этомъ договорѣ объ стороны обязались въ теченіе трехъ лѣтъ и одиннадцати мѣсяцевъ воздержаться ото всякихъ враждебныхъ дѣйствій. Шуйскій обѣщалъ немедленно освободить всѣхъ поляковъ, задержанныхъ въ Москвѣ, и не позже 8-го октября того же года доставить ихъ къ границѣ Рѣчи Посполитой; а Юрій Мнишекъ обѣщалъ, что не будетъ называть втораго самозванца своимъ зятемъ, что не выдастъ за него замужъ свою дочь, и что Марина не будетъ пользоваться титуломъ московской царицы. Наконецъ,

Сигизмунду вмѣнялось въ обязанность отозвать „князей Романа Рожинскаго и Адама Вишневецкаго", а также „иныхъ вельможъ и ротмистровъ польскихъ и литовскихъ", которые состояли на службѣ у Димитрія, а впредь наблюдать за тѣмъ, чтобы его подданные какъ можно точнѣе придерживались условій заключеннаго перемирія.

На эти послѣднія условія поляки согласились только благодаря настойчивости Шуйскаго и убѣдившись, что имъ не добиться свободы, если не согласятся.

Утвердивъ этотъ трактатъ присягой, польскіе послы отправили къ князю Рожинскому письмо, въ которомъ они обращались съ воззваніемъ къ нему и ко всѣмъ полякамъ, находящимся въ Тушинѣ, чтобы тѣ какъ можно скорѣе вышли изъ предѣловъ Московскаго Государства и дальнѣйшимъ покровительствомъ Самозванцу не нарушали ни этого договора, ни „правъ, выработанныхъ въ сеймовыхъ конституціяхъ съ сословіями противъ нарушителей договора".

Но это „увѣщаніе", исходящее отъ польскихъ пословъ, равно какъ и два предшествовавшія, не произвело никакого впечатлѣнія.

VI.

Новыя польскія войска подъ Москвой.—Окончаніе Зебжидовскаго мятежа.—Дальнѣйшіе происки недовольныхъ.—Прибытіе Яна Петра Сапѣги.—Его политическое положеніе.—Конфедерація, заключенная воискомъ Сапѣги.—Стычки подъ Смоленскомъ.—Встрѣча съ партіей польскихъ плѣнныхъ.—Марина узнаетъ о смерти перваго Димитрія. Пренія Мнишковъ съ Самозванцемъ.—Невыгодное впечатлѣніе, вызванное дѣйствіями дочери воеводы.—Переговоры Шуйскаго съ Димитріемъ.

Шуйскій, при заключеніи перемирія съ Польшей, надѣялся, что не только въ теченіе по крайней мѣрѣ четырехъ лѣтъ онъ обезпечитъ себя миромъ и безопасностью съ этой стороны, но, кромѣ того, еще лишитъ этимъ Димитрія столь цѣнной для него помо-

щи изъ Польши. Но вскорѣ онъ убѣдился, какъ обманчивы были эти надежды.

Польскіе послы весьма резонно считали заключеніе этого перемирія насильственнымъ, слѣдовательно, недѣйствительнымъ и въ сущности ни къ чему ихъ не обязывающимъ. Кажется также, что они не совѣмъ искренно обращались къ полякамъ въ Тушинѣ съ приглашеніемъ отказаться отъ дѣла Самозванца. Такимъ образомъ, въ его лагерѣ остались не только тѣ, которые уже раньше предложили ему свои услуги, но, кромѣ того, именно къ этому времени сюда подоспѣли новыя и весьма многочисленныя войска. Мархоцкій говоритъ: „Эта война была такъ счастлива, что рѣдко проходили четверть года или мѣсяцъ, въ теченіе которыхъ не прибыло бы тысячи изъ Москвы или по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ изъ Польши".

Среди новыхъ участниковъ разыгравшейся борьбы снова оказалось много авантюристовъ, которые ѣхали въ Тушинъ изъ-за прибыли, надѣясь на щедрую награду. Но были среди нихъ и такіе, которые по совершенно инымъ причинамъ спѣшили подъ знамена Димитрія и съ его побѣдой связывали весьма дерзкіе и обширные политическіе замыслы и надежды.

Согласно всеобще принятому до сихъ поръ мнѣнію, возстаніе Зебжидовскаго закончилось извиненіемъ его передъ Сигизмундомъ на конвокаціи, созванной въ маѣ 1608 г. На самомъ же дѣлѣ это было не такъ, и гузовская битва вовсе не уничтожила партіи недовольныхъ. Уже въ августѣ того же года главари возстанія снова старались возобновить борьбу съ Сигизмундомъ. Съ этой цѣлью они созвали на 16-е сентября въ Варшаву избирательный сеймъ, когда же — на сколько это кажется вѣроятнымъ — участники этого собранія не явились въ достаточномъ количествѣ, они опубликовали новый съѣздъ, который долженъ былъ

состояться подъ Люблиномъ „вскорѣ послѣ Крещенія“ въ слѣдующемъ году. Одновременно съ этимъ они приготовлялись и къ тому, чтобы съ оружіемъ поддержать свои усилія. Въ Польшѣ во главѣ этихъ ратей, долженствовавшихъ бороться въ интересахъ мятежниковъ, стоялъ „полковникъ“ Людовикъ Понятовскій, а также нѣсколько „ротмистровъ“, какъ то: Матвѣй Дембинскій, Андрей Колускій и Матвѣй Будзановскій. Въ Литвѣ душой заговора являлся князь Янушъ Радзивиллъ.

Именно въ это время подъ Брестомъ расположился лагеремъ лифляндское войско, давно не получавшее жалованія, составившее конфедерацію съ цѣлью вытребовать его и занявшее находившійся тамъ королевскія имѣнія. Помощью этихъ то конфедератовъ заручился Радзивиллъ для осуществленія заговора и взялъ ихъ къ себѣ на жалованье; кромѣ нихъ, онъ собиралъ также иные вооруженные отряды. Положеніе въ Литвѣ тѣмъ болѣе обострялось, что между Радзивилломъ и Ходкевичемъ, который въ качествѣ литовскаго гетмана начальствовалъ надъ мѣстнымъ войскомъ, давно уже существовали личныя непріятности и недоброжелательство.

Сигизмундъ, встревоженный дѣйствіями мятежниковъ, въ октябрѣ и въ декабрѣ 1607 г. призывалъ какъ своихъ придворныхъ, такъ и благорасположенныхъ къ себѣ сенаторовъ, чтобы они „какъ можно скорѣе и съ величайшей поспѣшностью прибывали въ Краковъ спасти его достоинство, какъ главы Рѣчи Посполитой“, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы они „всячески старались воспрепятствовать столь вредному намѣренію этихъ своевольныхъ людей“. Тѣмъ охотнѣе принялъ онъ поэтому посредничество, предлагаемое ему собраннымъ въ октябрѣ того же года петроковскимъ съѣздомъ, а также нѣкоторыми именитыми сенаторами, какъ напр. Янушемъ Острогскимъ, краковскимъ кан-

теляномъ, и Станиславомъ Жолкевскимъ. Особенно усердно занялся этимъ дѣломъ послѣдній изъ нихъ. Благодаря его-то усиліямъ, согласился Зебжидовскій на то, что бы сенатъ рѣшалъ всѣ дѣла, возникшія благодаря мятежу, и, дѣйствительно, 6 іюня 1608 г. онъ прибылъ на созывъ въ Краковъ и просилъ прощенія у короля.

Совершенно иное положеніе заняли другіе мятежники.

За нѣсколько недѣль до этого, въ концѣ марта того же года, собрались въ Красноставѣ „полковники, ротмистры, товарищи и все воинство", составившее заговоръ и выработавшее новую конфедерацію. Въ универсалѣ, изданномъ отъ имени этого союза, составители его заявляютъ, что на краковской конвокаціи „Воинство королевства Польскаго и Вел. Кн. Литовскаго можетъ получить лишь какое то воображаемое удовлетвореніе", ибо сенаторы, принадлежащіе къ королевскому лагерю, „не получивъ на это разрѣшенія отъ депутатовъ и всѣхъ воеводствъ, собственной своей властью „намѣреваются" учредить, что-то новое и стараются „теперь исключительно съ паномъ краковскимъ воеводой, какъ будто относительно частныхъ дѣлъ примириться". Поэтому—говорятъ дальше авторы универсала—„эту нашу теперешнюю конфедерацію мы подтверждаемъ новой присягой и обѣщаемъ мужественно отстаивать свое предпріятіе, призывая въ свидѣтели Бога и всѣхъ гражданъ славнаго Польскаго Королевства въ томъ, что мы крѣпко и неизмѣнно будемъ находиться во всѣхъ военныхъ наборахъ его милости пана краковскаго воеводы и съ нимъ вмѣстѣ ради дорогой свободы даже все самое худшее готовы перенести".

Этотъ актъ, полный жалобъ на „притѣсненіе" и „уловки" сторонниковъ короля, подписали два полковника", а именно нѣкій Высоцкій и вышеназванный Людовикъ Понятовскій, а также четырнадцать „ротмистровъ".

Точно такъ же и въ Литвѣ созывъ краковской конвокаціи не произвелъ желаемаго впечатлѣнія. Хотя въ іюнѣ того же года, благодаря посредничеству Генриха Фирлея, коронаго референдарія, и иныхъ сенаторовъ, Радзивиллъ будто бы примирился съ Ходкевичемъ, но у короля онъ прощенія не просилъ и, какъ подтверждаютъ послѣдующія событія, вовсе не прекращалъ своихъ интригъ и происковъ противъ Сигизмунда. Такимъ образомъ, несмотря на примиреніе Зебжидовскаго со дворомъ, партія недовольныхъ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ, была еще довольно многочисленна и сильна.

Однако при тогдашнемъ настроеніи народа нелегко было противникамъ Сигизмунда безъ посторонней помощи возобновить открытую борьбу съ нимъ. Въ вышеприведенномъ заявленіи красноставскихъ конфедератовъ главари этого союза жалуются на „человѣческое равнодушіе въ столь важныхъ дѣлахъ, при чемъ нѣкоторые, мало думая о конфедераціи, объ обязанностяхъ, принятыхъ ими на себя на свою совѣсть и честность, постыдно избѣгаютъ всего этого и тѣхъ, которые вступились за это". Конечно, при такомъ равнодушіи общества къ дѣлу заговора, слѣдовало прежде всего позаботиться о посторонней помощи, чѣмъ особенно и занялись—какъ объ этомъ нѣсколько лѣтъ спустя заявилъ самъ Сигизмундъ Ходкевичу — Янушъ Радзивиллъ, Щенный Гербуртъ и Петръ Горайскій.

Такой помощи ожидали прежде всего отъ Москвы, а именно—отъ второго Самозванца, которому въ то время подчинилась уже значительная часть Московскаго Государства.

Какъ извѣстно, еще въ 1605 г. нѣкоторые главари партіи недовольныхъ поляковъ составили дружеское соглашеніе съ первымъ Димитріемъ. Самозванецъ охотно завязалъ съ ними близкія сношенія и готовъ былъ

поддержать ихъ усилія и деньгами и вооруженной силой. На сеймѣ въ 1611 г. коронный вицеканцлеръ, Щенсный Крыскій, заявилъ, что для оказанія помощи заговорщикамъ должны были собраться подъ Смоленскомъ 40.000 московскаго войска подъ начальствомъ Димитрія Шуйскаго, и въ подтвержденіе этого привелъ даже его собственныя слова. Не подлежитъ сомнѣнію, что, если бы дѣлу не помѣшала внезапная смерть перваго Самозванца, тогдашній заговоръ, какъ и вообще многія послѣдующія событія, приняли бы совершенно иное направленіе.

И вотъ, такой же помощью старались теперь заручиться со стороны второго Димитрія—какъ объ этомъ впослѣдствіи всенародно и безъ колебанія заявили именитѣйшіе польскіе сенаторы.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ опредѣлить съ точностью, кто въ этомъ дѣлѣ сыгралъ роль посредника; кажется что эту миссію взяли на себя три ротмистра изъ брестской конфедераціи, прибывшіе въ іюлѣ 1608 г. въ тушинскій лагерь, а именно: Александръ Зборовскій, Андрей Млоцкій и Маркъ Виламовскій. Каждый изъ нихъ присоединился къ арміи Самозванца съ довольно порядочнымъ отрядомъ войска. Виламовскій „имѣлъ съ собой — по выраженію Мархоцкаго—около тысячи хорошихъ воиновъ, Млоцкій привелъ двѣ роты— гусарскую и казачью, а Зборовскій — больше тысячи человѣкъ“. Они-то, вѣроятно, и вели тѣ интриги противъ Сигизмунда, конечной цѣлью которыхъ должно было служить водвореніе Самозванца на польскомъ престолѣ.

Въ августѣ того же года новый воитель, одаренный къ тому же необыкновенными способностями, а именно— Янъ Петръ Сапѣга, усвятскій староста, выдвинулся для борьбы съ Василіемъ Шуйскимъ. Но онъ предложилъ свои услуги Димитрію по совершенно особымъ причинамъ.

Усвятскій староста, какъ и вся семья Сапѣговъ, принадлежалъ къ вѣрнымъ сторонникамъ Сигизмунда. Окончивъ образованіе въ Италіи, онъ долгое время служилъ въ войскѣ подъ начальствомъ Замойскаго и Ходкевича, при чемъ неоднократно блестяще отличался какъ въ Валахіи, такъ и въ Лифляндіи. Во время заговора онъ боролся въ партіи короля и снарядилъ даже на собственный счетъ двѣ роты — гусарскую и казачью. Послѣ гузовской битвы, въ августѣ 1607 г., онъ написалъ къ Самозванцу письмо, въ которомъ предлагалъ ему свои услуги. Онъ сдѣлалъ это по причинамъ, которыя мы легко поймемъ, разсматривая его дѣйствія съ точки зрѣнія родовой политики Сапѣговъ, главнымъ же образомъ — Льва Сапѣги, литовскаго канцлера.

Этотъ необыкновенный человѣкъ, политикъ высокаго стиля и истинный создатель всего блеска своего рода, наряду съ многочисленными трудами, предпринимаемыми имъ во имя общественнаго блага, отличался также особенной заботливостью въ дѣлѣ увеличенія своего родового имѣнія. Онъ отлично умѣлъ соединять крупныя политическія цѣли съ стремленіемъ къ пріобрѣтенію личныхъ выгодъ, и усилія его въ послѣднемъ отношеніи были особенно ревностны, тѣмъ болѣе что отъ предковъ ему досталось лишь весьма скромное состояніе. Потому-то въ теченіе всей его долгой жизни нѣтъ почти ни одного года, въ который онъ не увеличилъ бы своего состоянія либо куплею, либо щедрыми дарами польскихъ королей, особенно же — Сигизмунда III.

Онъ совершенно основательно разсчитывалъ, что ему удалось бы въ значительнѣйшей степени увеличить свои владѣнія, получивъ обратно обширные участки въ Смоленской землѣ, утраченные Сапѣгами послѣ захвата крѣпости Москвой при Сигизмундѣ I. Эти владѣнія—а именно Опаковъ и Ельная—первоначаль-

ное гнѣздо всего рода,—принадлежали нѣкогда Богдану Сапѣгѣ, прадѣду литовскаго канцлера. Вотъ потому-то Левъ Сапѣга настойчиво стремился къ пріобрѣтенію ихъ вновь, и въ этихъ его усиліяхъ мы находимъ объясненіе его дѣятельности и на общественномъ поприщѣ Такъ какъ эти обширные участки можно было получить обратно лишь по отвоеваніи Смоленска, то Сапѣга непрерывно работалъ въ теченіе долгихъ лѣтъ надъ тѣмъ, чтобы вызвать войну съ Москвою, или же броженіе въ Московскомъ Государствѣ, съ намѣреніемъ ослабить его и тѣмъ легче достигнуть завѣтной цѣли.

Поэтому-то онъ еще въ 1584 г. совѣтовалъ Баторію воспользоваться происходившими тогда въ Москвѣ нестроеніями, начать войну съ „безумнымъ" Ѳеодоромъ и отнять Смоленскъ.

Когда въ 1603 г. появился въ Польшѣ первый Димитрій, литовскій канцлеръ предложилъ ему доставку войскъ и денегъ для его похода противъ Бориса.

Спустя четыре года, когда второй Димитрій старался заручиться помощью польскихъ рекрутскихъ отрядовъ, Янъ Петръ Сапѣга оказался однимъ изъ первыхъ, охотно предложившихъ ему свои услуги: а сдѣлалъ онъ это подъ вліяніемъ и по совѣту своего двоюроднаго брата Льва Сапѣги.

Въ 1609 г литовскій канцлеръ настойчиво убѣждалъ короля предпринять походъ на Смоленскъ. Объ этомъ упоминаетъ и королева Констанція въ современномъ событіямъ письмѣ.

Когда Сигизмундъ завладѣлъ этимъ воеводствомъ и издалъ привилегіи, надѣлявшія нѣкоторыхъ польскихъ вельможъ владѣніями въ Смоленской землѣ, то Левъ Сапѣга отъ имени всего В. Княжества Литовскаго заявилъ протестъ. Этотъ дерзновенный поступокъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, ибо на сеймѣ въ 1613 г.

въ такъ называемомъ „постановленіи относительно смоленскаго воеводства“ было рѣшено, что всѣ шляхетскія владѣнія въ означенномъ воеводствѣ должны были быть возвращены ихъ законнымъ собственникамъ.

Эти постоянныя усилія, направленныя къ увеличенію своего состоянія, на ряду съ желаніемъ расширить границы Рѣчи Посполитой, лучше всего объясняютъ намъ мотивы, руководившіе литовскимъ канцлеромъ въ сношеніяхъ съ Москвой. Оттого-то онъ и подготавливалъ къ объявленію Москвѣ открытой войны или же по крайней мѣрѣ способствовалъ усиліямъ, направленнымъ къ тому, чтобы вызвать броженіе въ сосѣднемъ государствѣ. Несомнѣнно и то, что въ силу подобныхъ же соображеній онъ склонилъ своего двоюроднаго брата къ предложенію услугъ второму Самозванцу. Въ пользу приведеннаго предположенія говоритъ и то обстоятельство, что съ этихъ поръ оба они, т. е. канцлеръ и усвятскій староста, во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ, поступали съ полнаго обоюднаго согласія.

Въ силу указанныхъ соображеній Янъ Петръ Сапѣга рѣшилъ отправиться подъ Москву. Однако изъ послѣдующихъ событій мы убѣдимся, что на ряду съ этими, вѣроятно, главными мотивами, онъ руководствовался еще иными, уже чисто личными соображеніями, а именно честолюбивыми и очень далеко простирающимися политическими планами.

Понятно, что для Димитрія прибытіе столь выдающейся личности, какою былъ усвятскій староста, оказалось въ высшей степени желаннымъ. Поэтому на его предложеніе онъ отвѣтилъ уже 6-го сентября того же года, не щадя въ своемъ письмѣ весьма лестныхъ отзывовъ по его адресу.

„Доброжелательство ваше — писалъ Самозванецъ въ которомъ мы убѣдились въ свое время, и которое теперь осталось прежнимъ, видимъ по вашему письму.

Янъ Петръ Сапѣга.

Весьма благодарим Васъ и, снисходя къ Вашему доброжелательству, всегда одинаково неизмѣнному, объявляемъ вамъ свое благоволеніе и хорошо будемъ помнить, когда съ Божьей помощью возсядемъ на престолѣ своихъ предковъ, что обязаны щедрой рукой нашей царской васъ наградить. А теперь желаемъ отъ Васъ, чтобы Вы съ отрядомъ воиновъ польскаго народа какъ можно скорѣе прибыли въ наши владѣнія".

Несмотря на такое приглашеніе Сапѣга только годъ спустя прибылъ въ Тушинъ. Причиной запозданія явились, вѣроятно, тогдашнія событія въ Польшѣ, а до нѣкоторой степени быть можетъ и необходимыя военныя приготовленія.

Войско Сапѣги, кромѣ довольно многочисленныхъ щитоносцевъ, состояло изъ двухъ ротъ гусаръ съ 250 конными, изъ 570 пятигорцевъ, 550 казаковъ, нѣсколькихъ орудій и, наконецъ, изъ трехъ ротъ пѣхоты. Первая изъ нихъ, названная по цвѣту своего знамени „голубой" насчитывала 100, а двѣ остальныя 250 человѣкъ такъ называемой „красной пѣхоты". Итакъ, общая численность этого войска равнялась 1370 конныхъ и 350 пѣхотинцамъ.

Всѣ эти отряды собрались въ концѣ іюля 1608 г. на границѣ, въ окрестностяхъ деревни Ивановичи. Оттуда же, 27-го числа того же мѣсяца, вступилъ Сапѣга въ Московскую землю. Два дня спустя, онъ пришелъ къ рѣчкѣ Лосмяни, гдѣ стоялъ четыре дня. Здѣсь „все воинство" составило конфедерацію и опредѣлило параграфы, долженствовавшіе обезпечить повиновеніе своему вождю, порядокъ и безопасность въ лагерѣ.

Въ актѣ конфедераціи инціаторы этого союза говорятъ, что они устроили настоящій наборъ противъ Василія Шуйскаго, во славу Царя, вынужденные къ этому тяжелымъ положеніемъ жестокой не-

волей своихъ братьевъ, а также обидой, нанесенной правому дѣлу Ясне-Вельможной Марины Мнишекъ, Великой Царицы Московской, которая, по просьбѣ думныхъ бояръ и съ согласія всего народа, сочеталась бракомъ съ Великимъ Царемъ Димитріемъ Ивановичемъ, а затѣмъ была тѣмъ же Василіемъ Шуйскимъ измѣнническки лишена престола и заточена въ тюрьму".

Далѣе союзники заявляютъ, что, такъ какъ начатое дѣло „требуетъ продолжительнаго времени, а люди обыкновенно уклоняются отъ своего, хотя бы и честнаго, намѣренія",—то они „всѣ единодушно обѣщаютъ стойко окончить эту экспедицію" и, „находясь при Царѣ, готовы жертвовать собой противъ каждаго его врага". Но если „черезъ десять недѣль" по окончаніи этой войны они не получаютъ своего жалованья полностью, согласно повѣсткамъ и обезпеченію, данному Царемъ войску, то, не входя ни въ какія соглашенія, они всѣ въѣдутъ въ предѣлы Сѣверской и Рязанской земель и обратятъ доходы съ нихъ въ свою пользу, до полнаго разсчета за свою службу и за понесенные убытки".

Въ заключеніе въ актъ было прибавлено, что еслибы въ войскѣ произошли какія нибудь „напасти", то въ такихъ случаяхъ для „обузданія своеволія" должно „избрать предводителя, судью и депутатовъ и поручить имъ разслѣдованіе дѣла, давъ полномочіе карать виновныхъ".

Этотъ интересный документъ былъ скрѣпленъ присягою всѣхъ воиновъ и собственноручно подписанъ ими. Конечно, онъ выражалъ лишь общія чувства и симпатіи союзниковъ, но, судя по послѣдующимъ событіямъ, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что истинный авторъ его, т. е. Янъ Петръ Сапѣга, руководился совершенно иными, нисколько не сентиментальными, а исключительно политическими соображеніями.

На другой день, 3-го августа, они отправились въ дальнѣйшій походъ.

Когда Сапѣга приближался къ Смоленску, онъ послалъ къ Михаилу Шеину, тамошнему воеводѣ, письмо, въ которомъ старался склонить его къ сдачѣ крѣпости. Это воззваніе не имѣло никакихъ послѣдствій. Смоленскія власти не только не повиновались его „увѣщаніямъ", но даже старались удержать поляковъ отъ дальнѣйшаго вторженія въ предѣлы Московскаго Государства. И вотъ, когда Сапѣга 13-го августа подступилъ къ Смоленску, „Москвичи - читаемъ мы въ его дневникѣ—преградили ему путь, не пропуская его на Поссльскую дорогу, ведущую къ самому городу, поставивъ на ней орудія въ засадѣ. Изъ крѣпости стрѣляли также изъ орудій, и нѣсколько сотъ войска стояло подъ городомъ въ боевомъ порядкѣ, стрѣлецкія же засады были устроены въ кустахъ. Но онъ шелъ по прямому пути, не озираясь и не опасаясь, что выстрѣлы изъ крѣпости могутъ нанести вредъ.

„Переднюю стражу держалъ татаринъ Тушинскій и Неенскій передъ повозками. Они долго задерживали непріятеля, но когда это стало невозможно, повернули всѣ повозки къ лѣвому крылу, немного въ сторону отъ Подольской дороги, и выстроились въ ряды". Но затѣмъ, „не будучи узки въ силахъ давать непріятелю отпоръ, они выѣхали на мѣсто стычки и тамъ сразились. Москвичи не смогли ихъ одолѣть и поэтому прибѣгли къ своимъ лукавствамъ и обычнымъ увертками: сражаясь въ стычкахъ съ нашими, завлекли ихъ къ стрѣлецкимъ засадамъ". Поляки, „хотя хорошо знали о ихъ существованіи, пренебрегали ими и многократно оттѣснили врага подъ самый городъ. Непріятель же, видя такую смѣлость поляковъ чаще сталъ вызывать ихъ на стычки. Тогда наши снова приблизились къ врагу. Москвичи тотчасъ же обратили тылъ, наводя ихъ на стрѣлецкія засады, и нѣсколько

нашихъ легло на полѣ брани". Кромѣ того, „въ казачьихъ ротахъ подстрѣлили около десятка лошадей. Однако, по милости Божьей, наши не были выбиты изъ позиціи и нѣсколько десятковъ москвичей было убито. Въ сумерки покинувъ поле брани, его благородіе расположился лагеремъ на Нетебнѣ, въ верстѣ отъ Смоленска".

Подобныя стычки происходили также на слѣдующій день. Миновавъ Смоленскъ, Сапѣга уже спокойно продолжалъ свой походъ.

25-го августа онъ прибылъ подъ Вязьму. Узнавъ объ этомъ, тамошній воевода, Иванъ Бѣгичевъ, сперва привѣтствовалъ его черезъ посланныхъ, а потомъ самъ выѣхалъ ему на встрѣчу. Вяземскіе жители также очень радушно принимали поляковъ и приготовили для нихъ весьма обильные съѣстные припасы. Они даже извинялись въ томъ, что не могутъ дать больше, такъ какъ недавно ихъ ограбили донскіе казаки и сторонники Шуйскаго.

Спустя три дня, когда усвятскій староста расположился лагеремъ подъ Царевымъ Займищемъ, тотъ же вяземскій воевода сообщилъ ему, что царица, вмѣстѣ со своимъ отцомъ и другими польскими пѣшими, находится поблизости, остановленная въ пути на родину разъѣзднымъ отрядомъ, высланнымъ изъ тушинскаго лагеря.

Чтобы провѣрить это извѣстіе, выслали тотчасъ же десятка два казаковъ, которые, вернувшись, донесли, что дѣйствительно сандомірскій воевода находится, вмѣстѣ съ значительной группой поляковъ, въ деревнѣ Любенцѣ, расположенной всего въ четырехъ миляхъ отъ лагеря Сапѣги. Дѣло происходило такъ. Шуйскій, удовлетворяя условіямъ недавно заключеннаго перемирія, наконецъ, выпустилъ изъ Москвы польскихъ пословъ, Марину, Мнишковъ, князя Константина Вишнёвецкаго и многихъ изъ наиболѣе знатныхъ

поляковъ. Къ названной группѣ принадлежалъ также ксендзъ Каспер Савицкій, которому мы обязаны, между прочимъ, весьма характерными подробностями этого путешествія, главнымъ же образомъ свѣдѣніями о поведеніи Марины и ея отца, дѣйствовавшихъ, несомнѣнно, въ тайномъ соглашеніи съ Димитріемъ.

Шуйскій имѣлъ основательныя причины бояться, что освобожденные имъ плѣнные направятся въ лагерь Самозванца и такимъ образомъ усилятъ его армію, осаждавшую столицу. Чтобы предупредить это, онъ далъ имъ стражу, изъ 500 всадниковъ, и, кромѣ того, отправилъ еще другіе отряды войскъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они должны были проѣзжать. По той же причинѣ онъ велѣлъ отправить ихъ не тѣмъ трактомъ, который шелъ чрезъ Смоленскъ, а стороной, огибая его съ сѣвера, черезъ дикую, болотистую и лѣсистую мѣстность, гдѣ нерѣдко съ топоромъ въ рукахъ приходилось прокладать себѣ путь.

При такихъ условіяхъ путешествіе это было необыкновенно затруднительно. „Почти цѣлый мѣсяцъ — жалуется ксендзъ Савицкій въ своемъ дневникѣ — пришлось намъ ночевать подъ открытымъ небомъ, среди лѣсовъ и полей. Пищу намъ отпускали скудную и доставляли ее съ большимъ трудомъ; въ теченіе многихъ дней мы не могли достать никакого другого напитка, кромѣ воды. Къ этому присоединялась еще другая непріятность: хотя мы издали огибали смоленскую дорогу, все же не могли миновать всѣ мѣстности, населеніе которыхъ либо уже поколебалось въ приверженности къ Шуйскому, либо даже открыто перешло на сторону Димитрія. Въ этихъ пунктахъ опасенія наши еще усугубляли указы, издаваемые Самозванцемъ, чтобы насъ всѣхъ задержали, а пана воеводу вмѣстѣ съ дочерью отослали въ тушинскій лагерь“. „Среди такихъ опасностей—продолжаетъ ксендзъ Савицкій—насъ постигло новое горе. Когда

мы очутились на перепутьи среди лѣсовъ, въ разстояніи около семи миль отъ рѣки Волги, то узнали отъ шпіоновъ, которыхъ проводники наши всегда высылали впередъ, что изъ Тушина отправлены отряды, которые должны были задержать наше дальнѣйшее путешествіе. Сопровождавшіе насъ полагали, что не слѣдуетъ ѣхать дальше къ Волгѣ, а свернуть немного въ сторону, или же ждать болѣе точныхъ извѣстій. Поляки же, послѣ двухдневныхъ очень горячихъ преній, раздѣлились на двѣ партіи. Одинъ изъ пословъ, а именно вельможный панъ Гонсевскій, вмѣстѣ съ королевскими посланниками и нѣсколькими шляхтичами, (къ которымъ присоединились также Іезуиты), согласились съ мнѣніемъ сопровождавшихъ насъ, тѣмъ болѣе, что эти люди во все время путешествія честно поступали съ нами и такъ же искренно, какъ и мы, желали доставить насъ возможно скорѣе къ границамъ Рѣчи Посполитой. Другой же главный посолъ, его сіятельство панъ Олесницкій, каштелянъ малогоскій, вмѣстѣ съ нашимъ сандомірскимъ воеводой, царицей и большинствомъ поляковъ ни за что не хотѣли ни возвращаться, ни оставаться на этомъ мѣстѣ: они желали немедленно приблизиться къ Волгѣ и какъ можно скорѣе переправиться черезъ эту рѣку, утверждая, что если вообще грозила какая-либо опасность, то развѣ только отъ нашихъ войскъ, составляющихъ большую часть арміи Димитрія, отъ которыхъ, какъ отъ земляковъ, конечно, нельзя ждать худого".

„И та и другая партіи горячо спорили, стараясь даже просьбами склонить противника на свою сторону, но всѣ ихъ усилія ни къ чему не привели, ибо и тѣ и другіе остались при своемъ мнѣніи. Такимъ образомъ 8-го августа панъ воевода съ нашимъ каштелянomъ малогоскимъ направились прямо къ Волгѣ; а панъ Гонсевскій со своими, по совѣту сопровождавшихъ насъ, сперва проѣхалъ обратно три мили, а на

слѣдующій день прибылъ въ Переяславль. Здѣсь онъ засталъ двухъ московскихъ воеводъ съ 5.000 конныхъ, высланныхъ Шуйскимъ, чтобы стеречь нашихъ и не давать имъ ни отдѣляться, ни останавливаться гдѣ-либо, ни уйти въ лагерь Самозванца. Эти воеводы съ величайшимъ неудовольствіемъ узнали, что царица, вмѣстѣ со своимъ отцемъ и другими, отдѣлилась отъ остальныхъ плѣнныхъ; они тотчасъ же поспѣшили за ними въ погоню; однако имъ не удалось убѣдить ихъ и вернуть. Силу же они тоже не дерзнули пустить въ ходъ, ибо съ нашимъ самоміреким воеводой было много старыхъ и опытныхъ солдатъ, московская же конница состояла исключительно изъ людей неопытныхъ въ бою; кромѣ того, въ ней было немало ненадежныхъ сторонниковъ Шуйскаго. Итакъ, нашъ воевода ѣхалъ по торной, но не совсѣмъ безопасной дорогѣ къ Смоленску; нашъ же Гонсевскій по худшей, но гораздо болѣе вѣрной, дорогѣ къ Вязьму".

Самозванецъ узналъ о выѣздѣ изъ Москвы этой партіи польскихъ плѣнныхъ, на другой же день, т. е. 3 августа. Надѣясь, что всенародное признаніе Марины его своимъ мужемъ укрѣпитъ вѣру его подданныхъ, что онъ дѣйствительно сынъ Ивана Грознаго, онъ рѣшилъ заручить ее въ Тушинѣ и съ этой цѣлью немедленно выслалъ отрядъ войска.

Эту миссію взялъ на себя одинъ изъ польскихъ полковниковъ, Валентинъ Валевскій. Однако онъ не раздѣлялъ надеждъ Димитрія и даже предвидѣлъ — какъ утверждаетъ Мархоцкій — „какую сумятицу должно было произвести ихъ возвращеніе, а потому онъ умышленно не настигъ ихъ".

Тогда Самозванецъ отправилъ второй отрядъ подъ начальствомъ Александра Зборовскаго и князя Василія Масальскаго. Они, дѣйствительно, догнали нашихъ уже близъ польской границы, въ деревнѣ Верховъ подъ Бѣлой, и безъ труда разгромили сопровождав-

шую ихъ московскую конницу. Отсюда и освобожденные плѣнники и высланные отряды отправились въ деревню Любенцу, гдѣ остановились на нѣсколько дней для отдыха.

Сюда же прибылъ усвятскій староста „навѣстить Е. В—о Царицу и пана сандомірскаго воеводу". Съ этихъ поръ онъ неотлучно сопровождалъ ихъ до самаго Тушина.

31-го августа двинулись дальше, къ Москвѣ.

На другой день „по пути — читаемъ въ дневникѣ Сапѣги — встрѣтилъ царицу его благородіе панъ Заблоцкій, посланный отъ Е. В—а царя съ письмами къ царицѣ и къ папу воеводѣ, чему Е. В—о царица была очень рада".

При всякомъ случаѣ Сапѣга воздавалъ Маринѣ почести, принадлежавшія ей какъ монархинѣ, а когда она прибыла въ его лагерь подъ Можайскомъ, устроилъ для нея смотръ своего хотя и не особенно многочисленнаго, но отборнаго войска, которое съ этой цѣлью „выстроилось въ боевомъ порядкѣ подъ знаменами".

Здѣсь снова была трехдневная остановка, послѣ которой 6-го сентября направились дальше, къ столицѣ.

Въ послѣдніе дни этого путешествія, когда Марина уже подъѣзжала къ Москвѣ, на ея долю выпало горестное разочарованіе.

До сихъ поръ дочь воеводы не знала объ убіеніи перваго Самозванца. Въ виду ея молодости отъ нея скрывали настоящее положеніе дѣлъ и поддерживали въ ней увѣренность, что ему дѣйствительно удалось спастись. — Поэтому-то она и была „очень рада" тѣмъ письмамъ, которыя привезъ Заблоцкій. Только въ одинъ изъ послѣдующихъ дней она узнала о смерти перваго Димитрія и узнала также, что тотъ царь, котораго она вскорѣ должна была привѣтствовать, какъ супруга, не былъ ея вѣнчаннымъ мужемъ.

Согласно Бусову, ее увѣдомилъ объ этомъ одинъ польскій шляхтичъ, котораго за это тотчасъ же велѣли арестовать, а затѣмъ даже посадить на колъ. По мнѣнію же Мархоцкаго, ей сообщилъ объ этомъ князь Василій Масальскій, одинъ изъ предводителей разъѣзднаго отряда, который былъ высланъ, чтобы отбить эту партію польскихъ плѣнныхъ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ судить насколько истинны эти свѣдѣнія. Несомнѣнно только то, что передъ прибытіемъ въ Тушинъ, самъ отецъ долженъ былъ объяснить ей, въ чемъ дѣло, и приготовить ее къ той роли, которую ей вскорѣ предстояло играть. Если ея пріѣздъ въ тушинскій лагерь долженъ былъ оказать извѣстныя услуги Мнишкамъ и вообще дѣлу Димитрія, то первымъ условіемъ успѣшности его должно было служить единодушіе ея дѣйствій съ дѣйствіями остальныхъ лицъ.

Но нелегко было склонить дочь воеводы къ той роли, которую ей навязывалъ отецъ и ея семья; и когда 11-го сентября она подъѣзжала къ столицѣ, то „не хотѣла даже ѣхать въ царскій лагерь“ и остановилась вмѣстѣ съ Сапѣгой надъ рѣкой Москвой, на разстояніи версты отъ Тушина.

Такое поведеніе Марины должно было произвести весьма невыгодное впечатлѣніе. Димитрій тоже не выѣхалъ ей на встрѣчу, но чтобы дать объясненіе своему и ея поведенію, притворился, что „былъ въ то время боленъ“.

Въ тотъ же день „князь Рожинскій и нѣкоторые именитые воеводы встрѣчали Е. В-о царицу.

Первый изъ нихъ покинулъ свой лагерь не для того только, чтобы привѣтствовать ее. Ему поручили привезти въ Тушинъ отца Марины, съ которымъ Самозванецъ желалъ какъ можно скорѣе столковаться.

Дѣйствительно, „11 сентября его благородіе панъ воевода былъ у царя, привѣтствуя его“.

Еще раньше, т. е. во время своего путешествія, Димитрій вступилъ съ нимъ въ сношенія—письменно, черезъ посредство своего канцлера, полковника Валевскаго. Судя по послѣдующимъ событіямъ, мы не можемъ однако сомнѣваться въ томъ, что въ это время они не пришли къ какому-либо обоюдному соглашенію.

Вѣроятно, въ этомъ дѣлѣ приняли участіе Сапѣга и малогоскій капителянъ, согласно желанію Димитрія. Ибо въ послѣдующіе дни оба они нѣсколько разъ ѣздили „въ царскій лагерь“. Самозванецъ принималъ ихъ весьма привѣтливо и приглашалъ на свои пиры. Какого рода были эти пиры, узнаемъ изъ дневника того же Сапѣги.

14-го сентября былъ его благородіе (т. е. усвятскій староста) у царя на обѣдѣ. На этомъ банкетѣ — читаемъ дальше въ томъ же дневникѣ—подали сперва московскую квасенину, затѣмъ другія яства не особенно замысловатыя; всѣ они были грубы, приготовлены по-просту, кое-какъ, грязно, и подавались изъ кухни. Изъ напитковъ было также нѣсколько различныхъ сортовъ меду, московскаго приготовленія; его давали очень мало и обносили въ кругъ; изобилія не было ни въ чемъ. Общество, бывшее съ его благородіемъ, не очень осталось довольно этимъ банкетомъ, потому что ихъ угощали чуть-чуть и давали скупо яства, къ которымъ они не привыкли. Во время этого обѣда царь богохульствовалъ. Онъ пилъ также нѣсколько разъ здравицу его благородія, Е. В—ва Короля и всего воинства“.

Въ эти дни происходили переговоры на счетъ условій, по которымъ Мнишки должны были признать Самозванца истиннымъ Димитріемъ, кажется также, что тогда же, по крайней мѣрѣ съ отцомъ Марины, ему удалось вполнѣ столковаться, ибо на другой день, „15-го сентября его благородіе панъ воевода вто-

ричію былъ у царя, опознавая его — язвительно замѣчаетъ авторъ этого дневника—подлинный ли онъ, или нѣтъ?"

Самозванецъ будто бы щедро вознаградилъ пана Юрія и его родныхъ за оказанную ими услугу. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого онъ дѣйствительно снабдилъ его документомъ слѣдующаго содержанія:

„Объявляемъ, что мы, въ благодарность за дружбу ясне-вельможнаго пана Юрія Мнишка изъ великихъ Кончицъ, сандомірскаго воеводы, весьма любезнаго намъ отца, каковой дружбы его къ намъ и любви подчасъ сильнѣе отцовской, имѣя вѣчный задатокъ рѣшили мы, что подобаетъ отвѣтить ему той же горячей привязанностью. И дабы онъ принялъ послѣднюю не только изъ высказанныхъ словъ, но и особенно изъ нашихъ щедрыхъ царскихъ рукъ, обѣщаемъ ему, что когда Господь Богъ соблаговолитъ посадить насъ въ столицу нашу, немедленно велимъ выдать триста тысячъ рублей изъ нашей казны—въ подтвержденіе чего мы велѣли приложить свою печать и сдѣлали собственноручную подпись. Данъ въ лагерѣ нашемъ подъ столичнымъ городомъ Москвой, въ государствѣ нашемъ 14-го октября 1608 года. Димитрій Царь".

Кромѣ того, онъ обѣщалъ отдать ему четырнадцать крѣпостей въ Сѣверской землѣ, вмѣстѣ со „всѣми волостями", принадлежащими къ нимъ, согласно привиллегіи, уже раньше дарованной ему первымъ Димитріемъ.

Николай Олесницкій, дядя Марины, вѣроятно въ награду за свое посредничество, получилъ привилегію, дающую ему городъ Бѣлый, а Павелъ Тарло, ея двоюродный братъ, долженъ былъ получить 20.000 злотыхъ, которые Самозванецъ обязался выдать ему изъ царской казны, „когда Господу Богу будетъ угодно посадить его въ столицѣ".

Гораздо труднѣе было Димитрію сговориться съ самой Мариной. Когда 16-го сентября онъ пріѣхалъ въ лагерь Сапѣги, „царица не очень привѣтливо поздоровалась съ царемъ и не была рада его пріѣзду“.

Даже воевода и родимъ нелегко было склонить Марину къ принятію этой роли, столь жестоко навязанной ей для удовлетворенія ихъ алчности. Въ самомъ дѣлѣ изъ позднѣйшей корреспонденціи видно, что несчастная женщина энергично отвергала такое требованіе, и что по этому поводу долгое время враждебно относилась даже къ отцу.

Но въ концѣ концовъ Марина уступила вліянію окружавшихъ ее.

Къ сожалѣнію, мы точно не знаемъ, какъ совершился этотъ психическій процессъ въ душѣ дочери воеводы. Современные ей дневники и письма совершенно умалчиваютъ объ этомъ. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что къ окончательному рѣшенію привели ее, на ряду съ убѣжденіями отца, главнымъ образомъ ея безумное высокомѣріе и честолюбіе.

20-го сентября Сапѣга сопровождалъ ее „въ царскій лагерь“. Эти „торжественныя проводы со знаменами были довольно приличны“.

Вѣроятно, черезъ нѣсколько дней послѣ этого Марина тайно обвѣнчалась съ Самозванцемъ. Обрядъ этотъ былъ совершенъ однимъ изъ сопровождавшихъ ее бернардинцевъ, какъ можно предполагать, ксендзомъ Антоніемъ Любельчикомъ, и въ такой тайнѣ, что даже ея родной братъ Станиславъ узналъ объ этомъ лишь полгода спустя.

Между тѣмъ, хотя Марина и признала Димитрія своимъ мужемъ, ея долгая нерѣшительность и препирательства ея отца съ Самозванцемъ не могли остаться совершенно тайными. „Не могу быть тайнымъ — говоритъ Мархоцкій — что царица и иныя лица, знавшія Димитрія въ столицѣ, увидя нашего, не хотѣли

его признать. Но невозможно было исправить эту ошибку: Итакъ, ея возвращеніе принесло намъ больше вреда, чѣмъ пользы".

Но не въ одномъ лишь тушинскомъ лагерѣ толковали объ этомъ; слухи дошли и до Москвы, - прибавляетъ авторъ того же дневника, - „что врагамъ было весьма на руку для разубѣжденія народа" въ подлинности Димитрія.

Въ самомъ дѣлѣ, Шуйскій очень скоро получилъ точное извѣщеніе о поведеніи Марины; увѣдомилъ его объ этомъ князь Василій Масальскій. „Онъ привелъ ее къ самой столицѣ и только отсюда 10-го сентября, съ нѣсколькими значительными боярами бѣжалъ въ Москву".

Кажется, что Василій намѣревался даже воспользоваться этимъ сообщеніемъ и началъ распространять его между сторонниками Димитрія, стараясь такимъ образомъ перемануить ихъ на свою сторону. Вѣроятно, онъ съ этой же цѣлью потребовалъ переговоровъ. Самозванецъ согласился на это, и вскорѣ подъ самыми стѣнами столицы произошелъ съѣздъ уполномоченныхъ отъ обѣихъ партій.

17-го сентября—читаемъ въ дневникѣ Сапѣги - „вышелъ его благородіе со всей конницей подъ Москву. Туда же выступило изъ царскаго лагеря и остальное войско. Для безопасности во время переговоровъ, съ обѣихъ сторонъ стояли въ боевомъ порядкѣ другъ противъ друга и царскія войска и войска Шуйскаго надо рвомъ, въ которомъ протекаетъ очень маленькая рѣка съ удобной переправой".

Здѣсь собрались представители Самозванца и Василія, а именно со стороны Димитрія: Юрій Мнишекъ, князь Романъ Рожинскій, Адамъ и Константинъ Вишневецкіе: уполномоченными Шуйскаго были „три именитыхъ сенатора" вѣроятно, Василій Бутурлинъ, князь Ѳеодоръ Прозоровскій и одинъ изъ князей Голицыныхъ.

Очень интересно было бы знать содержаніе переговоровъ, происходившихъ между лицами, столь хорошо знакомыми съ ходомъ дѣлъ, но, къ сожалѣнію, о теченіи этихъ переговоровъ не существуетъ болѣе подробныхъ свѣдѣній. Въ дневникѣ Сапѣги мы находимъ лишь слѣдующее весьма лаконическое замѣчаніе: „Изъ переговоровъ не вышло ничего: разъѣхались". Кажется, однако, что Шуйскому не удалось достигнуть той цѣли, для которой онъ потребовалъ переговоровъ, ибо Самозванецъ выслалъ въ качествѣ своихъ представителей поляковъ, да еще такихъ, которые превосходно были освѣдомлены относительно его обмана.

VII.

Планъ взятія столицы голодомъ.—Битва подъ Рахманцевымъ.—Осада Сергіева.—Все новые города сдаются Димитрію.—Лагерь въ Тушинѣ.—Недоразумѣнія между войскомъ и Димитремъ.—Юрій Мнишекъ возвращается въ Польшу.

Самозванецъ, послѣ болховской битвы, надѣялся, что подъ впечатлѣніемъ этой побѣды и столица безъ труда подчинится ему. Но дальнѣйшія событія доказали насколько эта надежда была обманчива. Не вынудили ее къ сдачѣ ни послѣдующія сраженія, ни пріѣздъ Марины въ Тушинъ, ни признаніе ею Димитрія своимъ супругомъ. При такихъ обстоятельствахъ приходилось подумать объ иныхъ, болѣе дѣйствительныхъ въ этомъ отношеніи средствахъ.

Армія, собравшаяся подъ Москвой, хотя въ то время уже довольно многочисленная и внушительная, не была еще настолько сильна, чтобы взять столицу штурмомъ. Поэтому въ тушинскомъ лагерѣ рѣшено было отрѣзать со всѣхъ сторонъ подвозъ пищевыхъ продуктовъ и такимъ образомъ голодомъ вынудить Москву къ сдачѣ.

До сихъ поръ войска Самозванца овладѣли только дорогами, ведущими изъ Твери и Смоленска. Дорогъ,

ведущихъ на югъ, на Тулу и Калугу, не зачѣмъ было оберегать, ибо онѣ соединяли столицу съ мѣстностями, являвшимися главными очагами этого вооруженнаго движенія. Наоборотъ, первостепенное значеніе представляло занятіе дорогъ, идущихъ на сѣверъ и востокъ, на Ярославль, Суздаль, Коломну и Рязань.

Намѣреніе покорить столицу голодомъ возникло, должно быть, въ концѣ сентября того же года, и вскорѣ, т. е. уже 29-го же сентября начались первыя военныя дѣйствія съ этой цѣлью.

Прежде всего намѣревались отрѣзать всякое сообщеніе Москвы съ сѣверомъ, ибо —какъ говоритъ Будило— „не малое значеніе имѣлъ Троицкій монастырь и иныя крѣпости, доставлявшія Москвѣ пищу изъ-за рѣки". Поэтому для „отнятія этой дороги" была послана значительная часть арміи подъ начальствомъ усвятскаго старосты.

Это войско состояло изъ полковъ Сапѣги, Стравинскаго, Виламовскаго, Микулинскаго и Лисовскаго, а именно: 2150 гусаръ, 570 пятигорцевъ, 7050 казаковъ и 350 пѣхоты. Лисовскій везъ съ собой также „шесть орудій, хорошихъ гранатныхъ полукартаульныхъ единороговъ".

Шуйскій очень хорошо понялъ значеніе этого движенія и усиленно старался воспрепятствовать его осуществленію. Онъ немедленно выслалъ вслѣдъ за Сапѣгой отборную часть арміи подъ начальствомъ своего брата Ивана.

Когда усвятскій староста уже приближался къ Сергіеву, т. е. къ св. Троицѣ,—какъ наши называли эту мѣстность,—два перебѣжчика изъ столицы донесли ему, что за нимъ изъ Москвы высланы весьма значительныя войска.

На другой день 2 октября—читаемъ въ его дневникѣ—„стража дала знать его благородію, что не-

пріятель рѣшительно подступаетъ и смѣло пробирается впередъ. Не дожидаясь его въ лагерѣ, хорошо прикрытомъ пѣхотой и нѣсколькими сотнями всадниковъ, его благородіе самъ вышелъ на встрѣчу на цѣлую милю, и тамъ засталъ непріятельское войско въ боевомъ порядкѣ подъ селомъ, называемомъ Рахманцы. Такъ какъ непріятель избралъ хорошую позицію, его благородіе пустилъ тысячу москвичей Лисовскаго впередъ, которые однако тотчасъ же, не сразившись, обратили тылъ. Увидя это, онъ велѣлъ выступить своимъ казачьимъ знаменамъ, которыя перестрѣливались съ непріятелемъ часа три, съ одинаковымъ успѣхомъ и съ той и съ другой стороны, съ двукратнымъ отпоромъ. За третьимъ разомъ непріятель далъ сильный отпоръ казачьимъ ротамъ его благородія, послѣ чего и роты пятигорскія, которыя стояли для подкрѣпленія казакамъ, начали уступать, а также полкъ пана Виламовскаго, который составлялъ правое крыло, не сражаясь съ непріятелемъ, подалъ тылъ, такъ что за ротами его благородія почти никого не осталось. Всѣ оставили его настолько безсовѣстно, что онъ самъ едва успѣлъ ускользнуть изъ непріятельскихъ рукъ. Тогда его благородіе бросился къ своимъ знаменамъ, которыя стояли для подкрѣпленія: два гусарскихъ и два пятигорскихъ знамени, тотчасъ же, по его командѣ, смѣло сразились, Господь Богъ соблаговолилъ послать намъ удачу: непріятель не могъ уже больше устоять, и они на разстояніи четырехъ миль били его, рубили и преслѣдовали".

Изъ этого описанія видно, что битва долгое время была нерѣшительной, пока счастье не перешло на сторону Сапѣги. Были даже моменты, когда пораженіе казалось неизбѣжнымъ. Такъ, напр., поляки лишились вначалѣ трехъ знаменъ, а именно „пана Стравинскаго, пана Токарскаго и пана Ланца", которыя имъ удалось вернуть лишь впослѣдствіи. Въ итогѣ—исходъ битвы

былъ рѣшенъ дѣйствіями полковъ, стоявшихъ въ тылиой стражѣ московской; ибо когда удалось, наконецъ, пробить непріятельскій строй — повѣствуетъ другой современный польскій документъ —„вспомогательная московская рота, стоявшая въ арріергардѣ, не дожидаясь встрѣчи съ непріятелемъ, сдѣлала отступленіе. Наши, видя это, тѣмъ смѣлѣе стали наступать, пока не обратили ихъ въ бѣгство. Въ погонѣ били ихъ на разстояніи трехъ миль".

„Нашихъ погибло въ этой битвѣ всего 300 воиновъ и слугъ".

Потери москвичей были гораздо больше. Согласно дневнику Сапѣги, „пѣшили болѣе десятка знатныхъ ротмистровъ, кромѣ ихъ, многихъ менѣе знатныхъ боярскихъ сыновъ, а также иностранцевъ, венгровъ, нѣмцевъ, поляковъ, у которыхъ было свое знамя и свой ротмистръ. Отъ знаменъ отняли 20 знаковъ, изъ нихъ два—Ивана Шуйскаго, который былъ гетманомъ надъ этимъ войскомъ.

„Въ передней ротѣ полковникомъ былъ князь Ромодановскій, который симулировалъ стычки; онъ погибъ въ этомъ бою. Въ другой ротѣ полковникомъ былъ Ѳеодоръ Головинъ: онъ былъ раненъ, отдалъ свою лошадь и бѣжалъ въ лѣсъ. Въ третьей генеральнымъ полковникомъ былъ Василій Бутурлинъ. Гдѣ было воиновъ въ бою нѣсколько тысячъ, тамъ былъ и самъ Иванъ который, будучи опасно раненъ удалился съ поля битвы".

На другой день послѣ этой битвы Сапѣга подступилъ къ Сергіеву и тотчасъ же сталъ приготовляться къ осадѣ монастыря. Отыскавъ подходящее мѣсто, онъ велѣлъ рыть окопы и дѣлать насыпи. Въ тотъ же день, „уже совсѣмъ къ вечеру", въ нихъ установили два первыхъ орудія, изъ которыхъ сейчасъ же выстрѣлили въ монастырь, „желая чернецамъ покойной ночи".

Но прежде, чѣмъ приступить къ правильной осадѣ, староста усвятскій пытался склонить гарнизонъ къ сдачѣ. Съ этой цѣлью онъ отправилъ два письма, а именно къ тамошнему архимандриту Іоасафу и командирамъ гарнизона, воеводамъ Долгорукому и Голохвастову. Въ этихъ письмахъ за сдачу крѣпости онъ обѣщалъ щедрое вознагражденіе, въ противномъ же случаѣ грозилъ всѣмъ неминуемой смертью.

Однако ни обѣщанія эти, ни угрозы не произвели ожидаемаго воздѣйствія. Поэтому Сапѣга продолжалъ свои приготовленія, собираясь либо штурмомъ, либо голодомъ взять монастырь.

Лавра св. Троицы въ Сергіевѣ была однимъ изъ древнѣйшихъ монастырей въ тогдашнемъ Московскомъ Государствѣ. Для всего народа это была особо чтимая и прославляемая святыня, подобно тому, какъ у насъ Ченстоховъ. Монастырь этотъ, основанный св. Сергіемъ въ половинѣ XVI вѣка, былъ превосходно укрѣпленъ и окруженъ каменными стѣнами, длиною свыше 550 саженей, и шириною до трехъ саженей. Хотя эти стѣны были не особенно высоки—всего отъ полуторы до двухъ саженей,—но ихъ защищали двѣнадцать башенъ, снабженныхъ орудіями. Въ то время эти башни, по свидѣтельству современнаго польскаго документа, были деревянныя.

На южной сторонѣ находилась башня, называемая „Водяной". Здѣсь находился громадный мѣдный стоведерный котелъ, въ которомъ во время осады варили смолу, предназначенную для защиты стѣнъ.

Въ предѣлахъ этихъ укрѣпленій было два собора, а именно: св. Троицы и Успенскій, три церкви поменьше, два дома для царя и царицы, квартира архимандрита, келья келаря вмѣстѣ съ казнохранилищемъ и странноприимными покоями, наконецъ,—трапезная, амбары, больница и довольно многочисленныя кельи, въ которыхъ жили монахи. Это были небольшіе де-

ревянные домики, съ убогими, черными, небѣленными комнатками.

Монастырь этотъ славился своими богатствами; дѣйствительно, въ немъ были собраны весьма дорогія сокровища и значительные запасы пищевыхъ продуктовъ.

Гарнизонъ здѣсь былъ довольно многочисленный, ибо кромѣ, такъ называемыхъ, цвѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ, присланныхъ Шуйскимъ, толпы окрестнаго населенія укрывались въ монастырѣ.

Черпецовъ было болѣе 300. Они тоже сражались, защищая крѣпость; такъ какъ, вѣроятно, многіе изъ нихъ до поступленія въ монастырь находились на военной службѣ, то несомнѣнно были и среди нихъ люди, хорошо знакомые съ военнымъ дѣломъ. Кромѣ того, ихъ участіе въ нравственномъ отношеніи имѣло не малое значеніе и, вѣроятно, много способствовало возбужденію въ осажденныхъ того особеннаго религіознаго подъема, который составлялъ ихъ главную силу.

Сапѣга расположился лагеремъ какъ съ юга, такъ и на холмѣ, окружавшемъ Сергіево съ запада. Свою позицію онъ велѣлъ окопать рвами и ошанцовать; вообще онъ хорошо укрѣпилъ свой лагерь. Въ девяти мѣстахъ разставили большія корзины, сплетенныя изъ хворосту и наполненныя землей, и въ нихъ расположили орудія. Кромѣ того, въ находящихся по сосѣдству оврагахъ Сапѣга велѣлъ устроить брустверы, чтобы отрѣзать сообщеніе осажденнымъ.

Обстрѣливаніе крѣпости началось на другой день по прибытіи поляковъ подъ Троицу. Особенно сильный огонь поддерживали съ 16-го октября, т. е. съ того дня, когда, кромѣ раньше привезенныхъ орудій, „привезли пушку“ изъ Тушина „отъ Е. В-а Царя“. Стрѣляли обыкновенными и огненными гранатами. Однако это обстрѣливаніе не имѣло особеннаго воздѣй-

ствія, ибо тогдашняя артиллерія не въ состояніи была пробить трехсаженныя стѣны. Хотя деревянныя ихъ башни были разрушены, но въ предѣлахъ укрѣпленій гранаты не могли нанести большаго вреда. По словамъ Палицына, огненныя ядра нигдѣ не зажгли монастырскихъ зданій, падая преимущественно на мѣста незастроенныя или же въ пруды, а если они и попадали въ деревянныя кельи чернецовъ, то завязнувъ въ стѣнахъ, не зажигали ихъ, а наоборотъ сами медленно остывали.

Въ концѣ октября Сапѣга пытался приступомъ взять Сергіево. Съ этой цѣлью однажды ночью вдругъ со всѣхъ сторонъ подступили польскія войска подъ монастырь. Отряды, идущіе на штурмъ, несли лѣстницы, а также продолговатые щиты для прикрытія отъ непріятельскихъ стрѣлъ. Они взяли съ собой также большіе тараны на колесахъ, для разрушенія крѣпостныхъ стѣнъ. Но гарнизонъ былъ весьма бдителенъ и успѣшно отражалъ всякія атаки. Такимъ образомъ, поляки должны были уйти ни съ чѣмъ, оставивъ подъ стѣнами часть лѣстницъ и щитовъ. На другой день осажденные, торжествуя, внесли все это въ крѣпость и употребили на топливо, недостатокъ котораго становился все ощутительнѣе.

Это неудачное нападеніе заставило Сапѣгу прибѣгнуть къ инымъ средствамъ въ борьбѣ съ гарнизономъ.

Въ это время уже велись работы съ цѣлью сдѣлать подкопъ подъ крѣпостныя стѣны. Прежде всего вырыли глубокій ровъ вдоль восточной стѣны и подвели его къ такъ называемымъ „Краснымъ воротамъ“, т. е. главному входу въ монастырь. Изъ этого рва стали подкапываться подъ юго-восточную башню крѣпости.

Извѣстіе объ этой попыткѣ дошло вскорѣ и до монастыря, однако командующіе гарнизономъ, несмотря

на величайшія усилія, не могли узнать, въ какомъ мѣстѣ ведется подкопъ.

Осажденные дѣлали частыя вылазки. Они выходили въ большинствѣ случаевъ для того, чтобы запастись топливомъ въ сосѣднихъ лѣсахъ, или для сопровожденія гонцовъ, высылаемыхъ за помощью въ Москву. Въ ноябрѣ того же года, вылазки эти, стоившія обыкновенно большихъ потерь, предпринимались также для того, чтобы, — какъ тогда выражались, — добыть языка, т. е. схватить въ польскомъ лагерѣ кого-нибудь, увести его въ качествѣ плѣннаго и отъ него выпытать о мѣстѣ подкопа.

Долгое время, несмотря на всѣ усилія, это имъ не удавалось, и ужасъ овладѣлъ осажденными. „Тогда разсказываетъ Палицынъ — въ крѣпости была великая скорбь и плачъ, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что литовскіе люди подводятъ подкопы, а о мѣстонахожденіи ихъ ничего нельзя было узнать. Поэтому всѣ видя передъ собой неминуемую смерть, шли въ церковь св. Троицы, ожидая спасенія только отъ чудотворныхъ мощей св. Сергія и Никона".

Наконецъ, имъ удалось добиться столь горячо желаемой цѣли. 14-го ноября осажденные снова сдѣлали вылазку. Во время стычки ранили одного изъ казаковъ Сапѣги и увели его плѣннымъ въ монастырь. На пыткѣ онъ сказалъ, что работы по проведенію подкопа близятся къ концу, и что поляки въ день св. Михаила, т. е. 18-го того же мѣсяца, подложатъ мину. Затѣмъ того же казака повели на стѣны, гдѣ онъ подробно объяснилъ начальникамъ гарнизона съ какого мѣста и подъ какую башню проводился подкопъ.

Этими сообщеніями тотчасъ же воспользовались воеводы Долгорукій и Голохвастовъ: въ томъ мѣстѣ, гдѣ угрожала опасность, они велѣли насыпать громадный, сильно укрѣпленный валъ.

Извѣстіе объ открытіи подкопа весьма ободрило осажденныхъ; еще сильнѣе подѣйствовали на нихъ возникшіе между ними слухи о чудесныхъ явленіяхъ въ монастырѣ. Разсказывали, будто нѣсколькимъ черпецамъ и самому архимандриту являлся св. Сергій, и даже самъ архангелъ Михаилъ, которые, обѣщая свое содѣйствіе, будто бы побуждали ихъ къ дальнѣйшей защитѣ монастыря.

Такимъ настроеніемъ умовъ весьма ловко воспользовались начальники гарнизона. Черезъ нѣсколько дней послѣ явленія казака они на зарѣ снова сдѣлали вылазку и ударили одновременно съ нѣсколькихъ сторонъ на польскій лагерь. Во время битвы они нашли входъ въ подкопъ, который наводилъ такой ужасъ на монастырь. Тотчасъ же два крестьянина спустились туда, чтобы зажечь свезенный въ подкопъ порохъ. Когда входъ въ него былъ забитъ, и подожжена мина — правда, эти храбрые защитники монастыря погибли, — но подкопъ былъ совершенно разрушенъ.

Ободренные этимъ успѣхомъ, осажденные въ тотъ же день сдѣлали новую вылазку. Главная ихъ цѣль состояла теперь въ томъ, чтобы уничтожить пашцы, съ которыхъ обстрѣливали монастырскія стѣны. Судьба и тутъ удивительно благопріятствовала имъ: послѣ жаркаго боя имъ, дѣйствительно, удалось сжечь нѣсколько укрѣпленій и, кромѣ того, отбить довольно значительные запасы оружія и амуниціи. Велика была радость въ монастырѣ по этому поводу!

Между тѣмъ, несмотря на эти неудачи Сапѣги, при извѣстіи о его блестящей побѣдѣ подъ Рахманцевымъ, ему поддавались все новые города. Уже 7-го октября прибыли въ его лагерь жители изъ Слободы Александровской „цѣловать крестъ царю Димитрію“.

Въ половинѣ того же мѣсяца былъ взятъ Ростовъ, вскорѣ послѣ него поддались Переяславль, Юрьевъ

Польскій, Суздаль, Ярославль и Угличъ; въ началѣ ноября—Владиміръ, Муромъ, Устюжна и Вологда. А такъ какъ Псковъ еще въ сентябрѣ того же года принесъ присягу Самозванцу, что въ исходѣ 1608 г., кромѣ южныхъ земель, подчинилась его власти почти вся сѣверная область московскаго государства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ число именитыхъ бояръ, переходившихъ на сторону Самозванца, становилось все больше. Сперва примкнули къ нему князья Иванъ Троекуровъ и Иванъ Катыревъ-Ростовскій. Вскорѣ примѣру ихъ послѣдовали: Алексѣй Сицкій, Димитрій Черкасскій и два брата Трубецкихъ. Наконецъ, покинули Шуйскаго толпы и менѣе знатныхъ бояръ, которые либо возвращались домой, либо ѣхали въ Тушино поклониться новому царю. Въ Москвѣ ихъ осталось немного. Кромѣ мѣстнаго населенія, тогда ее защищали только рязанцы и тѣ жители, зе́мли которыхъ давно уже были заняты сторонниками Димитрія.

При столь трудномъ положеніи Шуйскаго, осада столицы продолжалась непрерывно. Но вотъ наступила зима.

Въ виду суровости тамошняго климата пришлось подумать о соотвѣтствующихъ квартирахъ для войска. До сихъ поръ вся армія Самозванца стояла въ палаткахъ. Тушинскій лагерь былъ хорошо укрѣпленъ: его со всѣхъ сторонъ окружали окопы и частоколъ, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ были сооружены укрѣпленныя башни и ворота; но домовъ въ немъ тогда еще не было. Даже Димитрій и Марина жили въ палаткахъ. Только когда „зима стала приближаться — разсказываетъ Мархоцкій—и насъ почти уже засыпалъ снѣгъ, мы стали совѣтоваться, какъ и гдѣ бы намъ ее провести".

„Нѣкоторые предлагали раздѣлить московское войско на нѣсколько частей и расположить его поодаль отъ столицы, въ московскихъ волостяхъ. Другіе не со-

глашались, находя, что небезопасно раздѣляться на многія части въ непріятельской землѣ. Порѣшили устроить зимовку на томъ же мѣстѣ. „Прежде всего мы стали рыть себѣ землянки съ земляными же печами. Изъ хвороста построили мы конюшни для лошадей и покрыли ихъ тесомъ. Такія квартиры не всѣмъ нравились, потому что въ нихъ угорали": но вскорѣ всѣ устроились удобнѣе.

Мѣстности, поддавшіяся Димитрію, „войско раздѣлило между собой на приставства". „Изъ этихъ волостей—продолжаетъ Мархоцкій- везли намъ почти всего, чего только душа захочетъ, и было намъ очень хорошо. Изъ подводъ приходилось на одну рогу по тысячѣ и по полторы тысячи повозокъ, а имѣя столькихъ поддашныхъ, мы стали строиться для встрѣчи болѣе суровой зимы. Изъ сосѣднихъ деревень мы брали дома, которые ставили въ лагерѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ домовъ было по двѣ и по три комнаты, а землянки мы превратили въ погреба. Построили посреди лагеря и царю съ царицей и воеводѣ достаточныя квартиры. Словомъ, нашъ лагерь превратился въ застроенный городъ".

Тушинскій лагерь и въ другомъ отношеніи походилъ на большое городское поселеніе. По военному въ то время обыкновенію, съ разныхъ сторонъ сюда сходились съ различными товарами купцы. Однихъ польскихъ купцовъ здѣсь насчитывали до трехъ тысячъ.

Въ ихъ лавкахъ можно было пріобрѣсти почти все, чего не доставало въ упомянутыхъ выше приставствахъ. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи „такъ счастлива — какъ выражается Мархоцкій — была эта война". Одного, а именно—денегъ, не доставало „нашимъ солдатамъ".

Самозванецъ, желая привлечь какъ можно больше поляковъ, объявлялъ въ своихъ письмахъ, что велитъ

платить за военную службу „вдвое и втрое“ больше противъ того, что платятъ въ Польшѣ. Надѣясь на столь щедрое вознагражденіе, оборванцы и авантюристы толпами стекались подъ его знамена. Димитрій до того былъ щедръ въ своихъ обѣщаніяхъ, „что почти, какъ въ евангеліи, всѣхъ равнялъ по службѣ, хотя бы кто пришелъ позднѣе всѣхъ“. Кромѣ того, у него были свои любимцы, въ отношеніи которыхъ онъ отличался особенной расточительностью. Однимъ изъ такихъ любимцевъ былъ князь Адамъ Вишнёвецкій. Войско, до сихъ поръ не получившее жалованья, до того возмутилось такой неумѣстной его щедростью, что Вишнёвецкому воспрещено было даже проживать въ лагерѣ.

Уже въ іюлѣ того же года воинство настойчиво потребовало уплаты просроченнаго жалованья. Самозванецъ „установилъ тогда дань на Сѣверскую и иныя земли, которыя были ему подчинены“. Но эти подати не составили большихъ суммъ, такъ что—по словамъ Мархоцкаго—„намъ досталось всего по тридцати злотыхъ“.

Въ концѣ года долги, произведенные Димитріемъ за счетъ казны еще увеличились. Согласно современному польскому сообщенію, „заслуженныхъ денегъ было у всего войска четырнадцать милліоновъ злотыхъ“—громадная для того времени сумма. Въ половинѣ октября войска снова и еще настойчивѣе стали требовать уплаты жалованья. Войско, осаждавшее Троицу, выслало по этому дѣлу особыхъ пословъ. „Царь просилъ, чтобы къ нему были болѣе снисходительными“, а затѣмъ и другіе благоразумные люди также совѣтовали быть терпѣливѣе. Однако, при возмутительной расточительности Самозванца, всѣ ихъ требованія остались безо всякихъ послѣдствій. „Наши, видя, — читаемъ мы въ современномъ письмѣ—что онъ раздавалъ, не различая что и кому, выбрали ме-

жду собой въ войскѣ decem viros, то есть десять мужей, которыхъ облекли полномочіями, съ тѣмъ условіемъ, что Димитрій долженъ былъ принимать всѣ ихъ постановленія.

Названные decem viri начали свои занятія съ сокращенія привиллегій.

Но не это было главной заботой „пановъ солдатъ“. Они прежде всего желали заручиться удостовѣреніемъ въ томъ, что имъ будетъ уплачено просроченное жалованье. „Съ этой цѣлью—разсказываетъ одинъ изъ участниковъ современныхъ событій — взяли у царя его разряды, или по нашему—канцелярію, и велѣли при себѣ написать указцы въ различные города, чтобы тѣ выдавали дань съ земли и товаровъ. Съ этими указцами они выслали по одному поляку и москвичу“.

Димитрій лишь симулировалъ свое согласіе, на самомъ же дѣлѣ онъ старался обуздать такой произволъ солдатъ и помѣшать осуществленію ихъ намѣреній. Онъ тайно разсылалъ указы, въ которыхъ совѣтовалъ своимъ поддаппымъ не уплачивать этихъ податей и даже „потопить“ ихъ „взыскателей“.

Вскорѣ письма такого рода попали въ руки поляковъ: въ началѣ января (1609) ихъ привезли даже въ Тушинъ. Когда это стало извѣстно, страшная буря разразилась въ лагерѣ. „Какъ и раньше—пишетъ Дьяментовскій—за презрительное отношеніе къ воинству, такъ и теперь по этой причинѣ, сильно возмутились на царя, возстали противъ него, и привязанность ихъ къ нему остывала“.

Вообще его престижъ и симпатіи къ нему замѣтно падали. Кажется, что этому немало также способствовали интриги Мѣховецкаго и его друзей. Какъ извѣстно, еще въ январѣ того же года его устранили изъ лагеря. Однако „въ то время — разсказываетъ Мархоцкій — то есть въ теченіе первой зимы, нѣкоторые

тайно, in contemptum князю Рожинскому, желали устроить, чтобы Мѣховецкій, хотя на него было наложено запрещеніе, былъ въ войскѣ; дѣйствительно, обезпеченный ими, онъ пріѣхалъ. Князь Рожинскій тотчасъ же далъ ему знать, что онъ долженъ уѣхать, иначе онъ велитъ его убить. Не довѣряя другому мѣсту, онъ прятался въ царской квартирѣ. Узнавъ объ этомъ, князь Рожинскій только съ четырьмя подростками схватилъ его однажды и велѣлъ имъ его убить. Царь гнѣвался, но не зналъ, что на это сказать, потому что Рожинскій велѣлъ передать ему, что онъ и его самого обезглавитъ".

По установленіи высокихъ податей и благодаря совершенно произвольному распредѣленію суммъ, получаемыхъ такимъ образомъ, возникли еще недоразумѣнія между войскомъ и отцомъ Марины: воинство подозрѣвало его въ утайкѣ весьма значительныхъ суммъ, собранныхъ во Псковѣ Побѣдинскимъ. Негодованіе по этому поводу было такъ велико, что, когда воевода, желая вернуться въ Польшу, 6-го января (1609) „собрался ѣхать въ Варшаву, солдаты дали ему знать, чтобы онъ не уѣзжалъ, пока не будутъ возвращены деньги, которыя панъ Побѣдинскій, по словамъ ихъ, взялъ во Псковѣ, въ количествѣ 50.000 рублей".

Мнишекъ долженъ былъ удовлетворить ихъ требованіе. „Спустя четыре дня, 10-го числа того же мѣсяца—читаемъ мы дальше въ томъ же дневникѣ—привезли изъ Пскова деньги, послѣ чего панъ воевода доказалъ, что ихъ тамъ на его нужды взято не болѣе 2.000 рублей". Но и послѣ этого „задерживали его отъѣздъ паны солдаты". Въ теченіе нѣсколькихъ дней совѣщались объ этомъ въ воинскомъ совѣтѣ. Наконецъ 17-го числа того же мѣсяца ему разрѣшили выѣхать изъ Тушина.

Въ тотъ же день и уѣхалъ Юрій Мнишекъ изъ лагеря. Торжественно „провожали его царь и воинство".

Для безопасности къ нему приставили роту донцовъ, состоящую изъ 150 человѣкъ.

Съ этихъ поръ отъ столь многочисленной группы поляковъ, находившейся нѣкогда вмѣстѣ съ Мариной въ Ярославлѣ, остались въ лагерѣ Димитрія лишь немногіе. Еще въ сентябрѣ 1608 г., вмѣстѣ съ Николаемъ Олесницкимъ, вернулись въ Польшу панъ староста Луковскій, панъ Сигизмундъ Тарло, пшемыскій хорунжій и другихъ плѣнныхъ много, а также большая часть женщинъ, бывшихъ при царицѣ". 17-го января покинулъ ее, и отецъ со многочисленными домочадцами и, родными. Съ Мариной въ Тушинѣ остался лишь братъ ея. Станиславъ, и „старая пани Казановская съ частью придворныхъ дамъ".

VIII.

Происки покровителей Самозванца, чтобы заручиться для него помощью Сигизмунда и содѣйствіемъ Рима.—Миссія Лопухина.—Корреспонденція съ Римомъ.—Злоупотребленія сборщиковъ податей и грабежи слугъ.—Возстаніе противъ Димитрія.—Переговоры съ войскомъ относительно уплаты жалованья.—Неудачи подъ Коломной, Сергіевымъ и Москвой.—Битвы подъ Тверью и Калязиномъ.—Жизнь Марины въ Тушинскомъ лагерѣ.

Въ Тушинѣ, передъ отъѣздомъ Юрія Мнишка, происходили, вѣроятно, важныя совѣщанія. Кажется, что по тому же поводу и Янъ Петръ Сапѣга пріѣзжалъ въ концѣ декабря на нѣсколько дней въ лагерь Самозванца. На этихъ собраніяхъ, какъ можно предполагать, говорили и о томъ, какъ слѣдуетъ впредь поддерживать дѣло Димитрія. Вѣроятно, тогда же рѣшили возобновить усилія, чтобы заручиться для него помощью какъ со стороны Сигизмунда, такъ и со стороны Рима.

Самозванецъ возлагалъ большія надежды на личныя хлопоты Мнишка, который главнымъ образомъ по этому поводу въ половинѣ декабря (1608 г.) намѣревался поѣхать въ Варшаву. Дѣйствительно, уже черезъ нѣсколько

дней послѣ его отъѣзда изъ лагеря, 20-го января, Димитрій писалъ ему: „Такъ же, какъ мы устно требовали вашей любезности, такъ и теперь письменно требуемъ, чтобы бы ввѣренныя и порученныя вамъ отъ насъ дѣла точно помнили и, хлопоча объ нихъ согласно обычной вамъ отеческой заботливости, не мѣшкая сообщали бы намъ все, достойное нашего слуха; а мы памѣрены однажды предложенное вамъ благоволеніе наше за любезность вашу, по таковому же обыкновенію, выразить немалыми наградами, что вѣрнымъ словомъ нашимъ царскимъ обѣщаемъ".

Черезъ недѣлю польское войско, бывшее въ услуженіи „царька", выслало своихъ пословъ въ Варшаву. Главной ихъ задачей было убѣдить Сигизмунда, чтобы онъ „въ этомъ предпріятіи не причинялъ никакого препятствія". Посольство должно было также объяснить „выступленіе этого воинства на Москву", вопреки королевскому воспрещенію, и вмѣстѣ съ этимъ выхлопотать „тѣмъ, у которыхъ были тамъ на родинѣ свои юридическіе долги, отсрочку въ такихъ дѣлахъ, до ихъ возвращенія, по милости короля и съ согласія всѣхъ коронныхъ сословій".

Вмѣстѣ съ этимъ посольствомъ Самозванецъ отправилъ также одного изъ своихъ секретарей, Ѳеодора Нехорошаго-Лопухина. Послашику этому поручено было отъ имени своего господина „предложить вѣчную дружбу и прочную, искреннюю любовь Сигизмунду, и всей Рѣчи Посполитой. Но, судя по предшествовавшимъ событіямъ, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что въ уплату за помощь Димитрій долженъ былъ сдѣлать еще другія, несравненно болѣе важныя обѣщанія. Чтобы склонить Мнишка къ еще большему усердію, и Марина одновременно отправила къ отцу письмо, въ которомъ умоляла его поддерживать усилія этого посла. „По случаю этой поѣздки паповъ пословъ въ Польшу—писала она воеводѣ—мнѣ по-

казалось необходимымъ усиленно просить, чтобы вы, ваша милость, мой господинъ и отецъ, тѣмъ панамъ посламъ, которые ѣдутъ къ Е. В—у Королю, соблаговолили оказать всякую помощь совѣтомъ, чтобы эти дѣла могли кончиться какъ можно лучше, ибо это весьма важно какъ для Его Царскаго Величества, такъ и для нашихъ московскихъ дѣлъ".

Воевода, безъ сомнѣнія, всѣми силами старался содѣйствовать миссіи Лопухина, такъ какъ большія преимущества, обѣщанныя ему Димитріемъ, могли достаться лишь послѣ овладѣнія столицей и водворенія въ ней Самозванца. Но за послѣдніе годы совершенно измѣнилось настроеніе самого Сигизмунда и его ближайшихъ совѣтниковъ. Опытъ, пріобрѣтенный съ первымъ Димитріемъ, убѣдилъ ихъ въ томъ, какъ обманчивы были надежды, возлагаемыя на обѣщанія этого рода обманщиковъ и авантюристовъ. Съ другой стороны, Сигизмундъ задумалъ воспользоваться смутами въ Московскомъ Государствѣ, но въ иномъ, гораздо болѣе выгодномъ для него, смыслѣ. Поэтому, когда Лопухинъ прибылъ въ Варшаву, „царь не только не получилъ надлежащаго отвѣта, но узналъ, что его посломъ пренебрегли и даже не выслушали его"; а Лопухинъ, не исполнивъ своего посольства, долженъ былъ выѣхать изъ Польши.

Между тѣмъ въ Тушинѣ съ нетерпѣніемъ ждали благопріятныхъ вѣстей изъ Варшавы. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а вѣстей никакихъ не было. Наконецъ, Димитрій, потерявъ терпѣніе, въ половинѣ апрѣля того же года, для поддержанія этого дѣла отправилъ въ Польшу новаго посла, а именно „своего канцлера и полковника" Валентина Валевскаго, но и его миссія осталась безъ всякихъ послѣдствій.

Настолько же безрезультатны были попытки Самозванца и его покровителей заручиться содѣйствіемъ Рима.

Папа Павелъ V вначалѣ очень усердно занялся было этимъ дѣломъ и даже льстилъ себя надеждой, что, можетъ быть, еще удастся пріобрѣсти выгоды, обѣщанныя первымъ Самозванцемъ. Итакъ, весьма важно было укрѣпить Римъ въ томъ предположеніи, что этотъ новый Димитрій былъ тѣмъ самымъ, который такъ торжественно отрекся въ Краковѣ отъ ереси.

Съ этой цѣлью еще въ концѣ 1607 года супруга сандомірскаго воеводы отправила въ Римъ своихъ двухъ младшихъ сыновей, Николая и Сигизмунда. На аудіенціи въ Ватиканѣ они вручили папѣ письмо отъ матери, въ которомъ супруга Мнишка осмѣливалась утверждать, что она недавно получила собственноручное письмо отъ перваго Самозванца.

Въ началѣ 1609 г. эти старанія были возобновлены. Какъ разъ въ это время, подъ видомъ исполненія религіознаго обѣта, отправился въ Римъ одинъ изъ придворныхъ царицы, нѣкто Авраамъ Рожнятовскій. Марина постаралась воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы завязать корреспонденцію съ Римомъ. Во врученномъ Рожнятовскому рекомендательномъ письмѣ она заявила, что хотя тогда еще не считала удобнымъ детально знакомить папу со своими дѣлами, но лишь только Господь Богъ дозволитъ ей вновь овладѣть престоломъ, она тотчасъ же вышлетъ въ Римъ спеціальное посольство. „Пока же — продолжаетъ она въ томъ же письмѣ — всѣ дѣла наши убѣдительно препоручаемъ молитвамъ Вашего Святѣйшества. При этомъ искренно признаемъ, что всѣ побѣды, одержанныя до сихъ поръ нашими войсками, и всѣ полученныя выгоды слѣдуетъ приписать лишь благости Божьей и молитвамъ Вашего Святѣйшества, и поэтому мы горячо молимъ Ваше Святѣйшество о дарованіи намъ Вашего благословенія. Можемъ также клятвенно завѣрить Васъ, что все, что Вы потребуете

отъ насъ письменно или черезъ своихъ пословъ, съ готовностью будетъ нами исполнено, какъ вообще ради славы Божіей, такъ и для распространенія святой католической вѣры".

Двѣ недѣли спустя, Марина написала также тогдашнему папскому нунцію въ Польшѣ, Франциску Симонеттѣ. Въ этомъ письмѣ она завѣряла его въ томъ же, умоляя его вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и онъ подобно своему предшественнику, Клавдію Рангони, не отказывалъ ей въ своемъ участіи и содѣйствіи.

Князь Рожинскій въ свою очередь старался настроить папу какъ можно благосклоннѣе по отношенію къ Самозванцу, главнымъ же образомъ убѣдить его въ томъ, что поляки, находящіеся на службѣ у Димитрія, сражаются также въ защиту католической вѣры, и что ихъ побѣда имѣла бы важное значеніе для папскаго престола. Несомнѣнно, что онъ главнымъ образомъ по этому поводу и отправилъ въ концѣ февраля того же года длинное письмо въ Римъ.

Въ этомъ письмѣ онъ прежде всего очень пространно говоритъ о своемъ переходѣ въ лоно римской церкви. „Если измѣнчивость всѣхъ дѣлъ нашего времени — писалъ гетманъ Самозванца — требуетъ извѣстнаго времени и порядка, и ничто, какъ и въ природѣ, добровольно не исчезаетъ и не сокращается, тѣмъ болѣе, Святѣйшій Отецъ, требуетъ этого спасеніе человѣческихъ душъ и обращеніе грѣшниковъ, какъ бы избавленныхъ отъ ада. Поэтому-то, когда я, уже въ теченіе долгихъ лѣтъ, преисполненный безпокойства, колебался, не пользуясь содѣйствіемъ какого-либо ученаго и праведнаго мужа, который облегчилъ бы мнѣ переходъ въ лоно св. римской Церкви,—и, наконецъ, по благости Того, который не хочетъ смерти грѣшника, а предпочитаетъ, чтобы онъ жилъ, я обратился. Подобно ангелу, ниспосланному съ неба, явился ко мнѣ, пораженному духовной слѣпотой и погружен-

ному, какъ въ темный и отвратительный склепъ, въ грѣховныя цѣпи, явился, говорю, ко мнѣ преподобный о. Викентій изъ Львовской общины проповѣдническаго ордена. Этотъ достойный и усердный виноградарь Божьяго виноградника въ бесѣдѣ со мной, по милости Божьей, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ вырвалъ изъ моего сердца всѣ ереси, предразсудки, ложныя убѣжденія и сомнѣнія, отягчавшіе и мучившіе мою совѣсть, и настолько наполнилъ меня покоемъ, удовлетвореніемъ и просвѣтленіемъ, что у меня осталось лишь желаніе хотя бы письменно признать тебя, Святой Отецъ, Высшимъ Пастыремъ, Намѣстникомъ Іисуса Христа и законнымъ преемникомъ свв. апостоловъ Петра и Павла, и, въ качествѣ преданнаго сына церкви, подчиниться власти св. апостольскаго Престола.

„Но занятый этимъ походомъ въ Москву для принесенія помощи Димитрію Ивановичу, великому князю и царю московскому, я не могъ до сихъ поръ осуществить своего намѣренія, хотя въ качествѣ убѣжденнаго католика, по милости Божіей и благодаря усиліямъ того же о. Викентія, горячо и всѣмъ сердцемъ жаждалъ этого. Когда же мы дали генеральное сраженіе, въ которомъ во славу Креста и Церкви Божіей вырѣзали сорокъ тысячъ отборной непріятельской конницы, двадцать двѣ тысячи пѣхоты и убили даже своднаго брата Шуйскаго, истиннаго зачинщика всѣхъ этихъ бѣдствій и главаря бунтовщиковъ,—кому же, какъ не намъ, чающимъ велѣній Провидѣнія, надѣяться на совершенное истребленіе еретиковъ и всѣхъ вообще враговъ св. римской Церкви, и, подобно всѣмъ истинно вѣрующимъ христіанамъ, молить объ этомъ ради страстей Господа нашего, Іисуса Христа? Тѣмъ временемъ припадаю къ стопамъ Вашего Святѣйшества и молю, чтобы Вы намъ всѣмъ, борющимся въ защиту и для распространенія св. католической вѣры и проливаю-

щимъ за нее кровь свою, даровали свое благословеніе".

Но всѣ эти выраженія столь необычайнаго религіознаго пыла не произвели въ Римѣ ожидаемаго эффекта, и интриги какъ Мнишковъ, такъ и Рожинскаго, совершенно не достигли цѣли, ибо Павелъ V послѣ печальнаго опыта съ первымъ Димитріемъ, вѣроятно, предпочелъ лишь выжидательную тактику въ этомъ дѣлѣ. Кажется, даже, что ни Марина, ни Рожинскій не получили никакого отвѣта на свои письма.

Одновременно съ этимъ и въ другихъ отношеніяхъ неудачи Димитрія и его приверженцевъ становились все чувствительнѣе. Вообще уже въ концѣ 1608 года звѣзда его начала меркнуть.

Какъ извѣстно, осенью того же года подчинилась ему почти вся сѣверная область Московскаго Государства. Этотъ край, весьма богатый, и до сихъ поръ еще не разоренный войной, долженъ былъ снабжать его средствами для дальнѣйшаго веденія борьбы съ Василіемъ. Поэтому въ сѣверные города главнымъ образомъ и посылали сборщиковъ, долженствовавшихъ собрать суммы, необходимыя для уплаты войску просроченнаго жалованья. Но безмѣрно высокія подати, установленныя ими, а также ихъ различныя злоупотребленія вызвали вскорѣ всеобщее недовольство.

Еще болѣе сильное негодованіе вызвали разбои слугъ, присланныхъ за пищевыми продуктами изъ-подъ Троицы, и изъ тушинскаго лагеря. „Отряды ихъ—разсказываетъ Дьяментовскій въ своемъ дневникѣ—сгруппировавшись, отчаянно грабили и убивали за Волгой, уже не возвращаясь къ своимъ господамъ. Съ каждымъ днемъ увеличивались шайки бездѣльниковъ, которые перебѣгали къ нимъ изъ лагеря. Очень много присоединялось къ нимъ даже и москвичей, которые и были ихъ предводителями, и великіе разбои случались по дорогамъ". Въ другомъ же мѣстѣ тотъ же авторъ пишетъ,

что „разсказывали о великомъ кровопролитіи и о частыхъ трупахъ по дорогамъ, а все благодаря тѣмъ своевольнымъ слугамъ, которые нападали на бояръ, на поповъ, на деревни и учиняли смѣлые разбои и грабежи".

Эти злоупотребленія и преступленія, совершаемыя польской лагерной челядью, къ которой примыкали также многіе мѣстные жители, оказали немалое вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій. Правда, Сапѣга и его военачальники въ тушинскомъ лагерѣ старались обуздать это своеволіе и выходки своихъ подчиненныхъ, но предотвратить ихъ совершенно не могли. Кажется даже, что это сдѣлалось совершенно невозможнымъ при тогдашнихъ способахъ доставки пищевыхъ продуктовъ войску и веденія войны, особенно же при мѣстныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, новые подданные Самозванца весьма скоро убѣдились, какъ тягостно было его правленіе и старались немедленно возвратиться подъ власть Шуйскаго.

Это движеніе началось уже въ ноябрѣ того же года, и вскорѣ оно охватило почти всю сѣверную область Московскаго Государства. Главными его очагами были вначалѣ Галичъ, Кострома и Вологда.

Самозванецъ очень хорошо понялъ значеніе этого движенія и старался немедленно остановить его. Изъ Тушина отправили съ этой цѣлью Ланцкоронскаго, а изъ подъ Троицы „пана Эразма Стравинскаго съ нѣсколькими стами человѣкъ", а затѣмъ „папа Лисовскаго съ нѣсколькими тысячами донцовъ". Позднѣе высылали все новые отряды для обузданія измѣнниковъ. Войска эти, особенно же польская конница безъ труда разбивали наскоро собранные отряды повстанцевъ. Но движеніе росло, несмотря на неудачи. На сѣверо-западѣ его средоточіемъ были Вологда и Великій Новгородъ, а на востокѣ—Нижній-Новгородъ, въ которомъ Ѳеодоръ Шереметевъ, вѣрный сторонникъ Шуйскаго, собралъ довольно значительныя войска.

Положеніе Димитрія было тѣмъ болѣе тяжелымъ, что польское войско возобновило весьма настойчивыя требованія относительно уплаты просроченнаго жалованья. „7-го февраля (1609)—читаемъ въ дневникѣ Сапѣги—былъ совѣтъ депутатскій, въ который Е. В. Царь послалъ князя Григорія Шаховского, Михаила Салтыкова и Ѳеодора Андронова, своихъ думныхъ бояръ, чтобы уговориться относительно жалованья войску и для сведенія счетовъ съ ихъ благородіями папами военными депутатами,—сколько у нихъ денегъ, собранныхъ съ городовъ, которые подчинились Е. В-у Царю, и въ которые высылали воиновъ изъ ротъ для сбора этихъ денегъ. Черезъ тѣхъ же думныхъ бояръ указали ихъ благородія паны полковники и паны ротмистры Царю, чтобы онъ непремѣнно старался уплатить всему войску, ибо войско безъ денегъ дальше служить не хочетъ".

Въ теченіе нѣсколькихъ дней происходили по этому дѣлу совѣщанія, которыя однако не привели ни къ какому соглашенію. „Тогда войска,—жалуется авторъ того же дневника — видя такое непостоянство государя и неисполненіе имъ своего обѣщанія, выбрали его благородіе пана гетмана, пана Сапѣгу, пана Зборовскаго и паповъ ротмистровъ, чтобы они передали послѣднюю резолюцію всего войска, что больше они служить не желаютъ, дослуживъ лишь до слѣдующей четверти, дослуживать до которой еще осталось три недѣли. Поэтому если Царь не отдастъ денегъ, согласно своему обѣщанію, за двѣ четверти въ теченіе этихъ трехъ недѣль, общимъ собраніемъ приказано было пану гетману, чтобы онъ собралъ все войско. Этимъ закончилось собраніе. Потомъ пришли вышепоименованные ихъ благородія къ Царю, отъ имени всего войска, объявляя выходъ въ отставку".

Услыша это, Самозванецъ сталъ весьма „жалобенъ". Оправдываясь предъ депутаціей, онъ прибавилъ въ концѣ:

— Еслибъ я и хотѣлъ, то неоткуда мнѣ взять денегъ на уплату жалованья вашимъ благородіямъ, потому что вы все взяли у меня изъ рукъ! Мнѣ самому еле хватаетъ на пищу!

Его положеніе было дѣйствительно до того тягостное, что почью 11-го февраля онъ намѣревался тайно бѣжать изъ лагеря. Съ этой цѣлью были даже сдѣланы соотвѣтствующія приготовленія. „Одинъ лошади были навьючены, другія осѣданы“. Но въ послѣднюю минуту узналъ объ этомъ Сапѣга, который съумѣлъ предотвратить отъѣздъ.

Кажется, что спустя два дня, т. е. 13-го числа того же февраля, Димитрій вновь порывался бѣжать изъ Тушина, ибо въ этотъ день т. е. ночью—читаемъ дальше въ томъ же дневникѣ — „была тревога въ лагерѣ, причиной которой былъ Царь и нѣсколько московскихъ сепаторовъ“.

Столь рѣшительное поведеніе Самозванца убѣдило самыхъ мятежныхъ въ томъ, что такимъ путемъ они ничего не добьются.

Надо полагать, что въ это дѣло вмѣшались люди болѣе благоразумные и преданные сторонники Димитрія, ибо вскорѣ возобновились переговоры. Наконецъ, благодаря усиліямъ этихъ посредниковъ, пришли къ коекакому соглашенію. Въ концѣ мѣсяца была дѣйствительно выплачена часть просроченнаго жалованья войску, которое согласилось на отсрочку для остальныхъ денегъ. Самозванецъ, желая еще сильнѣе привязать его къ себѣ, торжественно обѣщалъ, что, кромѣ жалованья по уговору, будетъ „каждаго въ отдѣльности награждать за его вѣрную службу“.

Между тѣмъ военныя событія принимали для него весьма неудачный оборотъ.

Несмотря на многочисленныя побѣды, безъ труда одерживаемыя польскими рекрутскими ротами, реакція становилась все сильнѣе. Отряды повстанцевъ, раз-

громленные войсками Димитрія, быстро сплочивались вновь и иногда, какъ, напр., подъ Пятницей, наносили имъ тяжелыя пораженія. Подобныя битвы сопровождались также и иными весьма важными послѣдствіями.

Для обузданія этихъ „измѣнниковъ", начиная съ декабря 1608 г., приходилось почти безпрестанно высылать все новые отряды изъ-подъ Троицы и изъ тушинскаго лагеря. Это настолько истощало обѣ арміи Самозванца, что ни осада Сергіева, ни изолированіе столицы не могли вестись успѣшно.

Еще въ сентябрѣ того же года въ Тушинѣ было рѣшено отрѣзать Москву ото всякаго сообщенія и голодомъ вынудить ее къ сдачѣ. Съ этой цѣлью слѣдовало овладѣть также дорогами, идущими на востокъ отъ Москвы, главнымъ же образомъ занять городъ Коломну. Послѣ неудачныхъ въ этомъ направленіи усилій, предпринятыхъ еще въ ту же осень, весною на слѣдующій годъ готовились къ новому походу.

„4-го апрѣля (1609 г.)—разсказываетъ Будило въ своемъ дневникѣ—въ виду важнаго значенія Коломны, посылавшей пропитаніе въ Москву, панъ гетманъ послалъ для ея осады ротмистровъ: Млоцкаго, Шуйскаго, Бобровскаго и Богухвала, а при нихъ боярина Ивана Солакова и атамана донскихъ казаковъ Беззубцева".

Но этихъ отрядовъ было недостаточно для взятія Коломны, и Млоцкій, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, долженъ былъ даже отказаться отъ дальнѣйшей осады.

Такія же неудачи преслѣдовали и Сапѣгу подъ Троицей. Между тѣмъ, положеніе осажденныхъ было необыкновенно тяжело, такъ какъ, кромѣ борьбы съ арміей Самозванца, имъ приходилось сильно страдать отъ положенія дѣлъ въ самомъ монастырѣ, главнымъ же образомъ отъ чрезмѣрнаго переполненія его окрестнымъ населеніемъ.

Какъ извѣстно, въ этой крѣпости было свыше 300 черпецовъ и довольно многочисленный гарнизонъ; кромѣ того, въ Сергіевѣ искали убѣжища толпы сельскаго населенія. Благодаря этому, съ наступленіемъ зимы произошло страшное переполненіе монастырскихъ зданій; отъ недостатка свѣжаго воздуха, явились всевозможныя заразныя болѣзни. Особенно мучителенъ и опасенъ былъ скорбутъ, который появился уже въ концѣ ноября (1608) и все болѣе распространялся. Условія жизни осажденныхъ сдѣлались еще болѣе тягостными отъ постоянныхъ споровъ и броженія. Почти отчаянное ихъ положеніе краснорѣчиво изображаетъ слѣдующій отрывокъ изъ письма проживавшей тогда въ Сергіевѣ Ксеніи Годуновой.

„Отъ скорби я еле жива и, вѣроятно, больна, какъ и всѣ здѣшнія монашки. Мы и не надѣемся на долгую жизнь, наоборотъ, ежечасно ждемъ смерти, ибо среди нашего гарнизона царитъ великое колебаніе и измѣна. Кромѣ того, за грѣхи наши здѣсь свирѣпствуетъ моровая язва: всѣхъ мучатъ тяжкія, смертныя страданья. Ежедневно хоронятъ отъ двадцати до тридцати и больше покойниковъ. Да и тѣ, что живы до сихъ поръ, совсѣмъ ослабѣли и какъ будто безъ ногъ“.

Безнадежно звучали и донесенія, высылаемыя въ Москву. Такъ, напр., въ началѣ апрѣля 1609 г. осажденные доносили Шуйскому:

„Мы уже не можемъ дольше держаться, потому что людей не хватаетъ для обороны: многіе изъ нихъ скончались, да и теперь всякій день ежечасно умираетъ ихъ свыше десяти отъ цынги (т. е. скорбута). Не успѣваемъ даже рыть для нихъ могилы“.

Этотъ моръ былъ такъ ужасенъ, что довольно многочисленный вначалѣ гарнизонъ Сергіева, во время послѣдняго штурма 7-го августа, превратился въ горсть защитниковъ, не превышавшую 200 людей.

Несмотря на бѣдственное положеніе, осажденные—хотя начальники ихъ были, по словамъ перебѣжчиковъ, постоянно пьяны—защищались съ необычайной энергіей. Ихъ цѣль состояла въ томъ, чтобы поддерживать сообщеніе со столицей, облегчать доставку топлива, фуражу и амуниціи. Ихъ вылазки сопровождались обыкновенно чувствительными для нихъ потерями, иногда же онѣ были весьма удачны.

Послѣ перваго неудачнаго штурма усвятскій староста вовсе не торопился возобновлять такого рода эксперименты. Недостатокъ осадной артиллеріи, а также уменьшенія войска, вслѣдствіе все болѣе возраставшаго повстанческаго движенія, являлись, вѣроятно, главными причинами задержки. Но все же въ началѣ іюля, когда, наконецъ, были привезены изъ Ельца орудія большого калибра, рѣшили вновь приступить къ штурму.

„4-го іюля—читаемъ въ дневникѣ Сапѣги — было общее собраніе, въ которомъ его благородіе совѣщался съ воинствомъ относительно штурма и систематическаго веденія его. Объ этомъ онъ сообщалъ письменно всему войску для соображенія, что понадобится, послѣ чего все воинство рѣшило итти со знаменами и условилось между собой сдѣлать нѣмой смотръ, чтобы его благородіе могъ распредѣлить ихъ по квартирамъ".

На другой день „выходило все войско со знаменами въ поле. Тамъ его благородіе распорядился и приказалъ, кому куда и какъ итти на штурмъ. Ночью одновременно ставили корзины и шанцы", а 6-го „ввели мортиры и орудія въ шанцы".

Наконецъ, 7-го іюля стали вновь штурмовать монастырь. Лишь только смерклось—разсказываетъ Палицынъ—поляки со щитами и лѣстницами безшумно подошли къ крѣпостнымъ стѣнамъ. Осажденные тоже приготовились къ защитѣ и на зубцахъ стѣнъ собрали большое количество камней, смолы и вару. Когда же съ Красной горы загудѣли орудія, войска Сапѣги со

всѣхъ сторонъ при трубныхъ звукахъ и съ громкими возгласами бросились въ атаку. Битва длилась всю ночь. Гарнизонъ оборонялся съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ и не далъ осаждающимъ подойти къ стѣнамъ ни съ лѣстницами, ни съ таранами. Наконецъ, на разсвѣтѣ, поляки, понесши значительныя потери, должны были отступить въ свой лагерь.

Мѣсяцъ спустя, попытались возобновить осаду, надѣясь, что удастся овладѣть Сергіевымъ.

5-го августа собралъ Сапѣга „генеральный совѣтъ съ воинствомъ, сообщая всему войску, что отовсюду надвигается великая опасность. При этомъ говорили ихъ благородія паны полковники, и ротмистры, и всѣ воины, прося его благородіе измыслить что-нибудь, чтобы взять Троицкій монастырь, чего всѣ они желаютъ, и разрѣшить итти на штурмъ, всѣмъ единодушно со знаменами".

„Итакъ, на другой день снова „объѣзжалъ его благородіе монастырь съ панами полковниками и ротмистрами, указывая, на какую стѣну и на какую башню кому итти, какимъ образомъ и въ какомъ порядкѣ производить штурмъ, сколько человѣкъ должны нести лѣстницы, какіе люди должны были впередъ итти на стѣны по лѣстницамъ, какіе должны были подкрѣплять ихъ, и въ которомъ часу должны были всѣ подступить къ стѣнамъ".

7-го августа „часа за три до разсвѣта, выступили изъ лагеря полки, которые его благородіе самъ объѣхалъ и уставилъ на обозначенныхъ мѣстахъ, кому откуда слѣдовало приступать къ стѣнамъ по лѣстницамъ.—Видя сильное рвеніе всего воинства, онъ далъ имъ приказъ, чтобы всѣ одновременно подступали къ стѣнамъ со всѣхъ сторонъ, какъ только выпалятъ изъ мортиры, внимательно слѣдя: если будетъ залпъ, бросаться, а если не будетъ залпа, тихонько прокрадываться къ стѣнамъ. Также слѣдовало имъ поступать

и за вторымъ выстрѣломъ. За третьимъ же выстрѣломъ изъ мортиры, будетъ ли залпъ или нѣтъ,—всѣ они съ Богомъ пусть храбро бросаются со всѣхъ сторонъ".

Но невзирая на столь „великое рвеніе всего воинства", моментъ былъ выбранъ неудачно.

Извѣстно, что въ началѣ августа земля проходитъ черезъ множество аэролитовъ, которые, падая, вызываютъ иногда блестящія явленія. Эти естественные феномены производили на тогдашніе суевѣрные умы потрясающее впечатлѣніе. Почти всѣ приписывали имъ особо-важное значеніе, въ нихъ видѣли дѣйствіе какихъ-то сверхъестественныхъ силъ, а фантазія боязливыхъ людей снабжала ихъ, кромѣ того, странными подробностями и прибавленіями.

Безъ сомнѣнія, явленія эти были замѣчены въ ту памятную ночь, когда Сапѣга возобновилъ въ третій разъ штурмъ Сергіева. Падающіе метеоры, вѣроятно, испугали осаждавшихъ; осажденныхъ же, какъ защитниковъ крѣпости и монастыря, они необыкновенно ободрили. Такъ, напр., спустя нѣкоторое время, одинъ изъ польскихъ казачьихъ атамановъ разсказывалъ, что когда онъ, готовясь къ штурму, ждалъ условленнаго сигнала, то вдругъ увидѣлъ передъ крѣпостью быстро несущуюся рѣку. Ея волны уносили камни, громадныя колоды, даже исполинскія деревья, вырванныя съ корнемъ. Изъ ложа ея поднимались большія песочныя горы. Надо всѣмъ этимъ неслись два старца, убѣленные, словно снѣгомъ, сѣдинами; они обращались къ осаждавшимъ, восклицая: „О, вы несчастные! всѣ такъ погибнете за то, что не хотите задуматься надъ собой!" Видѣніе это являлось будто бы также инымъ польскимъ казакамъ, и почти всѣ полагали, что оно служитъ знаменіемъ ихъ новаго пораженія.

И дѣйствительно, войско, идущее подъ такимъ впечатлѣніемъ на штурмъ, не могло сражаться съ обычнымъ

мужествомъ. Кажется, были допущены многія другія ошибки, которыя сдѣлали совершенно тщетной эту послѣднюю попытку овладѣть монастыремъ, ибо, согласно дневнику Сапѣги, воинство, не соблюдая приказанія и просьбы его благородія, въ безпорядкѣ, торопливо и кое-какъ подступало къ стѣнамъ", и поэтому они „ничего не сдѣлали".

Между тѣмъ все возраставшее повстанческое движеніе и сильное оскудѣніе тушинской арміи, вызвали и въ Василіи Шуйскомъ желаніе перейти въ наступательную тактику по отношенію къ Димитрію. „3-го іюля разсказываетъ Будило—Шуйскій, зная, что въ главномъ лагерѣ находилось небольшое количество войскъ, выслалъ свое войско съ гуляй-городами[1]), чтобы разрушить лагерь. Противъ него вышелъ панъ гетманъ съ тѣми, что у него были: не ожидая ихъ дома, онъ сразился съ ними на рѣкѣ Ходынкѣ. Вначалѣ, послѣ мужественнаго напора, наши пробились, взяли орудія, смяли пѣхоту и черни, и остатокъ ихъ, добивая, угнали подъ самыя стѣны". Тутъ однако „Москва, которая еще стояла подъ городомъ въ боевомъ порядкѣ, видя наше ничтожество и смятеніе своихъ, смѣло наступила. Наши, не построившись, не могли вступить въ бой и отдѣлились не только отъ гуляй-городовъ съ орудіями, но и отъ своей пѣхоты, которую Москва окружила, частью изрубивъ, частью живьемъ загнавъ въ городъ".

Гораздо подробнѣе, но немного иначе, повѣствуетъ объ этой злополучной битвѣ другой ея участникъ и очевидецъ. „Когда мы,—пишетъ въ своемъ дневникѣ Николай Мархоцкій — загнавъ ихъ подъ самый городъ, сходили уже съ поля, они за нами выступили съ гуляй-городами; пѣхота и орудія были у нихъ посреди, а конница по крыльямъ. Гуляй-города помѣ-

[1]) Т. е. съ передвижными башнями.

щены у нихъ на повозкахъ: это—дубовые щиты, упругіе, высокіе и широкіе; въ нихъ для стрѣлковъ, какъ въ оградѣ, продѣланы отверстія. Между тѣмъ, мы, не зная, что они пробираются за нами, зашли было къ лагерю, за рѣку Ходынку, хотя небольшую, но съ широкими берегами, такъ что переплыть ее съ войскомъ трудно. Тутъ мы, сойдя съ обширнаго поля, встали не въ надлежащемъ боевомъ порядкѣ, потому что мѣста было мало. Сюда подоспѣли къ намъ изъ лагеря 400 отборныхъ польскихъ пѣхотинцевъ: они расположились на берегу той же Ходынки, имѣя съ собой нѣсколько орудій. Будучи въ состояніи отступать безъ урона, мы напрасно тогда ожидали опасности. Тутъ подошла Москва со своими гуляй-городами. Увидя ихъ, наши подумали, что наступаетъ одна лишь московская конница; бросились къ нимъ черезъ рѣчку сначала три казачьи роты, а за ними—и гусарская. Когда казачьи роты появились на полѣ, москвичи дали залпъ изъ гуляй-городовъ, послѣ чего они тотчасъ же отступили". Но гусарская рота, а за нею и другія смѣло ударили на конницу и на московскіе гуляй-города. Вскорѣ они и „рузья отняли въ гуляй-городахъ, пѣхоту изрубили и впрягли лошадей въ орудія, чтобы ихъ отвезти въ лагерь. Такимъ образомъ, побѣда почти совсѣмъ была въ нашихъ рукахъ".

„Но отступать спѣшила только та часть московской конницы, которую подкрѣпила первая рота, остальные же не торопились и шли почти рядомъ съ нашими". Тогда „случилась такая ошибка: хорунжій изъ первой роты, который долженъ былъ слѣдовать за своимъ предводителемъ, увидя съ фланга Москву и тѣхъ, что взялись ихъ догонять, обратился къ этимъ. Иныя роты, шедшія за этой, полагая, что она уже выбита изъ позиціи, почему-то повернули тылъ". Тогда Москва выстроилась, атаковала насъ, рубила и гнала до самой Ходынки и отбила свои гуляй-города. Все наше

войско бѣжало подъ лагерь, и не будь тутъ Зарудскаго, который прискакалъ съ нѣсколькими сотнями донцовъ и у рѣки Ходынки отразилъ Москву ружейной пальбой, она загнала бы насъ въ самый лагерь. Такимъ образомъ, мы, уже будучи почти побѣдителями, лишились всей пѣхоты и потеряли нѣсколькихъ ротмистровъ". Кромѣ того не мало было убитыхъ воиновъ, челяди и лошадей, а также раненыхъ. Москва илѣнила много знатныхъ пановъ.

При такихъ условіяхъ еще двѣ новыя арміи приближались, чтобы освободить столицу. Съ востока шелъ Шереметевъ, а съ сѣвера шведскія и московскія войска подъ начальствомъ Михаила Скопина-Шуйскаго.

Какъ извѣстно, еще въ февралѣ 1609 г. Василію удалось заключить договоръ съ королемъ шведскимъ, въ которомъ послѣдній, взамѣнъ за отреченіе Москвы отъ всякихъ притязаній на Лифляндію, а также за уступку ему одной изъ пограничныхъ крѣпостей, обязался придти на помощь Шуйскому въ войнѣ съ Димитріемъ. Дѣйствительно, въ концѣ апрѣля прибыли въ Великій Новгородъ 15,000 отборнаго шведскаго войска. Между тѣмъ и Скопину удалось собрать весьма порядочныя силы. Уже въ началѣ мая у него было свыше 12.000 человѣкъ; въ теченіе послѣдующихъ недѣль его силы несомнѣнно возрасли.

Для Самозванца эта армія была тѣмъ болѣе грозной, что предводителемъ ея былъ хотя и молодой, но удивительно талантливый, и несмотря на свою юность, опытный воинъ.

Въ половинѣ мая Скопинъ-Шуйскій началъ свои дѣйствія и двинулся прямо къ Москвѣ. Узнавъ объ этомъ, навстрѣчу ему выслали изъ Тушина польскія и московскія войска подъ начальствомъ Александра Зборовскаго и князя Григорія Шаховского. Хотя Зборовскому и удалось сжечь по пути Старицу, овладѣть крѣпостью Торжкомъ и разбить переднюю

стражу шведско-московской арміи, но въ виду пре восходства непріятельскихъ силъ, онъ долженъ былъ уже 21-го іюня отступить къ Твери. Отсюда онъ потребовалъ подкрѣпленій изъ-подъ Троицы и изъ тушинскаго лагеря. Рожинскій выслалъ въ помощь ему „около тысячи человѣкъ“, но Сапѣга не успѣлъ выслать подкрѣпленія, ибо войска Скопина предупредили его и уже стояли подъ Тверью.

21-го іюля вышелъ противъ него Зборовскій и, какъ разсказываетъ Мархоцкій, „вступилъ съ ними въ битву съ такимъ успѣхомъ, что наши оба крыла, правое и лѣвое, выбили врага изъ позиціи, согнали его съ поля и выиграли битву, центръ же врагу удалось пробить. Тѣ, что были въ центрѣ, такъ далеко бѣжали отъ выигранной битвы, что лишь пробѣжавъ нѣсколько миль, оглянулись и вернулись къ войску; остальные же, что удержали за собой поле битвы, разгромили и тѣхъ, которые погнались было за нашими.

„Пало въ этой битвѣ нѣсколько сотъ нѣмцевъ, нашихъ же погибло очень мало. Однако нѣмецкая пѣхота, вооруженная копьями, осталась нетронутой на полѣ битвы, такъ какъ некому больше было съ ней сразиться: всѣ наши сломали свои копья, сражаясь съ конницей. Дождавшись ночи, эта пѣхота отошла въ свой лагерь, отъ котораго она находилась на разстояніи мили.

Согласно дневнику Будилы, поляки овладѣли въ этой битвѣ 11-ю орудіями и 14 знаменами.

„Сраженіе это продолжаетъ Мархоцкій —происходило во вторникъ (21 іюля). Когда все войско соединилось, тѣ, что выиграли битву, совѣтовали отступать къ нашимъ лагерямъ: они понимали, что большія нѣмецкія и московскія силы хотя и отступили съ поля битвы, но еще не разсѣяны. Тѣ же, что покинули битву, хотѣли искупить свой позоръ, говоря, что у врага не хватитъ мужества, и рѣшили не отступать отъ Твери“.

„Панъ Зборовскій хотѣлъ, чтобы всѣ собрались въ одинъ лагерь и были на сторожѣ. Это было въ среду; тѣ, которые захотѣли, послушали его и расположились вмѣстѣ съ нимъ лагеремъ подъ самымъ городомъ. Но большая часть войска расположилась въ городѣ, чтобы отдохнуть и, укрѣпивъ себя, не соблюдала никакой предосторожности. Со среды на четвергъ нѣмцы и Москва, обойдя стражу, наступили на нашихъ со всѣмъ войскомъ. Замѣтя ихъ, они въ смятеніи не могли найти позиціи, и всѣ, почти не сразившись съ врагомъ, должны были бѣжать. А такъ какъ бѣжать въ поле было небезопасно, то они укрывались въ крѣпость, окруженную казаками. Такимъ образомъ, въ крѣпости заперлась не малая часть нашихъ людей, а тѣ, что бѣжали въ поле, все побросавъ, на неосѣдланныхъ коняхъ успѣли добраться къ большому лагерю. Къ этому ихъ привело непослушаніе старшимъ.

Одержавъ побѣду, Скопинъ занялъ Тверь и старался овладѣть крѣпостью.

„Въ теченіе $1^1/_2$ недѣли брали ее“ войска шведскія и московскія, но поляки храбро отбивались. „Трижды — читаемъ въ дневникѣ Сапѣги — подступали нѣмцы къ Тверской крѣпости“, но всѣ ихъ штурмы были отбиты. Послѣ третьяго штурма „наши изъ крѣпости сдѣлали вылазку, преслѣдуя ихъ вплоть до нѣмецкаго лагеря и, изловивъ не мало языковъ, отбили у нихъ два полевыхъ орудія и порохъ“.

Но, несмотря на столь храбрую защиту, положеніе гарнизона, въ виду превосходящихъ непріятельскихъ силъ, было необыкновенно тяжелое. Узнавъ объ этомъ, Самозванецъ то и дѣло высылалъ письма къ Сапѣгѣ, требуя, чтобы онъ поспѣшилъ на помощь осажденнымъ. Удовлетворяя его требованію, тотъ, дѣйствительно, „отправилъ 28-го іюля къ Твери пять гусарскихъ ротъ, четыре пятигорскихъ и двѣ казачьихъ“, а на другой день и самъ „двинулся изъ лагеря съ войскомъ“.

Узнавъ объ этомъ, Скопинъ прекратилъ дальнѣйшую осаду крѣпости и вмѣстѣ со своей арміей переправился черезъ Волгу, такъ какъ дѣйствовалъ очень осторожно и избѣгалъ встрѣчи съ болѣе крупными непріятельскими силами. Онъ хотѣлъ сначала подкрѣпить свое войско и поэтому направился въ окрестности Ярославля, гдѣ собирались дружины изъ заволжскихъ городовъ. Прибывъ въ Калязинъ, онъ разсылалъ грамоты съ воззваніемъ, чтобы они какъ можно скорѣе приходили къ нему на помощь.

Въ такомъ положеніи, съ одной стороны угрожаемый столичнымъ гарнизономъ, а съ другой войсками Шереметева и Скопина, Димитрій старался сосредоточить всѣ свои силы въ Тушинѣ. Съ этимъ намѣреніемъ онъ уже 29-го іюля писалъ Сапѣгѣ: „Просимъ, чтобы учтивость ваша, оставивъ тамъ все, какъ можно скорѣе, со всѣмъ войскомъ поспѣшили въ большой лагерь, да и другимъ дали знать, чтобы и они то же сдѣлали. Мы просимъ, требуемъ усиленно и напоминаемъ, чтобы ваша учтивость иначе не дѣлали".

Но этотъ опытный воинъ полагалъ весьма основательно, что слѣдовало не отступать къ Москвѣ, а стараться всѣми силами не допустить соединенія двухъ непріятельскихъ арміи, громить каждую изъ нихъ въ отдѣльности и поочередно истощать ихъ. Поэтому-то, вернувшись въ свой лагерь съ „полками" Зборовскаго, Будилы и Вилямовскаго, онъ прежде всего еще разъ попытался взять приступомъ Сергіево. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ внимательно слѣдилъ за военными дѣйствіями Скопина: съ этой цѣлью онъ часто посылалъ къ Волгѣ шпіоновъ и разъѣзды; наконецъ, 13-го августа со всѣмъ войскомъ самъ двинулся къ Калязину.

Между тѣмъ Скопинъ занялъ очень сильныя позиціи. Онъ самъ расположился въ Калязинскомъ монастырѣ, на лѣвомъ берегу Волги, а для обезпеченія себя переправой черезъ нее, выстроилъ на ея правомъ

берегу острогъ[1]) и расположилъ большую часть хорошо вооруженной арміи подъ его защитой.

Сапѣга тоже дѣйствовалъ весьма осторожно, поэтому онъ лишь медленно приближался къ непріятельскимъ позиціямъ. 24-го того же мѣсяца онъ „расположился лагеремъ подъ Рабовымъ монастыремъ, въ двухъ миляхъ отъ Калязина. Отсюда онъ снова для развѣдокъ высылалъ разъѣзды, но „непріятель былъ такъ остороженъ", что ему ничего не удалось вывѣдать.

„Два дня спустя, 29-го августа—читаемъ въ дневникѣ Сапѣги—снарядилъ его благородіе пана Вилямовскаго съ 1000 конницы, чтобы онъ постарался непремѣнно добыть языка. Подъѣхавъ подъ непріятельскій лагерь съ нѣсколькими стами конныхъ, онъ съ цѣлью добыть языкъ вызвалъ непріятеля на стычки, и перестрѣлка между ними длилась около часу. Потомъ онъ свелъ своихъ съ поля битвы, не добывъ языка, потому что непріятельское войско стало сильно выступать въ поле, и ему пришлось отступить".

Поэтому-то „его благородіе, не имѣя никакихъ точныхъ свѣдѣній о силѣ этого войска", прежде всего свой лагерь „окружилъ стражею и укрѣпилъ" и только 28-го августа выступилъ „съ войскомъ подъ Калязинъ, намѣреваясь сразиться со Скопинымъ. Выступивъ въ боевомъ порядкѣ изъ лагеря, онъ выпустилъ впередъ казачій полкъ Костенецкаго, за нимъ полкъ его благородія пана Зборовскаго, въ центрѣ послѣ него полкъ его благородія, потомъ полкъ пана Бонка Лапцкоронскаго. Подойдя на полмили къ непріятельскому войску, его благородіе пустилъ въ боевомъ порядкѣ казаковъ, пока не прибыло еще все войско. Одни стояли въ боевомъ порядкѣ подъ знаменами, иные удальцы симилировали стычки. Среди сражавшихся въ стыч-

[1]) Мѣсто обведенное частоколомъ.

кахъ былъ и самъ его благородіе, который разсматривалъ расположеніе мѣстности для битвы, знакомился съ боевымъ порядкомъ непріятельскаго войска и съ преимуществами его позиціи. Разсмотрѣвъ и сообразивъ все это, онъ вернулся отъ стычекъ назадъ въ полки. Построивъ войско въ боевомъ порядкѣ, онъ поручилъ правое крыло его благородію пану Зборовскому, который долженъ былъ подкрѣпляться пятигорскими казачьими ротами; а пятигорцевъ должны были подкрѣплять гусары, если бъ въ этомъ оказалась нужда. Лѣвое крыло его благородіе поручилъ пану Сенцкому, у котораго было также нѣсколько сотъ конныхъ казаковъ его благородія, которые симилировали стычки и должны были первыми встрѣтить Москву. Главный полкъ его благородія стоялъ въ центрѣ строя, внимательно слѣдя за крыльями и раздвоеннымъ строемъ непріятеля. Построивъ войска, его благородіе отъѣхалъ къ переднему полку съ праваго крыла. Тамъ, глядя на стычки и видя, что они храбро отстрѣливаются и отражаютъ другъ друга съ одинаковыми удачами, онъ велѣлъ казакамъ наступить; тѣ мужественно отогнали Москву до самаго ихъ лагеря. Потомъ казаки сдѣлали отступленіе отъ козелъ, потому что пѣхота выстрѣлами дала имъ отпоръ. Другіе непріятельскіе полки, стоявшіе въ строю въ лѣвомъ крылѣ, увидя это, отступили съ поля въ свою выгодную позицію, гдѣ стоялъ въ боевомъ порядкѣ главный полкъ за рвомъ и козлами. Тогда его благородіе, поняв намѣренія непріятеля и видя, что его никакъ нельзя вызвать въ поле стычками, свелъ войско съ поля, по милости Божьей, безъ урона, поднявъ дымъ передъ самымъ носомъ непріятеля и спаливъ деревни".

Эти стычки длились цѣлый день. Согласно дневнику Будилы, поляки „гнали Москву вплоть до укрѣпленій, нѣкоторыхъ загнали въ Волгу, топили и рубили, а такъ какъ остальные стояли въ своей выгодной по-

зиціи, не выходя въ поле, то безъ пѣхоты трудно было войску что-либо сдѣлать".

Въ послѣдующіе дни Сапѣга намѣревался возобновить эту битву, и либо „заманить врага въ поле", либо ту часть арміи, что стояла за Волгой, голодомъ принудить къ сдачѣ.

Но именно въ это время пришли изъ „большого лагеря" печальныя вѣсти, которыя привели въ такое негодованіе все польское войско, состоявшее на службѣ у Самозванца, что съ этихъ поръ оно не хотѣло болѣе ни сражаться, ни повиноваться своимъ вождямъ. Такимъ образомъ, Сапѣгѣ пришлось отступить отъ Калязина. Онъ вскорѣ возвратился подъ Троицу, а Зборовскій вмѣстѣ со своимъ полкомъ отправился прямо въ тушинскій лагерь.

—

До сихъ поръ Марина не принимала никакого участія въ политическихъ дѣлахъ. Свою дѣятельность она проявила лишь единственный разъ, высылая вышеупомянутыя письма въ Римъ и къ папскому нунцію въ Польшу. Такимъ образомъ, до 1610 г. роль ея была почти совсѣмъ пассивна: она была лишь жертвой алчности своей семьи и жертвой собственнаго безумнаго честолюбія.

Ея положеніе становилось тѣмъ тяжелѣе, что послѣднія событія и приближающееся паденіе Самозванца наносили мучительные удары ея высокомѣрію и наполняли сердце озлобленіемъ. Какова же была ея жизнь въ тушинскомъ лагерѣ? Нѣкоторый свѣтъ проливаетъ въ этомъ отношеніи ея собственная корреспонденція.

Марина, уступая уговорамъ отца, хотя и признала Димитрія своимъ мужемъ и осталась въ Тушинѣ, но, очевидно, рѣшилась на это лишь послѣ долгой внутренней борьбы и очень тяжелыхъ сценъ съ воеводой. И когда Мнишекъ (17-го января 1609 г.) уѣзжалъ изъ лагеря, прощаніе его съ дочерью было, вѣроятно, на столько сухо, что одно воспоминаніе о немъ наполняло страданьемъ душу несчастной женщины.

Ничто не можетъ быть краснорѣчивѣе ея письма, высланнаго вскорѣ послѣ этого отцу:

„Отъ скорби — жаловалась царица — не знаю, что мнѣ писать, а страдаю я отъ разлуки и пребыванія въ одиночествѣ въ такое время, безъ васъ, милостиваго моего господина и благодѣтеля, а также отъ того, что не такъ простилась съ вами, какъ бы хотѣла, такъ какъ я желала больше всего услышать изъ устъ родителя моего благословеніе; очевидно, я этого недостойна была. Но я теперь, припадая этимъ письмомъ къ стопамъ вашимъ, смиренно прошу, чтобы то, чѣмъ я когда-либо, по неосторожности, умышленно, по глупости, по молодости, по злобѣ въ чемъ-либо оскорбила васъ, теперь вы, мой милостивый господинъ и отецъ, простили, и благословенье свое мнѣ, своей скорбящей дочери, соблаговолили послать, пріять которое я сочту для себя величайшей благостью. При томъ смиренно прошу, чтобы вы, милостивый господинъ мой, обо мнѣ самой и о дѣлахъ моихъ не забывали, какъ о тѣхъ, что въ Польшѣ, такъ и о тѣхъ, которыя вы здѣсь оставили, неокончивши,—въ письмахъ къ Е. В-у Царю не забывая меня, прося его о томъ, чтобы я могла дождаться отъ него любви и почтенія. Я же относительно себя обѣщаю вамъ исполнить все, что вы поручили мнѣ и буду поступать такъ, какъ вы, милостивый мой господинъ и отецъ, изволили приказать".

Такое же грустное впечатлѣніе производитъ одно изъ ея послѣдующихъ писемъ, высланное два мѣсяца спустя, въ концѣ марта того же года. На приложенномъ къ нему отдѣльномъ листочкѣ, заключавшемъ по обыкновенію лишь интимныя сообщенія, Марина писала:

„О дѣлахъ моихъ не знаю, что и писать. Со дня на день только все отсрочки. Ни въ чемъ нѣтъ соблюденія даннаго слова, а поведеніе со мной такое же, какъ и при васъ, милостивый мой господинъ и отецъ, т. е. не соотвѣтствуетъ обѣщаніямъ, которыя были сдѣ-

лаиы при прощаніи съ вами, о чемъ я могла бы многое написать".

Въ этомъ письмѣ она жалуется на такое убожество, что ей нельзя даже отправить своего курьера въ Польшу.

Необыкновенно прискорбно было для нея и странное равнодушіе со стороны отца, который послѣ своего отъѣзда изъ Тушина какъ будто совершенно забылъ о ней и совершенно не отвѣчалъ на ея письма. „Исполняя свой долгъ — писала дочь воеводы 10-го августа того же года — не пропускаю ни одного случая, чтобы освѣдомиться въ своемъ письмѣ относительно здоровья вашего, милостивый мой господинъ и отецъ. Уже за это время я выслала болѣе десяти писемъ, на которыя не получила никакого отвѣта, особенно на болѣе важные для меня вопросы, чему я сильно удивляюсь, ибо въ теперешней моей скорби, не зная еще, какой оборотъ примутъ московскія дѣла, ничто не могло бы быть утѣшительнѣе для меня, какъ частыя письма отъ васъ, моего милостиваго господина и отца".

Это равнодушіе воеводы, нужда, одиночество, главнымъ же образомъ — совмѣстная жизнь съ человѣкомъ „грубыхъ и дурныхъ правовъ" угнетали ее, вѣроятно, тѣмъ болѣе, чѣмъ обманчивѣе оказывались ея дерзновенныя чаянія и честолюбивые планы.

—

IX.

Шуйскій нарушаетъ перемиріе, заключенное въ іюлѣ 1608 г. — Голоса, требующіе войны съ Москвой. — Нерѣшительность и неспособность Сигизмунда. — Поляки съ неудовольствіемъ относятся къ планамъ короля. — Совѣты гетмана Жолкевскаго. — Походъ Сигизмунда подъ Смоленскъ. — Попытки вступить въ переговоры съ Шеинымъ. — Количество и составъ польскаго войска. — Тогдашнее положеніе Смоленска. — Первыя попытки овладѣть этой крѣпостью.

Хотя Шуйскій надѣялся, что заключеніе послѣдняго перемирія съ Польшей принесетъ ему большую пользу,

однако самъ онъ вовсе не думалъ о строгомъ соблюденіи этого договора. При послѣдующихъ переговорахъ польскіе послы дѣлали ему по этому поводу различные упреки. Такъ, онъ не освободилъ къ условленному сроку многихъ польскихъ плѣнныхъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напр., одного изъ Бучинскихъ, будто бы лишилъ даже жизни. Кромѣ того, онъ не выслалъ своего посольства въ Польшу для скрѣпленія договора, заключеннаго въ 1608 г. Явнымъ и весьма краснорѣчивымъ доказательствомъ нарушенія имъ этого договора были его переговоры со Швеціей, начатые имъ уже въ концѣ того же года.

Договоромъ 1608 г. Шуйскій обязался въ теченіе перемирныхъ лѣтъ не приходить въ помощь врагамъ Сигизмунда ни войскомъ, ни деньгами. Вопреки этому договору, въ февралѣ слѣдующаго года онъ заключилъ наступательно-оборонительный союзъ съ королемъ шведскимъ, согласно каковому союзу они должны были помогать другъ другу въ борьбѣ съ Польшей и не заключать мира безъ обоюднаго согласія.

Объ этихъ переговорахъ, а затѣмъ и о заключеніи союза очень скоро узналъ отъ знатныхъ шведскихъ плѣнныхъ Ходкевичъ и немедленно извѣстилъ короля. Такимъ образомъ, онъ вполнѣ основательно считалъ себя не связаннымъ соглашеніемъ, заключеннымъ съ Олесницкимъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ условій договора были исторгнуты насильно и прямо противорѣчили инструкціи, данной Сигизмундомъ польскимъ посламъ.

Въ Польшѣ уже давно раздавались весьма вѣскіе голоса за то, чтобы использовать московскія событія и отнять провинціи, утраченныя во время прежнихъ войнъ. Уже въ мартѣ 1607 г., на инструкціонномъ сеймикѣ въ Пинскѣ того же требовала и шляхта этого уѣзда, такъ какъ въ посольской инструкціи, установленной на томъ же съѣздѣ, читалось: „Во время настоящаго мира

паны послы съ другими ихъ благородіями должны всячески измыслить, какъ бы, успокоивъ внутреннія смуты и заручившись миромъ съ посторонними, всѣми силами отмстить имъ (т. е. Москвѣ) за это оскорбленіе Его Королевскаго Величества и всей Рѣчи Посполитой, за пролитіе крови братьевъ нашихъ, за избіеніе и плѣненіе ихъ, ограбленіе ихъ имущества, и вообще за поношеніе, какого нашъ народъ никогда ни отъ кого не переносилъ".

Горько жаловались королю и польскіе послы Олесницкій и Гонсевскій въ своихъ письмахъ, тайно высылаемыхъ изъ Москвы. „Пусть Ваше Королевское Величество обратится на эти края — писалъ мологоскій каштелянъ въ донесеніи своемъ отъ 8-го августа того же года—на этого врожденнаго врага вашего и всей Рѣчи Посполитой; воспользуйтесь этимъ случаемъ, который принесетъ вамъ лично и народу нашему великую славу. Ваше Королевское Величество значительно расширите свои владѣнія: благодаря этому, вы наведете большой страхъ на всѣхъ коронныхъ враговъ, обогатите и прославите свое потомство. А если вы, Ваше Королевское Величество, не пожелаете воспользоваться удобнымъ случаемъ и не склоните къ этому коронныхъ сословій, то вы причините въ будущемъ вредъ и себѣ, и намъ. Ибо этотъ народъ, чья бы партія ни одержала верхъ, быстро устроитъ свои дѣла; если же побѣдитъ Шуйскаго, то Вашему Королевскому Величеству и Рѣчи Посполитой ничего хорошаго и спокойнаго ждать оттуда нельзя. Теперь, если бъ ихъ не постигла эта междоусобная война, Шуйскій рѣшилъ, тотчасъ послѣ убіенія того Димитрія, послать свои войска во владѣнія Вашего Королевскаго Величества сразу въ нѣсколько пунктовъ. Въ данномъ случаѣ онъ основывается на томъ (какъ я самъ слышалъ отъ многихъ правдивыхъ людей), что если королю польскому сошло и дозволено было называть человѣка низкаго происхожденія Димитріемъ, сы-

номъ Ивана Васильевича, и вводить его подъ извѣстными условіями при помощи своихъ войскъ на московскій престолъ,—„почему же—говоритъ Шуйскій—и мнѣ не сдѣлать фиктивнаго сына короля Стефана, хотя бы его не существовало, королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ, и этимъ причинить столько же зла Польскому королевству и княжеству Литовскому, сколько было причинено Московскому Государству „Димитріемъ". Пусть же Ваше Королевское Величество обратитъ вниманіе на рѣчи и замыслы этого человѣка: какъ знать—не одержитъ ли верхъ его партія, если онъ захочетъ попытаться сдѣлать что-либо такое, что могло бы опечалить Рѣчь Посполитую и причинить ей вредъ? Теперь можно предупредить все это; но скоро будетъ поздно. Я пишу Вашему Королевскому Величеству правду: это говорятъ сами москвичи; не только отъ простыхъ, но и отъ очень знатныхъ людей наши часто слышатъ: „Вашъ король и Рѣчь Посполитая спятъ; хорошо бы проснуться и посмотрѣть, что у насъ дѣлается. Тогда скоро бы можно было намъ очутиться подъ властью одного короля, государя вашего". Имъ нравится наша свобода, потому что своя неволя имъ ужъ очень надоѣла, особенно когда они вспомнятъ, что было во времена Бориса и теперь при Шуйскомъ. Неоднократно также приходили вѣсти въ самую Москву, будто войска Вашего Королевскаго Величества находятся подъ Смоленскомъ, который имъ сдался, подобно инымъ пограничнымъ крѣпостямъ, что было очень пріятно слышать. Сами москвичи переспрашивали,—правда ли это, желая итти къ войску Вашего Королевскаго Величества, чтобы принести присягу. Итакъ, соблаговолите Ваше Королевское Величество войти въ соглашеніе съ Рѣчью Посполитой относительно того случая, который намъ посылаетъ Господь Богъ, чтобы овладѣть этимъ государствомъ, о чемъ я уже больше писать не могу".

Этотъ вопросъ обсуждался на засѣданіяхъ сената, во время сейма 1609 г. Нѣкоторые изъ сенаторовъ, какъ, напр., тотъ же Николай Олесницкій и Левъ Сапѣга, подавая свои голоса, очень горячо стояли за то, чтобы Польша воспользовалась тогдашнимъ, какъ полагали, столь выгоднымъ для нея положеніемъ дѣлъ въ Москвѣ.

Подъ вліяніемъ этихъ голосовъ, главнымъ же образомъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, Сигизмундъ уже въ августѣ 1608 года намѣревался начать войну. Но будучи весьма нерѣшительнымъ и неспособнымъ, онъ не сумѣлъ ни приготовиться къ ней, ни притти къ какому-нибудь окончательному рѣшенію по этому дѣлу.

Вскорѣ, по совѣту епископа краковскаго Тылицкаго, онъ надумалъ отложить до сейма окончательное рѣшеніе этого вопроса. Но когда въ январѣ 1609 г. собрался сеймъ въ Варшавѣ, только въ сенатѣ, „въ тайномъ совѣщаніи", разсуждали объ этомъ дѣлѣ, въ посольской же палатѣ король не провелъ соотвѣтствующаго постановленія и вообще не постарался даже собрать необходимыхъ для этой цѣли средствъ.

„Уѣзжая съ сейма – разсказываетъ Станиславъ Колковскій — на частной аудіенціи панъ гетманъ спрашивалъ у Его Величества Короля, чего можно ожидать, если онъ хочетъ покончить съ этимъ предпріятіемъ, какими способами, съ какими войсками, сколько ихъ будетъ, когда и по какому пути? Такъ какъ въ прошломъ году замыселъ былъ у Его Величества Короля итти на Сѣверскую землю, то и панъ гетманъ думаетъ, что лучше предпринять этотъ путь, ибо Смоленскъ— давнишняя крѣпость, тѣмъ болѣе, что онъ недавно былъ сильно укрѣпленъ Борисомъ; если онъ не сдастся добровольно, то осада отниметъ только время и затруднитъ предпріятіе Его Величества Короля. Для взятія Смоленска нужны большія приготовленія, пѣхота и

орудія; сѣверскія же крѣпости—деревянныя и могутъ быть взяты имѣющимися средствами, даже если будутъ сопротивляться. Его Величество Король отвѣтилъ пану гетману, что онъ еще и самъ не рѣшилъ: выйдетъ ли что изъ этого? Но по пути или же по прибытіи въ Краковъ онъ обѣщалъ объявить гетману свою волю какъ относительно всего предпріятія, такъ и иныхъ вопросовъ, къ нему относящихся. Что же касается пути, то онъ, вѣроятно, захочетъ итти на Смоленскъ, потому что его обнадежили, что Смоленскъ сдастся добровольно".

Сигизмундъ тѣмъ болѣе колебался, что тогдашнее положеніе Польши не могло его побуждать къ началу новой большой войны. Съ татарами отношенія по обыкновенію были не надежны. Со Швеціей продолжалась борьба за Лифляндію. Войско, находившееся тамъ, не получая жалованья, грозило заключить конфедерацію и отступить въ Литву. Въ казнѣ тоже не было соотвѣтствующихъ суммъ. Хотя на послѣднемъ сеймѣ рѣшено было сдѣлать одинъ налогъ, но съ этой подати, несмотря на тогдашнюю зажиточность Польши, получилась весьма незначительная сумма, а нужды были такъ велики, что неизвѣстно было — какъ выражается въ современномъ письмѣ Станиславъ Рудницкій — „на что слѣдуетъ прежде всего употребить этотъ налогъ". Оттого-то постоянно колеблющійся Сигизмундъ рѣшилъ въ февралѣ того же года возобновить переговоры съ Шуйскимъ и съ этой цѣлью отправилъ своего „посланника", Станислава Радзевскаго, въ Москву; и только въ концѣ марта онъ рѣшилъ предпринять этотъ походъ.

Военныя приготовленія онъ началъ разсылкой писемъ къ „сыновьямъ знатнѣйшихъ вельможъ, къ старостамъ и дворянамъ, чтобы они съѣзжались со своими свитами". Одновременно съ этимъ онъ также письменно вошелъ въ соглашеніе съ Жолкевскимъ. Но все это онъ дѣлалъ такъ, что „въ Краковѣ—какъ

говоритъ тотъ же авторъ — никто рѣшительно не зналъ, можетъ ли что-нибудь выйти изъ этого предпріятія, такъ какъ, кромѣ желанія Его Величества Короля не замѣчалось никакихъ приготовленій и не было слышно ни о какихъ запасахъ, требующихся для похода.

Въ апрѣлѣ Сигизмундъ уже долженъ былъ отправиться въ Вильно, но подъ различными предлогами постоянно оттягивалъ свой отъѣздъ. Наконецъ, 28-го мая онъ выѣхалъ въ Краковъ.

Въ Польшѣ отнеслись довольно враждебно къ этимъ планамъ короля. „Друзья Мнишковъ и всѣхъ тѣхъ, что сражались въ арміи Самозванца, думали, что король собирается „воспользоваться ихъ кровавыми заслугами". „Нѣкоторыя воеводства" подняли даже протестъ противъ этого похода на увѣдомительныхъ сеймикахъ. „Граждане составили себѣ такое мнѣніе— предостерегалъ Сигизмунда Жолкевскій - что В-е К-е В-о не для Рѣчи Посполитой, а для себя желаете извлечь выгоды изъ этой экспедиціи... Вездѣ и въ народѣ, и даже среди сенаторовъ говорятъ объ этомъ какъ-то недружелюбно и корятъ васъ за этотъ замыселъ. Право, по моему мнѣнію, надо по крайней мѣрѣ, чтобы сенаторы, хотя бы знатнѣйшіе, знали все и, будучи убѣждены въ правотѣ намѣреній В. К. В—а, постарались измѣнить мнѣнія неблагорасположенныхъ; ибо успѣхъ зависитъ во всякомъ случаѣ отъ согласія людей".

Поэтому, передъ отъѣздомъ изъ столицы, въ универсалѣ ко „всѣмъ сословіямъ", и въ письмахъ, разосланныхъ сенаторамъ, Сигизмундъ торжественно увѣрялъ, что походъ этотъ онъ предприметъ лишь для блага Рѣчи Посполитой, чтобы, „пользуясь смутой въ московскомъ народѣ, вернуть утраченныя провинціи и волости и воспользоваться имъ для усиленія могущества королевства противъ враговъ, которыми оно окружено со всѣхъ сторонъ".

По пути въ Вильно король остановился въ Люблинѣ, чтобы здѣсь вмѣстѣ съ Жолкевскимъ детально обсудить планъ похода. Престарѣлый гетманъ, какъ опытный воякъ, вполнѣ ясно представлялъ всѣ трудности его. Поэтому онъ въ частной аудіенціи „доложилъ Е. В—у Королю, какъ велико это предпріятіе и что оно требуетъ значительной подготовки и наличныхъ средствъ. Онъ указывалъ главнымъ образомъ на то, что время года очень позднее, путь далекъ, а солдатъ не готовъ: пока идутъ до московской границы, осень и зима, которыя тамъ быстро наступаютъ, лишатъ всякой возможности дѣйствовать".

Кажется, Сигизмунда можно было заставить отказаться отъ выполненія этихъ замысловъ, возникшихъ въ столь легкомысленной формѣ и почти безъ всякихъ приготовленій, но такъ какъ о походѣ уже „былъ извѣщенъ почти весь міръ", то „онъ рѣшилъ поддерживать и закончить это предпріятіе".

Изъ Люблина король отправился въ Вильно, а Жолкевскій черезъ Брестъ и Слонимъ направился прямо въ Минскъ; 25-го августа пріѣхалъ туда и Сигизмундъ.

Тутъ Александръ Гонсевскій сообщилъ ему, что Скопинъ-Шуйскій „сманилъ людей изъ Смоленска". Поэтому великскій староста настаивалъ поскорѣе начать осаду города, ибо въ данномъ случаѣ эту крѣпость, лишенную соотвѣтствующей защиты, можно было взять безъ труда.

Между тѣмъ польскія войска стягивались подъ Оршей. Несмотря на частыя воззванія гетмана, присылка войскъ совершалась такъ медленно, что когда король прибылъ туда же 4-го сентября, онъ засталъ лишь часть пограничныхъ ротъ и придворные эскадроны нѣкоторыхъ литовскихъ вельможъ.

Не обращая вниманія на немногочисленность силъ, Левъ Сапѣга снова весьма настойчиво уговаривалъ

короля въ Оршѣ, чтобы онъ какъ можно скорѣе подступалъ къ Смоленску. Литовскій канцлеръ увѣрялъ, что съ прибытіемъ Сигизмунда эта важная крѣпость сдастся добровольно. „Послѣ этого — повѣствуетъ Жолкевскій въ своихъ мемуарахъ — не ожидая приближающихся войскъ, Е. В. Король двинулся изъ Орши. Нашъ канцлеръ со своей ротой, нѣсколькими сотнями конницы и пѣхоты пошелъ впередъ и все чаще писалъ листки, чтобы какъ можно скорѣе наступать, не опуская случая взять Смоленскъ... Весьма не понравилась эта настойчивость нашу гетману и нашу брацлавскому воеводѣ, который присоединился къ Е. В. Королю въ Оршѣ. Но такъ какъ нашъ канцлеръ шелъ все дальше, мы, отправивъ за нимъ пана Нѣмыскаго, всѣ должны были слѣдовать за нимъ.

Въ концѣ августа Сигизмундъ старался вступить въ близкіе переговоры со Смоленскимъ гарнизономъ. Съ этой цѣлью, по порученію короля, оршанскій подстароста выслалъ письмо къ тамошнему воеводѣ Михаилу Шеину, „увѣдомляя его о прибытіи Е. В-ва Короля и напоминая, чтобы приготовили мосты".

Хотя въ Смоленскѣ очень привѣтливо встрѣтили польскихъ пословъ и обильно снабжали ихъ пищей, но Шеинъ не далъ тогда никакого письменнаго отвѣта и только сказалъ:

— Слѣдовало бы вашему государю подумать о перемирныхъ годахъ!

Такой же смыслъ имѣлъ его отвѣтъ, присланный въ Оршу 12-го числа того же мѣсяца. Въ этомъ письмѣ смоленскій воевода заявлялъ, что королю польскому болѣе слѣдуетъ не взывать къ покорности ему, а препятствовать дальнѣйшему пролитію христіанской крови и немедленно вывести изъ предѣловъ Московскаго Государства какъ свои собственныя войска, такъ и польскіе полки, сражающіеся въ арміи Самозванца.

Вопреки такому отвѣту Сигизмундъ не терялъ надежды, что Смоленскъ добровольно сдастся ему. 16-го сентября онъ выѣхалъ изъ Орши, и когда, спустя три дня, подошелъ къ московской границѣ, то послалъ отсюда воззваніе, въ которомъ вновь призывалъ какъ гарнизонъ, такъ и смоленское населеніе къ сдачѣ ему.

Въ этомъ воззваніи онъ подробно говорилъ о бѣдствіяхъ, которымъ подверглось въ то время Московское Государство; затѣмъ объявилъ, что прибылъ призванный „множествомъ людей знатныхъ, среднихъ и младшихъ изъ многихъ крѣпостей и изъ самой столицы не для того, чтобы воевать и кровь ихъ проливать", а чтобы „съ помощью Божьей ото всѣхъ враговъ ихъ защитить, избавить отъ неволи и послѣдней погибели, и какъ можно скорѣе" предотвратить дальнѣйшее пролитіе христіанской крови. Въ заключеніе онъ увѣрялъ, что, въ случаѣ добровольной сдачи города, онъ желаетъ сохранить православную вѣру ни въ чемъ нарушенною и со всякимъ почетомъ", и это обязательство готовъ подтвердить какъ отдѣльнымъ королевскимъ письмомъ, такъ торжественной своей присягой.

Но и это воззваніе не имѣло никакихъ послѣдствій, такъ какъ жители Смоленска ничего на него не отвѣтили, а посланному велѣли тотчасъ же удалиться изъ крѣпости, пригрозивъ, что въ противномъ случаѣ утопятъ его.

Между тѣмъ, 29-го сентября Левъ Сапѣга вмѣстѣ со Станиславомъ Стадницкимъ, нѣмецкимъ капитаномъ, подступилъ къ Смоленску: на другой день прибылъ съ частью войска Жолкевскій, а затѣмъ и самъ король „съ ротами пана воеводы брацлавскаго. Иныя роты пришли черезъ недѣлю, черезъ двѣ и даже черезъ три".

1-го октября, въ полдень, какъ разъ въ ту минуту, когда Сигизмундъ, прибывъ въ польскій лагерь, вхо-

дилъ въ свою палату, Шеинъ велѣлъ зажечь какъ городъ, такъ и смоленскія предмѣстья, не щадя даже церквей. Пожаръ продолжался всю ночь. Это служило краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что онъ вовсе не думалъ о переговорахъ, а намѣревался защищаться до послѣдней возможности.

Польскія силы, собранныя тогда подъ этой крѣпостью, мы можемъ опредѣлить лишь приблизительно. Согласно офиціальнымъ спискамъ, предложеннымъ на сеймѣ въ 1611 году, на жалованьи у короля состояло 4640 гусаръ, 1300 легкой конницы, т. е. казаковъ и „татаръ литовскихъ Е. В—а Короля“, наконецъ 4500 пѣхоты. Кромѣ того, въ придворныхъ эскадронахъ Льва и Павла Сапѣговъ, Христофора Дорогостайскаго, Яцуна Острогскаго и другихъ польскихъ вельможъ, которые одновременно съ королевскимъ войскомъ вступили въ предѣлы Московіи, насчитывали всего 530 гусаръ, 650 легкой конницы, т. е. пятигорцевъ и казаковъ, и 550 пѣхоты. Позднѣе прибыли еще другіе отряды такихъ же эскадроновъ придворной кавалеріи, но достоинство ихъ было вообще весьма сомнительно. Трудно также сказать, сколько ихъ было и какъ долго они находились въ королевскомъ лагерѣ. Отъ этихъ „добровольцевъ и придворныхъ эскадроновъ — повѣствуетъ Маскевичъ—гораздо больше было убытка, нежели прибыли“. Не только въ Литвѣ и на Руси во время похода они произвели не мало опустошеній, но сильно затрудняли доставку провіанта и въ королевскую армію, ибо цѣлыми „стадами гнали добро за границу“ и, такимъ образомъ, „съ большой добычей возвращались назадъ“.

Артиллерія, которою располагали вначалѣ, была совершенно недостаточна, такъ какъ въ шанцахъ, которые вскорѣ по прибытіи Сигизмунда насыпали подъ Смоленскомъ, помѣстили всего около десятка орудій и нѣсколько мортиръ.

Въ половинѣ октября прибыло сюда еще „до 30.000 запорожскихъ казаковъ“.

Польскія силы были тѣмъ болѣе недостаточны для взятія столь большой крѣпости, что эта твердыня недавно была хорошо укрѣплена Борисомъ Годуновымъ. Ее окружали стѣны вышиною въ семь саженей и шириною въ двѣ съ половиною сажени. Длина ихъ, какъ высчиталъ Жолкевскій — простиралась свыше восьми тысячъ локтей; слѣдовательно, стѣны эти тянулись на протяженіи болѣе семи верстъ... Ихъ защищали тридцать восемь башенъ, хорошо вооруженныхъ и обильно снабженныхъ всякими военными припасами.

Вообще запасы какъ оружія и амуниціи, такъ и провіанта были здѣсь весьма значительны: „орудій, кромѣ ружей, было до трехсотъ“. Хотя Сконинъ-Шуйскій, дѣйствительно, вывелъ часть гарнизона этой крѣпости, „однако не мало осталось еще стрѣлковъ и бояръ“.— „Въ общемъ— какъ утверждаетъ, безъ сомнѣнія точно освѣдомленный въ этомъ отношеніи, Жолкевскій — числящихся по спискамъ различныхъ людей, старыхъ и молодыхъ, было тамъ, какъ оказалось впослѣдствіи, двѣсти тысячъ“. Очень высокую цифру осажденныхъ мы находимъ и въ одномъ изъ современныхъ писемъ, а именно—въ письмѣ находившагося тогда въ польскомъ лагерѣ пана Вихровскаго. Онъ сообщаетъ въ запискѣ отъ 18 іюня 1611 года, что, по словамъ самого Шеина, „когда Е. В. Король пришелъ подъ Смоленскъ, всѣхъ людей, что заперлись въ крѣпости, въ общемъ было 120.000.

Въ виду столь громадныхъ непріятельскихъ силъ, черезъ нѣсколько дней по прибытіи подъ Смоленскъ, Жолкевскій созвалъ большой военный совѣтъ, на которомъ рѣшали вопросъ о томъ, что слѣдовало предпринять дальше. На этомъ собраніи почти всѣ полагали, что крѣпость можно будетъ взять безъ труда.

Нѣкоторые совѣтовали воспользоваться для этой цѣли подкопами или подложить въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ петарды. Однако самъ гетманъ, какъ опытный вождь, былъ совершенно иного мнѣнія, котораго на этомъ совѣщаніи онъ не высказалъ, „чтобы люди не падали духомъ". Но въ частной бесѣдѣ онъ сообщилъ королю, „что тѣ орудія, которыя есть у него, не пробьютъ столь крѣпкой стѣны въ желаемыхъ пунктахъ; а на петарды и подкопы не слѣдуетъ разсчитывать, ибо эти уловки здѣсь не годятся: непріятель на сторожѣ, и такими средствами мы ничего ему не сдѣлаемъ". Послѣ этого онъ „остерегалъ Е. В. Короля, чтобы тотъ не расходовался на это", а лучше, „окруживъ Смоленскъ фортами", отправился бы прямо къ столицѣ и вошелъ въ близкіе переговоры съ благосклонно къ нему относящейся партіей московскихъ бояръ.

Но Сигизмундъ, какъ всегда, такъ и въ этомъ случаѣ, не послѣдовалъ разумному совѣту столь опытнаго знатока военнаго искусства, а послушалъ тѣхъ, которые непремѣнно хотѣли „примѣнить эти уловки".

И, дѣйствительно, въ ночь съ 4-го на 5-го октября Людовикъ Вейхеръ, староста пицкій, и „кавалеръ" Новодворскій съ отрядами „петардниковъ" подступили къ стѣнамъ крѣпости. Первый изъ нихъ подложилъ петарду подъ кончинскую стѣну; но петарда эта, взорвавшись, не причинила почти никакого вреда. Счастливѣе былъ Новодворскій, которому удалось такимъ образомъ взворвать двои ворота. Но это не облегчило взятія крѣпости, „ибо передъ воротами — пишетъ дальше въ своихъ мемуарахъ Жолкевскій — непріятель построилъ срубы, вродѣ какихъ-то клѣтей, такъ что сквозь эти срубы не было доступа, развѣ только кругомъ рядомъ со стѣной, по узкой дорожкѣ, по которой могъ пройти одинъ человѣкъ, держа коня за поводья. Подойдя къ такому срубу, папу Новодворскому пришлось съ петардой итти по этой дорожкѣ, да еще

согнувшись вслѣдствіе нижняго боя, находившагося въ стѣнѣ. Онъ, подложивъ одну петарду къ первымъ воротамъ, а другую —ко вторымъ, взорвалъ и тѣ, и другія. Во время битвы былъ страшный гулъ, частая стрѣльба изъ орудій и ружей, и мы не могли замѣтить,—произвели ли взрывъ петарды, потому что нельзя было видѣть воротъ изъ-за сруба, который ихъ скрывалъ. Послѣ этого тѣ, которые находились впереди, не пошли по той узкой тропинкѣ, такъ какъ не знали, что тамъ происходитъ. Главнымъ же образомъ это случилось потому, что, по уговору съ нашимъ Новодворскимъ, трубачи, которые были при немъ, увидя взрывъ петарды, трубными звуками должны были дать сигналъ,—но эти трубачи Е. В-а Короля, которыхъ онъ для этой цѣли съ собой взялъ, затерялись гдѣ-то въ толпѣ. Сигналъ не былъ данъ: конница, не слыша трубныхъ звуковъ, подумала, что петарды не взорвались, и отошла назадъ; королевская пѣхота, стоявшая у воротъ, также удалилась отъ нея".

Однако эти неудачи не убѣдили еще Сигизмунда въ справедливости совѣтовъ гетмана. Поэтому онъ рѣшилъ примѣнить еще „другія хитрости", а именно: велѣлъ обстрѣливать стѣны крѣпости и сдѣлать подкопы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Подкопы эти уже потому не могли принести ожидаемой пользы, что „непріятель подъ землей, кругомъ стѣнъ, возлѣ самаго фундамента, продѣлалъ слухи" и такимъ образомъ хорошо къ нимъ подготовился.

Обстрѣливаніе крѣпости также оказалось безплоднымъ: польская артиллерія была слишкомъ слаба и малочисленна, чтобы произвести необходимое разрушеніе, особенно же въ толстыхъ и сильныхъ стѣнахъ, окружавшихъ смоленскую крѣпость.

Дѣйствительно, единственнымъ послѣдствіемъ этой „хитрости" было то, что вскорѣ разорвалось нѣсколько орудій, при томъ „самыхъ лучшихъ".

Подъ вліяніемъ этихъ неудачъ неспособный Сигизмундъ, наконецъ, убѣдился въ томъ, какъ опрометчиво онъ началъ столь большую и тяжелую войну, и понялъ, что ему прежде всего слѣдуетъ позаботиться объ усиленіи своего войска.

Съ этой цѣлью, въ ноябрѣ того же года, черезъ посредство Іеронима Ходкевича, виленскаго каштеляна, старались склонить польское войско, стоявшее въ Лифляндіи, чтобы оно также вошло въ предѣлы Россіи, а именно направилось въ окрестности Пскова и Великихъ Лукъ. Но эти усилія ни къ чему не привели, такъ какъ указанные полки, давно не получая жалованья, именно въ это время рѣшили составить конфедерацію и отправиться въ королевскія имѣнія въ Литву, чтобы хоть этимъ принудить короля къ уплатѣ слѣдуемаго имъ жалованья.

Удачнѣе были переговоры съ польскимъ войскомъ, состоявшимъ на службѣ у Самозванца, но и здѣсь только часть его согласилась, и то лишь послѣ долгихъ колебаній и совѣщаній.

—

X.

Польское войско въ Тушинѣ составляетъ конфедерацію. — Сапѣга иначе относится къ дѣлу. — Дерзкія требованія конфедератовъ. — Посольство Сигизмунда подъ Москву. — Переговоры съ войскомъ конфедератовъ. — Димитрій бѣжитъ въ Калугу. — Переговоры съ боярами, сторонниками Самозванца. — Договоръ отъ 11 февраля 1610 г.

Въ Тушинъ уже въ началѣ 1609 г. пришли вѣсти о военныхъ замыслахъ Сигизмунда. Они сильно обезпокоили лагерь Димитрія, вселяя весьма основательное опасеніе, что Сигизмундъ такимъ образомъ можетъ совершенно обезличить тѣ обширные политическіе замыслы, которые польская оппозиція связывала съ побѣдами Самозванца, и кромѣ того,—лишить поляковъ, служащихъ въ его арміи, какъ пророченнаго

жалованья, такъ и всѣхъ столь щедро обѣщанныхъ имъ наградъ.

Поэтому въ половинѣ января Мнишекъ поспѣшилъ на сеймъ въ Варшаву, чтобы, какъ тогда говорили, „дѣйствовать" противъ этихъ намѣреній короля. Съ подобной же цѣлью вскорѣ послѣ этого польское войско изъ Тушина и изъ-подъ Троицы выслало своихъ пословъ „на сеймъ, къ Е. В. Королю и въ сенатъ". Посламъ было поручено усиленно хлопотать о томъ, чтобы полякамъ, сторонникамъ Самозванца, „въ этомъ предпріятіи не ставили никакихъ препятствій".

Дѣйствительно, на частной аудіенціи 25-го февраля, они старались убѣдить Сигизмунда въ томъ, что его вмѣшательство въ московскія дѣла можетъ оказать лишь весьма неблагопріятное вліяніе на ходъ событій и только Шуйскому окажетъ немалую услугу.

Но эти представленія нисколько не измѣнили намѣреній короля. Онъ отвѣтилъ посламъ только „письмомъ съ комнатной печатью", въ которомъ обѣщалъ, что объ этомъ дѣлѣ переговоритъ съ ними черезъ особыхъ уполномоченныхъ.

Но пока посольство возвращалось въ Тушинъ, въ концѣ августа пришла вѣсть, что Сигизмундъ съ большой арміей приближается къ границамъ Московскаго Государства. Это вызвало страшную бурю въ польскихъ лагеряхъ. „Воинство,—повѣствуетъ Будило въ своемъ дневникѣ—отчаявшись въ своемъ дѣлѣ, которое обратилось во прахъ съ появленіемъ короля, съ этихъ поръ не пожелало ни работать, ни повиноваться своимъ вождямъ". Какъ въ Тушинѣ, такъ и подъ Троицей почти въ теченіе цѣлаго мѣсяца только и совѣщались о томъ, какъ бы обезпечить себя уплатой жалованья за свои „кровавые труды и заслуги".

Наиболѣе сильное негодованіе охватило „большой лагерь", гдѣ наряду съ опасеніями относительно просроченнаго жалованья дѣйствовали еще иныя побуди-

тельныя причины, а именно политическая вражда и соотвѣтствующіе ей взгляды. Поэтому въ Тушинѣ рѣшено было, какъ можно, смѣлѣе протестовать противъ вмѣшательства Сигизмунда, и даже прямо потребовать отъ него, „чтобы онъ удалился изъ московскихъ владѣній". Для того, чтобы придать больше значенія и вѣса этому требованію, составили конфедерацію, члены которой подъ присягой обязались, что они будутъ находиться неотлучно при Димитріи, пока онъ не пріобрѣтетъ вновь своего наслѣдственнаго престола. Въ актѣ конфедераціи рѣшено было не покидать своихъ знаменъ до тѣхъ поръ, пока всѣмъ ея членамъ не будетъ уплачено просроченное жалованье; въ заключеніе были установлены суровыя кары для тѣхъ, которые нарушатъ вышеприведенныя обязательства, примутъ участіе въ какихъ-либо тайныхъ интригахъ и соглашеніяхъ, или возбудятъ въ войскѣ смущеніе и безпокойство.

Отношеніе же Сапѣги къ этому дѣлу было совершенно иное; его вліянію подчинилась и часть польскаго войска, состоящая подъ его начальствомъ. Какъ извѣстно, усвятскій староста поѣхалъ въ Москву по совершенно особымъ причинамъ и стремился къ своей цѣли. Дѣйствуя въ тайномъ соглашеніи съ Сигизмундомъ, онъ долгое время не хотѣлъ примкнуть къ конфедераціи, хотя даже самъ Рожинскій старался склонить его и, вѣроятно, главнымъ образомъ съ этой цѣлью дважды ѣздилъ подъ Троицу. Вмѣсто этого Сапѣга совѣтовалъ войску вступить въ переговоры съ королемъ. Наконецъ, и онъ присоединился къ этому союзу, но несомнѣнно лишь съ намѣреніемъ болѣе успѣшно вліять на дальнѣйшее поведеніе конфедератовъ.

Точно также имъ не удалось склонить на свою сторону запорожскихъ казаковъ, служащихъ въ арміи Самозванца. Какъ разъ въ это время часть ихъ заняла

Вязьму, другіе же осаждали Бѣлый. Оба эти отряда не только не присоединились къ конфедераціи, но даже отправили своихъ пословъ въ Смоленскъ, „принося свое подданство королю“. Даже „слуги“ въ тушинскомъ лагерѣ будто бы „заявили, что и они не будутъ служить противъ короля, своего государя“.

Въ королевскомъ лагерѣ уже въ началѣ ноября узнали о заключеніи конфедераціи и о ея враждебномъ отношеніи къ Сигизмунду; но, вопреки такому недоброжелательству союзниковъ, когда послы ихъ съ Мархоцкимъ во главѣ прибыли подъ Смоленскъ, была выслана рота Струся навстрѣчу имъ, и вообще они были приняты съ большимъ почетомъ. На другой день 24-го ноября король назначилъ имъ аудіенцію.

На этой аудіенціи, послѣ вступительныхъ привѣтственныхъ словъ, Мархоцкій сказалъ:

Прибытіе Вашего Королевскаго Величества не согласуется съ отвѣтомъ, полученнымъ нашими послами во время послѣдняго сейма, а такъ какъ теперь собираются уничтожить плодъ нашихъ кровавыхъ трудовъ и заслугъ, то въ такомъ случаѣ ни короля государемъ, ни братьевъ братьями, ни родину родиной мы считать не будемъ!

Послѣ этихъ словъ вице-канцлеръ Щенсный Крыскій воскликнулъ:

— Что значитъ эта безстыдная и дерзновенная рѣчь? Развѣ ваши сослуживцы такимъ образомъ приказали вамъ обращаться къ Е. К—у В—у и дали вамъ столь наглыя порученія?

Нисколько не смутившись этимъ, Мархоцкій тотчасъ же отвѣтилъ:

— Я ни на волосъ не отступилъ отъ данной мнѣ инструкціи!

Затѣмъ ихъ вызвали для изложенія ихъ легаціи. Послы представили тогда двѣ бумаги, на которыхъ были подписи Рожинскаго и Александра Зборовскаго. Одну

изъ нихъ вручили вице-канцлеру, а другую Жолкевскому, который также присутствовалъ на этой аудіенціи, послѣ чего Мархоцкій громко прочелъ ихъ. Въ легаціи конфедераты хотя и въ весьма учтивой формѣ, но также рѣшительно заявляли, что это „вступленіе короля во владѣнія Е. В—а Царя не согласуется съ тѣмъ отвѣтомъ, который принесли ихъ послы, особенно при появленіи Е. К. В—а въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя составляютъ залогъ ихъ заслугъ". Такъ какъ они „предприняли эту экспедицію на собственныя средства" и понесли въ ней „великіе труды, кровопролитіе и издержки", то они умоляютъ, чтобы король, „уваживъ это", не подвергалъ ихъ столь тяжкимъ убыткамъ, а какъ государь, жаждущій славы и блага своихъ подданныхъ, не препятствовалъ этой ихъ выслугѣ, почти затопленной кровавымъ источникомъ". Въ заключеніе они прибавляли, что „скорѣе души свои, еле держащіяся въ нихъ, положатъ за это предпріятіе, нежели позволятъ лишить себя славы и своихъ кровавыхъ заслугъ". Поэтому-то „Е. К. В—о, какъ благоразумный государь, вникнувъ хорошенько во все, пусть не изволитъ отстранять изложенное ихъ требованіе, ибо не мѣшаетъ иногда отказаться отъ того, что принесло бы мало пользы, но гораздо больше вреда и позора".

По прочтеніи легаціи, послы отправились къ гетману Жолкевскому, гдѣ собрались многіе изъ бывшихъ въ лагерѣ сенаторовъ, полковниковъ и ротмистровъ. И здѣсь они, хотя въ болѣе мягкой формѣ, изложили свои требованія. Но и въ этомъ случаѣ посольство ихъ произвело весьма невыгодное впечатлѣніе. Когда они уходили, всѣ подсмѣивались и надъ ними, и надъ Самозванцемъ, не щадя колкостей. Между прочимъ, у нихъ спросили также, сочеталась ли Марина бракомъ, овдовѣвъ послѣ перваго Димитрія, съ теперешнимъ?

— Свѣтлѣйшей Царицѣ—отвѣтили они—не зачѣмъ вторично сочетаться бракомъ, ибо съ нея совершенно

достаточно одного вѣнчанія ея, совершеннаго самимъ папскимъ нунціемъ въ присутствіи короля!

Какъ видимъ, тушинскіе послы были находчивы и умѣли отвѣчать не только вопадь, но и съ удалью. Однако, несмотря на ихъ ловкость, требованія конфедератовъ вызвали немалое негодованіе въ королевскомъ лагерѣ.

„На другой день, 25-го ноября,—читаемъ въ одномъ изъ современныхъ дневниковъ — было военное собраніе у пана гетмана, куда съѣхались ихъ благородія всѣ сенаторы, обсуждая, слѣдуетъ ли дать отвѣтъ этимъ посламъ. Большинство голосовъ единодушно требовало, чтобы ихъ отправить какъ можно суровѣе"; другіе же стояли за болѣе снисходительное отношеніе къ нимъ. Послѣднее мнѣніе одержало верхъ, и потому, когда они 26-го ноября прибыли на прощальную аудіенцію, вице-канцлеръ Кишскій обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

„Благосклонно выслушалъ Е. В. Король, государь нашъ милостивый, выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ того воинства, принесенныя недавно вашими благородіями. Но когда, при дальнѣйшемъ обсужденіи, дѣло сопоставлялось съ выраженіями, то Е. К—у В—у и ихъ благородіямъ нашимъ сенаторамъ и всѣмъ, которые или читали, или слушали это посольство, пришлось удивляться—почему столь дерзновенное и рѣзкое дѣло выражено мягкими словами, почему, выражая вѣрноподданическія чувства, они одновременно съ этимъ осмѣлились обращаться съ такимъ требованіемъ. Кто не почитаетъ государя, тотъ оскорбляетъ родину, а кто не уважаетъ начальство, сопротивляется и законамъ. Тѣ же, которые оскорбляютъ родину и законъ, преступаютъ границы свободы, ибо невозможно оправдывать дурные поступки свободой. Поэтому Е. К. В—о съ неудовольствіемъ и не безъ обиды выслушалъ посольство отъ того войска, съ которымъ онъ однако по врожден-

ной снисходительности своей благоволить вести переговоры черезъ своихъ пословъ. Итакъ, вашимъ благороднямъ придется получить письменно такой отвѣтъ, какого это посольство и его дѣло достойны. А впредь да будетъ вашимъ благороднямъ извѣстно, и товарищамъ своимъ передайте, что Е. К. В—о сознаетъ, что онъ господинъ народа, ввѣреннаго ему Господомъ Богомъ".

Гораздо суровѣе былъ отвѣтъ короля на ихъ легацію, прочитанный послѣ этой вступительной рѣчи Крыскаго коронымъ регентомъ, Яномъ Кучборскимъ.

Въ этомъ отвѣтѣ король сперва осуждалъ своеволіе и дерзость конфедератовъ, доказывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что не они, а „родина отъ нихъ терпитъ и переноситъ не малое насиліе". „Ибо польскіе законы воспрещаютъ выходить въ чужія государства со знаменами на службу, чтобы не дать повода инымъ народамъ такъ же подкрѣплять нашихъ враговъ. Воспрещаютъ коронные законы возмѣщать privata auctoritate, свою личную обиду у сосѣдей, чтобы не нарушить международныхъ договоровъ и всеобщаго мира". Король не для того вступилъ въ предѣлы Московскаго Государства, чтобы ихъ лишить „кровавыхъ заслугъ", а по многимъ другимъ основательнымъ причинамъ, главнымъ же образомъ для того, чтобы „врагъ, подкрѣпленный язычествомъ и нѣмецкими людьми, разбивъ—какъ ходили слухи силу того воинства, не вторгся въ предѣлы Рѣчи Посполитой". Въ заключеніе Сигизмундъ обращался къ нимъ съ воззваніемъ, чтобы они „уважили его отцовское посольство", высланное къ нимъ одновременно съ этимъ воззваніемъ, и, какъ истинные поляки, вернулись къ обязанностямъ вѣрныхъ подданныхъ".

Такого же содержанія отвѣтъ получили послы и чрезъ Колкевскаго отъ имени сенаторовъ, находящихся въ то время въ лагерѣ. Но чтобы по возможности не возставовлять ихъ противъ себя, нѣкоторые изъ польскихъ

вельможъ приглашали ихъ къ себѣ на пиры и вообще, обращаясь съ ними весьма дружественно, старались облегчить дальнѣйшіе переговоры въ этомъ дѣлѣ.

Совершенно иныя рѣчи держали послы, которыхъ Сапѣга прислалъ какъ отъ своего имени, такъ и отъ войска, находящагося подъ Троицей. Въ весьма почтительныхъ выраженіяхъ они лишь убѣдительно просили вознаградить ихъ тяжелые труды и выплатить просроченное жалованье. Они представили также тайныя порученія отъ Сапѣги, а именно черезъ посредство ихъ усвятскій староста совѣтовалъ, чтобы король, какъ можно скорѣе, отправилъ своихъ пословъ подъ Москву и увѣрилъ конфедератовъ въ томъ, что, при переходѣ на его сторону, имъ вовсе не слѣдуетъ опасаться утраты своихъ заслугъ. Сапѣга хотѣлъ даже самъ войти съ ними въ переговоры и убѣдительно просилъ, чтобы ему прислали съ этой цѣлью соотвѣтствующія полномочія. Онъ давалъ также совѣты относительно дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій; а въ заключеніе представилъ перечень именитыхъ лицъ, находящихся въ лагерѣ Димитрія, и въ партіи Шуйскаго, и совѣтовалъ войти съ ними въ соглашеніе.

Почти одновременно съ прибытіемъ подъ Смоленскъ этихъ двухъ посольствъ Сигизмундъ выслалъ своихъ пословъ подъ Москву. Миссія эта была поручена знатнѣйшимъ сановникамъ, первое мѣсто среди которыхъ занимали Станиславъ Стадницкій, каштелянъ пшемыскій, и князь Христоферъ Збаражскій, кременецкій староста. Они выѣхали 12-го ноября изъ королевскаго лагеря, но еще ранѣе ихъ прибытія въ Тушинъ отправили нѣсколькихъ надежныхъ агентовъ, чтобы они ознакомились съ настроеніемъ тамошняго войска и приготовили его къ благосклонному принятію королевскихъ пословъ. Только по полученіи отъ этихъ посланниковъ благопріятной реляціи и особо высланныхъ королевскимъ гонцомъ „обезпеченій отъ Димитрія и отъ вои-

ства въ томъ, что послы Е. В. Короля могутъ безопасно совершать свое посольство", они дѣйствительно отправились подъ Москву.

Оставивъ прикомандированныя къ нимъ изъ предосторожности двѣ роты въ Можайскѣ, а также „повозки и лошадей", они 17-го декабря въѣхали въ „большой лагерь". Свита ихъ состояла изъ 100 великолѣпно разодѣтыхъ гусаръ и 280 пѣхотинцевъ. Навстрѣчу королевскимъ посламъ выѣхалъ Александръ Зборовскій съ 200 всадниковъ, а за нимъ и самъ гетманъ Димитрія, князь Рожинскій. Послѣдній былъ боленъ, поэтому выѣхалъ на саняхъ; его сопровождалъ также Станиславъ Мнишекъ, сапоцкій староста. Передъ самымъ въѣздомъ въ лагерь ихъ привѣтствовали два боярина, высланные Самозванцемъ, а именно—Иванъ Плещеевъ и Ѳеодоръ Упковскій. Димитрій и Марина смотрѣли „съ крыльца въ окно, такъ что ихъ хорошо было видно".

Королевскіе послы остановились у „пана гетмана", который пригласилъ ихъ къ себѣ обѣдать и „здорово пили". На третій день „въ воскресенье послѣ заутрени", они исполнили свое посольство.

Хотя „была жестокая непогода", на снѣгу „за лагеремъ собрали совѣтъ", въ которомъ для пословъ „приготовили скамьи". Въ то время, когда отъ ихъ имени держалъ рѣчь „его благородіе панъ пшемыскій, панъ гетманъ и воинство слушали стоя".

Стадницкій, согласно данной ему инструкціи, выяснилъ прежде всего причины, склонившія Сигизмунда къ этому походу. Уже одно измѣнническое избіеніе поляковъ, приглашенныхъ на свадьбу Димитрія, и противузаконное столь продолжительное задерживаніе польскихъ пословъ являлось достаточной причиной для настоящей войны. Еще болѣе побуждали его къ этому тайный союзъ, заключенный Шуйскимъ съ „Каролусомъ Зудерманландскимъ" и предоставленіе ему средствъ для возобновленія борьбы въ Лифляндіи. На-

конецъ, почти главной побудительной причиной было опасеніе, чтобы врагъ, ослабивъ силы „этого рыцарства", не пробилъ бы себѣ „дорогу для вторженія" въ предѣлы Рѣчи Посполитой.

По выясненіи причинъ, вынуждающихъ короля къ походу, каштелянъ пшемыскій обратился къ конфедератамъ съ воззваніемъ, чтобы они въ угоду королевской „волѣ", для блага „родины, которой обязаны и своей жизнью, предложили королю свою храбрость".

Когда Станицкій окончилъ свою рѣчь, сталъ говорить „панъ Войтковскій, человѣкъ не молодой, хорошій и не робкій": онъ кратко, но искренно поблагодарилъ короля за то, что онъ „изволилъ послать къ нимъ столь именитыхъ людей", увѣряя вмѣстѣ съ тѣмъ, что „за эту милость Е. К. В—а они искренно желаютъ отблагодарить „родину" и „родного государя".

Въ заключеніе конфедераты просили, чтобы имъ „на бумагѣ дали" пункты легаціи, на что послы охотно согласились.

Подъ впечатлѣніемъ этого посольства, а также отвѣта короля, въ тушинскомъ лагерѣ въ мнѣніяхъ конфедератовъ возникли различныя теченія. Одни хотѣли „придерживаться своей присяги и только что составленнаго союза". „Они увѣряли—читаемъ въ современномъ донесеніи—въ своихъ заслугахъ, вездѣ провозглашая, что никакъ не могутъ отказаться отъ нихъ". Но больше было такихъ, которые по крайней мѣрѣ одной четвертью довольствовались бы отъ Е. В. Короля. На собраніяхъ у этихъ солдатъ часто было слышно, какъ они безъ всякой осторожности Господа Бога благодарятъ, что прибылъ Е. В. Король, и сильно ругаютъ царя, называя его брадобрѣемъ. Они знаютъ, что королю имъ не за что платить, такъ какъ они ничего еще не сдѣлали".

Безъ сомнѣнія на настроеніе „воинства" повліяли также интриги тѣхъ агентовъ, которые были высланы въ Тушино. Вѣроятно, они не скупились на обѣщанія,

ибо Мархоцкій говоритъ въ своихъ мемуарахъ, „что войско ухватилось за какое-то мало вѣроятное извѣстіе, будто король везетъ съ собой немалую сумму денегъ. Воинство стало надѣяться, что онъ будетъ въ состояніи заплатить имъ жалованье за множество давно отслуженныхъ четвертей, если они, отступивъ отъ Димитрія, перейдутъ на его сторону".

На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, конфедераты опять собрались для совѣщанія. На этомъ совѣщаніи происходили весьма бурныя сцены, такъ какъ подозрѣвали нѣкоего Янковскаго въ томъ, „будто онъ измѣнилъ инструкцію, данную посламъ", высланнымъ въ Смоленскъ, „подвергая" такимъ образомъ „войско немилости Е. В—а К—я". Негодованіе по этому поводу было такъ сильно, что многіе схватились за сабли, желая изрубить Янковскаго. Другіе, какъ Млоцкій, Витковскій, Копычинскій, выступили въ защиту его. Возмущеніе приняло такіе размѣры, что воины даже „разметали ограду", окружавшую мѣсто для совѣщаній. Наконецъ, въ это дѣло вмѣшался Рожинскій, которому „съ трудомъ удалось успокоить ихъ".

Въ тотъ же день „къ вечеру" было рѣшено, что въ каждой ротѣ выберутъ по 2 легконогихъ воина изъ дворянъ, которые всѣ вмѣстѣ, такъ какъ они „другъ другу не довѣряли", должны были столковаться съ съ королевскими послами. Послали также подъ Троицу съ воззваніемъ, чтобы и тамошнее войско прислало своихъ „депутатовъ": а когда тѣ прибыли, приступили наконецъ (27-го числа) къ переговорамъ.

Переговоры сильно затянулись, ибо, по словамъ Мархоцкаго, „совѣщались въ большомъ количествѣ, на совѣтѣ бывало до 40 человѣкъ, такъ что долгіе недѣли длилась эта депутація".

Прежде всего конфедераты потребовали, чтобы король „довольствовался лишь Сѣверской землей и Смоленскомъ, а имъ помогъ посадить Димитрія на царство".

Когда имъ указывали на трудности подобнаго предпріятія и на то, что явное покровительство несомнѣнному обманщику оскорбительно для королевскаго достоинства, они сказали:

— Пусть Е. К. В – о заплатитъ двадцать милліоновъ, которые мы заработали, и удовлетворитъ Царицу, тогда мы будемъ желать подчинить это государство Рѣчи Посполитой.

Послы доказывали имъ, что невозможно собрать столь значительную сумму, увѣряя, что ее „и Москва, и половина міра не добудутъ". Тогда депутаты, „предложили, чтобы Е. В. Король соблаговолилъ обезпечить за ними пять милліоновъ на имуществахъ своего стола въ Польшѣ съ тѣмъ, чтобы остальное они сами могли дополучить на Сѣверской землѣ". Но королевскіе послы и на это не могли согласиться, ибо такое задолжаніе столовыхъ имуществъ „только всѣ сословія" могли бы разрѣшить, и что вообще такую сумму „не Королевство Польское, а только испанскій флотъ" могъ бы добыть. Въ заключеніе конфедераты предложили, чтобы Е. В. Король заплатилъ имъ наличными деньгами за двѣ прошлыя четверти и за одну новую, а остальную часть „заработаннаго обезпечилъ бы на Сѣверскомъ княжествѣ". Когда же послы доказали, что и это требованіе несправедливо, дальнѣйшіе переговоры были прерваны.

Вѣроятно, нелегко было бы притти къ соглашенію, и конфедераты долго бы еще „отнимали у пословъ время банкетами и различными диспутами", если не случился бы весьма важный фактъ, который сопровождался рѣшительной перемѣной въ теченіи тогдашнихъ событій.

Положеніе Димитрія становилось все болѣе тяжелымъ и унизительнымъ. Въ Тушинѣ почти никто не сомнѣвался въ томъ, что онъ обманщикъ, и если до сихъ поръ придерживались его партіи, то исключительно лишь съ цѣлью достигнуть личныхъ или политическихъ

выгодъ. Иногда даже совершенно явно обнаруживали въ отношеніи къ нему пренебреженіе и презрѣніе, особенно же не стѣснялся въ этомъ случаѣ его главнокомандующій, князь Романъ Рожинскій.

Именно тогда и случился фактъ, краснорѣчиво характеризующій его отношеніе къ Самозванцу.

Однимъ изъ любимцевъ Димитрія былъ князь Адамъ Вишнёвецкій, который, какъ извѣстно, въ числѣ первыхъ поспѣшилъ ему на помощь, часто бывалъ въ его лагерѣ и всегда старался что-нибудь выманить отъ него. „17-го декабря (1609 г.) — читаемъ въ тогдашней реляціи — снова пріѣхалъ изъ Польши князь Адамъ Вишнёвецкій. Онъ сейчасъ же пошелъ къ Царю, и оба всю ночь пили водку. — Этому Вишнёвецкому войско еще годъ тому назадъ сдѣлало предостереженіе, чтобы онъ не пріѣзжалъ въ лагерь. Я присутствовалъ когда ихъ благородій пана Зборовскаго, пана Тышкевича старшаго и пана Комаровскаго послалъ нашъ гетманъ къ нему, чтобы онъ „сейчасъ же уѣзжалъ: если же онъ будетъ считать Царя не тѣмъ, что онъ есть, то его, Вишнёвецкаго, побить палкой".

„Въ ту же ночь далъ ему Царь бѣлую одежду изъ драгоцѣнной ткани, украшенную великолѣпными соболями и жемчугомъ, коня съ богатой збруей и саблей, за что войско, придя къ гетману, стало жаловаться на Царя, говоря, что онъ „охотно даетъ все сплетнику, или вѣрнѣе —лгуну, а намъ ничего. Пошелъ тогда нашъ гетманъ"...: а придя къ Царю, онъ спрашивалъ Вишнёвецкаго: „Что ты тутъ дѣлаешь, лгунъ?! Береши за свои сплетни наши заслуги! Вѣдь тутъ у него кровь льется,—сила уходитъ, и нечего дать никому изъ насъ". И началъ бить Вишнёвецкаго клюкой, съ которой онъ ходилъ, пока та не изломалась...: тогда онъ вернулся".

Димитрій, въ присутствіи котораго все происходило, не съумѣлъ или не поспѣлъ воспрепятствовать этому. Онъ лишь спрятался въ сосѣдней „клѣти", но

несомнѣнно уже тогда же рѣшилъ бѣжать изъ Тушина.

Дѣйствительно, три дня спустя, 20-го декабря онъ „непремѣнно захотѣлъ прокатиться подъ Москву". Хотя этому старались помѣшать, и даже „заперли лошадей", ему все же удалось бѣжать съ 400 Донскихъ казаковъ и столькими же москвичами". Князь Рожинскій бросился догонять его и вернулъ „обратно въ лагерь".

Неудача не заставила Самозванца отказаться отъ этого намѣренія. Въ теченіе послѣдующихъ дней рѣшимость его сдѣлалась, вѣроятно, еще крѣпче въ виду все болѣе явно опредѣлявшейся склонности конфедератовъ столковаться съ Сигизмундомъ. Въ этомъ случаѣ лишь бѣгство изъ Тушина могло избавить его отъ безвыходнаго положенія. И, дѣйствительно, вечеромъ 6-го января (1610 г.) ему удалось осуществить свое намѣреніе.

Къ самымъ преданнымъ сторонникамъ его принадлежали донскіе казаки. Въ тотъ день, окруженный ими, Самозванецъ незамѣтно вышелъ изъ своей квартиры. „Затѣмъ, такъ какъ у насъ была битва —пишетъ Станиславъ Стадницкій въ письмѣ отъ 6-го января того же года —онъ у боярина, которому довѣрялъ, взялъ бахмата, и бѣжалъ къ одному донскому атаману". Отсюда „въ саняхъ, прикрывъ его тонкимъ тесомъ и посадивъ на него нѣсколькихъ человѣкъ, казаки вывезли его въ Калугу". Вмѣстѣ съ нимъ, какъ оказалось впослѣдствіи, выѣхало также больше десятка преданнѣйшихъ изъ нашихъ, между которыми Казимерскій былъ самый знатный".

Лишь только это стало извѣстнымъ, снова разразилась въ лагерѣ страшная буря. Тотчасъ же послѣ бѣгства Димитрія бросились на его квартиру, „въ которой —говоритъ авторъ одного изъ современныхъ дневниковъ—разграбили все царское имущество. Кто что схватилъ, то и уносилъ; при этомъ досталось и нѣкото-

рымъ богатымъ боярамъ". На другой день „собрали совѣтъ неподалеку отъ лагеря князя Збаражскаго; на этомъ совѣтѣ осыпали бранью то князя Рожинскаго, что онъ напугалъ его своимъ пьянствомъ, то пановъ пословъ, что они послужили причиной его бѣгства. Все воинство -нѣхота и всадники пановъ пословъ стояли въ боевой готовности, ибо все время то и дѣло порывались къ деньгамъ отъ Е. В. Короля и въ повозкахъ съ казной Димитрія. Это продолжалось до вечера: наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, панъ Бучинскій, потребовавъ слова, началъ корить тѣхъ, которые затѣвали эти бунты, потому что, вѣроятно, вступили въ дружбу съ челядью, съ портными, съ сапожниками. Помогъ ему въ этомъ панъ Млоцкій, Андрей, помогъ панъ Яйковскій и многіе другіе—послѣ чего, распустивъ совѣтъ, они на другой день опять собрали его подъ лагеремъ.

Въ этомъ собраніи „самъ князь Рожинскій оправдывалъ себя". Между тѣмъ „паны послы стали собираться въ путь, чтобы больше не слушать такихъ оскорбленій". Извѣстіе объ этомъ сильно способствовало успокоенію умовъ. Конфедераты послали къ нимъ, „просить, чтобы они подождали до третьяго дня и обѣщали имъ безопасный отпускъ къ Е. В—ву Королю".

Кромѣ бѣгства Димитрія, на настроеніе войска немало повліяли интриги польскихъ пословъ. Особенно усердно занимался этимъ дѣломъ князь Збаражскій. Со своей стороны онъ не жалѣлъ щедрыхъ подарковъ и даже обѣщаній отъ имени Сигизмунда. Главнымъ же образомъ онъ старался пріобрѣсти расположеніе наиболѣе знатныхъ полковниковъ и ротмистровъ, отлично зная, что за ними и остальные перейдутъ на сторону короля. Наконецъ, ботѣе благоразумныхъ очень сдерживало сознательное отношеніе къ общему положенію дѣлъ, а именно—опасеніе, что изъ-за взаимной ненависти и недоразумѣній между Рожинскимъ, Сапѣгой

и Зборовскимъ, а также въ виду все болѣе возраставшаго могущества Скопина-Шуйскаго, они въ скоромъ времени могутъ очутиться въ весьма опасномъ положеніи.

Одновременно съ этимъ королевскіе послы начали вести переговоры съ именитѣйшими изъ московскихъ бояръ, которые находились въ Тушинѣ.

Во главѣ этой партіи стоялъ Филаретъ, ростовскій митрополитъ, человѣкъ необыкновенно умный, положившій основаніе династіи Романовыхъ. Хотя ему приходилось жить при весьма тяжелыхъ условіяхъ, онъ съумѣлъ постепенно занять все болѣе и болѣе вліятельное положеніе. Во время царствованія Годунова онъ поступилъ въ монастырь, чтобы такимъ образомъ обезпечить себя отъ его преслѣдованій. Когда первый Самозванецъ занялъ столицу, патріархъ вмѣстѣ съ синодомъ снялъ съ него монашескій обѣтъ: но онъ не снялъ съ себя монашескаго платья и вскорѣ послѣ этого сдѣлался ростовскимъ митрополитомъ. Шуйскій хотѣлъ сдѣлать его даже патріархомъ, но вскорѣ перестать ему довѣрять и отдалъ этотъ высокій санъ не Филарету, а Гермогену. Въ октябрѣ 1608 г., послѣ завоеванія Ростова войскомъ Димитрія, Филаретъ въ качествѣ военноплѣннаго попалъ въ Тушинъ и съ этого времени сталъ во главѣ партіи.

Наряду съ нимъ выдающееся положеніе въ тушинскомъ лагерѣ занимали князья Шаховскіе, Трубецкіе, Троекуровы, Семенъ Звенигородскій, Даніилъ Долгорукій, Михаилъ Салтыковъ-Морозовъ и, наконецъ, — Янъ Зарудскій, атаманъ донскихъ казаковъ.

Со сторонниками Димитрія партія съ нѣкоторыхъ поръ уже поддерживала тайныя сношенія. Послѣ же его бѣгства, „Москва явно начала выражать свои симпатіи Польшѣ. Увидя это, паны послы, просили, чтобы народъ московскій собрался на совѣщаніе, что съ удовольствіемъ сдѣлали патріархъ (т. е. Филаретъ, митро-

политъ ростовскій) съ духовенствомъ, Зарудскій съ военными людьми, Салтыковъ съ думными боярами и дворянами". Здѣсь „совершали послы общее посольство къ нимъ, вручивъ именитѣйшимъ письма отъ Е. В—а Короля".

На собраніи Стадницкій произнесъ длинную рѣчь, „доказывая, что Е. В. Король пришелъ не оскорблять ихъ законы и вѣру, не для погибели этого народа, а для прекращенія пролитія христіанской крови, для сохраненія государствъ и русскаго народа; слѣдовательно, —когда изсякло потомство ихъ государей, и если они не пренебрегаютъ Божьей милостью и покровительствомъ Е. К—о В—а, онъ готовъ и ихъ защитить и снять съ нихъ тиранскую неволю".

„Во время этой рѣчи пшемыскаго каштеляна—читаемъ дальше въ той же реляціи—много было радости и слезъ среди москвичей. Начиная съ патріарха, они съ благодарностью слушали и приняли, лобызая, подпись Е. В—а короля, и прославляя Бога за то, что настало время успокоенія. Они испросили себѣ три дня для обсужденія отвѣта, а въ отвѣтѣ своемъ заявили, что хотя и желаютъ видѣть „потомство" Сигизмунда на царскомъ престолѣ, но столь важнаго дѣла не могутъ рѣшить безъ земскаго собора. Однако Господь Богъ всемогущій такъ сердца ихъ настроилъ, что „какъ духовенство, такъ и бояре цѣлыми группами въ присутствіи пановъ пословъ цѣловали крестъ Е. В—у Королю". „Они составили конфедерацію съ польскимъ войскомъ", въ которой обѣ стороны обязались „не разъединяться и не склоняться ни къ Димитрію, ни къ Шуйскому, и вообще ни къ одному изъ московскихъ бояръ".

Между тѣмъ Самозванецъ, прибывъ въ Калугу, и какъ бы сожалѣя о своемъ бѣгствѣ, старался снова войти въ соглашеніе съ вождями польскаго войска. Съ этой цѣлью онъ послалъ къ нимъ и къ Маринѣ

письма, въ которыхъ заявлялъ, что выѣхалъ лишь на охоту и согласенъ вернуться въ Тушинъ, „но при условіи, чтобы поляки вновь принесли ему присягу, а измѣнившая ему Москва была казнена". Привезъ эти письма Казимерскій и вручилъ нѣкоторымъ изъ нихъ, но вскорѣ его продѣлки были обнаружены. У него отняли оставшіяся письма, нашли и тѣ, что онъ уже роздалъ, и сожгли ихъ, а ему самому подъ страхомъ смерти запретили заниматься подобными „происками".

13-го января выѣхали королевскіе послы изъ Тушина и отправились обратно подъ Смоленскъ, чтобы дать Сигизмунду отчетъ въ своей легаціи. Съ ними вмѣстѣ „со 150 всадниками" отправились также послы отъ москвичей, „среди которыхъ было 24 именитѣйшихъ боярина". Знатнѣйшіе изъ нихъ были: Михаилъ Салтыковъ и сынъ его Иванъ, князья Василій Рубецъ-Мосальскій, Ѳедоръ Мещерскій и Юрій Хворостинъ, наконецъ—Левъ Плещеевъ и думный дьякъ Иванъ Грамотинъ.

28-го января, когда послы приближались къ Смоленску, Сигизмундъ на встрѣчу имъ выслалъ Якова Потоцкаго и Яна Сапѣгу, старосту, во главѣ пяти рогъ запорожскихъ казаковъ. Кромѣ того, встрѣчало ихъ немало гусаръ и иного простого народа вмѣстѣ съ придворными Е. В—а Короля. Окруженные сотнями многочисленной свитой „въ богатыхъ одеждахъ и на хорошихъ бахматахъ", выѣхали послы въ лагерь.

Три дня спустя, 31-го числа того же мѣсяца, король далъ имъ аудіенцію.

Она прошла торжественно. Сигизмундъ принялъ ихъ, окруженный знатными сенаторами и дворянами. Первымъ произнесъ рѣчь знатнѣйшій изъ пословъ Михаилъ Салтыковъ. Поцѣловавъ королевскую руку, „онъ заявилъ о желаніи и покорности московскаго народа",

благодаря за „милость, которую имѣ Е. В. Король въ письмѣ своемъ даровать, почему они желаютъ ему не только добраго здравія, но и благополучнаго начатія и окончанія этого предпріятія". Послѣ него длинныя рѣчи произнесли сынъ его Иванъ и князь Масальскій. Первый благодарилъ отъ имени „патріарха Филарета и всего духовенства" за то, что король хотѣлъ бы вернуть миръ Московскому Государству, и „высчитавъ, начиная отъ Рюрика, московскихъ государей", описывалъ злополучія во время царствованія тѣхъ, „которые послѣ прекращенія царствующей династіи, насильно захватывали въ свою власть государство". Масальскій сравнилъ тогдашнюю Москву съ судномъ, носимымъ бурей, для котораго спасительнымъ якоремъ послужитъ прибытіе Сигизмунда, несомнѣнно предопредѣленное Провидѣніемъ.

Въ заключеніе дьякъ Грамотинъ „заявилъ отъ имени думныхъ бояръ и людей всѣхъ сословій, что они желаютъ Е. В—о Королевича имѣть Государемъ въ Московскомъ Государствѣ и во всѣхъ великихъ государствахъ россійскаго царства, если Е. В. Король сохранитъ въ цѣлости и неприкосновенности св. апостольскую церковь и вѣру по греческому обряду, а также старинные законы народа ни въ чемъ не нарушитъ, прибавя къ нимъ еще новые, надѣлитъ народъ лучшими правами, которыхъ до этого не бывало въ Государствѣ Московскомъ".

Тутъ перебилъ его рѣчь „старый" Салтыковъ и „снова со слезами" умолялъ, „чтобы Е. В. Король сохранилъ въ цѣлости и неприкосновенности уставы вѣры и обряды ихъ".

Грамотинъ, кончая свою рѣчь, просилъ Сигизмунда, „чтобы какъ можно скорѣе высылали къ нимъ пановъ сенаторовъ для переговоровъ, которые имъ поручено вести не только отъ своего имени, а и отъ всей Москвы, какъ той, что подъ столицей, такъ и той, что въ столицѣ.

На другой день начались переговоры.

На первомъ собраніи послы заявили, что уже послѣ смерти Ѳеодора, послѣдняго изъ потомковъ Мономаха, они желали призвать на престолъ династію Вазовъ. Сигизмунду они не могутъ предложить вѣнца, ибо онъ правитъ весьма обширной страной, безпрестанно требующей его присутствія, а Московскимъ Государствомъ невозможно управлять черезъ посредство намѣстниковъ. Поэтому они хотѣли бы избрать царемъ сына его Владислава, что было издавна имъ желательно. Если бы король согласился на это, вся Москва съ радостью привѣтствовала бы королевича, какъ государя. Въ заключеніе они просили, чтобы Сигизмундъ со своимъ войскомъ вступилъ вовнутрь страны, подошелъ къ столицѣ и какъ можно скорѣе подкрѣпилъ бы польскую армію, находящуюся въ Тушинѣ, которой угрожала большая опасность отъ Скопина-Шуйскаго.

На предложенія столь важнаго свойства сенаторы могли дать отвѣтъ, лишь переговоривъ съ королемъ; поэтому совѣщанія были прерваны на нѣсколько дней. Тѣмъ временемъ стали совѣтаться, какъ слѣдуетъ поступить въ подобномъ дѣлѣ.

Послѣ нѣсколькихъ дней „зрѣлыхъ обсужденій“ сенаторы отвѣчали, что Сигизмундъ съ большой „благодарностью“ принимаетъ это предложеніе, свидѣтельствующее объ ихъ искреннемъ къ нему благоволеніи. Такъ какъ онъ, несмотря на многія обиды, перенесенныя Польшей отъ Шуйскаго, не для кровопролитія, а для прекращенія его и успокоенія народа вступилъ въ предѣлы Московскаго Государства, то не воспрепятствуетъ избранію своего сына, если „всѣ сословія единогласно“ подтвердятъ это. Въ заключеніе сенаторы прибавили, что Сигизмундъ вскорѣ отправитъ подкрѣпленія для тушинской арміи.

До сихъ поръ переговоры велись весьма успѣшно, но, при дальнѣйшемъ веденіи ихъ, послы предъявили

требованія, которыя вызвали немалыя затрудненія и чуть не стали причиной полнаго разрыва. Такъ, они требовали, чтобы Владиславъ торжественно отрекся отъ католицизма и перешелъ въ лоно восточной церкви; чтобы онъ по издревле-установленнымъ обычаямъ вѣнчался на царство; наконецъ, чтобы онъ, какъ можно строже, придерживался церковныхъ уставовъ, воздавалъ бы должное почтеніе православной церкви и даже не разрѣшалъ постройки храмовъ другихъ вѣроисповѣданій.

Эти требованія вызвали очень долгіе и горячіе споры. Наконецъ, сенаторамъ все же удалось немного смягчить московскихъ пословъ, и 14-го февраля былъ заключенъ съ ними слѣдующій договоръ. Прежде всего Сигизмундъ обязался, что Владиславъ, ставъ царемъ, долженъ будетъ вѣнчаться согласно, „древнимъ обычаямъ“, т. е. что онъ приметъ вѣнецъ и причастіе изъ рукъ патріарха. Это обѣщаніе, вѣроятно, успокоило пословъ въ вопросѣ относительно перемѣны королевичемъ вѣроисповѣданія: ибо если бы Владиславъ остался католикомъ, то его не могъ бы причастить ни одинъ изъ іерарховъ восточной церкви.

Въ слѣдующихъ главахъ король обѣщалъ, что законы и обряды греческаго вѣроисповѣданія и церкви ни въ чемъ не будутъ нарушены. Очень характеренъ пунктъ, гдѣ король ручается за то, что „учителя римской, лютеранской и иныхъ вѣръ“ не будутъ подкапываться подъ православіе; а если католики будутъ посѣщать православныя церкви, то они должны вести себя съ подобающимъ въ святыхъ мѣстахъ благоговѣніемъ, „не входить въ нихъ въ шапкахъ и собакъ съ собой не приводить“.

Далѣе, Сигизмундъ обязался возможно строже соблюдать автономію Московскаго Государства, а именно: бояре должны были сохранить за собой всѣ тѣ права, которыми они пользовались до сихъ поръ; дворяне,

дѣти боярскіе и пр. должны были попрежнему получать вознагражденіе изъ царской казны; судопроизводство должно вестись согласно древнимъ законамъ и обычаямъ; наконецъ, всѣ измѣненія въ этомъ отношеніи могутъ происходить лишь съ согласія „бояръ и всей земли".

Въ заключеніе рѣшено было, что отнынѣ оба государства, т. е. Польша и Москва, составятъ самый тѣсный союзъ противъ всякихъ враговъ.

Во время совѣщаній и заключенія этого договора устраивались пиры въ честь пословъ. Гостепріимство поляковъ несомнѣнно оказало вліяніе на удачный исходъ этихъ соглашеній.

Первый изъ такихъ пировъ былъ устроенъ 7-го февраля. Присутствовавшій на немъ Сигизмундъ сидѣлъ за столомъ на возвышеніи. Согласно тогдашнимъ московскимъ обычаямъ, онъ по очереди подзывалъ къ себѣ пословъ и каждому въ отдѣльности собственноручно подносилъ чашу, наполненную виномъ или медомъ. Послы тотчасъ же „принимали" ее, выражая свои пожеланья и провозглашая здравицы въ честь короля, королевы и королевича Владислава.

—

XI.

Высокомѣріе Марины.—Положеніе ея становится все тяжелѣе.—Происки сторонниковъ Димитрія.—„Бунтъ" донцовъ.—Марина въ Дмитровѣ.—Ея отъѣздъ въ Калугу.

Сигизмундъ еще до отправленія своихъ пословъ въ Тушинъ старался столковаться съ Мариной; вѣроятно, онъ намѣревался склонить ее къ разрыву съ Самозванцемъ и къ возвращенію на родину. Несомнѣнно, что по его же порученію уже въ концѣ октября (1609 г.) въ качествѣ „родственника" ей написалъ ей Станиславъ Стадницкій, пшемыскій каштелянъ, письмо, въ кото-

ромъ, донося о прибытіи короля подъ Смоленскъ, давалъ ей, вѣроятно, соотвѣтствующіе совѣты.

Но ея высокомѣрный отвѣтъ убѣдилъ его въ томъ, что теперь всякіе переговоры съ ней совершенно безполезны. „Всю надежду возлагаемъ на Господа Бога— писала царица, отвѣчая ему — который защищаетъ обиженныхъ и печется объ ихъ защитѣ такъ, что произнесетъ вскорѣ свой приговоръ этому измѣнику и врагу нашему и не дастъ ему тѣшиться до конца (нашей) обидой. Счастье не всегда ходитъ по одному пути; оно не тамъ кончается, откуда начинается; но устраивается такъ, какъ самъ Богъ, въ рукѣ котораго оно зиждется, направитъ его. Поэтому мы убѣждены, что Онъ будетъ печься о томъ, что у насъ есть, и что мы получили изъ рукъ Его, и, вознаграждая наши скорби, пошлетъ намъ утѣшеніе. Надѣемся, что и Е. К. В—о будетъ намъ желать того же".

Въ концѣ письма Марина собственноручно приписала: „Кого Богъ освѣтитъ, тотъ будетъ несомнѣнно и по праву сіять. Не потому солнце неясно, что его иногда закрываютъ черныя тучи".

Но вскорѣ произошли столь злополучныя для нея событія, что они смирили и, вѣроятно, поколебали даже такое безумное высокомѣріе.

Какъ извѣстно, 6-го января Димитрій бѣжалъ въ Калугу. Съ этого дня польское войско, состоящее до тѣхъ поръ на службѣ у него, и бояре, жившіе въ Тушинѣ, стали рѣшительно склоняться на сторону Сигизмунда. Одновременно съ этимъ и военныя дѣйствія враговъ создавали все болѣе трудное положеніе. Еще въ концѣ ноября (1609 г.) Скопину удалось соединиться съ Шереметевымъ. Это весьма ухудшило положеніе поляковъ, осаждавшихъ Сергіево. „Хуже всего то — жалуется авторъ современнаго донесенія — что Скопинъ очень силенъ противъ его благородія папа Сапѣги, котораго князь Рожинскій изъ личной

непріязни не хотѣлъ подкрѣпить". Именно въ это время нѣмецкій капитанъ усиленно старался примирить ихъ, но его усилія, судя по послѣдующимъ событіямъ, не увѣнчались успѣхомъ.

Скопинъ все время дѣйствовалъ весьма осмотрительно. Онъ все еще избѣгалъ встрѣчи съ врагомъ въ открытомъ полѣ и только велѣлъ строить въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ острожки, гдѣ помѣщалъ гарнизоны. Эти острожки со всѣхъ сторонъ окружали поляковъ и служили для нихъ большой помѣхой при доставкѣ провіанта.

О тогдашнемъ постепенно усиливающемся тяжеломъ положеніи польскихъ войскъ какъ подъ Троицей, такъ и въ тушинскомъ лагерѣ, сообщалъ князь Рожинскій Сигизмунду въ письмѣ отъ 28-го января 1610 г.:

„Послѣ внезапнаго ухода нашего государя, всѣ обстоятельства сильно измѣнились, ибо и сѣверскія крѣпости отъ насъ отпали, вслѣдствіе чего доставка пищи стѣснена, и болѣе мелкая Москва, служившая немалой помощью въ нашихъ дѣлахъ, теперь испугалась: многіе разбѣжались, а другіе, suspecta fide, остались при насъ. Войско отъ недостатка пропитанія не только не можетъ сплотиться, но и въ лагерѣ не въ силахъ удержаться; между тѣмъ, для сохраненія ближайшихъ крѣпостей оно должно двинуться. Видя такое смятеніе, непріятель бодрится, укрѣпляется; пока мы еще не соединились съ войскомъ В. К. В–а, онъ подумываетъ о томъ, чтобы на насъ напасть; поэтому-то и бывшій государь нашъ, который, безо всякаго съ нашей стороны повода, питаетъ къ намъ непріязнь, задержалъ по крѣпостямъ провіантъ, вонновъ на приставствахъ потопилъ и плѣнилъ, войско собираетъ и тоже о насъ подумываетъ. Скопинъ, постоянно подкрѣпляемый свѣжими силами, пробирается все ближе къ намъ. На сколько я замѣчаю, всѣ собираются уничтожить большой лагерь".

При такихъ условіяхъ положеніе Марины становилось все болѣе тяжелымъ и даже отчаяннымъ. „Я несчастная — писала она отцу 13-го января того же года будучи испытуема отъ Господа Бога такой заботой, не могу ничего придумать для своего облегченія и ничего хорошаго не могу ожидать въ такомъ смятеніи. Войско не согласно послѣ ухода царя: одни хотятъ быть при царѣ, другіе при королѣ. Если когда-либо мнѣ грозила опасность, такъ это именно теперь, ибо никто не можетъ указать мнѣ безопаснаго мѣста для приличнаго и спокойнаго жительства, и никто не хочетъ посовѣтовать мнѣ что-либо для моего блага. Великій гнѣвъ Божій разразился надо мной, неоткуда мнѣ получить здравый совѣтъ и помощь, только Всевышнему Богу поручаю себя, и жду Его велѣнія, такъ какъ тяжелая скорбь моя должно быть сведетъ меня безвременно въ могилу, что я предпочитаю злорадству всего міра надъ моимъ несчастьемъ. Поэтому смиренно прошу ваше благородіе, милостивый отецъ и господинъ мой, похлопотать и позаботиться обо мнѣ, нижайшей слугѣ вашей, чтобы я впослѣдствіи не причинила еще большей скорби нашему роду“.

Въ такомъ безвыходномъ положеніи царица вначалѣ „думала отправиться за Димитріемъ“ въ Калугу; но вскорѣ, утомленная борьбой и неудачей, она рѣшила отправить пословъ въ польскій станъ подъ Смоленскомъ, „испрашивая милость Е. В—а Короля и поручая себя ему“. Поэтому 15-го января она написала Сигизмунду письмо слѣдующаго содержанія: „Милость В. К. В—а, столь часто испытанная семьей моей и моей особой, сама налагала на меня обязанность обратиться въ моемъ оспротѣніи къ защитѣ В. К. В—а. Но злополучное плѣненіе мое, почти лишившее меня свободной воли, отняло у меня возможность прибѣгнуть къ этому надежнѣйшему и вѣрнѣйшему утѣшенію. Теперь, когда В. К. В—о изволили вступить въ пре-

дѣлы Московскаго Государства, со своей стороны я искренно желаю, чтобы добрые замыслы, удачное начало предпринятаго дѣла шло успѣшно, и предпріятіе окончилось благопріятно.

„Умъ если кѣмъ счастье своевольно играло,—такъ это мной; ибо оно возвысило меня изъ шляхетскаго сословія на высоту Московскаго Царства, съ котораго столкнуло въ ужасную тюрьму, а оттуда вывело на мнимую свободу, изъ которой повергло меня въ болѣе свободную но и болѣе опасную неволю. Теперь оно поставило меня въ такое положеніе, что я при своемъ санѣ не могу жить спокойно. Пріявъ все это съ благодарностью отъ Всевышняго, Его святому Провидѣнію препоручаю свои дальнѣйшія дѣла. Я твердо убѣждена, что Онъ, различными средствами дѣлающій многое, и теперь, въ этихъ превратностяхъ моей судьбы, по благости своей пожелаетъ поднять меня и спасти. А такъ какъ В. К. В—о изволили быть причиной и споспѣшникомъ перваго моего счастья, то я возлагаю полную надежду на Господа Бога, что и въ этой моей скорби окажете свое милосердіе. Всего лишила меня превратная фортуна, одно лишь законное право на московскій престолъ осталось при мнѣ, скрѣпленное вѣнчаніемъ на царство, утвержденное признаніемъ меня наслѣдницей и двукратной присягой всѣхъ государственныхъ московскихъ чиновъ. Теперь я все это представляю на милостивое и внимательное разсмотрѣніе В. К. В—а. Я убѣждена, что В. К. В—о послѣ мудраго обсужденія обратите на это вниманіе и по природной добротѣ своей примете меня, а семью мою, которая въ значительной мѣрѣ способствовала этому своей кровью, храбростью и средствами, щедро вознаградите. Это будетъ служить несомнѣннымъ залогомъ овладѣнія Московскимъ Государствомъ и прикрѣпленія его обезпеченнымъ союзомъ, съ благословенья Божья, которое щедро вознаграждаетъ за справедливость. Желая чего,

я препоручаю себя защитѣ и милостивому вниманію В. К. В—а".

Письмо это Марина, дѣйствительно, прислала подъ Смоленскъ, но пословъ своихъ не отправила къ Сигизмунду, такъ какъ, спустя нѣсколько дней, снова измѣнила свои намѣренія.

Самымъ чувствительнымъ ударомъ для нея былъ бы переходъ конфедератовъ на сторону короля. Но такъ какъ заключеніе союза съ ними постоянно оттягивалось, то очень многіе изъ нихъ стали опять склоняться на сторону Димитрія. Марина и ея друзья постарались воспользоваться этимъ.

Хотя конфедераты въ концѣ января и отправили новое посольство подъ Смоленскъ, но ихъ послы снова предъявили требованія такого характера, что король не могъ ихъ удовлетворить. Онъ обѣщалъ лишь, что для окончательнаго обсужденія этого вопроса прибудетъ въ Тушинъ брацлавскаго воеводу съ обширными полномочіями.

Пока переговоры все болѣе затягивались, многіе стали „жалѣть, что согласились начать ихъ. Въ нашемъ лагерѣ - увѣряетъ Мархоцкій — большинство было такихъ, которые хотѣли поддерживать предпріятіе Димитрія и отыскать его самого". Поэтому, чтобы столковаться съ нимъ, немедленно выслали Япуша Тышкевича въ Калугу. Этотъ посолъ долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ предложить ему цѣлый рядъ требованій, письменно изложенныхъ конфедератами.

Въ Калугѣ Тышкевичу былъ несомнѣнно оказанъ очень хорошій пріемъ, и Самозванецъ вскорѣ отправилъ его обратно въ Тушинъ. Въ своемъ отвѣтѣ онъ жаловался на „козни" Сигизмунда, главнымъ же образомъ на поведеніе Рожинскаго, Салтыкова и другихъ, которые будто бы даже „явно покушались на его жизнь". Онъ увѣрялъ, что лишь только „воинство приведетъ въ Калугу Е. В. Царицу", онъ тотчасъ же въ счетъ

просроченнаго жалованья уплатить имъ по 30 злотыхъ на копя и торжественно подтвердить всѣ свои предшествовавшія обязательства. Онъ требовалъ также наказанія Рожинскому и вообще всѣмъ виновнымъ или, по крайней мѣрѣ, немедленнаго удаленія ихъ изъ предѣловъ Московскаго Государства. Отнынѣ войско лишь по соглашенію съ „царемъ“ должно было избирать себѣ гетмана. Въ заключеніе Димитрій обѣщалъ, что въ военныхъ дѣлахъ онъ ничего не предприметъ „безъ вѣдома воинства“ и что немедленно освободитъ всѣхъ, кого, по его распоряженію, „задержали на приставствахъ“.

Этотъ отвѣтъ Самозванца и его письма такого же содержанія, присланныя къ старшинамъ, произвели сильное впечатлѣніе. Еще сильнѣе дѣйствовали личныя интриги Марины. „Эта необыкновенно умная женщина — пишетъ Кобѣжицкій — обходила лагери польскихъ ротъ, умоляла, обѣщала щедрыя награды, въ отдѣльные отряды посылала своихъ надежныхъ повѣренныхъ, и всякими средствами, не всегда согласными съ женскимъ цѣломудріемъ, такъ умѣла повліять на настроеніе солдатъ, что отвлекла ихъ отъ короля и укрѣпила въ нихъ преданность Димитрію“.

Его приверженцы начали свои дѣйствія съ того, что уговорили донскихъ казаковъ и татаръ, состоявшихъ еще недавно на службѣ у Димитрія, выйти изъ Тушина и открыто отправиться въ Калугу. Они будто бы убѣдили ихъ—какъ утверждаетъ Мархоцкій—что, если Рожинскій соберется помѣшать этому, они съ тыла ударятъ на него.

Поощренные обѣщаніемъ, донцы, дѣйствительно, среди бѣла дня съ развѣвающимися знаменами вышли изъ лагеря. Но они не могли „принудить“ къ этому своего гетмана Зарудскаго, который даже немедленно увѣдомилъ объ ихъ намѣреніяхъ князя Рожинскаго. Тогда, „по обыкновенію, забили тревогу пальбой изъ орудій,

и тѣ роты, которыя служили Рожинскому", выступили въ поле.

„Было однихъ татаръ 500 — пишетъ Станиславъ Мишекъ въ современномъ письмѣ — а донцовъ навѣрно свыше 2.000. Вдругъ въ обѣденное время они неожиданно вышли и всѣмъ таборомъ бѣжали, пустивъ впередъ московскую конницу, а татарскую кавалерію оставили почти на концѣ своего табора. Наши, выпустивъ за рѣку въ поле, немедленно разгромили, побили ихъ конницу, разбили двухъ ихъ мурзъ, а третьяго—старшаго при встрѣчѣ тотчасъ же уложили на мѣстѣ. Однихъ труповъ оказалось до двухъ тысячъ, но другіе насчитываютъ больше: конница ушло немного. Но намъ слѣдовало еще подумать о другомъ непріятелѣ, опасаясь какого-нибудь заранѣе обдуманнаго плана. Однако нѣкоторые не сообразили этого и погнались было за ними на разстояніи трехъ миль. Господь Богъ содѣялъ такъ, что только изъ роты гетмана, которая сразилась первою, три воина и двое челяди было подстрѣлено изъ самострѣловъ, да и то неопасно".

По словамъ Мархоцкаго, однихъ казаковъ погибло въ этой битвѣ „около двухъ тысячъ".

Часть ихъ вернулась въ свой станъ къ Зарудскому, нѣкоторымъ же отрядамъ, дѣйствительно, удалось бѣжать, но и этихъ „панъ Млоцкій на голову разбилъ по пути" въ Калугу.

Послѣднія событія снова весьма неблагопріятно повліяли на положеніе Марины, ибо въ Тушинѣ этотъ „бунтъ" донцовъ приписывали главнымъ образомъ „происканъ царицы". Приверженцы короля громко корили ее за такія дѣйствія, не жалѣя бранныхъ словъ и вовсе не тая своего негодованія. Марина опасалась даже, чтобы Рожинскій не заключилъ ее въ тюрьму и не отослалъ въ королевскій лагерь подъ Смоленскомъ. При такихъ условіяхъ ей оставалось только спасаться бѣгствомъ.

Царица немедленно сговорилась съ Димитріемъ. Посредникомъ былъ одинъ изъ поляковъ, который пріѣзжалъ въ Тушинъ подъ предлогомъ, что ѣздилъ „въ лагерь на рынокъ съ капустой“.

Передъ отъѣздомъ она написала къ „вонству“, письмо, въ которомъ горько жаловалась на Рожинскаго и вообще на сторонниковъ короля. „Не могу уже— писала Марина—дальше быть къ себѣ жестокой, попрать, отдать на произволъ судьбы и не радѣть о томъ, что люди добродѣтельные ставятъ выше всего... и не уберечь отъ окончательнаго несчастія и оскорбленія себя и своего сана отъ тѣхъ самыхъ, которымъ долгъ повелѣваетъ радѣть обо мнѣ и защищать меня. Полно сердце скорбью, что и на доброе имя и на санъ, отъ Бога данный, покушаются! Съ безчестными меня равняли на своихъ собраніяхъ и банкетахъ, за кружкой вина и въ пьяномъ видѣ упоминали!.. Тревоги и смерти полно сердце отъ угрозъ, что не только, презирая мой санъ, замышляли измѣнническіи выдать меня и куда-то сослать, но и побуждали нѣкоторыхъ къ покушенію на мою жизнь! Подобно тому, какъ я не могла вынести оскорбленій невинности и презрѣнія, такъ и теперь не попуститъ Богъ, чтобы кто-нибудь частно спекулировалъ моей особой, измѣнническіи выдавая меня, прислуживаясь, попося меня и мой санъ, задумывая увезти меня туда-то и выдать тому-то, ибо никто не имѣетъ никакихъ законныхъ правъ ни на меня, ни на это государство. Не дай Богъ того, чтобы онъ когда-нибудь порадовался своей измѣнѣ и клятвопреступничеству!

„Теперь, оставшись безъ родителей, безъ родственниковъ, безъ кровныхъ, безъ друга и безъ защиты, въ скорби и мученіи моемъ, препоручивъ себя всецѣло Богу, вынужденная неволей, я должна уѣхать къ своему супругу, чтобы сохранить ненарушенной присягу и доброе имя, и хотя бы пожить въ спокойствіи

и отдохнуть въ своей скорби, ожидая отъ Бога,—защитника невинности и правосудія,—скорѣйшаго рѣшенія и указанія. Посему объявляю это передъ моимъ Богомъ, что я уѣзжаю какъ для защиты добраго имени, добродѣтели, сана—ибо будучи владычицей народовъ, царицей московской, возвращаться въ сословіе польской шляхтянки и становиться опять подданной не могу, -такъ и для блага сего воинства, которое, любя добродѣтель и славу, вѣрно своей присягѣ".

Сговорившись съ Димитріемъ, Марина рѣшила въ ночь съ 23 на 24-е февраля бѣжать изъ Тушина. Въ тотъ же день навстрѣчу ей выслалъ Самозванецъ 3.000 казаковъ. Однако „люди эти — разсказываетъ Станиславъ Домарадскій въ современномъ письмѣ — которыхъ панъ супругъ выслалъ было навстрѣчу ей, были на голову разбиты паномъ Бобовскимъ съ его ротой и съ ротой пана Млоцкаго. Ихъ знамена воинство наше впослѣдствіи отослало Е. В. Королю".

Не посчастливилось и Маринѣ. Тайно въ ночь на 23 февраля, „надѣвъ казачье платье, съ одной дѣвушкой и мальчикомъ", верхомъ и въ сопровожденіи лишь десятка донцовъ, выѣхала царица изъ стана. „Но имѣя ненадежныхъ проповѣдниковъ", вмѣсто дороги, ведущей въ Калугу, „она попала на дмитровскую дорогу". Тутъ случайно встрѣтила ее „стража пана Сапѣги, и изловивъ", увела ее въ его станъ. Надо замѣтить, что усвятскій староста, не будучи въ состояніи удержаться подъ Троицей въ виду все болѣе возраставшаго могущества Скопина, еще въ концѣ января долженъ былъ отступить къ Дмитрову.

Здѣсь встрѣтили Маринку съ большими почестями. 26-го февраля—„собралъ его благородіе генеральный совѣтъ, объявляя о неожиданномъ пріѣздѣ царицы. Сейчасъ же изъ совѣта прислали къ ней нѣсколькихъ воиновъ выразить ей свою преданность и радость по случаю пріѣзда Е. В. Царицы".

Она сумѣла очень ловко воспользоваться этимъ, и вскорѣ „въ гусарской одеждѣ вошла въ воинскій совѣтъ, гдѣ своей скорбной рѣчью и лицомъ“ произвела сильное впечатлѣніе и даже „взбунтовала много воинства“.

Несмотря на столь благосклонную встрѣчу въ Дмитровѣ, Марина снова очутилась въ весьма опасномъ положеніи.

Какъ разъ именно теперь Скопинъ-Шуйскій со своей могучей арміей безпрестанно и все сильнѣе наступалъ на Сапѣгу. Положеніе послѣдняго было тѣмъ опаснѣе, что незадолго до этого онъ послалъ значительную часть войска на фуражировку за Волгу. Ободренный этимъ Скопинъ велѣлъ тутъ же подъ Дмитровымъ строить острогъ такъ близко, что „изъ крѣпости его хорошо было видно“.

Очевидно, Сапѣга старался выбить его изъ занятой позиціи. 28 февраля — читаемъ дальше въ его дневникѣ — „послѣ ранняго обѣда его благородіе самъ, переодѣвшись, съ нѣсколькими всадниками подъѣхалъ къ этому остроѣку, приготовивъ войско. Отъѣхавъ съ полверсты отъ Дмитрова, онъ пустилъ передъ собой передовую развѣдочную колонну, около десятка всадниковъ, которые, напавъ на измѣнническую стражу, бросились на нихъ, давъ залпъ, и вступили въ перестрѣлку. Потомъ измѣнники стали наступать съ ротами, подкрѣпляя своихъ гарцовниковъ; увидя это, его благородіе незамѣтно свелъ съ поля своихъ гарцовниковъ. Тутъ дали знать, что непріятельскій полкъ лѣсами обходитъ тылъ. Услыша это, его благородіе велѣлъ тремъ своимъ пятигорскимъ ротамъ слѣдовать за нимъ, желая безъ урона свести гарцовниковъ съ поля. Какъ только его благородіе свелъ гарцовниковъ въ роты, измѣнническое войско стало показываться изъ лѣса по двумъ дорогамъ и сильно наступать двумя полками“. Тогда Сапѣга „велѣлъ своимъ ро-

тамъ, которыя уже отступали назадъ, остановиться въ полѣ", и, „построивъ ихъ, послалъ вмѣстѣ съ тѣмъ сказать, чтобы войско выходило въ поле; измѣнники, увидя, что знамена выходятъ изъ крѣпости, остановились, стоя въ строю и стараясь выиграть время стычками. Послѣ долгой перестрѣлки, сопровождавшейся одинаковой удачей съ той и съ другой стороны, они вернулись обратно въ свой острожекъ".

Изъ этого разсказа видно, что Сапѣгѣ не удалось даже подойти къ острожку; тѣмъ менѣе, конечно, могъ онъ помышлять о томъ, чтобы выбить „измѣнниковъ" изъ ихъ позиціи.

Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ обнаружились весьма неблагопріятныя послѣдствія столь близкаго сосѣдства значительныхъ непріятельскихъ силъ.

„1-го марта — продолжаетъ авторъ того же дневника — отправилъ его благородіе нѣсколько десятковъ всадниковъ для поимки „языка"; измѣнники, увидя ихъ, вмѣстѣ съ ними подступили къ Дмитрову. Его благородіе, узнавъ объ этомъ и видя простымъ глазомъ непріятельское войско, сообщилъ воинамъ и приказалъ, чтобы каждая рота шла въ свою квартиру, куда ее назначили. Тогда полковники, ротмистры и все воинство воскликнуло:

— „Мы не привыкли защищать крѣпости! Въ поле выйдемъ сразимся съ ними во имя Господне!" — Услыша это, его благородіе сталъ имъ указывать на многія основательныя причины и на малочисленность находящагося тогда въ Дмитровѣ войска, которое состояло всего изъ четырехсотъ всадниковъ и трехсотъ донцовъ, — почему онъ и не хотѣлъ выходить въ поле. Будучи въ состояніи убѣдить войско, чтобы оно не выходило въ поле, его благородіе сказалъ:

— „Невозможно, чтобы вы вступали въ открытую битву со столь могущественнымъ непріятельскимъ войскомъ, въ которомъ насчитываютъ двѣнадцать тысячъ".

Но они, не обращая на это вниманія, просили позволенія выйти въ поле и стать въ строй съ ружьями не для сраженія, а лишь для того, чтобы защитить станъ донцовъ, находившійся подъ крѣпостью, увидя который, непріятель сталъ мужественно наступать. Послѣ этого его благородіе сталъ уводить войско въ крѣпость". Тогда „непріятель выслалъ немалый полкъ людей съ праваго крыла, чтобы они зашли въ тылъ отъ воротъ, желая отовсюду окружить нашихъ и не пропустить ихъ въ крѣпость. Его благородіе, увидя это, тѣмъ скорѣе сталъ уводить войско. Затѣмъ нѣсколько ротъ русскихъ и нѣмцевъ съ громкимъ крикомъ бросилось на нашихъ, которые не могли выдержать ихъ напора и повернули тылъ. Послѣ этого непріятель ободрился, ибо одни изъ нашихъ входили въ крѣпость, а другіе и крѣпость миновали изъ-за сильныхъ криковъ непріятеля, который съ нѣсколькими ротами уже былъ подъ воротами, осаждая донской таборъ и собираясь брать крѣпость. Нѣсколько десятковъ нашихъ всадниковъ, не будучи въ состояніи такъ скоро добраться до крѣпости и опасаясь, чтобы непріятель не смялъ ихъ, отступили, бросились къ нѣмецкимъ ротамъ, которыя повернули тылъ. Русскіе увидя, что нѣмцы бѣгутъ, побѣжали впереди ихъ: тогда наши, отогнавъ ихъ отъ воротъ, вернулись назадъ въ крѣпость. Но тѣ воины, которые обошли нашихъ съ тыла, ворвались въ донской таборъ по замерзшей рѣкѣ, гдѣ донцы не имѣли защиты, не ожидая, чтобы непріятель напалъ оттуда. Итакъ, измѣнники взяли донской таборъ, гдѣ, награбивъ большую добычу, зажгли избы и вернулись назадъ въ свой острожекъ".

Говорятъ, что и Марина способствовала отбитію штурма. „Въ это время царица — пишетъ Мархоцкій, который нѣсколькими днями позже прибылъ въ Дмитровъ — обнаружила мужественный духъ. Когда наши,

сильно встревоженные, какъ-то слабо приступали къ оборонѣ, а нѣмцы съ Москвой начали было штурмовать крѣпость, она бросилась изъ своей квартиры на валы, говоря:

— „Что вы дѣлаете, злые люди?! Я женщина, а не утратила мужества!“—Итакъ, благодаря ей, оборонили крѣпость и самихъ себя“.

„На другой день 2-го марта—продолжаетъ Мархоцкій—часть Москвы съ нѣмцами расположилась подъ Дмитровымъ и осыпала свой лагерь снѣговыми валами, а другіе и самъ Скопинъ вернулись подъ Троицу. Когда тамъ было уже очень тяжело пану Сапѣгѣ, а люди его изъ-за Волги не вернулись, онъ послалъ въ большой лагерь, къ князю Рожинскому, прося подкрѣпленія. При такой разрозненности нашихъ становъ и такомъ неповиновеніи, мы не могли собраться съ ротами для отпора. Кому ни приказывали, всѣ отнѣкивались, никто не хотѣлъ слушать. Легкокопные воины уговаривали меня, обѣщая мнѣ, что ихъ должно было собраться около трехсотъ добровольцевъ, во всякомъ случаѣ не меньше двухсотъ всадниковъ, чтобы доставить въ Дмитровъ хоть пуль и пороху, котораго тамъ не хватало. Я пошелъ къ князю Рожинскому объявить ему о желаніи воиновъ. Онъ отпустилъ двое саней пуль и пороху, къ тому же двадцать донскихъ казаковъ для охраны. Такъ какъ было полнолуніе, то я надѣялся, что мнѣ одной ночи хватитъ на эти двѣнадцать миль“.

„Когда настало время собираться добровольцамъ, едва набралось двадцать воиновъ, и то не всякій бралъ съ собой слугу. Увидя, что насъ такъ мало, другіе стали глумиться надъ нами и какъ бы въ насмѣшку говорили:

— Со столькими добровольцами вамъ придется остаться съ нами въ лагерѣ!“

„Но воины хорошіе энергичные сказали мнѣ:

— Что будетъ, то будетъ! Помремъ, а пойдемъ!

„Я разрѣшилъ имъ. Мы вышли въ сумерки изъ стана. Снѣгъ былъ тогда большой. Мы не могли иначе итти, какъ только по дорогѣ, другъ за другомъ, помѣстивъ посреди порохъ и пули".

Отъѣхавъ три мили отъ стана, „мы увидѣли слѣдъ трехсотъ конныхъ французовъ въ тотъ же день проѣзжавшихъ черезъ дорогу отъ Дмитрова къ нашему лагерю для поимки „языка". Мы миновали его, не тревожась, но уже опасались другихъ случайностей. Лошади у насъ, запряженныя въ сани съ порохомъ и пулями, слабѣли, такъ что донцамъ пришлось слѣзать съ своихъ лошадей и перепрягать. Благодаря этому, мы замѣшкались, и почи намъ не хватило".

Когда добровольцы находились всего въ двухъ миляхъ отъ Дмитрова, стало свѣтать. Тогда „мы наткнулись—продолжаетъ тотъ же участникъ этой экспедиціи — на другую дорогу: только что передъ нами, за горкой, перевалилось нѣсколько сотъ пѣхоты на лыжахъ; они на разсвѣтѣ вышли изъ своего лагеря, осматривая дороги, не вошли ли какіе либо люди въ крѣпость. Тамъ проѣзжала конница, тутъ проходила пѣхота. Было намъ о чемъ подумать...

„Вдругъ Господь Богъ послалъ такой густой туманъ, что мы едва различали другъ друга и подъ прикрытіемъ этого тумана вошли въ крѣпость. Въ непріятельскомъ лагерѣ этотъ приходъ изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ вызвалъ большую тревогу, ибо думали, что насъ въ крѣпость вошло около тысячи человѣкъ. Когда мы подъѣзжали подъ ихъ лагерь, они не захотѣли выѣхать, говоря:

— Мы знаемъ, что вы изъ большихъ таборовъ пришли!

„Пришелъ къ намъ на другой день Руцкій изъ Осипова съ нѣсколькими сотнями человѣкъ тоже для того, чтобы отбить насъ. А потомъ возвратились и тѣ

люди, что уходили за Волгу; такимъ образомъ, оставивъ пана Сапѣгу уже съ лучшими силами, я рѣшилъ вернуться въ нашъ лагерь подъ столицей".

Однако и эти силы еще не были достаточны въ виду громадной арміи Скопина. Поэтому Сапѣга рѣшилъ дальше отступать. Это принудило и Марину выѣхать изъ Дмитрова.

Изъ тѣхъ „двадцати воиновъ, которые прибыли туда вмѣстѣ съ Мархоцкимъ, четверыхъ уговорила царица отвезти ее въ Калугу". Узнавъ объ ея намѣреніи уѣхать, усвяжскій староста вначалѣ не хотѣлъ допустить этого, но Марина велѣла сказать ему:

— „Этого не будетъ, чтобы онъ спекулировалъ мной для своихъ личныхъ выгодъ! У меня есть три съ половиной сотни донцовъ. Если дойдетъ до этого, то я дамъ ему сраженіе!"

8-го марта выѣхалъ Сапѣга изъ Дмитрова. Уѣзжая, онъ „велѣлъ сжечь крѣпость и уничтожить три орудія", которыхъ не могъ увезти съ собой. Наканунѣ вечеромъ выѣхала и Марина вмѣстѣ „съ тѣми, которыхъ она изъ компаніи Мархоцкаго уговорила ѣхать съ ней". Это путешествіе она совершала попеременно въ саняхъ или верхомъ, въ мужскомъ платьѣ.

По пути въ Осиповъ, она встрѣтила своего брата Станислава, который какъ разъ въ это время выѣхалъ вмѣстѣ съ ея придворными дамами изъ Тушина, направляясь въ королевскій лагерь подъ Смоленскъ. Кажется, что саноцкій староста старался склонить сестру къ разрыву съ Самозванцемъ, и что по этому поводу онъ лишь тогда узналъ отъ нея, что она „обвѣнчалась съ этимъ проходимцемъ, который узурпировалъ себѣ имя Димитріево".

Но убѣжденія Станислава не достигли желаемой цѣли. Они скоро разстались. Мнишекъ отправился подъ Смоленскъ, а Марина, „взявъ съ собой старую пани Казановскую", поѣхала въ Калугу.

Здѣсь несчастная царица наслаждалась, быть можетъ, нѣкоторымъ „спокойствіемъ и отдохновеніемъ“, на отсутствіе которыхъ она такъ горько жаловалась въ Тушинѣ.

—

XII.

Бунты въ Тушинѣ.—Поляки отступаютъ изъ-подъ Москвы.—Раздѣлъ войска. — Трудное положеніе Сигизмунда. — Смерть Скопина-Шуйскаго.—Побѣдоносный походъ шведско-московскихъ войскъ.—Сигизмундъ старается войти въ соглашеніе съ Димитріемъ. — Роль Яна Петра Сапѣги.

Послѣ бѣгства Марины смуты въ „большомъ лагерѣ“ еще болѣе усилились, такъ какъ сторонники Димитрія явно упрекали Рожинскаго, что онъ своимъ поведеніемъ принудилъ ее покинуть Тушинъ. Иные „притворялись“ даже, будто „онъ въ своемъ высокомѣріи либо загубилъ ее, либо отправилъ въ какую-нибудь пограничную крѣпость“.

Вскорѣ по этому случаю собрался совѣтъ.

Сторонники короля, „ничего не опасаясь“, прибыли на это собраніе „пѣшкомъ и только съ саблями“. Изъ приверженцевъ же Димитрія „около ста лицъ прибыло верхомъ, съ пищалями, иные даже въ латахъ“. На этомъ собраніи долгое время толковали о томъ, что слѣдуетъ войску предпринимать дальше: „придерживаться ли Димитріева или королевскаго предпріятія“?

„Когда противная намъ партія, разсказываетъ Мархоцкій, не могла подорвать нашихъ основаній, она прибѣгла къ схваткѣ. Нѣсколько десятковъ изъ тѣхъ, что пріѣхали верхомъ, отъѣхавъ отъ собранія, достали оружіе и пищали, и соскочили съ коней. Поводъ къ этому далъ панъ Тышкевичъ, питавшій непріязнь къ князю Рожинскому. Съ крикомъ, какъ на враговъ, они ворвались въ собраніе и выстрѣлили изъ пищалей прямо въ то мѣсто, гдѣ стоялъ князь Рожинскій.

Собраніе разсѣялось. Князь Рожинскій далъ отпоръ: воинство увело его на позиціи, откуда отстрѣливались тоже изъ пищалей".

Послѣ того, какъ собраніе было сорвано такимъ образомъ, сторонники Самозванца выѣхали изъ лагеря и, составивъ въ полѣ новый совѣтъ, рѣшили тотчасъ же отправиться въ Калугу.

Немедленное приведеніе въ исполненіе этого рѣшенія могло бы сопровождаться для обѣихъ партій весьма печальными послѣдствіями. Но болѣе благоразумные вскорѣ сразу поняли, какъ опасна будетъ такая розни тутъ же подъ бокомъ у врага": благодаря имъ, было рѣшено до „извѣстнаго времени" остаться въ Тушинѣ. „А еслибы насъ — пишетъ дальше Мархоцкій — не удовлетворили отъ короля въ нашихъ требованіяхъ, и пришлось бы разъединяться, мы убѣждали, чтобы по крайней мѣрѣ на нѣсколько миль отъ столицы отойти въ согласіи и повиновеніи, и лишь тамъ разойтись, въ какую кому заблагоразсудится сторону, безъ злобы другъ на друга, — въ чемъ мы на генеральномъ совѣтѣ обязались другъ передъ другомъ шляхетскимъ словомъ".

Главной причиной этого бунта было опасеніе, что король не удовлетворитъ ихъ требованій и не выплатитъ просроченнаго жалованья. Такъ понималъ его настоящую причину Рожинскій, который уже въ письмѣ отъ 27 февраля сообщилъ Сигизмунду, что слѣдуетъ какъ можно скорѣе „удовлетворить воинство". Съ такой же реляціей прибыли 2-го марта въ королевскій лагерь Нижневскій и Обалковскій, „которые съ письмами Е. В. Короля были посланы къ воинству, находящемуся подъ столицей". Тѣ же совѣты въ своихъ письмахъ давалъ и усвятскій староста. Наконецъ, 25-го числа того же мѣсяца, желая, вѣроятно, лично столковаться съ королемъ по этому дѣлу, Сапѣга пріѣхалъ подъ Смоленскъ.

Но упрямый и неспособный Сигизмундъ постоянно оттягивалъ исполненіе столь основательныхъ совѣтовъ и указаній, даваемыхъ ему съ различныхъ сторонъ. Вскорѣ однако онъ долженъ былъ убѣдиться въ весьма печальныхъ послѣдствіяхъ своего упрямства.

9-го марта вернулись изъ-подъ Смоленска послы конфедератовъ, но привезенный ими отвѣтъ не могъ успокоить войско, ибо Сигизмундъ снова откладывалъ на неопредѣленное время исполненіе всякихъ условій и лишь на „пополненіе ихъ убытковъ предложилъ имъ небольшое количество денегъ и товаровъ".

При извѣстіи о такомъ отвѣтѣ короля, новыя „бури" разразились въ лагерѣ. „Послѣ долгихъ препирательствъ—пишетъ Будило—порѣшили, чтобы всѣмъ вмѣстѣ мирно итти въ Волокъ и тамъ въ братской любви разойтись, кому куда заблагоразсудится". При этомъ было установлено, въ какомъ порядкѣ долженъ былъ совершиться этотъ походъ, ослушникамъ же угрожали суровыя кары.

16-го марта, „зажегши лагерь и взявъ съ собой болѣе цѣнныя орудія", вышли изъ Тушина. Съ польскимъ войскомъ выѣхали также бояре, которые съ недавнихъ поръ стали принадлежать къ партіи Самозванца, вмѣстѣ „съ его благородіемъ отцомъ патріархомъ", т. е. Филаретомъ, Ростовскимъ митрополитомъ.

„Во время этого похода—продолжаетъ Будило—все войско было одного мнѣнія, что всѣмъ должно итти въ Волокъ. Однако панъ Хрусленскій съ паномъ Янковскимъ, отдѣлившись съ нѣсколькими пятигорскими ротами, пошли въ царскую сторону подъ Калугу". Но за это ослушаніе ихъ вскорѣ постигла заслуженная кара. По пути ихъ нѣсколько разъ побили, а подъ Можайскомъ „повозки съ военными снарядами и со всѣмъ имуществомъ отбила у нихъ Москва".

18-го марта войско прибыло въ Волокъ, но такъ какъ тамъ былъ „тѣсный и голодный лагерь", то че-

резъ недѣлю же его покинули и расположились „близъ Соборникъ“ и въ Осиповѣ. Сюда были привезены орудія, отбитыя въ Тушинѣ.

Въ Волокѣ осталось лишь нѣсколько сотъ донцовъ подъ начальствомъ Зарудскаго. Рожинскій намѣревался снабдить эту крѣпость болѣе многочисленнымъ гарнизономъ: онъ хотѣлъ послать туда Варѳоломея Рудскаго, „полкъ“ котораго стоялъ тогда „въ Осиповомъ монастырѣ. Чтобы убѣдить ихъ въ этомъ — пишетъ Мархоцкій — поѣхалъ къ нимъ самъ князь Рожинскій. Но они на собраніи, не принимая его доводовъ, по какому-то ничтожному поводу бросились на него съ оружіемъ. Рожинскій тоже не выдержалъ. Бывшіе съ нимъ, усмиривъ бунтъ, увели его изъ собранія. Въ это время онъ нечаянно упалъ на каменной лѣстницѣ на тотъ бокъ, который былъ у него прострѣленъ. Отчасти отъ меланхоліи, ибо происшедшее его разстроило, отчасти отъ этого паденія онъ вскорѣ заболѣлъ горячкой“, а недѣлю спустя,—скончался.

Между тѣмъ, конфедераты изъ Волока отправили новое посольство подъ Смоленскъ. Эту миссію взяли на себя знатнѣйшіе полковники, какъ Александръ Зборовскій и Маркъ Вилямовскій. 31-го марта они прибыли въ королевскій лагерь, а на другой день совершили свое посольство.

На аудіенціи Зборовскій выразилъ „недовольство воинства Е. В. Королемъ и Рѣчью Посполитой и просилъ надежной милости и спасенія ихъ отъ нужды“. Онъ увѣрялъ, что предложенный королемъ съ этой цѣлью „даръ“, въ виду многочисленности ихъ нуждъ, былъ бы недостаточенъ; наконецъ, жаловался на то, что относительно просроченнаго жалованья они не получили никакого обезпеченія.

Коронный вице-канцлеръ отвѣтилъ ему, что король „милостиво принимаетъ это ихъ прошеніе“, а дѣло о

предоставленіи имъ „соотвѣтствующаго вспоможенія откладываетъ до обоюднаго соглашенія и совѣщанія".

2-го апрѣля, вѣроятно, главнымъ образомъ по этому дѣлу происходило „частное совѣщаніе у пана короннаго гетмана", на которомъ, несомнѣнно, давались королю соотвѣтствующіе совѣты. Но Сигизмундъ и теперь еще въ теченіе десяти дней медлилъ съ отправленіемъ посольства; и, наконецъ, 12-го числа того же мѣсяца далъ тотъ же отвѣтъ, что и предыдущимъ посламъ.

24-го апрѣля Зборовскій вернулся въ Осиповъ и снова привезъ войску лишь „обѣщаніе дара въ 100.000 злотыхъ", и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что „Е. В. Король изъ всего войска беретъ на свое жалованье только двѣ тысячи".

Димитрій и его сторонники очень ловко умѣли воспользоваться такимъ поведеніемъ Сигизмунда. Марина, находясь въ Дмитровѣ, „взбунтовала воинство пана Сапѣги". Самозванецъ же разсылалъ письма, въ которыхъ обѣщалъ полякамъ, возвращающимся подъ его знамена, выплатить изъ просроченнаго жалованья „за двѣ четверти, по 40 злотыхъ за коня", немедленно по прибытіи ихъ въ Калугу. Обѣщанія эти не остались безъ послѣдствій и оказали свое вліяніе на умы конфедератовъ. Станиславъ Мишекъ, прибывшій 20-го марта подъ Смоленскъ, разсказывалъ, что въ началѣ этого мѣсяца „не мало воинства изъ полка пана Сапѣги, сговорившись между собой, бѣжало къ Димитрію". Немного позже и остальная часть названнаго „воинства, взбунтовавшись, послала къ обманщику", предлагая ему свои услуги. Вскорѣ всѣ приверженцы Самозванца столковались между собой и, выбравъ себѣ предводителей „изъ большого лагеря —пана Каменскаго, а изъ Троицкаго лагеря—пана Быховца", 27-го апрѣля вышли въ Калугу.

Итакъ, почти совершенно рушились надежды усилить королевскія войска, потому что изъ многочисленной нѣкогда тушинской арміи лишь „лучшіе остались

вѣрны Е. В. Королю, а именно: изъ полка его благородія пана Зборовскаго шесть гусарскихъ ротъ", далѣе—„роты покойнаго князя Рожинскаго, а также—Вильковскаго, Рудницкаго и Мархоцкаго, часть роты пана Бобовскаго и весь полкъ пана Андрея Млоцкаго".

Неудача была для Сигизмунда тѣмъ чувствительнѣе, что одновременно съ этимъ положеніе его становилось все болѣе затруднительнымъ. Хотя въ февралѣ того же года 7000 запорожскихъ казаковъ пришли „въ услуженіе къ Е. В. Королю, а въ мартѣ и въ апрѣлѣ былъ взятъ цѣлый рядъ крѣпостей въ Сѣверской землѣ, какъ, напр., Борисовъ, Ржовъ Володимировъ[1]), Черниговъ, Вязьма, Дорогобужъ, Стародубъ и Бѣлая; но Смоленскъ—по выраженію поляковъ въ тогдашнихъ письмахъ—„все еще упорствовалъ". По удачному предсказанію Жолкевскаго, „всѣ хитроумныя попытки обманули", и даже ужасныя заразительныя болѣзни, уносившія множество жертвъ среди гарнизона и мѣстнаго населенія, не принудили эту крѣпость къ сдачѣ. Кромѣ того, съ половины марта арміи осаждающихъ стала еще сильнѣе угрожать опасность со стороны Скопина-Шуйскаго. 22-го числа того же мѣсяца онъ совершилъ торжественный въѣздъ въ столицу, послѣ чего собирался немедленно, вмѣстѣ со шведскимъ войскомъ, итти на помощь осажденнымъ.

Въ королевскомъ лагерѣ часто происходили совѣщанія о томъ, что слѣдуетъ предпринять при настоящемъ ихъ положеніи.

Пока тушинская армія осаждала столицу, намѣревались послать къ ней нѣсколько тысячъ человѣкъ изъ королевскаго войска на помощь, надѣясь, что въ этомъ случаѣ и бояре, находящіеся въ Москвѣ, открыто объявятъ себя сторонниками Владислава. Въ концѣ февраля того же года рѣшено было, что Янъ Потоцкій, брацлавскій воевода, съ двумя тысячами человѣкъ

[1]) Г. Ржевъ (нынѣ Тверской губ.).

долженъ „пойти дальше въ Московскую землю“ и соединиться съ тушинской арміей. Но „панъ воевода“ вовсе не торопился исполнить это приказаніе короля. Вначалѣ онъ сказался больнымъ, потомъ заявилъ, что „не можетъ выйти по причинѣ глубокихъ снѣговъ“, наконецъ, „не могъ согласиться съ Е. В. Королемъ относительно людей, которыхъ хотѣлъ взять съ собою большое количество“, а также насчетъ жалованья какъ себѣ, такъ и войску, которое должно было выступить въ походъ подъ его начальствомъ. Относительно послѣдняго вопроса столковаться было всего труднѣе, вслѣдствіе полнаго истощенія польской казны. Это обстоятельство разбило и всѣ другія усилія, предпринятыя съ цѣлью увеличить королевскую армію.

Еще въ ноябрѣ 1609 г. начались переговоры съ лифляндскимъ войскомъ, которое, съ давнихъ поръ не получая платы, отправилось въ Литву, чтобы тамъ заставить выдать себѣ просроченное жалованье. Это войско тоже старались уговорить вступить вмѣстѣ съ прочими въ предѣлы Московскаго Государства. Переговоры велъ сперва Іеронимъ Ходкевичъ, виленскій каштелянъ, а затѣмъ архіепископъ Барановскій. Однако солдаты лифляндскаго воинства, „собравъ свой генеральный совѣтъ въ Ковнѣ“, заявили, что послѣднимъ срокомъ, до котораго они воздержатся отъ составленія конфедераціи, будетъ 11-е апрѣля (1610 г.); если же они получатъ просроченное жалованье, то, „исправивъ немного свое вооруженіе, готовы итти въ Москву“. Но сумма, которую должна была уплатить имъ королевская казна, была такъ велика, что, при тогдашнихъ условіяхъ, Сигизмундъ не могъ удовлетворить ихъ требованія и предложилъ имъ лишь „половину заработаннаго“.

По этому дѣлу и въ Литвѣ, и въ королевскомъ лагерѣ долгое время тянулись переговоры. Въ половинѣ марта прибыли подъ Смоленскъ послы отъ „лифляндскаго“ войска; тогда же прибылъ и великій литовскій

гетманъ Ходкевичъ. Мѣсяцъ спустя, въ генеральный совѣтъ того же войска, собравшійся въ Гродно, Сигизмундъ отправилъ своихъ пословъ. Но всѣ усилія оказались совершенно безплодными вслѣдствіе настойчивости конфедератовъ и обѣдненія королевской казны.

Когда все кончилось такъ неудачно, благодаря отсутствію денегъ, нѣкоторые сенаторы совѣтовали королю прежде всего постараться добыть необходимыя средства. „Его благородіе панъ гетманъ литовскій — сообщаетъ Янъ Завадскій въ письмѣ отъ 20-го марта того же года—когда у него спросили, что онъ думаетъ о начатой войнѣ, публично совѣтовалъ слѣдующее. Оставивъ гетмана подъ Смоленскомъ, а тому войску (т. е. тушинской арміи) давъ подкрѣпленіе, какъ можно скорѣе собрать сеймъ. Получивъ же согласіе отъ Рѣчи Посполитой, за которымъ слѣдуетъ благословеніе, установить одинъ, а потомъ другой сборъ податей, и тогда только продолжать начатую войну. Затѣмъ онъ предложилъ свои услуги и услуги значительной группы воиновъ Е. В. Королю. Того же мнѣнія былъ и его благородіе, панъ вице-канцлеръ; но сомнѣваюсь, чтобы ихъ мнѣніе оказало какое-либо вліяніе, потому что Е. К. В—о желѣлъ строить себѣ дворцы на лѣто и разсылать стряпчихъ къ ихъ благородіямъ панамъ сенаторамъ, чтобы они придумали, какъ добыть средства на эту экспедицію“.

Дѣйствительно, уже съ половины марта король разсылалъ письма, въ которыхъ убѣдительно призывалъ сенаторовъ постараться о „скорыхъ, приличныхъ и необходимыхъ для этого предпріятія средствахъ“.

Но всѣ эти усилія совершенно ни къ чему не привели, и Сигизмундъ лишній разъ убѣдился въ томъ, какое тяжкое преступленіе совершилъ онъ, не слушая самыхъ честныхъ и умныхъ своихъ совѣтниковъ.

Въ виду безвыходнаго положенія, въ польскомъ лагерѣ было рѣшено еще разъ попытаться, не удастся ли выйти изъ него при помощи переговоровъ.

Съ этой цѣлью польскіе сенаторы, находящіеся тогда подъ Смоленскомъ, въ концѣ апрѣля послали письмо къ думнымъ боярамъ. Жалуясь на различныя обиды, перенесенныя отъ Шуйскаго, сенаторы обращались къ боярамъ съ воззваніемъ, „чтобы они, посовѣтовавшись между собой, съ помощью пословъ или какимъ-нибудь другимъ надежнымъ образомъ по дѣлу объ умиротвореніи Государства Московскаго“ столковались съ ними. Съ этимъ письмомъ послали Слизня, королевскаго стряпчаго. Когда гонецъ пріѣхалъ въ Царево-Займище, дали знать въ Можайскъ, который въ половинѣ марта уже сдался Шуйскому, „что гонецъ идетъ, и чтобы выслали ему навстрѣчу“.

„Въ Можайскѣ тогда находились—пишетъ Жолкевскій въ своихъ мемуарахъ—съ немалымъ войскомъ князь Андрей Голицынъ и князь Данило Мезецкій. Получивъ распоряженіе отъ Шуйскаго, они отвѣтили письмомъ, чтобы Слизень не ѣздилъ, ибо если онъ пріѣдетъ, то себѣ же въ убытокъ. Они сообщали въ письмѣ, что великій государь никакихъ пословъ отъ Е. В. Короля не хочетъ ни принимать, ни вести переговора съ ними, и чтобы онъ вышелъ изъ московской территоріи, такъ какъ слишкомъ набрался спѣси отъ удачъ и отъ того чужеземнаго войска, котораго у него было до восьми тысячъ“.

Но въ началѣ мая случилось въ Москвѣ происшествіе, которое своими послѣдствіями дало новый оборотъ тогдашнимъ событіямъ.

Еще въ половинѣ марта того же года Сигизмундъ старался войти въ непосредственные переговоры со Скопинымъ-Шуйскимъ.

Уже давно весь московскій народъ съ величайшимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ на этого необыкновеннаго вождя, который, несмотря на свою юность, вынужденный дѣйствовать при необычайно трудныхъ условіяхъ, столь часто давалъ доказательства удивительныхъ воен-

ныхъ способностей. Чѣмъ больше недоброжелательства возбуждалъ Василій, тѣмъ ярче выражалось почтеніе къ Скопину-Шуйскому. По словамъ современныхъ ему лѣтописцевъ, населеніе столицы, нисколько не тая своихъ чувствъ, откровенно заявляло:

— „Этотъ дѣльный князь достоинъ быть царемъ! Онъ край нашъ освободилъ отъ латинянъ, а городъ нашъ—отъ голода и штурма"!

Дѣйствительно, его неоднократно величали царскимъ титуломъ; когда же въ ноябрѣ 1609 г. онъ прибылъ въ Александровскую Слободу, сюда явилось посольство, которое торжественно предложило ему корону отъ имени Рязанской земли.

Скопинъ сейчасъ же велѣлъ посадить этихъ пословъ въ тюрьму, однако потомъ онъ освободилъ ихъ и разрѣшилъ имъ вернуться въ Рязань.

Извѣстіе объ этомъ происшествіи вызвало не малое неудовольствіе при царскомъ дворѣ. Съ этого времени стали ходить вѣсти о „несогласіи" и о „великомъ соревнованіи между Василіемъ и Михаиломъ Шуйскими". Рожинскій, донося объ этомъ королю въ письмѣ отъ 27-го февраля, замѣтилъ, между прочимъ, что „не мѣшало бы послать какое-нибудь письмо къ Скопину".

Сигизмундъ послѣдовалъ этому совѣту и 13-го марта послалъ ему письмо, въ которомъ снова подробно комментировалъ тяжелыя обиды, которыя Польша претерпѣла отъ Василія и, наконецъ, увѣрялъ его въ томъ, что онъ прибылъ подъ Смоленскъ не для погибели этого государства, а для водворенія въ немъ мира и охраны вѣры по греческому обряду. Поэтому-то—продолжалъ король въ томъ же письмѣ—„мы не будемъ противиться избранію нашего сына на Московское Государство, если, по волѣ Всемогущаго Бога, это состоится съ согласія всей земли, и если ты, князь Михаилъ Васильевичъ Шуйскій, пожелаешь дать на это разрѣшеніе вмѣстѣ со всѣми боярами, окольничими,

думными дьяками, дворянами и дѣтьми боярскими". Въ этомъ случаѣ „мы будемъ тебя любить и пожалуемъ тебя нашей царской милостью, а также одаримъ всякими наградами, какихъ только ты самъ пожелаешь".

Мнѣ кажется, что Сигизмундъ не получилъ никакого отвѣта; однако нельзя сомнѣваться въ томъ, что слухъ объ этомъ письмѣ дошелъ до Василія Шуйскаго и усугубилъ опасенія и недовѣрчивость послѣдняго.

Съ особенной завистью смотрѣлъ на Скопина одинъ изъ братьевъ царя, а именно Димитрій Шуйскій, ставшій вскорѣ главнокомандующимъ московскихъ войскъ, но въ качествѣ вождя оказавшійся неспособнымъ и неудачникомъ. Его-то ненависти почти единодушно приписываютъ современники внезапную и неожиданную кончину удивительнаго полководца. Горько оплакивалъ его московскій народъ, предчувствуя, что со смертью его вновь настанутъ весьма тяжелыя времена.

Между тѣмъ, Василій Шуйскій стягивалъ все новыя силы. Его войска, ободренныя успѣхомъ, уже въ концѣ апрѣля покорили Ржевъ, Погорѣлое Городище и Зубцовъ, и, занявъ безъ борьбы Волокъ, подступили къ Осипову.

„12-го мая ночью—разсказываетъ Мархоцкій—двѣ тысячи москвичей съ Валуевымъ, перебравшись съ тысячей, по меньшей мѣрѣ, человѣкъ французовъ и нѣмцевъ, подошли подъ насъ съ петардами". На разсвѣтѣ вождь французовъ де-ля-Виль петардой взорвалъ ворота со стороны пригорода, послѣ чего немедленно „сюда ворвались чужеземцы". Этотъ пригородъ былъ окруженъ деревянной стѣной, а крѣпость—каменной; но такъ какъ ворота крѣпостного двора „не были заперты", то „нѣмцы съ французами не только овладѣли деревянными зубцами, но множество ихъ—конныхъ и пѣшихъ собралось и на площади двора, гдѣ они убивали, кого попало".

Поляки, застигнутые врасплохъ столь неожиданно, благодаря нерадѣнію стражи, укрылись въ замкѣ, нѣкоторые же старались спастись бѣгствомъ. „Около полутораста человѣкъ изъ нихъ соскочило со стѣны — продолжаетъ Мархоцкій — и бѣжали за болота, находившіяся поблизости. Отдѣлавшись отъ непріятеля, мы трубными звуками призвали ихъ обратно".

„Оставшіеся же въ замкѣ, собрались всѣ въ одну сторону. У насъ были ворота на другой сторонѣ двора и калитка, но они были крѣпко заперты колодками. Если бъ мы могли отбить ихъ, то ушли бы изъ замка. Но такъ какъ не было надежды скрыться, отчаяніе вселило въ насъ энергію".

„Прискакалъ (къ намъ) Рудскій верхомъ и говоритъ:

— На нихъ, во имя вашей храбрости!... — Не съ надеждой на побѣду, такъ какъ она была невозможна, а только желая умереть со славой, бросились мы на всю гвардію, которая находилась на площади, всего втроемъ, то есть, Рудскій, Русецкій и я. Выстрѣливъ изъ пищалей, мы кинулись на нихъ съ ручнымъ оружіемъ. Когда насъ уже окружили, одинъ изъ нихъ толкнулъ меня пистолетомъ въ ротъ и выстрѣлилъ. Но, по милости Божьей, онъ только опалилъ мнѣ лицо, а дробью, кажется, разбилъ губу и пальцы. Коня подо мной подстрѣлили, а на спинѣ у меня оказалось нѣсколько рѣзныхъ ударовъ, не проникшихъ сквозь кафтанъ. Доспѣховъ никому изъ насъ не удалось надѣть, потому что и крючки-то ни у кого не были застегнуты.

„Вдругъ, когда они нападали на насъ троихъ, Господь Богъ внушилъ нашимъ рѣшимость, и нѣсколько десятковъ нашихъ всадниковъ отбили ихъ и гнали до крѣпостного двора. Убитыми ихъ пало на площади больше восьмидесяти, а живыми взяли двадцать человѣкъ".

„Выбивъ изъ двора, мы уже не преслѣдовали ихъ въ пригородъ, а заперевъ ворота, бросились защищать

зубцы. Нѣмцы (здѣсь и французовъ нѣмцами называютъ), овладѣвъ высокой деревянной башней, ближайшей къ нашей стѣнѣ, стали причинять большой вредъ нашимъ зубцамъ своими выстрѣлами, и намъ пришлось бы снова уйти со стѣны", но тутъ „Господь Богъ воодушевилъ наше воинство такимъ мужествомъ, что оно сдѣлало вылазку подъ эту башню" и безъ труда овладѣло ею.

„Видя, что мы недолго можемъ удержать ее за собой, я сказалъ Рудскому, чтобы онъ велѣлъ зажечь пригородъ, ибо когда они укрѣпятся здѣсь, то будутъ для насъ опасными сосѣдями, если мы не прогнемъ ихъ отсюда огнемъ. Рудскій долго не могъ рѣшиться на это. И я, не ожидая его приказанія, велѣлъ сперва зажечь башню, отнятую у нѣмцевъ: для этой цѣли у насъ были приготовлены сѣрныя свѣчи".

„Когда башня загорѣлась, мы стали съ зубцовъ бросать огонь на иныя, находившіяся поблизости отъ насъ строенія. Непріятели, видя, что мы зжемъ, выбравъ все, что тамъ было, сами подожгли остальное и вышли. Ихъ потери простирались всего до трехсотъ человѣкъ. Нашихъ погибло свыше двадцати".

Несмотря на столь храброе отбитіе этого нападенія, положеніе гарнизона было весьма затруднительно въ виду превосходства силъ непріятеля. Особенно чувствителенъ былъ для осажденныхъ недостатокъ въ пищѣ, запасы которой главнымъ образомъ и погорѣли въ томъ пригородѣ. Поэтому осажденные немедленно послали сорокъ человѣкъ съ просьбой о подкрѣпленіи „къ пану Зборовскому", который стоялъ тогда въ Царевомъ-Займищѣ. Зборовскій тотчасъ же донесъ объ этомъ въ королевскій лагерь, а Сигизмундъ поручилъ ему немедленно спѣшить на помощь вмѣстѣ съ Казановскимъ. Но пока прибыли эти отряды, Москва такъ тѣсно „окружила осажденныхъ острожками", что вынужденные голодомъ они должны были покинуть Осиповъ.

20-го мая „передъ самымъ заходомъ солнца" вышли поляки изъ крѣпости. Къ несчастью, Валуевъ узналъ объ этомъ отъ перебѣжчиковъ и „при плотинѣ, по которой они должны были проходить, устроилъ засаду изъ нѣсколькихъ сотенъ нѣхотинцевъ. Ночью" — продолжаетъ тотъ же очевидецъ — „вдругъ „съ громкимъ крикомъ съ тыла на нашу заднюю стражу напала Москва. Мы выстроились, остановились,—они отступили. Не успѣли мы двинуться въ путь, какъ они снова напали для того, чтобы задержать насъ тутъ до утра. Когда разсвѣло, намъ пришлось отступать за рѣку Ламу: поднялся туманъ: кто прошелъ мимо брода, тотъ утонулъ. Надъ рѣкой мы хотѣли не дать имъ переправиться, но кому надо бѣжать, тому некогда тратить время попусту. Мы отошли отъ рѣки и, продолжая итти дальше, подошли, наконецъ, къ той плотинѣ". Тамъ „тѣ, которые были въ засадѣ, подняли крикъ. Мы бросились на нихъ, чтобы пробиться, напали и на самую плотину, и на стрѣльцовъ близъ нея. Кто пошелъ по плотинѣ, не обращая вниманія на выстрѣлы, и кого пуля миновала, тотъ спасся, но кто пошелъ въ сторону отъ стрѣльцовъ, увязъ въ болотѣ. Итакъ, въ это время Москва и съ фронта, и съ тыла произвела въ нашемъ отрядѣ такой погромъ, что изъ 1500 человѣкъ,—ибо столько насчитывали мы, вмѣстѣ съ донскими казаками и челядью,—едва спаслось насъ человѣкъ триста, при чемъ мы лишились всего и знамень. Да и тѣмъ, что спаслись, трудно было бѣжать, не зная, гдѣ находятся наши войска".

При такомъ разгромѣ „донскіе казаки послужили намъ большой помощью: по деревнямъ, передъ крестьянами они притворялись людьми Шуйскаго и не будь ихъ, мы едва ли могли бы добраться до войска".

Такъ описываетъ Мархоцкій пораженіе этого отряда. Но онъ не упоминаетъ о томъ, о чемъ единодушно сообщаютъ Колкевскій, Кобѣжицкій и другіе, а именно —

что главной причиной погрома былъ безпорядокъ во время похода и неповиновеніе солдатъ.

Это пораженіе было тѣмъ чувствительнѣе, что тогда же, кромѣ не малаго количества поляковъ, въ руки непріятелей попало „нѣсколько знатныхъ бояръ вмѣстѣ съ Филаретомъ Никитичемъ, московскимъ патріархомъ".

Въ виду такихъ „успѣховъ Шуйскаго", когда по словамъ Жолкевскаго — „наше дѣло было стѣснено и сильно подорвано", а попытка вступить въ переговоры съ Москвой оказалась безплодной, Сигизмундъ старался войти въ непосредственное соглашеніе съ Димитріемъ, чтобы такимъ образомъ разрознить силы Василія.

По извѣстіямъ, имѣвшимся тогда въ польскомъ станѣ подъ Смоленскомъ, Самозванецъ собралъ въ Калугѣ „пять тысячъ москвичей и двадцать тысячъ донцовъ". Кромѣ того, въ концѣ апрѣля вернулась подъ его знамена большая часть польскихъ войскъ, находившихся раньше въ Тушинѣ и подъ Троицей. Но эти полки не направились прямо въ Калугу, а расположились лагеремъ надъ рѣкой Угрой и прежде всего требовали уплаты просроченнаго жалованья.

Переговоры по этому дѣлу тянулись довольно долго. Самъ Димитрій нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ польскій лагерь; наконецъ, 5-го іюля, получивъ покамѣсть „пятьдесятъ тысячъ злотыхъ", поляки согласились поступить вновь къ нему на службу.

Это соглашеніе съ польскимъ войскомъ было для него тѣмъ важнѣе, что уже въ маѣ того же года Янъ Петръ Сапѣга рѣшилъ вновь предложить ему свои услуги; а въ половинѣ іюня онъ, дѣйствительно, прибылъ въ лагерь на Угрѣ въ сопровожденіи тысячи казаковъ. Усвятскій староста поступалъ такъ, несомнѣнно, съ согласія и съ разрѣшенія Сигизмунда: участіе же его въ послѣдующихъ событіяхъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что вскорѣ послѣ пріѣзда онъ сдѣлался вождемъ арміи Самозванца.

Извѣстіе объ этомъ переходѣ Сапѣги на сторону Димитрія вызвало не малую радость въ Калугѣ. Марина особымъ письмомъ благодарила его, выражая надежду, что его прибытіе, хотя „дѣла ихъ были почти въ упадкѣ", обезпечитъ за ними несомнѣнную побѣду. „Поистинѣ — писала царица — не приписываемъ это ничему иному, какъ только особому дару, отъ Бога намъ данному, что Онъ съ помощью вашего благородія (чему люди будутъ удивляться), изволитъ исправлять, или вѣрнѣе — благополучно кончать, наши дѣла. Насколько мы можемъ быть благодарными желанію и благоволенію вашего благородія, желаемъ объявить объ этомъ въ скоромъ времени, что послужитъ къ вѣчной славѣ, украшенію и пользѣ вашего благородія, только оставайтесь вѣрными до конца. Въ нашемъ сердцѣ запечатлѣлись доблесть, вѣрность и услуги, которыя вездѣ были и будутъ прославляемы за то, что ваше благородіе выступили для защиты нашего праваго дѣла".

Самозванецъ также увѣрялъ Сапѣгу въ своей милости и обѣщалъ, что „въ свое время щедро вознаградитъ его кровавыя заслуги". Такимъ образомъ, ни Димитрій, ни супруга его не догадывались, что усвятскій староста предложилъ имъ свои услуги не изъ расположенія къ нимъ, а по совершенно инымъ причинамъ. Они служили въ то время лишь объектомъ политики, имѣвшей цѣлью не ихъ успѣхъ, а нѣчто совершенно иное. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Сигизмундъ старался войти въ соглашеніе съ Самозванцемъ. Онъ самъ съ этой цѣлью даже сдѣлалъ первый шагъ.

21-го апрѣля саноцкій староста получилъ „достовѣрное извѣстіе, что Димитрій желаетъ благосклонности и вниманія Е. К. В—а", но желаетъ также, чтобы король первый послалъ къ нему своихъ пословъ.

Въ польскомъ лагерѣ жадно ухватились за эту возможность и, четыре дня спустя, Станиславъ Мишекъ былъ посланъ въ Калугу.

Онъ провелъ нѣсколько недѣль при дворѣ Самозванца, но напрасно старался уговорить его отправить свое посольство подъ Смоленскъ. Вскорѣ выслали въ Калугу новаго посредника, а именно „пана Валевскаго".

Однимъ изъ важныхъ поводовъ недовольства со стороны Димитрія было вторженіе запорожскихъ казаковъ въ Сѣверскую землю. Поэтому новый посредникъ долженъ былъ прежде всего увѣрить его въ томъ, что казаки вопреки королевскому приказанію предприняли этотъ походъ, и что „къ нимъ даже были высланы суровые универсалы, чтобы они вернулись домой и разъѣхались". Ему было также поручено приложить всевозможныя усилія къ тому, чтобы склонить Самозванца къ соглашенію съ Сигизмундомъ и къ дружнымъ дѣйствіямъ съ нимъ. „Полагаю — читаемъ въ инструкціи, данной тому же пану Валевскому — что ваше благородіе будете осторожно обращаться съ его вспыльчивостью, ибо и я сильно объ этомъ забочусь и опасаюсь, чтобы тѣ крѣпости, которыя теперь совершенно вѣрны ему, не перешли на сторону Шуйскаго, чѣмъ подкрѣпили бы его ослабѣвшія силы. Правда, у него есть не мало причинъ къ жалобамъ, но вѣдь онъ знаетъ, что многое дѣлается помимо воли и распоряженій Е. К. В—а".

„Что касается посольства отъ него къ Е. К. В—у, трудно будетъ уговорить его; и если вы, ваше благородіе, будете усиленно настаивать, то боюсь, что потеряете кредитъ у него, какъ это случилось съ паномъ саноцкимъ старостой. Но въ данномъ случаѣ могло бы послужить такое средство, чтобы его думные бояре писали къ панамъ сенаторамъ Е. К. В—а, и такимъ образомъ мы, принявъ письмо отъ нихъ, будемъ посредниками между нимъ и Е. В. Королемъ". Въ этомъ случаѣ „ему нечего опасаться никакого пренебреженія".

Валевскій прибылъ въ Калугу, должно быть, въ половинѣ іюня. 16-го числа того же мѣсяца пріѣхалъ

усвятскій староста въ лагерь надъ Угрой и также „склонялъ царя къ единодушію съ Е. В. Королемъ“. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ іюля, послѣ долгихъ безплодныхъ усилій, удалось достигнуть желаемой цѣли, и Димитрій рѣшилъ даже предложить королю заключеніе тѣснаго союза. Но Сигизмундъ уже не нуждался ни въ соглашеніи съ нимъ, ни въ его помощи, ибо тѣмъ временемъ произошли весьма важныя и благопріятныя для него событія.

XIII.

Димитрій Шуйскій идетъ освобождать Смоленскъ. — Схватки подъ Царевымъ-Займищемъ.—Битва подъ Клушинымъ.— Самозванецъ поступаетъ къ столицѣ.—Замѣшательство въ Москвѣ.— Сверженіе Шуйскаго съ престола.—Претенденты на царскій вѣнецъ.

Послѣ занятія Осипова Валуевъ подступилъ къ Цареву-Займищу и хорошо укрѣпилъ свой лагерь валами: другой же отрядъ шведско-московскихъ войскъ подъ начальствомъ Эдварда Горна и князя Барятинскаго осаждалъ Бѣлую. Согласно извѣстіямъ, имѣвшимся въ польскомъ лагерѣ подъ Смоленскомъ, въ этой арміи „одной Москвы насчитывалось больше десяти тысячъ, нѣмцевъ всадниковъ двѣ тысячи, а пѣхоты тоже двѣ тысячи“.

Александръ Гонсевскій, начальникъ бѣльскаго гарнизона, вышелъ навстрѣчу имъ и 5-го іюня удачно сразился съ ними. Два дня спустя, также удачно отбили штурмъ крѣпости, во время котораго „было убито однихъ нѣмцевъ двѣ съ половиною сотни“, но въ виду превосходства силъ непріятеля, Гонсевскій немедленно послалъ въ королевскій лагерь съ просьбой о помощи.

Такимъ образомъ московскія войска все приближались къ Смоленску и, кромѣ того, съ первыхъ дней мая стали приходить вѣсти о томъ, что Димитрій Шуй-

скій стягивалъ большую армію подъ Можайскомъ. Въ виду этого Сигизмундъ рѣшился, наконецъ, выслать часть войска для встрѣчи съ ней.

„Е. В. Король“ — пишетъ Жолкевскій въ своихъ мемуарахъ — „видѣлъ, что это дѣло весьма опасно. Ибо если бы Москва одолѣла отряды, стоявшіе въ Вязьмѣ, у Шуйска, у Царева,— что было возможно, благодаря ихъ плохой дисциплинѣ и разнузданности,— тогда и подъ Смоленскомъ трудно было бы удержаться. Поэтому Е. В. Король велѣлъ пану гетману взять съ собой часть войска, итти и соединиться съ тѣми отрядами, чтобы вмѣстѣ съ ними служить противъ непріятельскаго войска. Хотя панъ гетманъ понималъ, что ему съ небольшой горстью людей приходится подвергаться несомнѣнной и открытой опасности, онъ все же предпочиталъ довѣриться своему мужеству, нежели оставаться подъ Смоленскомъ, на взятіе котораго онъ не надѣялся, ибо не было сдѣлано соотвѣтствующихъ приспособленій, равно какъ и не собрано достаточныхъ для этого силъ“.

„Часть войска“, съ которой его выслали навстрѣчу столь значительнымъ непріятельскимъ силамъ, „была однако — по выраженію Жолкевскаго — куда меньше той, которую разрѣшили взять пану брацлавскому воеводѣ“.

Согласно весьма точнымъ свѣдѣніямъ, приведеннымъ въ современныхъ дневникахъ, она состояла приблизительно изъ 1800 человѣкъ. Часть этихъ ротъ, въ которыхъ было всего 1130 лошадей, была выслана впередъ съ приказаніемъ собраться подъ Шуйскомъ; съ остальными самъ гетманъ вышелъ изъ смоленскаго лагеря 7-го іюля. При извѣстіи о приближеніи Жолкевскаго, Горнъ и Варятинскій сняли осаду крѣпости Бѣлой. За ними „отъ Вязьмы“ снарядилъ „панъ гетманъ полкъ пана Млоцкаго и двѣ тысячи казаковъ съ Зарудскимъ“. „Хотя—скорбитъ Самуилъ Тарговскій въ современномъ письмѣ—они не могли напасть на тѣхъ, какъ слѣдо-

вало бы, но все же причинили урон въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, а другихъ увели живыми".

Между тѣмъ, 14-го іюня гетманъ подошелъ къ Бѣлой. „Отдохнувъ тамъ два дня, онъ явился къ своимъ людямъ, которые уже собрались въ Шуйскѣ". Здѣсь присоединились къ нему также два полка „вольныхъ казаковъ", въ которыхъ было „болѣе трехъ тысячъ людей всякаго рода".

Димитрій Шуйскій намѣревался вести войну такимъ же способомъ, котораго столь выдержанно и успѣшно придерживался Сконинъ, а именно: насколько возможно избѣгать встрѣчи въ открытомъ полѣ, но со всѣхъ сторонъ окружать поляковъ острожками и „этой хитростью вытѣснять ихъ", препятствуя доставкѣ съѣстныхъ припасовъ. Съ этой цѣлью онъ „велѣлъ поставить городокъ у Царева, что необыкновенно быстро исполнилъ Валуевъ". Чтобы „не дать ему возможности укрѣпиться въ этомъ городкѣ, Жолкевскій, переночевавъ у Шуйска и взявъ съ собой пана Казановскаго и полкъ пана Дунинковскаго", на другой день немедленно вышелъ къ Цареву-Займищу. Онъ старался также склонить къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ „полкъ пана Зборовскаго", но „паны солдаты", собравъ совѣтъ, заявили, что пока имъ не выдадутъ обѣщаннаго Сигизмундомъ „дара, до тѣхъ поръ они не хотятъ ни слушать его, ни повиноваться ему".

23-го іюня „на разстояніи доброй полумили" остановился Жолкевскій „подъ Царевымъ" и здѣсь расположился лагеремъ. „Мнѣ пришло въ голову — писалъ онъ два дня спустя къ королю — подъѣхать съ нѣсколькими сотнями конныхъ къ Цареву, чтобы посмотрѣть на этотъ городокъ и на расположеніе мѣстности. Непріятель, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, переправилъ нѣсколько сотенъ пѣхоты за плотину и сталъ сражаться съ нашими, но, по милости Божьей, мы отбили ихъ безъ урона, ибо у насъ никого не убили и не плѣ-

нили. Они отступили за мостъ, такъ какъ мы ихъ крѣпко смяли. Осмотрѣвъ мѣстность, я вернулся обратно въ лагерь".

На другой день, 24-го іюня, Жолкевскій подошелъ къ Цареву-Займищу. Онъ поставилъ свой лагерь на горѣ, надъ самымъ мѣстечкомъ, пѣхота расположилась возлѣ плотины, а казаки на горѣ же пониже — „надъ болотомъ".

На этой плотинѣ былъ мостъ „на плюзахъ"; Валуевъ велѣлъ его разрушить, а по сторонамъ ея „въ овражкахъ", промытыхъ дождевой водой, и въ сосѣднемъ хворостникѣ засадилъ нѣсколько сотъ стрѣльцовъ. „Зная настойчивость нашихъ людей — пишетъ гетманъ въ своемъ дневникѣ — онъ сдѣлалъ это", надѣясь, что поляки, какъ и наканунѣ, „легкомысленно въѣдутъ на эту плотину и понесутъ уронъ отъ стрѣльцовъ, находящихся въ засадѣ". Но эта хитрость не удалась, такъ какъ Жолкевскій, предугадывая его намѣренія, „не велѣлъ никому ѣздить и ходить по плотинѣ". Москвичи, находившіеся въ овражкахъ, видя, что наши строятся и не идутъ на плотину, соскучившись, стали перебѣгать другъ къ другу. Наши замѣтили ихъ; а чтобы мы, стоя такъ близко и не смѣя задѣть ихъ, не подверглись осмѣянію, панъ гетманъ приказалъ пѣхотѣ построиться; спѣшилось также нѣсколько сотъ казаковъ. Одни зашли по ту сторону плотины, такъ какъ мѣсто было доступное, а прудъ спущенъ; другіе бросились на нихъ въ открытую по плотинѣ. Москва стала сейчасъ же убѣгать въ хворостники, а наши преслѣдовали ее". Жолкевскій, опасаясь, чтобы „пѣхота со своей порывистостью не подверглась опасности", велѣлъ немедленно перебросить мостъ черезъ плотину. Это сдѣлали мгновенно; сейчасъ же и конница поспѣшила „на помощь пѣхотѣ; тотчасъ же переправилось около тысячи всадниковъ. Валуевъ, видя, что его пѣхота бѣжитъ, желая и своихъ спасти и нашихъ погубить, выпустилъ изъ городка до трехъ тысячъ конницы и

пѣхоты. Но такъ какъ наша конница переправилась быстро, гарнизонъ вступилъ съ ней въ битву на полѣ, которое находилось подъ самымъ городкомъ, и наши ихъ совершенно разгромили".

Это сраженіе, хотя и побѣдоносное, не прошло однако „безъ урона", ибо изъ нашихъ „человѣкъ двадцать съ лишнимъ были убиты и ранены". Между прочимъ, погибли „панъ Мартинъ Вейеръ, придворный Е. К. В—а учтивый юноша", и Конарскій, сынъ хелминскаго каштеляна.

На другой день прибылъ подъ Царево-Займище „полкъ пана Зборовскаго" и, хотя—какъ выражается Маскевичъ—„ихъ больше не просили", соединился съ королевскимъ войскомъ.

25-го іюня переправился Жолкевскій, вмѣстѣ со всей своей арміей, черезъ эту плотину и по пути въ Можайскъ, откуда Валуевъ ждалъ подкрѣпленія, расположился лагеремъ. Къ осадѣ онъ не приступалъ, такъ какъ этотъ острогъ былъ хорошо укрѣпленъ и, какъ узнали отъ плѣнныхъ, гарнизонъ его имѣлъ лишь незначительные запасы пищи. Гетманъ рѣшилъ голодомъ выпудить его къ сдачѣ; съ этой цѣлью онъ велѣлъ кругомъ „поставить маленькіе городки, особенно противъ того мѣста, откуда Москва доставала воду". Эти городки онъ снабдилъ отчасти пѣхотой, отчасти казаками. Осажденные „всякій день по нѣсколько разъ дѣлали вылазки: но имъ это не удавалось, потому что наши изъ тѣхъ городковъ, особенно у воды", всегда „ихъ отбивали". Такимъ образомъ „до пятисотъ человѣкъ у нихъ убили". Находясь въ столь тяжеломъ положеніи, Валуевъ то и дѣло высылалъ гонцовъ въ Можайскъ. Эти гонцы, прокрадываясь ночью и лѣсами, ѣхали къ Димитрію Шуйскому и умоляли его поскорѣе прислать помощь.

Между тѣмъ, подъ начальство послѣдняго стянулись весьма значительныя силы: Москвы—какъ впослѣдствіи

заявлялъ будто бы самъ „Димитрій Шуйскій — было около 40,000; чужеземнаго войска — нѣмцевъ, нѣмцевъ, французовъ и англичанъ до 8,000. Вождями иностранной арміи были Яковъ Делагарди и Эдвардъ Горнъ. Жолкевскій постоянно и внимательно слѣдилъ за этой арміей, освѣдомляясь самымъ точнымъ образомъ о всѣхъ ея движеніяхъ.

3-го іюля вернулся въ польскій лагерь одинъ изъ высланныхъ съ этой цѣлью подъѣздовъ и въ качествѣ плѣнныхъ привелъ съ собой „нѣсколькихъ боярскихъ сыновей". Изъ разсказовъ ихъ, а также изъ сообщеній нѣсколькихъ перебѣжчиковъ, французовъ и шотландцевъ, узнали, что всѣ непріятельскія войска уже соединились, и что „князь Димитрій" двинулся изъ-подъ Можайска, а прошлую ночь провелъ въ четырехъ миляхъ отъ Клушина".

Жолкевскій, тотчасъ же созвавъ полковниковъ и ротмистровъ, спросилъ ихъ мнѣнія: оставить ли часть войска для осады городка и встрѣтиться съ непріятелемъ на пути, или же ждать его прибытія на мѣстѣ?

Мнѣнія были различны. „Панъ гетманъ, не рѣшая вопроса ни въ чью пользу, сталъ раздумывать дальше, и только приказалъ всѣмъ быть готовыми къ походу". Хотя онъ уже рѣшилъ сразиться съ непріятелемъ на пути, но, „пока еще было время", оттягивалъ изданіе соотвѣтствующихъ распоряженій, „чтобы какой-нибудь измѣнникъ не увѣдомилъ объ этомъ Шуйскаго или Валуева". И только за часъ „до похода онъ послалъ сказать, чтобы войско выступало въ томъ порядкѣ, какой письменно указанъ всѣмъ полковникамъ, безъ трубъ и барабаннаго боя, который могъ бы извѣстить Валуева объ ихъ выходѣ".

Подъ Царевымъ-Займищемъ, въ городкахъ, оставилъ Жолкевскій казаковъ и „всю нѣхоту Е. В—а Короля", а также семьсотъ всадниковъ подъ начальствомъ ротмистра Якова Бобовскаго, которому онъ поручилъ также

охрану лагеря". Итакъ, для борьбы со столь могущественнымъ непріятелемъ онъ взялъ съ собой лишь около 5,000 человѣкъ.

Съ такимъ войскомъ „за два часа до захода солнца" выступилъ гетманъ изъ лагеря. „Въ это время — разсказываетъ онъ дальше въ своемъ дневникѣ — ночи бываютъ очень коротки. Поэтому мы шли всю ночь четыре мили лѣсомъ; дорога была плохая. Когда мы приблизились къ непріятельской арміи, еще не начинало свѣтать". Москва, зная „малочисленность нашего войска, пренебрегала нами и не поставила даже стражи", такъ что „мы застали ихъ спящими. Если бы подошло все наше войско, мы разбудили бы ихъ неодѣтыми, но нельзя было скоро выйти изъ этого лѣса. Панъ гетманъ взялъ съ собой два фальконета (т. е. небольшія орудія), которые заняли дорогу, такъ что войско не могло изъ-за нихъ пробраться впередъ. Было и другое препятствіе, вслѣдствіе котораго мы не могли сейчасъ же ударить на нихъ. Все поле, по которому надо было итти къ непріятельскому лагерю, было поперекъ перегорожено заборами, а между этими заборами находились двѣ большія деревни. Пришлось ждать прибытія всего войска и ломать заборы. Панъ гетманъ, опасаясь, чтобы непріятель не засадилъ въ этихъ деревняхъ крестьянскихъ людей, которыхъ у него было очень много, и которые могли бы намъ вредить изъ-за заборовъ, велѣлъ ихъ зажечь". Только тогда „проснулся непріятель".

„Между тѣмъ, пока еще не пришло остальное наше войско, полкъ пана Зборовскаго, который шелъ впереди, построился на правомъ крылѣ". Лѣвое занялъ „полкъ" Струся, хмѣльницкаго старосты; въ центрѣ „тѣсными рядами" стали „нѣкоторыя роты", находящіяся подъ начальствомъ самого гетмана; наконецъ, въ арріергардѣ полкъ Жолкевскаго, „которымъ командовалъ князь Янушъ Корецкій", а также „полки" Казановскаго и

Людовика Вейера, которыми командовалъ Самуилъ Дунковскій. „Было также 4 казачьихъ сотни: имъ велѣли стать у хворостинка, сбоку отъ лѣваго крыла". Два небольшихъ орудія вмѣстѣ съ пѣшей ротой еще не прибыли".

„Когда войско выстроилось, нашъ гетманъ, объѣзжая ряды, воодушевлялъ всѣхъ, указывая" на необходимость дать это сраженіе и говоря, что въ одной лишь храбрости заключается вся надежда на спасеніе, послѣ чего „велѣлъ ударить въ барабаны и трубы для битвы". Одновременно съ этимъ и непріятель выступилъ въ строю. Москва заняла центръ и лѣвое крыло, на правомъ выстроилось „чужеземное войско".

„Между нами былъ длинный заборъ: но въ немъ были сдѣланы пробоины, черезъ которыя намъ и пришлось проскакивать, когда дѣло дошло до сраженія. Этотъ заборъ сильно мѣшалъ намъ, ибо непріятель поставилъ за нимъ пѣхоту, которая много вредила нашимъ. Долго, а по словамъ другой современной реляціи, „не меньше трехъ часовъ продолжалась эта битва, ибо и наши, и они, особенно же чужеземцы, выстраивались вновь. Нашимъ, которые нападали на московскія роты, было легче справиться, потому что Москва не выдержала напора: она стала бѣжать, а наши погнались за нею".

О борьбѣ на правомъ польскомъ крылѣ Маскевичъ разсказываетъ, что „Москва, не довѣряя себѣ, разставила между собой всадниковъ и построилась вмѣстѣ съ ними. Толпа собралась несчетная, даже страшно было взглянуть на нее"! Но именно это включеніе всадниковъ въ ряды пѣхоты должно было лишь облегчить полякамъ одержаніе побѣды. Ибо „непріятель, видя нашу малочисленность, велѣлъ двумъ конными корнетамъ, выстроеннымъ въ рядахъ, начинать съ нами битву: тѣ, давъ залпъ, для заряда стали дѣлать отступленіе, а другіе, стрѣляя, наступали за ними. Мы, не дожи-

дяясь, чтобы всѣ выстрѣлили, двинулись на нихъ съ одиѣми саблями въ рукахъ. Тогда, забывъ зарядить, они повернули тылъ и обрушились на ту Москву, которая стояла въ боевомъ порядкѣ у входа въ лагерь, и тотчасъ произвели въ ней замѣшательство. Москва, оробѣвъ, вмѣстѣ съ нѣмцами начала бѣжать въ лагерь, а мы—вслѣдъ за ними, и, не встрѣтивъ у воротъ никакого сопротивленія, ворвались туда. Они, видя, что и здѣсь не могутъ развязаться съ нами, продѣлавъ брешь въ козлахъ, побѣжали вонъ изъ лагеря, ища спасенія".

Вскорѣ и на лѣвомъ крылѣ побѣда стала склоняться въ сторону поляковъ. „Тутъ подошли пушкари —продолжаетъ Жолкевскій—съ небольшимъ количествомъ пѣхоты и оказали большую услугу въ битвѣ, такъ какъ въ нѣмецкую пѣхоту, которая стояла подъ заборомъ", тотчасъ же стали стрѣлять изъ орудій, „да и наша пѣхота бросилась на нихъ. Тотчасъ же нѣкоторые изъ нихъ попадали. Выстрѣлили и нѣмцы, и двоихъ или троихъ нашихъ убили: но видя, что тѣ храбро наступаютъ на нихъ, нѣмцы отъ забора начали бѣжать въ лѣсъ, который былъ поблизости. Конные французы и англичане все еще сражались „съ нашими ротами въ полѣ, постоянно подкрѣпляя другъ друга; наконецъ, когда уже не стало нѣшихъ нѣмцевъ, которые мѣшали намъ у забора, нѣсколько нашихъ ротъ, соединившись вмѣстѣ, ударили на чужеземную конницу копьями, у кого таковыя оказались", иные же „саблями длинными и короткими. Чужеземцы, не получая подкрѣпленія отъ людей московскихъ и нѣмецкой пѣхоты, не могли устоять и побѣжали въ лагерь. Но и тамъ ихъ преслѣдовали наши, убивая и прогоняя черезъ собственный же лагерь". Бѣжали Яковъ Делагарди и Горнъ.

„Оставалось еще до трехъ тысячъ чужеземцевъ; они построились на опушкѣ лѣса", „построились и за козлами"—прибавляетъ другая реляція. „Нашъ гетманъ

стали придумывать, какъ бы ихъ согнать съ этой позиціи; но они, оставшись безъ командировъ, видя, что Москва бѣжала — ея уже немного оставалось въ деревнѣ, которая была отгорожена при лагерѣ,—и желая спасти свою жизнь, послали къ пану гетману, прося" переговоровъ. Жолкевскій согласился на это, „видя, что задача трудна, и не легко ихъ выбить изъ хворостника".

Переговоры велъ племянникъ гетмана, „его благородіе панъ Адамъ Жолкевскій съ паномъ Петромъ Борковскимъ. Они порѣшили добровольно сдаться. Большая часть ихъ обѣщала поступить на службу къ Е. В. Королю; всѣ поклялись и подачей руки знатнѣйшихъ капитановъ, и письменнымъ подтвержденіемъ, что никогда не будутъ сражаться въ Москвѣ противъ Е. В. Короля. Панъ гетманъ обѣщалъ, что сохранитъ ихъ жизнь и имущество, а тѣмъ, которые не пожелаютъ служить королю", выхлопочетъ свободное возвращеніе на родину.

Во время этихъ переговоровъ „князь Андрей Голицынъ и князь Даніилъ Мезецкій, которые во время битвы бѣжали въ лѣсъ, такъ что наши не могли ихъ настигнуть, окольными путями съ нѣсколькими сотнями конницы прискакали вновь къ той отгороженной деревнѣ, въ которой оставался князь Дмитрій: съ ними вернулись также" Горнъ и Яковъ Делагарди. Они старались расторгнуть договоръ, заключенный между гетманомъ и „чужеземнымъ войскомъ". Особенно хлопоталъ объ этомъ и Дмитрій Шуйскій, съ этой цѣлью онъ „посылалъ къ нимъ съ неслыханными обѣщаніями, но солдаты крѣпко держались договора. Тогда князь Дмитрій и Голицынъ изъ той деревни, черезъ свой лагерь, который находился за деревней, начали стремительно убѣгать къ лѣсу". Для задержанія же погони они разложили въ своемъ лагерѣ на виду самыя драгоцѣнныя вещи: кубки, серебряныя чаши, одежду, соболей".

Часть польскихъ ротъ, а именно—Струся, Васичинскаго, Фирлея, Дунковскаго и Конецпинскаго, бросилась въ погоню за непріятелемъ и „дальше, чѣмъ на полторы мили, мчались за нимъ, громили его и устилали трупами дорогу". Но очень многіе поляки и чужеземцы, только что перешедшіе на польскую службу, бросились на богатую добычу, находящуюся въ лагерѣ. „Они получили большую прибыль: товаровъ соболями и сукнами на 20.000 рублей, фальконетовъ 11, нѣсколько десятковъ знаменъ, между которыми находилось и знамя" самого главнокомандующаго. Это былъ великолѣпный камковый штандартъ, съ вышитымъ царскимъ гербомъ. Въ руки побѣдителей достались также карета, сабля, шлемъ и булава Шуйскаго. Количество всей добычи было поистинѣ изумительно. „Когда мы шли на непріятеля — пишетъ Жолкевскій — съ нами были только орудія и карета одного пана гетмана. На обратномъ же пути у насъ телѣгъ и колясокъ было чуть ли не больше, чѣмъ насъ самихъ, ибо московскія коляски стояли запряженными: наши нагрузили ихъ добычей и увезли съ собой. Въ непроходимомъ лѣсу многія изъ нихъ увязли, такъ что всадникамъ съ трудомъ приходилось объѣзжать ихъ".

Въ этой битвѣ „на мѣстѣ побоища Москвы пало около десяти тысячъ, а во время преслѣдованія— пять: изъ чужеземцевъ погибло до тысячи двухсотъ человѣкъ. И мы тоже остались не безъ урона: убитъ нашъ Станиславъ Бонкъ-Ланцкоронскій, гусарскій ротмистръ; кромѣ челяди и эскадронныхъ лошадей, однихъ легконогихъ воиновъ больше ста. Не считая тѣхъ, которые выбѣжались", всѣхъ погибло „болѣе четырехсотъ".

Изъ знатнѣйшихъ плѣнныхъ москвичей попали въ неволю Василій Бутурлинъ и „разрядный дьякъ Яковъ Демидовъ", который какъ разъ въ это время пріѣхалъ изъ Москвы съ деньгами и товарами для чужеземнаго войска. Въ этой битвѣ погибъ и Яковъ Варятинскій, а

Андрей Голицынъ, лишь „опасно раненый", успѣлъ спастись бѣгствомъ. Бѣжалъ также „князь Димитрій: хотя за нимъ гнались немногіе, онъ бѣжалъ очень быстро; на болотѣ бросилъ коня, на которомъ ѣхалъ, снялъ обувь и босой, на жалкой крестьянской клячѣ, пріѣхалъ въ монастырь подъ Можайскъ. Тамъ же, доставъ коня и обувь", онъ еще быстрѣе бѣжалъ дальше, въ Москву. Онъ былъ такъ устрашенъ этимъ пораженіемъ, что совѣтовалъ жителямъ Можайска не помышлять о защитѣ, „а только просить у побѣдителя милости и сострадапья".

Въ тотъ же день (4-го іюля) вернулся Жолкевскій подъ Царево-Займище. Походъ былъ совершенъ такъ незамѣтно, что осажденные „совершенно ничего не знали о выходѣ и о возвращеніи пана гетмана". Только ночью польская пѣхота „извѣщеніемъ съ пащевъ" увѣдомила ихъ о происшедшей битвѣ. „Они не вѣрили этому, пока на другой день утромъ панъ гетманъ не велѣлъ показать имъ знамена и плѣнныхъ". Валуевъ повѣрилъ этому только тогда, когда увидѣлъ въ польскомъ лагерѣ и тѣхъ чужеземцевъ, которые недавно находились на московской службѣ.

Несмотря на столь критическое положеніе, гарнизонъ намѣревался защищаться дальше.

6-го іюля — читаемъ въ современномъ донесеніи — „они сдѣлали вылазку изъ городка, во время которой наши снова обнаружили такую отвагу, что, послѣ долгихъ стычекъ, ихъ съ немалымъ урономъ снова вогнали назадъ и стѣснили. Послѣ этого его благородіе панъ гетманъ послалъ туда молодого Салтыкова для переговоровъ, присоединивъ къ нему для большей важности своего племянника, его благородіе пана Адама Жолкевскаго; послали также нѣсколько лицъ изъ нашихъ заложниками. Они тоже выслали знатныхъ людей" для этихъ переговоровъ, „которые по своему обыкновенію начали высокопарно. Но когда ихъ прозопопею пере-

били пренебрежительностью, они потребовали, чтобы имъ сообщили условія, заключенныя Е. К. Величествомъ съ людьми ихъ, которые впередъ пришли изъ столицы въ его лагерь". На томъ же основаніи былъ заключенъ и съ ними договоръ, по которому гетманъ Жолкевскій торжественно произнесъ клятву, послѣ чего, „отбросивъ всякіе разговоры и увертки, они сдали городокъ, оружіе, знамена и самихъ себя на милосердіе Е. К. В - а. Итакъ, осталось московскаго войска изъ этого городка при его благородіи панѣ гетманѣ 5.000: изъ знатнѣйшихъ людей послано къ Е. В. К—ю 34 лица".

Быстро распространился слухъ о клушинской побѣдѣ, и подъ впечатлѣніемъ послѣдняго пораженія Шуйскаго все новыя крѣпости и города сдавались королю. 6-го іюля пріѣхалъ съ „челобитной" подъ Царево-Займище можайскій воевода, а въ послѣдующіе дни сдались Погорѣлое Городище, Дмитровъ, Борисовъ, Зубцовъ, Ржевъ, Осиповъ и „много другихъ крѣпостей", которыя измѣнили было, но теперь „опять стали вѣрны Е. К. В—у". Въ эти города „разослали изъ надежныхъ воеводъ изъ нашего народа", самъ же гетманъ, намѣреваясь отправиться прямо подъ столицу, немедленно двинулся къ Можайску. Кромѣ польскаго войска онъ взялъ съ собой также „около трехъ тысячъ тѣхъ чужеземныхъ солдатъ, которые перешли на сторону поляковъ подъ Клушинымъ".

16-го іюля подошелъ Жолкевскій къ Можайску. Его тамъ торжественно встрѣчали. Навстрѣчу ему вышли „попы согласно тамошнему обыкновенію—съ мощами, граждане—съ хлѣбомъ и солью". Въ теченіе двухъ недѣль онъ пребывалъ подъ этой крѣпостью; но, по собственному выраженію, „не спалъ въ дѣлахъ Е. В. Короля и Рѣчи Посполитой", а обнаружилъ усиленную дѣятельность, чтобы и столицу склонить къ сдачѣ. „Тайно пересылалъ—разсказываетъ онъ дальше въ

своемъ дневникѣ -много писемъ въ Москву съ универсалами для возбужденія отвращенія къ Шуйскому, указывая, какъ во время его царствованія все идетъ худо въ Московскомъ царствѣ, какъ черезъ него и для него постоянно проливается христіанская кровь. Эти универсалы разбрасывали по улицамъ, въ частныхъ же письмахъ онъ давалъ нѣкоторымъ особыя обѣщанія". Подобныя же посланія отправляли Иванъ Салтыковъ и Григорій Валуевъ, равно какъ и другіе бояре, сторонники Польши.

Кажется, что эти письма не остались безъ вліянія на настроеніе умовъ. „Колебалась, особенно послѣ столь недавняго ужаса, человѣческая храбрость", тѣмъ болѣе, что „опасались новой осады, которая такъ сильно надѣла всѣмъ уже во времена обманщика".

Вскорѣ враги Шуйскаго начали и въ самой столицѣ все смѣлѣе поднимать голову. Два поляка, находившіеся тамъ въ это время, разсказывали, что „по полученіи извѣстія о клушинской битвѣ" въ Москвѣ обнаружилось большое замѣшательство. Шуйскій не смѣлъ выйти изъ Кремля и „появляться публично: онъ только въ окно хотѣлъ умиротворить народъ". Но его слова не оказывали никакого дѣйствія. Чернь кричала на него:

— „Ты намъ уже не государь!"

Между тѣмъ, и Самозванецъ старался воспользоваться погромомъ въ клушинской битвѣ. 10-го іюля онъ покинулъ свой лагерь надъ Угрой, а три дня спустя, подошелъ къ Боровску. Послѣ двухдневной осады онъ взялъ штурмомъ тамошній монастырь св. Пафнутія, а затѣмъ направился прямо къ Москвѣ.

При извѣстіи о приближеніи Димитрія, царь собралъ небольшое войско и выслалъ его навстрѣчу непріятелю вмѣстѣ съ татарами, которыхъ онъ еще ранѣе призвалъ на помощь. Но вожди этой арміи уже не хотѣли сражаться въ пользу Шуйскаго. Сами они

вмѣстѣ съ московскимъ войскомъ остались въ Серпуховѣ, а отправили однихъ татаръ. „21-го іюля—пишетъ Будило - когда войско двинулось въ Боровскъ и передъ вечеромъ подошло къ Медвѣжьему броду, татары незамѣтно подкрались къ лагерю и причинили уронъ въ людяхъ, которыхъ застали по деревнямъ. Наши, выскочивъ изъ лагеря не въ строю, гарцовали съ ними до самаго вечера, пока ночь не прекратила битвы. Всю ночь войска стояли въ боевомъ порядкѣ. На другой день нашъ Сапѣга вывелъ ихъ противъ татаръ въ поле, желая застать послѣднихъ въ лагерѣ, но они встали еще раньше, боясь за свою шкуру. Они ушли прочь въ свои дома, набравъ не мало денегъ и добычи".

Въ тотъ же день Димитрій двинулся дальше, 26-го іюля подступилъ къ столицѣ и расположился лагеремъ подъ монастыремъ св. Николая „на Угрѣшѣ".

Въ Москвѣ смятеніе еще болѣе усилилось, когда съ одной стороны ей сталъ угрожать Самозванецъ, а съ другой войска Жолкевскаго. Дальнѣйшее правленіе Шуйскаго оказалось невозможнымъ, а избраніе новаго царя—неминуемымъ.

При такихъ условіяхъ для всякаго честолюбія открывалось обширное поле. Изъ знатныхъ бояръ Василій Голицынъ съ нѣкоторыхъ поръ открыто стремился къ престолу. Подобно ему и Филаретъ, ростовскій митрополитъ, тогда же выставилъ кандидатуру своего сына Михаила: но въ то время еще никто изъ нихъ не пользовался достаточной популярностью. Кромѣ того, „тушинцы" искренно или коварно будто бы утверждали, что отступятъ отъ Димитрія и изберутъ царемъ Яна Петра Сапѣгу.

Къ сожалѣнію, не можемъ сказать, какое участіе принималъ онъ самъ въ этомъ дѣлѣ, и на сколько вѣрны были ходившіе тогда слухи о честолюбивыхъ замыслахъ усвятскаго старосты. Въ пользу этого могли

бы свидѣтельствовать его личныя симпатіи и дѣятельность.

Какъ извѣстно, Сапѣги происходили изъ старой русской шляхты, поселившейся нѣкогда въ смоленскомъ воеводствѣ. До конца XVI вѣка почти весь родъ ихъ принадлежалъ къ восточной церкви: хотя самъ Янъ Петръ былъ католикомъ, онъ все же питалъ такую глубокую симпатію къ вѣроисповѣданію предковъ, что въ своемъ завѣщаніи отказалъ весьма значительное имущество церквамъ, находящимся въ его имѣніяхъ; и, кромѣ того, выразилъ желаніе, чтобы его похоронили не въ костелѣ, а въ лейпунской церкви.

Въ Москву усвятскій староста отправился, несомнѣнно, по совѣту литовскаго канцлера и дѣйствовалъ согласно тогдашней политикѣ этого рода. Поэтому онъ всегда былъ заодно какъ съ нимъ, такъ и съ Сигизмундомъ, но уже въ 1608 г. дѣйствовалъ такъ, какъ будто имѣлъ въ виду личныя политическія цѣли, предлагая свои услуги Димитрію. Такъ, напр., онъ не пропустилъ ни одного случая, когда можно было заручиться симпатіями знатныхъ московскихъ бояръ, равно какъ и вождей польскихъ войскъ. Онъ пытался дѣйствовать по возможности единодушно даже съ Рожинскимъ, тогдашнимъ главнокомандующимъ арміи Самозванца. „23-го сентября того же года—читаемъ въ дневникѣ Сапѣги - во время банкета князь Рожинскій на саблѣ поклялся, что ни въ какомъ дѣлѣ не будетъ препятствовать его благородію". А два дня спустя, оба въ знакъ „братства" помѣнялись саблями, при чемъ Рожинскій снова „обязался помогать ему во всѣхъ случаяхъ, когда понадобятся его услуги".

Въ пользу вышеприведеннаго предположенія могло бы служить поведеніе Сапѣги въ 1610 г. Онъ и тогда велъ переписку съ гетманомъ Жолкевскимъ, который однако жаловался, что усвятскій староста поступалъ съ нимъ неискренно. Такъ, напр., 20-го іюля Жолкев-

кевскій доносилъ королю: „Мнѣ кажется, что панъ Сапѣга не все сообщаетъ согласно съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей; но я о немъ, какъ о человѣкѣ такого происхожденія, не могу подумать ничего худого". А черезъ недѣлю гетманъ писалъ Сигизмунду: „Панъ Сапѣга съ этими обманщиками подступилъ къ Москвѣ. Дальнѣйшій успѣхъ раскроетъ его намѣреніе, таково ли оно, какъ онъ давалъ знать. Но, такъ какъ онъ скрывалъ отъ меня наступленіе, вижу, что онъ поступилъ иначе, чѣмъ сообщалъ въ письмѣ и увѣдомлялъ меня черезъ Грызыца, слугу его благородія пана канцлера, увѣряя, что не собирается такъ близко подступать къ Москвѣ".

Также велъ себя Сапѣга въ послѣдующіе мѣсяцы, и главнымъ образомъ по этому поводу „тогда раздавались голоса — какъ выражается Маскевичъ — что самъ панъ Сапѣга хотѣлъ быть царемъ".

Но каковы бы ни были намѣренія усвятскаго староста, ему вскорѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что, при тогдашнихъ условіяхъ, ни онъ, ни Голицынъ не могли бы успѣшно конкурировать. Хотя въ Москвѣ уже почти никто не желалъ дальнѣйшаго правленія Шуйскаго, но тогда еще наболѣе сильной была партія, имѣвшая совершенно иныя цѣли и агитировавшая въ пользу другого кандидата.

Когда Димитрій подступилъ къ столицѣ, „тушинцы" тайно сговорились съ врагами Василія Шуйскаго: обѣ стороны рѣшили свергнуть съ престола Шуйскаго, отступить отъ Самозванца, а затѣмъ по соглашенію избрать новаго царя. Жители Москвы, дѣйствительно, рѣшили немедленно осуществить это свое намѣреніе.

Василій, находясь въ безвыходномъ положеніи, желалъ начать переговоры съ Жолкевскимъ. Онъ, „который раньше — пишетъ тотъ же авторъ въ своихъ мемуарахъ — не хотѣлъ подпустить къ себѣ даже гонца Е. К. В—а, сталъ думать о томъ, какъ бы отправить

своего гонца къ пану гетману. Призвавъ къ себѣ Слонскаго (одного изъ нашихъ, который тамъ былъ въ тюрьмѣ), онъ сталъ спрашивать его, не согласится ли тотъ быть посломъ къ пану гетману. Когда же Слонскій предложилъ ему свои услуги, онъ спрашивалъ у него, не лучше ли еще подождать, чтобы панъ гетманъ первый послалъ къ нему, и такимъ образомъ отсрочилъ посольство. А 27-го іюля пришли къ нему большой толпой дворяне, которыхъ тамъ было нѣсколько тысячъ". Выступилъ первымъ нѣкій Захарій Ляпуновъ, который суровo сказалъ ему:

— Долго ли изъ-за тебя будетъ проливаться христіанская кровь? Земля опустѣла, въ царствѣ ничего хорошаго не совершается при твоемъ правленіи. Сжалься надъ нашимъ упадкомъ, положи посохъ (т. е. скипетръ), мы хотимъ иначе порадѣть о себѣ!

Тяжело было слышать эти слова Шуйскому. Онъ сталъ позорно ругать Ляпунова по-матерному:

— „Ты смѣлъ говорить мнѣ это? Бояре не говорятъ мнѣ этого!"—и бросился на него съ ножемъ, который Москва всегда носитъ при себѣ. Ляпуновъ былъ человѣкъ красивый, досужій и храбрый. Онъ крикнулъ на него:

— Не замахивайся на меня! Если я возьмусь за тебя,—раздавлю!

„Тутъ заговорили другіе дворяне; нѣкій Хомутовъ и Иванъ Никитинъ Салтыковъ подняли крикъ, и съ единодушнымъ возгласомъ: „пойдемъ, пойдемъ!" всѣ вышли изъ комнаты прямо на Лобное мѣсто. Это „Лобное мѣсто" находится на площади „въ Китай-городѣ, между лавками, очень красиво выстроенными Борисомъ, и между стѣнами Крымъ-города. Оттуда обыкновенно обращался государь къ народу, когда была необходимость. Придя туда, дворяне послали за патріархомъ и думными боярами. А такъ какъ при многолюдствѣ всѣ не могли помѣститься на площади,

тѣ же вожди, т. е. Ляпуновъ, Хомутовъ, Салтыковъ, крикнули, чтобы итти въ поле за городъ. Выйдя за ворота (Арбатскія), они тамъ отмѣнили царствованіе Шуйскаго и послали къ нему, чтобы онъ удалился въ свой наслѣдственный дворъ, что онъ и сдѣлалъ. Тотчасъ же приставили стражу къ нему и къ его братьямъ—Димитрію и Ивану, а ихъ сундуки и покои опечатали".

На собраніи Захарій Ляпуновъ старался провести избраніе Василія Голицына, но этому плану помѣшала зависть другихъ бояръ. Самый знатный изъ нихъ Ѳеодоръ Мстиславскій, „лучшій въ это время человѣкъ въ Москвѣ, добрый и добродѣтельный, всенародно заявилъ, что онъ никого изъ своей братьи не желаетъ видѣть государемъ". Противъ кандидата Ляпунова выступили также другіе „бояре, кравчіе, стольники и дворяне". Благодаря ихъ стараніямъ, всѣ присутствующіе, даже самъ Василій Голицынъ, должны были обязаться присягой, что не выберутъ въ цари ни одного изъ московскихъ бояръ.

На другой день подъ Даниловымъ монастыремъ опять съѣхались бояре съ „тушинцами". На этомъ собраніи враги Димитрія заявили послѣднимъ:

— „Мы уже свергли своего царя! Свергните и вы своего!"

Но „тушинцы" вовсе и не думали сдерживать свое обѣщаніе.

Узнавъ объ этомъ, московскій патріархъ Гермогенъ сталъ прилагать всѣ старанія, чтобы вернуть утраченную власть Василію, который и самъ тоже не оставался бездѣятельнымъ.

„Шуйскій—продолжаетъ Жолкевскій—уже пріѣхавъ къ себѣ на дворъ, хотя и находился подъ стражей, все же велъ переговоры съ сочувствующими ему людьми. Съ ихъ помощью" онъ хотѣлъ деньгами подкупить стрѣльцовъ,—а тогда многое зависѣло отъ нихъ, ибо

ихъ было до восьми тысячъ,—чтобы укрѣпиться противъ враждебной партіи. Какъ только объ этомъ узнали бояре (29-го іюля), они прислали къ нему того же Ляпунова.

„Тотъ привезъ съ собой черпеца изъ Чудова монастыря и крытыя сани, ибо по городу женщины, особенно знатныя, и лѣтомъ ѣздятъ въ саняхъ. Когда черпецъ спрашивалъ Шуйскаго, желаетъ ли тотъ быть монахомъ, Шуйскій отвѣчалъ, что у него нѣтъ никакого желанія. Но это ему не удалось, ибо Ляпуновъ съ нѣкоторыми другими крѣпко держали его, а тому черпецу велѣли постричь Шуйскаго. Посадивъ на сани, они отвезли его въ монастырь и тамъ содержали подъ стражей".

Послѣ сверженія Шуйскаго смута въ Москвѣ достигла крайней степени.

—

XIV.

Колкевскій подступаетъ къ столицѣ.—Положеніе Боярской Думы въ Москвѣ.—Ея переговоры съ гетманомъ.—Договоръ отъ 27-го августа.—Переговоры Колкевскаго съ Сапѣгой.—Бѣгство Димитрія.

Послѣ сверженія Шуйскаго Москва стала управляться Боярской Думой во главѣ съ Ѳеодоромъ Мстиславскимъ.

Однимъ изъ первыхъ ея дѣйствій было опубликованіе воззванія, въ которомъ она извѣщала народъ о томъ, что „Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ, по просьбѣ всѣхъ своихъ подданныхъ, отрекся отъ престола и вступилъ въ монастырь". Въ этомъ обращеніи она призывала всѣхъ къ единодушію и къ защитѣ православной вѣры, а въ заключеніе требовала, чтобы изъ всѣхъ городовъ прислали въ столицу представителей на земскій соборъ, который немедленно долженъ былъ приступить къ избранію новаго царя.

Колкевскій уже 30-го іюня получилъ точное извѣстіе о сверженіи Шуйскаго съ престола. Онъ рѣшилъ

немедленно подступить къ Москвѣ. Когда бояре на его письмо съ предложеніемъ помощи противъ Димитрія отвѣтили, „что они въ помощи не нуждаются, и чтобы онъ къ столицѣ не приближался", гетманъ, не обращая на это никакого вниманія, 3-го августа подошелъ къ Москвѣ. „Въ тотъ же день разсказываетъ онъ въ своемъ дневникѣ — прислали двухъ сыновъ боярскихъ съ вопросомъ, пришелъ ли онъ въ качествѣ друга или недруга? Нашъ гетманъ отвѣтилъ такъ, какъ написалъ въ письмѣ, что онъ и не думаетъ поступать враждебно; напротивъ, если они признаютъ своимъ государемъ королевича Владислава, какъ нѣкоторые ранѣе согласились, то онъ хочетъ спасти ихъ отъ обманщика. Угостивъ и одаривъ боярскихъ сыновъ, онъ отпустилъ ихъ".

Несмотря на эти мирныя увѣренія, Боярская Дума находилась въ весьма затруднительномъ положеніи. По отвѣту гетмана не трудно было догадаться, что онъ только въ томъ случаѣ не будетъ враждебно настроенъ, если Москва „признаетъ королевича государемъ". При такихъ условіяхъ, угрожаемые съ двухъ сторонъ, бояре должны были войти въ непосредственное соглашеніе либо съ Жолкевскимъ, либо съ Самозванцемъ. Относительно выбора того или другого они не могли колебаться, какъ въ виду могущихъ послѣдовать политическихъ выгодъ, такъ и собственныхъ общественныхъ интересовъ.

Тогдашняя Боярская Дума состояла преимущественно изъ потомковъ старыхъ княжескихъ родовъ, главнымъ стремленіемъ которыхъ было сохраненіе своего вліятельнаго положенія въ московскомъ обществѣ. Сохраненія этихъ правъ она съ несравненно большими шансами могла ждать отъ шляхетской Рѣчи Посполитой, нежели отъ Димитрія, котораго поддерживали преимущественно казаки, низшіе слои московскаго боярства и даже многочисленные сторонники въ средѣ столич-

ной черни. Кажется, что въ виду этихъ условій, Мстиславскій еще до прибытія Жолкевскаго подъ Москву рѣшилъ войти съ нимъ въ непосредственное соглашеніе, а тѣмъ временемъ удержать Самозванца отъ дальнѣйшихъ непріятельскихъ дѣйствій надеждой на вступленіе съ нимъ въ переговоры. Вотъ, что читаемъ въ дневникѣ Сапѣги: „27-го іюля послалъ царь свое письмо въ столицу, чтобы они сами ужаснулись надъ такимъ кровопролитіемъ и чтобы подчинились Его Царскому В—у. Къ вечеру царь и его благородіе панъ гетманъ (т. е. Сапѣга) подъѣзжали подъ столицу, куда вышли изъ крѣпости два думныхъ боярина -Масальскій и Салтыковъ, которые сказали сами, что у Шуйскаго уже отняли скипетръ, и что бояре, весь міръ и служивые люди поручили имъ радѣть о благѣ ихъ и всего государства. Когда паши подъѣзжали къ самымъ воротамъ, Москва обращалась съ ними ласково, стрѣлять не велѣли, съ нашими здоровались и пригласили вечеромъ къ себѣ, обѣщая на другой день приступить къ переговорамъ".

На другой день къ этимъ переговорамъ не приступали. Когда черезъ два дня прибылъ въ Москву панъ Лазовскій, посланный отъ войска съ письмомъ того же содержанія, бояре заявили, что готовы начать переговоры. „Они отговорились только тѣмъ, что въ этотъ день у нихъ праздникъ св. Иліи; поэтому они отложили эти переговоры до завтрашняго дня, говоря, чтобы посолъ снова пріѣхалъ, ибо среди нихъ не мало пьяныхъ, такъ что въ этотъ день они ничего не могли бы обсудить".

Такимъ же образомъ въ теченіе еще двухъ послѣдующихъ дней бояре отдѣлывались отъ Лазовскаго; наконецъ, 2-го августа, когда онъ снова „поѣхалъ подъ Москву за отвѣтомъ, ему вручили листъ, на которомъ было написано, что пора уже перестать воровать въ ихъ землѣ, и чтобы мы отправлялись въ Литву".

Получивъ такой отвѣтъ, Димитрій рѣшилъ вступить въ переговоры съ Сигизмундомъ и на другой же день отправилъ торжественное посольство подъ Смоленскъ. Эту миссію взяло на себя нѣсколько поляковъ; во главѣ же посольства стояли Янъ Казимерскій и Матвѣй Яниковскій.

Послы прибыли въ королевскій лагерь 14-го августа, а нѣсколько спустя, передали свою легацію. Вмѣстѣ съ тѣмъ они „представили письменно условія", подъ которыми Самозванецъ предлагалъ королю заключеніе тѣснаго союза.

Въ указанномъ документѣ Димитрій заявилъ, что, взамѣнъ за помощь короля, онъ обязуется: въ теченіе десяти лѣтъ „ежегодно уплачивать въ казну Рѣчи Посполитой 300.000 злотыхъ": королевичу платить ежегодно по 100.000 злотыхъ, „всю Лифляндскую землю на собственный счетъ присоединить къ королевству", наконецъ, какъ для завоеванія шведскаго королевства, такъ и противъ каждаго врага Польши помочь своими войсками.

Но посольство встрѣтило наихудшій пріемъ. Король очень неохотно далъ ему аудіенцію, а за отвѣтомъ послалъ къ брацлавскому воеводѣ. Потоцкій же разбранилъ ихъ за то, что они дерзаютъ являться послами отъ обманщика, и совѣтовалъ имъ порвать съ нимъ, предложивъ свои услуги королю и родинѣ.

Между тѣмъ, подъ Москвой велись весьма важные переговоры.

Уже 4-го августа бояре вошли въ соглашеніе съ Жолкевскимъ, что на другой день представители той и другой стороны соберутся на „большой дорогѣ" подъ Дѣвичьимъ монастыремъ. Дѣйствительно, 5-го числа того же мѣсяца прибыли „въ назначенное мѣсто" князь Иванъ Троекуровъ вмѣстѣ съ тремя товарищами, а со стороны польской—Александръ Балабанъ и Станиславъ Домарадскій, львовскій подстольничій.

Представители гетмана были очень удачно выбраны, ибо оба, „какъ люди греческой вѣры, тѣмъ пріятнѣе были для Москвы“: но все же тогдашніе переговоры оказались совершенно безуспѣшными, ибо посланные Мстиславскаго требовали, чтобы королевичъ, ставъ царемъ, перешелъ въ лоно восточной церкви, на что, конечно, поляки никакъ не могли согласиться. Такимъ образомъ, на этомъ съѣздѣ не произошло никакого соглашенія. Рѣшено было только, что по этому вопросу самъ гетманъ Жолкевскій долженъ былъ столковаться съ боярами.

Однако были доказательства и того, что жители столицы дѣйствительно желали избранія Владислава. „Во время этихъ переговоровъ — читаемъ въ одномъ изъ современныхъ дневниковъ — выѣхало нѣсколько сотъ бояръ (изъ города); но они стояли въ сторонѣ, а послѣ переговоровъ подъѣхали къ нашимъ, привѣтствовали, поздравляли ихъ и, вѣроятно, говорили, что къ нимъ вернутся золотые годы, когда ихъ государемъ будетъ Е. В. Королевичъ“.

Недѣлю спустя, 12-го августа въ томъ же мѣстѣ самъ гетманъ встрѣтился съ боярами. „Потомъ назначили—продолжаетъ Жолкевскій въ своихъ мемуарахъ—думные бояре день для переговоровъ съ паномъ гетманомъ. Разбили московскую палатку противъ Дѣвичьяго монастыря. Когда выданы были съ обѣихъ сторонъ заклады, пріѣхали въ равномъ количествѣ. Сперва, сидя верхомъ, поклонились другу другу, потомъ слѣзли съ коней и поздоровались. Съ паномъ гетманомъ были нѣкоторые полковники и ротмистры. Изъ столицы пріѣхали: самъ князь Ѳеодоръ Мстиславскій, Василій Голицынъ, Ѳеодоръ Шереметевъ, Даніилъ Мезецкій и два думныхъ дьяка — Василій Телепневъ и Томило Луговскій. Они получили ото всѣхъ сословій полномочіе къ заключенію договоровъ. Собравшись на засѣданіе въ той палаткѣ, они заявили отъ имени всего

государства, что желаютъ на царство королевича Владислава, но хотятъ, чтобы панъ гетманъ присягой обезпечилъ", что королевичъ, сдѣлавшись царемъ, будетъ свято соблюдать „нѣкоторые параграфы. Послѣднихъ былъ цѣлый свитокъ, такъ какъ они рукописи свертываютъ въ трубочку: читалъ это Василій Телепневъ".

Жолкевскій, слушая эти „параграфы", очутился въ весьма неловкомъ положеніи.

Онъ уже давно ждалъ этихъ переговоровъ и потому-то „тотчасъ послѣ клушинской битвы", а затѣмъ въ письмѣ отъ 20-го іюля, усиленно просилъ короля, чтобы тотъ прислалъ ему на этотъ случай подробную инструкцію.

Но Сигизмундъ, по обыкновенію медлительный и небрежный, и на сей разъ не удовлетворилъ столь справедливое требованіе. Положеніе гетмана было тѣмъ затруднительнѣе, „что дѣла были спѣшныя, потерпѣнія отлагательствъ, ибо Москвѣ нельзя было иначе, какъ только немедленно рѣшиться на что-либо. Поэтому онъ особенно боялся, чтобы дѣло какъ-нибудь не затянулось и не встрѣтило затрудненій, имѣя главнымъ образомъ въ виду то обстоятельство, что кончить это дѣло войной нельзя было по недостатку средствъ. Итакъ, хотя у него не было никакихъ инструкцій отъ Е. В. Короля, ему пришлось заявить, что, согласно тѣмъ параграфамъ, которые Салтыковымъ и другими боярами подъ Смоленскомъ были поданы королю, и по договору, заключенному относительно ихъ съ сенаторами, онъ желаетъ войти съ ними въ соглашеніе и подтвердить крестнымъ цѣлованіемъ. Что касается остальныхъ параграфовъ, то, такъ какъ ни Салтыковъ, ни кто-либо другой не упоминали о нихъ, и никакой инструкціи относительно ихъ ему не дано, онъ не можетъ принять ихъ: пусть они лучше черезъ своихъ пословъ договариваются объ этомъ съ Е. В. Королемъ.

А въ свитѣ этомъ говорилось и о томъ, чтобы королевичъ перекрестился въ русскую вѣру, и было не мало другихъ абсурдовъ".

Однако требованія эти, которыя гетманъ столь безапелляціонно назвалъ безсмысленными, въ сущности имѣли немаловажное значеніе, ибо бояре кромѣ того требовали, чтобы Владиславъ женился на православной; чтобы, ставъ царемъ, онъ не поддерживалъ никакихъ сношеній съ папой; наконецъ, чтобы онъ смертью каралъ каждаго изъ своихъ подданныхъ, который изъ православія перешелъ бы въ латинскую вѣру. Они требовали также, чтобы, по прибытіи въ Москву, онъ не допускалъ къ себѣ поляковъ, и чтобы его свита состояла не болѣе, какъ изъ трехсотъ человѣкъ.

Но „на первомъ засѣданіи" недолго толковали объ этомъ, ибо какъ разъ въ это время Самозванецъ со своимъ войскомъ снова подступилъ къ Москвѣ.

Убѣдившись, что столица не сдается ему добровольно, Димитрій жегъ сосѣднія деревни и вообще насильно принуждалъ ихъ къ покорности ему. „Тамъ происходило сраженіе—пишетъ Жолкевскій—то и дѣло прибѣгали къ князю Мстиславскому, давая знать о томъ, что дѣлается. И бояре рвались въ бой, чтобы дать помощь и совѣтъ своимъ, а панъ гетманъ былъ доволенъ тѣмъ, что дѣло оттягивалось, оставляя ему время для размышленій и надежду, что между тѣмъ придетъ информація отъ Е. В. Короля. Поэтому онъ оттягивалъ, на сколько могъ".

„Наконецъ, когда бояре и чернь сильно настаивали, солдаты же выражали различныя мнѣнія, отказываясь служить безъ денегъ, послѣ частыхъ совѣщаній", подъ давленіемъ обстоятельствъ, требовавшихъ все большей поспѣшности, наконецъ, объ стороны согласились подписать договоръ, главной основой котораго были условія, заключенныя въ февралѣ того же года подъ Смо-

ленскомъ. Одновременно съ этимъ была также составлена инструкція для московскаго посольства, которое должно было отправиться къ Сигизмунду. Въ этомъ документѣ были включены почти всѣ тѣ параграфы, на которые Жолкевскій не могъ согласиться, и которые не были помѣщены ни въ этомъ, ни въ предшествовавшемъ договорахъ. 27-го августа договоръ этотъ былъ скрѣпленъ присягой обѣихъ сторонъ. Это совершилось весьма торжественно.

„На разстояніи полуверсты отъ лагеря къ столицѣ“ разбили двѣ великолѣпныя палатки. Въ каждой изъ нихъ воздвигли алтарь, на которомъ, кромѣ креста, поставили также богато убранныя иконы. Палатки были окружены безчисленными толпами народа. Здѣсь принесли присягу сперва московскіе бояре, которыхъ „было до десяти тысячъ, на подданство королевичу Владиславу“: затѣмъ этотъ договоръ скрѣплялъ присягой Жолкевскій, а за нимъ „полковники, ротмистры и иныя знатнѣйшія особы изъ польскаго войска.

Почти во всемъ Московскомъ Государствѣ принесли тогда же присягу Владиславу. „Въ столицу—пишетъ Маскевичъ—для принятія присяги отъ бояръ и черни, Москва назначила нѣсколькихъ изъ своей среды, а нашъ гетманъ нѣсколькихъ солдатъ изъ войска. Цѣлыхъ семь недѣль длилась эта присяга, всякій день, кромѣ воскресеній и торжественныхъ праздниковъ: такъ что иногда въ одинъ день присягало отъ десяти до двѣнадцати тысячъ. Въ самой столицѣ принесло присягу болѣе ста тысячъ. Во всѣ крѣпости и провинціи, подчиненныя Московскому Государству, разослали бояръ принимать присягу на имя королевича. И такъ за четверть года принесла присягу вся московская земля, кромѣ Смоленска, Великаго Новгорода, Пскова и нѣсколькихъ сосѣднихъ крѣпостей“.

Черезъ два дня послѣ скрѣпленія договора дождался, наконецъ, Жолкевскій инструкціи по этому

дѣлу отъ Сигизмунда. „29-го августа продолжаетъ онъ въ своихъ мемуарахъ — пріѣхалъ изъ Смоленска москвичъ, нѣкій Ѳеодоръ Андроновъ, который привезъ письмо отъ Е. В. Короля, заключавшее въ себѣ условіе, чтобы панъ гетманъ не на царствованіе королевича, а на имя самого Е. В. Короля принималъ присягу. Дней черезъ десять пріѣхалъ панъ староста велицкій (Александръ Гонсевскій) съ письмомъ и инструкціей отъ Е. В. Короля, заключавшей въ себѣ то же самое. Но такъ какъ все уже было кончено, панъ гетманъ не хотѣлъ оглашать этого (и самъ панъ староста велицкій не совѣтовалъ), чтобы Москва, для которой ненавистно было самое имя Е. В. Короля, не примкнула къ обманщику или къ кому-либо другому".

Между тѣмъ, въ доказательство примиренія обоихъ народовъ, какъ въ польскомъ лагерѣ, такъ и въ Москвѣ, устраивались великолѣпные пиры. „29-го августа — разсказываетъ Маскевичъ — — пригласилъ панъ гетманъ къ себѣ на пиръ всѣхъ именитѣйшихъ бояръ изъ столицы и знатно ихъ угощалъ, при чемъ одарилъ каждаго изъ нихъ". Онъ давалъ „коней, збруи, начаши, сабли, кубки, чаши, лейки съ тазами, такъ что роздалъ не только свое собственное имущество, но и имущество ротмистровъ и воиновъ-дворянъ, и самаго малаго изъ москвичей не отпустилъ неодаренными. Ну, и стоило же ему это!"

Нѣсколько дней спустя, 2-го сентября „Москва пригласила въ свою очередь пана гетмана" на пиръ. Самый знатный изъ нихъ „князь Мстиславскій устраивалъ этотъ пиръ. Былъ тамъ и я — прибавляетъ Маскевичъ — съ паномъ гетманомъ: тамъ же угощали насъ въ трехъ комнатахъ. Яства были приготовлены по-московски, изъ нихъ ни одно не пришлось мнѣ по вкусу, кромѣ печеній, которыя они пѣкутъ вродѣ французскихъ и другихъ: подавали различные меды, подливая

въ нихъ постоянно другіе сорта, чтобы показать, что этого въ царствѣ много".

„Наши убѣдительно просили, чтобы давали что-нибудь одно, не мѣшая, потому что хотѣли вдоволь напиться, но не могли ихъ убѣдить. Затѣмъ Мстиславскій подарилъ пану гетману сорокъ полученныхъ соболей, а ротмистрамъ только по парѣ и какъ бы съ пренебреженіемъ: они принимали, чтобы Москва не обижалась. Изъ охоты князь далъ пану гетману кречета и пса на медвѣдей, сначала самъ испытавъ его въ травлѣ на дворѣ. Затѣмъ мы уѣхали въ лагерь".

Въ договорѣ отъ 27-го августа Жолкевскій обязался „отстранить отъ Димитрія пана Сапѣгу", а также „войско польскихъ и литовскихъ людей, которые состояли при немъ", что онъ и старался немедленно привести въ исполненіе.

На другой день послѣ скрѣпленія этого договора Жолкевскій прислалъ въ станъ Самозванца двухъ ротмистровъ Е. В. Короля, пана Олизара и пана Малицкаго". Черезъ два дня эти послы „на генеральномъ собраніи воинства" передали порученную имъ легацію. Въ своихъ рѣчахъ они призывали поляковъ, находящихся на службѣ у Димитрія, отойти отъ столицы и болѣе не затруднять дѣла Е. В. Короля и Рѣчи Посполитой". Кромѣ того, гетманъ поручилъ имъ, чтобы они либо по доброй волѣ привели обманщика къ „единодушію съ Е. В. Королемъ", либо выдали его, либо, по крайней мѣрѣ, отступили отъ него.

Относительно отвѣта на это посольство Сапѣга въ теченіе двухъ послѣдующихъ дней совѣтовался „съ панами полковниками, ротмистрами и поручиками". Наконецъ, 1-го сентября составили „отвѣтъ" на легацію Жолкевскаго. Въ этомъ документѣ сторонники Самозванца, выражая радость по поводу того, „что столица покорилась Е. В. Королевичу", заявляли, что, „памятуя славу народа своего", не хотятъ ни отступать отъ

царя и царицы, ни заключать безъ его воли какой-либо договоръ. Въ заключеніе они прибавили, что и не думаютъ отступать отъ столицы.

Несмотря на столь дерзкій отвѣтъ, въ польскомъ войскѣ Димитрія колебались два противоположныхъ мнѣнія. 4-го сентября, какъ на частномъ совѣщаніи у его благородія пана гетмана (т. е. Сапѣги), такъ и на полковыхъ совѣщаніяхъ, обсуждали: „склонять ли царя къ единодушію съ Е. В. Королемъ, или же, оставшись при немъ и имѣя въ виду болѣе обширные замыслы, даже сражаться противъ братьевъ, рискуя своей славой, жизнью и всѣмъ имуществомъ".

На другой день 5 сентября на генеральномъ собраніи должны были притти къ окончательному рѣшенію по этому вопросу. Но именно въ этотъ день произошли событія, которыя сообщили совершенно новый оборотъ положенію Самозванца. Жолкевскій, видя, что его „основательные упреки и убѣжденія" не сопровождались ожидаемымъ успѣхомъ, „вошелъ въ соглашеніе съ думными боярами и, поставивъ стражи у переправъ и въ иныхъ мѣстахъ", чтобы сторонники Димитрія не узнали о его приготовленіяхъ, вышелъ въ ночь съ 4 на 5 сентября и „на разсвѣтѣ всталъ у ихъ лагеря съ выстроеннымъ войскомъ". Подобно ему, „и бояре вывели въ поле до пятнадцати тысячъ войска, укрѣпивъ Москву по мѣрѣ необходимости, какъ имъ совѣтовалъ панъ гетманъ, зная, что тамъ было много людей", сочувствовавшихъ обманщику.

При извѣстіи о приближеніи королевской арміи вышелъ и Сапѣга, построивъ свое войско. Московскіе бояре хотѣли тотчасъ же ударить на него, но Жолкевскій не допустилъ этого, такъ какъ онъ не намѣревался давать сраженіе, а только „страхомъ склонить всѣхъ къ благоразумному образу дѣйствій".

Изъ лагеря Самозванца „прискакалъ Побѣдинскій имѣетъ съ пятью ротмистрами" и „почтительнѣйше

просилъ гетмана, чтобы онъ не приказывалъ войску наступать". Жолкевскій тѣмъ охотнѣе согласился на это, что еще до прибытія пословъ отправилъ „письмецо" къ Сапѣгѣ, въ которомъ заявилъ, что, хотя его и „возмутили ихъ неосторожные отвѣты", все же онъ „не жаждетъ ихъ крови" и только для того прибылъ сюда съ войскомъ, „чтобы совѣщаться съ ними лично, а не черезъ пословъ". Въ заключеніе онъ приглашалъ Сапѣгу „вмѣстѣ со знатнѣйшими пріѣхать къ нему для разговора".

Удовлетворяя это желаніе, усвятскій староста, дѣйствительно, пріѣхалъ къ нему съ нѣсколькими депутатами отъ всего войска. Жолкевскій выѣхалъ къ нему навстрѣчу: когда они съѣхались, „привѣтствовавъ другъ друга, сидя верхомъ, стали переговариваться".

Во время этого разговора оба излагали свои „претензіи" и требованія; между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ солдаты начали подъѣзжать, перестрѣливаться и гарцовать". Видя это, Сапѣга сказалъ: „Я не могу ничего обсуждать, пока вы не велите отступить своему войску, а я своему".

„Панъ Жолкевскій тотчасъ же послалъ сказать, чтобы тѣ отъѣхали, тоже сдѣлалъ и панъ Сапѣга"; послѣ этого „они вдвоемъ долго говорили другъ съ другомъ; потомъ къ нимъ подъѣхалъ панъ предсѣдатель, панъ Гонсевскій и много другихъ полковниковъ".

„Они—писалъ Жолкевскій въ современномъ письмѣ къ Сигизмунду — настаивали главнымъ образомъ на двухъ вещахъ: во-первыхъ, чтобы они не были лишены своихъ заслугъ; а во-вторыхъ, чтобы ихъ повелитель, ради котораго они такъ много сдѣлали и которому обѣщали своей конфедераціей, что не оставятъ его, былъ удовлетворенъ отъ В. К. В—а какимъ-нибудь значительнымъ надѣломъ. Много было рѣчей относительно ихъ заслугъ. Я объявилъ, что буду покорнѣйше просить, чтобы В. К. В—о изволили приравнять ихъ

заслуги къ заслугамъ воинства вашего полка пана Зборовскаго; а что касается ихъ повелителя, то я обѣщалъ также, что, если онъ покорится, покорнѣйше буду просить В. К. В—о оказать ему свое благоволеніе и надѣлить его Самборомъ или Гродномъ. Они удовлетворились этимъ моимъ заявленіемъ и поручились мнѣ, если ихъ повелитель не захочетъ довольствоваться обѣщаннымъ, они покинутъ его".

Послѣ столь удачнаго окончанія этихъ переговоровъ Жолкевскій и Сапѣга разъѣхались, „учтиво простившись и обнявшись".

„Въ тотъ же день—читаемъ дальше въ дневникѣ увятскаго старосты—прислалъ панъ Жолкевскій бумагу, въ которой онъ обязуется, что, когда Е. Ц. В—о склонится на сторону Е. К. В—а и не будетъ препятствовать его дѣйствіямъ, король дастъ ему Самборъ или Гродно и на будущемъ сеймѣ выхлопочетъ для этого согласіе всѣхъ сословій".

6-го сентября въ станъ Самозванца собрался генеральный совѣтъ, въ которомъ „всѣ одобрили" договоръ, заключенный между Сапѣгой и Жолкевскимъ.

Димитрій жилъ тогда „у жены" своей, въ монастырѣ св. Николы „на Угрѣшѣ" на разстояніи двухъ миль отъ лагеря. Немедленно отправили къ нему „пана Быховца и пана Побѣдинскаго". Эти послы старались убѣдить его въ слѣдующемъ: такъ какъ ему нельзя надѣяться на то, чтобы „возсѣсть на престолъ", ему слѣдуетъ „вступить въ переговоры съ Е. В. Королемъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, „они отъ имени всего войска обѣщали ему, что онъ будетъ удовлетворенъ; а именно, что по ручательству пана коронаго гетмана, король обѣщаетъ отдать ему Гродно или Самборъ, согласно его выбору".

Но всѣ ихъ усилія были совершенно безплодны. Послѣ свержения Шуйскаго Димитрій льстилъ себя надеждой, что въ концѣ концовъ ему все же удастся

овладѣть Москвой. Ему не только искренно сочувствовала столичная черь, но и снова подчинились нѣкоторые крѣпости и города. Еще въ іюлѣ „прислали съ поклономъ къ Е. Ц. В—у“ Медынь, Серпуховъ, Каширa и Коломна. Въ августѣ подчинились ему Суздаль, Владиміръ, Ростовъ, Галичъ и Юрьевъ-Польскій. 7-го числа того же мѣсяца перешелъ также на его сторону Зарудскій, храбрый вождь донскихъ казаковъ. Все это какъ бы предвѣщало новую перемѣну въ текущихъ событіяхъ: и, несомнѣнно, что въ виду этого, отвѣчая на представленія пословъ Сапѣги, Самозванецъ надменно возразилъ, что „ни къ какимъ переговорамъ онъ не желаетъ и не намѣренъ приступать“, а въ заключеніе прибавилъ:

— „Я предпочитаю служить у крестьянина и такимъ образомъ зарабатывать кусокъ хлѣба, нежели принимать что-либо отъ Е. В. Короля“.

Еще недружелюбнѣе приняла этихъ пословъ Марина, которая будто бы сказала даже:

— „Пусть Е. В. Король отдастъ царю Краковъ, тогда царь отдастъ Е. В. Королю Варшаву“.

Жолкевскій, узнавъ объ этомъ, рѣшилъ „обогнать этого негодяя, чтобы изловить его въ монастырѣ“, и съ этой цѣлью тотчасъ же вошелъ въ соглашеніе съ боярами. „Я двинулся—пишетъ онъ въ письмѣ къ королю—въ часъ ночи. Я шелъ черезъ деревянный городъ и каменныя крѣпости со всѣмъ войскомъ, съ чужеземцами, и казаками къ Николаевской дорогѣ. Бояре уже ожидали меня тамъ. Когда войско В. К. В—а пришло первымъ, а я съ боярами совѣщался относительно порядка и системы штурма этого монастыря, прискакалъ нѣкій Пускинъ, который дезертировалъ отъ обманщика, увѣдомляя насъ, что тотъ верхомъ бѣжалъ съ нѣсколькими сотнями человѣкъ вмѣстѣ со своей супругой и съ ея женщинами. Желая провѣрить полученное сообщеніе, я остановилъ войско, а самъ

поспѣшилъ къ папу Сапѣгѣ, который также выѣхалъ ко мнѣ изъ своего лагеря. Онъ подтвердилъ это извѣстіе, ибо узналъ о побѣгѣ отъ пана Валевскаго, который былъ очевидцемъ, когда обманщикъ отправился въ путь".

Какъ прежде, такъ и теперь, Димитрія сильно безпокоили всякіе переговоры съ польскимъ войскомъ, находящимся у него на службѣ. Потому-то уже съ 28-го августа, какъ только прибыли посолы гетмана, онъ сталъ дѣлать тайныя приготовленія къ бѣгству. Но ему не удалось скрыть ихъ, и на другой день „было большое смятеніе въ его лагерѣ", ибо нѣкоторые изъ бояръ, а „также татары начали убѣгать". Однако тогда Сапѣгѣ удалось успокоить его и остановить. Когда же 6-го сентября нѣкій „измѣнникъ москвичъ" предостерегъ его относительно грозящей ему опасности, то Самозванецъ рѣшилъ немедленно привести въ исполненіе свое намѣреніе. Съ нимъ вмѣстѣ, кромѣ Марины и ея свиты, бѣжалъ также Зарудскій съ отрядомъ въ 500 донскихъ казаковъ.

„Я задумалъ было — продолжаетъ Жолкевскій — послать за нимъ погоню, но зналъ, что это напрасно, ибо онъ, несомнѣнно, находился уже на разстояніи десятка миль отъ насъ, а мы отъ этой экспедиціи не пріобрѣли бы ничего, напрасно утомивъ лишь себя и своихъ лошадей въ теченіе ночи".

Димитрій черезъ Серпуховъ бѣжалъ въ Калугу.

Бѣгство изъ-подъ Москвы сопровождалось весьма невыгодными для него послѣдствіями. За нимъ послѣдовали одни казаки и нѣкоторые изъ менѣе знатныхъ бояръ, „прочіе остались въ лагерѣ при нашихъ". Ихъ было „до двухъ съ половиною тысячъ; они крестъ цѣловали на имя Е. В. Королевича". Кромѣ того, поляки почти совершенно покинули Димитрія да и изъ тѣхъ городовъ, которые недавно присылали „съ челобитной" къ Самозванцу, всѣ почти подчинились Владиславу.

Съ тѣхъ поръ его вліяніе и значеніе все больше и больше падали. И хотя онъ впослѣдствіи и принималъ всѣ усилія къ тому, чтобы „возсѣсть на престолъ“, но звѣзда его удачъ уже быстро склонялась къ закату.

—

XV.

Московскіе бояре высылаютъ посольство къ Сигизмунду.—Роль Василія Голицына.—Переговоры подъ Смоленскомъ.—Неудовольствіе въ столицѣ.—Отъѣздъ Жолкевскаго.—Гонсевскій строго караетъ польскихъ солдатъ за своеволіе.—Враги Сигизмунда входятъ въ соглашеніе съ Самозванцемъ.—Уразъ-Махметъ.—Смерть второго Димитрія.—Смута въ Калугѣ.

Въ договорѣ отъ 27-го августа Жолкевскій вошелъ въ соглашеніе съ боярами, что они вскорѣ вышлютъ большое посольство въ королевскій лагерь подъ Смоленскомъ. Эти послы должны были предложить вѣнецъ Владиславу и вмѣстѣ съ тѣмъ столковаться съ Сигизмундомъ относительно своихъ требованій, не включенныхъ въ трактатъ. Исполняя это обязательство, Боярская Дума рѣшила немедленно выслать своихъ пословъ.

Успѣхъ этихъ переговоровъ вполнѣ зависѣлъ отъ выбора главныхъ представителей посольства. Въ виду этого гетманъ усиленно старался, чтобы указанную миссію поручили людямъ, искренно преданнымъ королевичу.

Выдающейся личностью среди московскихъ бояръ былъ тогда Василій Голицынъ.

Человѣкъ этотъ отличался безумнымъ честолюбіемъ, но былъ вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно хитеръ и ловокъ.

„Это—весьма безпокойная голова — читаемъ мы о немъ въ тогдашнихъ письмахъ, — нравъ тиранскій, сердце измѣнническое, а жизнь дурная, безбожная. Онъ хотѣлъ бы видѣть себя поскорѣе царемъ“. Онъ былъ однако настолько ловокъ, что, хотя незадолго предъ тѣмъ явно стремился къ престолу, умѣлъ дѣйствовать

такъ, что даже самъ Жолкевскій старался поручить ему посольство и вообще вполнѣ довѣрялъ ему. Вотъ что писалъ онъ въ то время королю:

„Еще прежде докладывалъ я В. К. В—у о симпатіяхъ московскаго народа къ Е. В. Королевичу; теперь всѣ они отъ знатнѣйшихъ до самыхъ малыхъ выражаютъ это все болѣе вѣскими доказательствами. Господь Богъ знаетъ, что скрываютъ людскія сердца; но по тому, что можно замѣтить, я заключаю, что они искренно, нелицемѣрно желаютъ правленія В. К. В—а. Относительно принятія крещенія и другихъ условій, по поводу которыхъ они посылаютъ къ В. К. В—у князя Голицына съ сопутствующими ему лицами, не встрѣтится затрудненій. На дняхъ, то есть въ прошлую субботу, бояре, когда пришли къ патріарху, то заявили черезъ князя Василія Голицына, что будутъ бить челомъ и просить, чтобы онъ крестился: „но (прибавили они) если бы Е. В. Королевичъ и не согласился на это— я пишу ихъ собственныя слова—воленъ Богъ да государь: если мы ему уже крестъ цѣловали, то ему нами и править". Голицынъ во всемъ дѣйствуетъ очень хорошо, почему я не сомнѣваюсь, что В. К. В—о порѣшите все съ этими послами, согласно своему желанію".

Такъ писалъ гетманъ въ письмѣ отъ 7-го сентября того же года. Но вскорѣ оказалось, что честный Жолкевскій глубоко заблуждался въ этомъ отношеніи и даже совершилъ тяжкій проступокъ, довѣряя Голицыну.

Съ согласія гетмана, во главѣ этого посольства былъ поставленъ Филаретъ Романовъ, митрополитъ ростовскій. „Почти всѣхъ остальныхъ" его участниковъ, происходящихъ изъ различныхъ сословій и городовъ, „выбралъ Голицынъ по своему желанію". Къ именитѣйшимъ изъ нихъ принадлежали: князь Даніилъ Мезецкій, Василій Сукинъ и думный дьякъ Томило Луговскій. Посольство это было весьма многочисленно, ибо, вмѣстѣ со свитой, состояло изъ 776 лицъ.

Послы въ концѣ сентября выѣхали изъ Москвы, а спустя три недѣли,—„по причинѣ плохихъ дорогъ, такъ какъ осень была очень сырая“,—17-го октября прибыли подъ Смоленскъ. Ихъ приняли весьма торжественно. Навстрѣчу имъ „выходило почти все войско“. „Въ полѣ ихъ привѣтствовалъ панъ Яковъ Потоцкій, каменецкій каштелянъ, съ княземъ Христоформъ Збаражскимъ“. Такъ какъ ихъ было весьма много, то имъ дали трехъ приставовъ, которые должны были удовлетворять всѣ ихъ нужды послов. „Ихъ поселили въ палаткахъ противъ лагеря, по ту сторону Днѣпра подъ Троицкимъ монастыремъ“. Для охраны ихъ отрядили 600 человѣкъ пѣхоты и почетную стражу.

22-го числа того же мѣсяца король далъ имъ аудіенцію. На этой аудіенціи всѣ послы, „начиная съ митрополита и кончая наименѣе знатнымъ, торжественно отдавъ обычный поклонъ, цѣловали королевскую руку“. Затѣмъ они просили короля, чтобы онъ подтвердилъ договоръ, заключенный съ Жолкевскимъ, и „королевича Владислава соблаговолилъ отпустить къ нимъ государемъ“. „Онъ будетъ тѣмъ милѣе народу — заявили послы, —если, по добно своимъ предшественникамъ, подобающимъ образомъ будетъ почитать греческую вѣру, и самъ перейдетъ въ лоно восточной церкви“. Въ заключеніе они просили, чтобы король назначилъ сенаторовъ „для совѣщанія“ по поводу тѣхъ „параграфовъ“, на которые Жолкевскій не могъ согласиться, и относительно которыхъ они могутъ притти къ соглашенію только съ самимъ Сигизмундомъ.

На эту легацію отвѣтилъ отъ имени короля Левъ Сапѣга. Въ рѣчи своей онъ одобрилъ ихъ за симпатіи къ королю и королевичу и заявилъ, что сенаторы немедленно приступятъ къ переговорамъ съ ними.

Переговоры эти начались 26-го октября и длились 2 мѣсяца.

На собраніяхъ послы требовали совсѣмъ невыполнимыхъ условій, а именно: чтобы Владиславъ перешелъ въ лоно восточной церкви и женился на православной; чтобы, ставъ царемъ, не входилъ въ сношеніе съ папой по религіознымъ вопросамъ; чтобы прибылъ въ Москву съ небольшой свитой поляковъ, никому изъ нихъ не давалъ общественныхъ должностей и не довѣрялъ имъ пограничныхъ городовъ. Они требовали также, чтобы имъ были возвращены всѣ завоеванія въ послѣднее время крѣпости, и чтобы король немедленно снялъ осаду Смоленска, а заключенный на этихъ условіяхъ договоръ, съ согласія всѣхъ сословій, торжественно подтвердилъ клятвой на сеймѣ вмѣстѣ съ сенатомъ. Наконецъ, они просили, чтобы Владиславъ поскорѣе прибылъ въ Москву.

Въ виду столь обширныхъ требованій московскихъ пословъ, тѣмъ труднѣе было столковаться, что какъ король, такъ и знатнѣйшіе изъ сенаторовъ, бывшихъ подъ Смоленскомъ, оказались совершенно несогласными съ договоромъ, заключеннымъ Жолкевскимъ. Сигизмундъ, какъ извѣстно, самъ хотѣлъ стать царемъ. Изъ ненависти къ гетману къ этому склоняли его оба Потоцкіе: Янъ, воевода брацлавскій, и Стефанъ, староста фелинскій — „жилецъ“ короля. Въ угоду королю съ ними согласились также и другіе сенаторы, напр., Щенсный Крыскій, коронный вице-канцлеръ. Къ этому же мнѣнію склонялся и Левъ Сапѣга, вѣроятно, потому, что, въ случаѣ подтвержденія договора, ему пришлось бы, можетъ быть, навсегда отказаться отъ Смоленска, а въ такомъ случаѣ панъ канцлеръ не получилъ бы обратно тѣхъ обширныхъ имѣній, которыми нѣкогда владѣли его предки въ смоленскомъ воеводствѣ. Итакъ, и упрямство Сигизмунда, и зависть, и личные интересы его совѣтниковъ — все складывалось къ тому, чтобы нарушить трактатъ, заключенный гетманомъ.

Такое намѣреніе короля поддерживали еще другіе сенаторы, къ которымъ черезъ гонцовъ отправили письма, спрашивая ихъ мнѣнія по обсуждаемому вопросу. По словамъ Кобѣжицкаго, лишь нѣкоторые изъ нихъ стояли за то, чтобы выслать въ Москву Владислава: другіе же совѣтовали или отложить это дѣло до ближайшаго сейма, или даже дать совершенно отрицательный отвѣтъ. Послѣдніе приводили очень вѣскіе аргументы въ подтвержденіе своего мнѣнія, а именно: юные годы королевича, опасности, грозящія вслѣдствіе смуты, царящей въ то время въ Москвѣ, наконецъ, торжественное заявленіе Сигизмунда, что онъ предпримет этотъ походъ не изъ личныхъ выгодъ, а исключительно для блага Рѣчи Посполитой.

При такихъ условіяхъ, было очень трудно столковаться. Хотя послы и согласились „отложить до сейма большую часть этихъ параграфовъ", но они настойчиво требовали, чтобы королевичъ какъ можно скорѣе отправился въ Москву; сенаторы же, не давая по этому поводу никакого отвѣта, требовали, между тѣмъ, немедленной сдачи Смоленска. „Это — пишетъ Жолкевскій — сильно встревожило московскихъ пословъ и тѣхъ сыновъ боярскихъ, что были при нихъ, особенно бояръ смоленскаго уѣзда, а ихъ было около тысячи. Панъ литовскій канцлеръ повелѣлъ имъ присягнуть Е. В. Королю, вмѣстѣ съ королевичемъ, если они желаютъ получить обратно свои владѣнія. И, дѣйствительно, нѣкоторыхъ изъ нихъ они привели къ присягѣ, что наполнило ихъ ужасомъ и заставило измѣнить образъ мыслей". Подобное поведеніе Сигизмунда и сенаторовъ до такой степени возмутило пословъ, что многіе изъ нихъ уже въ началѣ ноября вернулись въ Москву. „Они стали по всему государству распространять, какова была воля и заявленіе Е. В. Короля", и по этому поводу уже тогда же началъ „народъ возмущаться и бунтовать".

Въ столицѣ также обнаруживалось сильное неудовольствіе. Первымъ поводомъ къ этому послужило поведеніе войска Сапѣги, которое непремѣнно хотѣло отправиться на зимовку въ Рязанскую губернію и, кромѣ того, производило различныя насилія. „18-го сентября — пишетъ одинъ изъ очевидцевъ — кто-то въ Москвѣ пустилъ слухъ, что панъ Сапѣга ѣдетъ въ Переяславль: услыша это, бояре заперли городъ и укрѣпили зубцы стражею. Вотъ, нѣсколько десятковъ всадниковъ изъ того войска, по обыкновенію, ѣдутъ въ городъ. Они видятъ, что ворота заперты, а зубцы уставлены стражей. Дали знать въ свое войско, что Москва измѣнила, послѣ чего казаки сейчасъ же стали грабить Москву, которая находилась въ ихъ лагерѣ для продажи товаровъ. Произошло немалое смятеніе, которое Сапѣгѣ едва удалось усмирить. Тысячу лошадей по дорогамъ отняли у Москвы, до трехсотъ человѣкъ было ранено и убито".

„На другой день пріѣхали бояре къ его благородію пану гетману, жалуясь на своеволіе войска. Они привезли письмо отъ пана Сапѣги, въ коемъ онъ сожалѣетъ о томъ, что произошло такое злоупотребленіе, которое самому ему едва удалось прекратить". Вмѣстѣ съ тѣмъ, усвятскій староста доносилъ, „что у него подъ стражей заключено нѣсколько вождей этой смуты, и что онъ готовъ ихъ покарать смертью, а лошадей возвратить". Москва удовлетворилась этимъ, но бояре заявили, что ни за что не пустятъ войско въ Рязанскій край и просили, чтобы въ этомъ помогъ имъ панъ гетманъ.

„Тутъ подъѣхалъ панъ Сапѣга съ нѣсколькими легконожными воинами. Бояре, выпивше лишнее, сейчасъ же окружили его съ упреками за то, что онъ допускаетъ такое своеволіе, а Ляпуновъ бросился на него съ саблей, говоря:

— Ты хочешь насъ выдать царьку! — пока ихъ не рознялъ панъ гетманъ.—Воинство возстало противъ него (т. е. противъ войска усвятскаго старосты) за

то, что оно не принимаетъ зимовки, которая ему назначена (въ Сѣверской землѣ), а настаиваетъ на томъ, чтобы пойти въ Рязанскую землю, чего имъ панъ гетманъ ни въ какомъ случаѣ позволить не можетъ".

Въ концѣ концовъ Сапѣгѣ удалось склонить войско къ зимовкѣ въ Сѣверской землѣ, куда онъ и направился 24-го числа того же мѣсяца. Но и послѣ этого не удалось унять смуту и недовольства.

„Послѣ ухода пана Сапѣги—читаемъ въ одномъ изъ современныхъ дневниковъ—бояре, видя измѣнчивость и непостоянство черни, совѣтовали пану гетману ввести войско въ столицу". Жолкевскій весьма охотно согласился на это. Но когда 26-го сентября „для распредѣленія квартиръ по городу пріѣхали панъ литовскій референдарій (Александръ Гонсевскій) съ паномъ старостой хмѣльницкимъ (Николаемъ Струсемъ) и потребовали у бояръ по уговору приставовъ,—одинъ изъ чернецовъ ударилъ въ набатъ, созывая чернь и говоря, что войско идетъ на городъ". Говорятъ, что сдѣлалъ онъ это по иниціативѣ Шуйскихъ и патріарха. „Сами бояре испугались и сейчасъ же пришли къ пану гетману просить, чтобы онъ отложилъ свое переселеніе на два дня, въ теченіе которыхъ они устранятъ сторонничество Шуйскихъ".

Происки Шуйскихъ вызвали столь сильное негодованіе, что всѣ трое „были на волоскѣ отъ смерти", и спасеніемъ своимъ были обязаны Жолкевскому, который „предпочиталъ сохранить имъ жизнь".

„Однако бояре пишетъ одинъ изъ поляковъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ—сильно глумились надъ ними и велѣли пану Борковскому и Домарадскому отобрать у нихъ не только всѣ ихъ вещи и утварь въ царскую казну, но сорвали съ нихъ даже то, въ чемъ они ходили". Въ заключеніе, „называя ихъ возмутителями государства, выдали ихъ пану гетману подъ тѣмъ условіемъ, что ихъ уже никогда не будетъ въ Московскомъ

Государствѣ, и что имъ Е. К. В—о не будетъ оказывать никакой милости".

Жолкевскій тотчасъ же всѣхъ троихъ выслалъ изъ Москвы: Василія „подъ стражей" помѣстилъ въ Осиповѣ, а Димитрія и Ивана—въ Бѣлой.

Но и послѣ ссылки Шуйскихъ „патріархъ не переставалъ мутить дѣла". Дѣйствительно, 10-го октября онъ собралъ большое скопище народа, не столько черни, сколько дворянъ и служилыхъ людей, которые совѣщались съ нимъ о томъ, какъ бы нарушить крестное цѣлованіе. Дважды посылалъ патріархъ за боярами, чтобы они собрались у него. Они отказались, говоря, что заняты государственными дѣлами. Тогда онъ послалъ въ третій разъ съ такимъ отвѣтомъ, что если къ нему не хотятъ притти, то онъ самъ къ нимъ со всѣми идетъ". Наконецъ, когда бояре прибыли на это собраніе, имъ пришлось „слушать бунтовщическія рѣчи относительно пана гетмана и воинства". Больше всего возмущались тѣмъ, что Жолкевскій „никого изъ полковниковъ и ротмистровъ не выслалъ противъ вора подъ Калугу". Всѣ эти упреки „различно разбивалъ князь Мстиславскій и другіе, некренно соблюдая свою присягу". Въ заключеніе, „уходя, бояре сказали патріарху, чтобы онъ блюлъ церковь и не вмѣшивался въ земскія дѣла, ибо прежде никогда не бывало, чтобы попы завѣдывали государственными дѣлами".

Когда на другой день бояре пріѣхали къ Жолкевскому, „панъ гетманъ во всемъ оправдался и, такимъ образомъ покончивъ съ этимъ, часть войска ввелъ въ городъ".

Жолкевскій соблюдалъ при этомъ всякія предосторожности и вообще поступалъ очень умно и осмотрительно. „Чтобы Москва —пишетъ Маскевичъ —не знала о маломъ количествѣ нашего войска, мы свернули знамена и вошли въ столицу тихо и незамѣтно". Гетманъ помѣстилъ войско „группами въ отдѣльныхъ

дворахъ такъ, чтобы они на всякій случай могли подкрѣплять другъ друга. Полкъ пана Александра Зборовскаго расположился въ Китай-городѣ, весь вмѣстѣ, другъ возлѣ друга: полкъ пана Казановскаго и пана Вейера въ Бѣлгородѣ, тоже весь вмѣстѣ: самъ панъ гетманъ, вмѣстѣ съ паномъ старостой велижскимъ, поселился въ главномъ замкѣ въ Крымъ-городѣ, во дворѣ, бывшемъ нѣкогда собственностью царя Бориса. Въ столицѣ онъ удержалъ также 800 человѣкъ пѣхоты изъ чужеземнаго войска, которое послѣ клушинской битвы перешло на польскую сторону: остальную же часть, „расплатившись съ нею изъ московской казны, отпустилъ“. Кромѣ того, для обезпеченія себѣ сообщенія съ королевскимъ лагеремъ подъ Смоленскомъ, онъ снабдилъ войсками Дѣвичій монастырь подъ Москвой, Можайскъ, Борисовъ и Верею.

„Панъ гетманъ приказалъ строго соблюдать дисциплину“, а для нарушителей ея учредилъ особый судъ „какъ изъ нашихъ, такъ и изъ москвичей“.

Бояре съ своей стороны старались устранить всякіе поводы къ недоразумѣніямъ. Сперва „назначили приставства для войска“, т. е. для каждой роты опредѣлили отдѣльные города, долженствовавшіе удовлетворять всѣ ихъ нужды. Но такъ какъ это могло вести къ спорамъ и злоупотребленіямъ, то „по совѣту нашихъ—какъ разсказываетъ Маскевичъ—бояре отпустили намъ продовольствіе деньгами—по 50 злотыхъ на лошадь, а деньги эти собирали сами черезъ своихъ посланныхъ“.

Въ столицѣ тогда находилось 18,000 московскихъ стрѣльцовъ. Бояре опасались, чтобы эти стрѣльцы въ случаѣ какой-нибудь смуты не соединились съ чернью. Поэтому-то часть ихъ подъ начальствомъ Ивана Салтыкова Жолкевскій выслалъ противъ шведовъ, а остальныхъ „отдалъ подъ начальство пана старосты велижскаго“. Кромѣ того, панъ гетманъ такъ обязалъ ихъ своей

гуманностью, подарками и угощеніемъ", что „они обнаруживали вѣрныя доказательства своей преданности и благосклонности".

Онъ старался привлечь на свою сторону и патріарха, „который изъ-за вѣры былъ весьма враждебенъ къ нашимъ дѣламъ". Съ этой цѣлью гетманъ сперва „черезъ посланныхъ сносился съ нимъ, а потомъ и самъ у него бывалъ". Гермогенъ поступалъ такъ, что гетману показалось, что онъ его тоже „обошелъ" и даже пріобрѣлъ его „большую дружбу". Но вскорѣ оказалось, что Жолкевскій жестоко обманулся какъ относительно Голицына, такъ и насчетъ патріарха.

Устроивъ такимъ образомъ дѣла въ Москвѣ, гетманъ рѣшилъ ѣхать въ королевскій лагерь подъ Смоленскъ, чтобы убѣдить Сигизмунда въ томъ, что, „если бъ открылось его намѣреніе" стать московскимъ царемъ, „это затормозило бы все дѣло и повело бы къ большой смутѣ". Но бояръ онъ не увѣдомилъ объ истинной причинѣ своего отъѣзда; онъ лишь заявилъ, что желаетъ во всемъ дать отчетъ королю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказать посламъ помощь „для скорѣйшаго и успѣшнаго отпуска ихъ", наконецъ, хочетъ „переговорить съ Е. В. Королемъ относительно правильнаго задержанія войска и насчетъ уничтоженія калужскаго обманщика".

„Когда панъ гетманъ уже собирался уѣзжать изъ Москвы—пишетъ онъ дальше въ своемъ дневникѣ—пришелъ къ нему Мстиславскій, а съ нимъ около ста знатнѣйшихъ бояръ. Запершись съ нимъ, они обратились къ нему съ двумя просьбами: во-первыхъ, нельзя ли, чтобы онъ отъ нихъ не уѣзжалъ: они говорили:

— „Теперь, въ твоемъ присутствіи, мы живемъ спокойно; но послѣ твоего отъѣзда мы опасаемся, чтобы ваши своевольныя войска не задѣли нашихъ".

А во-вторыхъ: если нельзя не ѣхать, то пусть онъ подъ хорошимъ начальствомъ оставитъ свое войско. Они также обѣщали, что со своей стороны будутъ ста-

раться блюсти миръ и тишину къ пріѣзду королевича". Въ заключеніе они прибавили:

— „Знаемъ, что у васъ ничто не можетъ окончательно рѣшаться безъ подтвержденія сейма. Поэтому пусть Е. В. Король, сговорившись и порѣшивъ съ нашими послами, отправится на сеймъ, а послѣ сейма пусть какъ можно скорѣе пріѣдетъ къ намъ съ королевичемъ Владиславомъ, государемъ нашимъ. Мы знаемъ, что по юности своей королевичъ еще не справится со столь крупными дѣлами: такъ пусть до его совершеннолѣтія правитъ государствомъ Е. В. Король".

Жолкевскій отвѣтилъ на это, что ему необходимо уѣхать, но войско „онъ оставитъ въ такой же дисциплинѣ, какъ и теперь". Онъ обѣщалъ доложить ихъ просьбы королю, въ заключеніе же убѣждалъ ихъ „соблюдать принесенную присягу".

„Когда нашъ гетманъ собрался уже въ путь, поручивъ войско пану старостѣ велискому (т. е. Александру Гонсевскому), князь Мстиславскій и иные знатнѣйшіе бояре провожали его на разстояніи больше мили; а когда онъ ѣхалъ по городу, вся чернь, встрѣчавшаяся по пути, прощалась съ нимъ и „благословляла его".

9-го ноября Жолкевскій прибылъ въ королевскій лагерь подъ Смоленскъ. „Навстрѣчу ему выѣхали всѣ паны сенаторы, много придворныхъ Е. В. Короля и большая часть войска. Отъ имени всѣхъ привѣтствовалъ его панъ литовскій канцлеръ и съ большими почестями провожалъ его въ квартиру". Вмѣстѣ съ нимъ привезли подъ Смоленскъ и Шуйскихъ.

На другой день дана была Жолкевскому аудіенція у короля. Это была необыкновенно торжественная минута, ибо на аудіенціи побѣдоносный польскій вождь вручалъ Е. В. К—лю московскаго царя и его братьевъ, какъ военноплѣнныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ длинной рѣчи гетманъ поздравилъ его съ одержанными побѣ-

дами; подобную же рѣчь отъ имени войска произнесъ и Викентій Крукеницкій.

Затѣмъ во время частной аудіенціи Колкевскій далъ подробный отчетъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и усиленно старался убѣдить Сигизмунда въ томъ, что для блага своей династіи и всей Рѣчи Посполитой ему слѣдуетъ строго соблюдать заключенный имъ договоръ. Однако всѣ его аргументы оказались совершенно безплодными, ибо—какъ выражается гетманъ въ своихъ мемуарахъ—„уши Е. В. Короля были закрыты для его убѣжденій".

Послѣ прибытія Колкевскаго подъ Смоленскъ всѣ надѣялись, что при его помощи легче будетъ столковаться съ московскими послами. Онъ совѣщался съ ними не только на „собраніяхъ" вмѣстѣ съ другими сенаторами, но, кромѣ того, съ почетомъ принимая ихъ, велъ съ ними частные переговоры". Однако, несмотря на искреннюю дружбу съ ними, и ему не удалось склонить ихъ къ уступкамъ.

Между тѣмъ, въ Москвѣ, благодаря энергіи Гонсевскаго, отношенія между польскимъ гарнизономъ и мѣстнымъ населеніемъ вначалѣ были совѣмъ хороши. „Въ столицѣ—читаемъ мы въ письмѣ отъ 20-го ноября изъ королевскаго лагеря подъ Смоленскомъ—по милости Божьей, миръ и спокойствіе полное. Послѣ отъѣзда его благородія пана гетмана не было никакихъ жалобъ. Если выдержатъ они такъ и впредь—во что я не вѣрю—чуду приписывать будемъ то, что нашъ вольный народъ поддался такой неволѣ: будучи столь многочисленнымъ, никому не причинять никакой обиды".

Правда, случались неповиновенія со стороны польскихъ солдатъ, но они не нарушали мира, ибо виновные тотчасъ же подвергались суровой карѣ. „Такъ, нѣкій Блинскій—разсказываетъ Маскевичъ—напившись допьяна, нѣсколько разъ выстрѣлилъ въ икону Пресвятой Богородицы, написанную въ стѣнѣ на воротахъ. Когда

бояре пожаловались на это пану Гонсевскому, то на собраніи его приговорили къ смерти и, обрѣзавъ руки, бросили его въ костеръ, разведенный у этихъ же воротъ, и сожгли. Затѣмъ пришли съ другой жалобой: кто-то выстрѣлилъ въ крестъ на церковной колокольнѣ. Стрѣла вонзилась въ главу. Производили дознаніе, но виновнаго не нашли; ему тоже отрубили бы руку. Случилось также, что одинъ изъ челяди насильно увелъ дочь боярина, возвращавшагося съ нею и съ женой домой изъ бани. Потерпѣвшій не зналъ, на кого ему жаловаться. Наконецъ, по истеченіи двухъ недѣль, дочь вернулась домой. Тогда нашли и преступника. Собраніе, согласно польскимъ законамъ, приговорило его къ смерти". Потомъ отмѣнили эту резолюцію и, согласно московскимъ обычаямъ, только „били его кнутомъ на улицѣ". „Онъ былъ радъ, что остался въ живыхъ, а москали были тоже удовлетворены".

Примѣры еще болѣе суровыхъ каръ, которымъ подвергали провинившихся, приводили польскіе послы во время переговоровъ съ московскими боярами.

„Вскорѣ послѣ отъѣзда гетмана — разсказывалъ Александръ Гонсевскій — случилось, что одинъ „легкоконный воинъ" изъ польскаго войска, пѣхій Тарновецкій, поспоривъ съ попомъ на водопоѣ, побилъ его „до крови". Гонсевскій приговорилъ его за это къ смерти и только по ходатайству патріарха и знатнѣйшихъ бояръ оставилъ его въ живыхъ, но для предупрежденія подобныхъ случаевъ на будущее время велѣлъ на площади въ Китай-городѣ, въ присутствіи многочисленной толпы, отрубить у него правую руку.

Еще строже поступили съ четырьмя гайдуками, которые въ Кремлѣ, т. е. вблизи соборовъ, учинивъ шумъ и крики, подрались между собой. Это было осквернені̀емъ тѣхъ храмовъ, которые особенно почитало мѣстное населеніе. Въ ту же ночь двое другихъ изъ челяди украли немного яблокъ и орѣховъ у какого-то торговца

въ Китай-городѣ. Всѣ шестеро были приговорены къ смертной казни. Ихъ вывели на „Лобное мѣсто“, и этотъ приговоръ, несомнѣнно, былъ бы приведенъ въ исполненіе, если бы патріархъ снова не вступился за нихъ. Но безнаказанными они все же не остались, ибо, согласно московскимъ обычаямъ, „на рынкѣ“ публично били ихъ кнутомъ „до крови“.

Также сурово карали и нѣмцевъ, служившихъ въ польскихъ рекрутскихъ ротахъ, которые позволяли себѣ всевозможныя злоупотребленія и даже обокрали двѣ церкви. Многихъ изъ нихъ пытали за это, а 27 человѣкъ были даже разстрѣляны.

Но, несмотря на столь благоразумное поведеніе польскихъ начальниковъ, постоянно „царило взаимное недовѣріе“. „Мы соблюдали—продолжаетъ Маскевичъ—величайшую осторожность; стража день и ночь стояла у воротъ и на перекресткахъ; частыя тревоги бывали у насъ въ городѣ, и мы почти всегда должны были держать коней осѣдланными“. Такъ провели мы нѣсколько недѣль. Мы угощали другъ друга пирами, а въ душѣ у насъ было что-то другое“.

Какъ поляки, такъ и жители столицы, „жили въ дружбѣ на словахъ, но съ камнемъ за пазухой, какъ говоритъ русская пословица“.

Этими обстоятельствами не преминулъ воспользоваться Самозванецъ.

„Не спитъ этотъ проходимецъ—читаемъ въ современномъ письмѣ,—сидя въ Калугѣ, онъ разными способами упрашиваетъ людей и заманиваетъ ихъ къ себѣ“. Почти „всякій день здѣсь ловятъ нѣсколькихъ шпіоновъ Димитрія“. Онъ дѣйствовалъ даже провокаторски: подъѣздами „надоѣдалъ королевскимъ людямъ“ и затруднялъ имъ подвозъ пищи къ столицѣ.

Жолкевскій и теперь старался войти съ нимъ въ извѣстное соглашеніе. Съ этой цѣлью „Валевскому, который былъ его большимъ, почти первымъ повѣрен-

нымъ", онъ разрѣшилъ отправиться въ Калугу и „обнадежить его королевской милостью".

Съ той же цѣлью увятскій староста переписывался съ нимъ и съ Мариной: но и ему не удалось „склонить ихъ къ единодушію съ Е. В. Королемъ".

Самозванецъ тѣмъ менѣе былъ склоненъ къ согласію, что именно въ это время онъ получилъ весьма благопріятныя вѣсти изъ столицы. Дѣло въ томъ, что еще въ октябрѣ того же года сторонники его составили заговоръ, съ цѣлью вызвать всеобщее возстаніе въ Москвѣ, перебить польскій гарнизонъ, а Димитрія посадить на престолъ. Но этотъ заговоръ вскорѣ былъ обнаруженъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Жолкевскаго одинъ изъ подъѣздовъ, высланныхъ въ окрестности Серпухова, взялъ въ неволю „двухъ донскихъ казаковъ изъ войска обманщика. Одинъ изъ казаковъ добровольно сказалъ и на допросѣ подтвердилъ, что какой-то попъ изъ Москвы ѣхалъ черезъ Серпуховъ съ письмами почти ото всѣхъ сословій къ обманщику, призывая его какъ можно скорѣе на царство". Этотъ же казакъ сознался, что его сторонники намѣревались „хитростью погубить войско Е. К. В—а. Потомъ одинъ изъ челяди князя Мстиславскаго доложилъ своему господину, что видѣлъ этого попа ѣдущимъ изъ Москвы въ Серпуховъ. Учинили надъ нимъ такой допросъ, что поймали попа и нашли при немъ немало писемъ къ патріарху и ко многимъ другимъ".

Согласно показаніямъ этого попа и пойманнаго казака, бунтъ этотъ долженъ былъ вспыхнуть „28-го октября, съ субботы на воскресенье, часа за три до разсвѣта. Къ этому времени войско Димитрія должно было безшумно войти въ городъ и ударить въ колокола. Сперва намѣревались овладѣть Крымъ-городомъ и „всѣхъ нашихъ перебить": также и тѣхъ москвичей, „что благоволятъ къ королевичу", должны были умерт-

вить, а „князя Мстиславскаго, ограбивъ его, въ одной только рубахѣ привести къ вору".

Главными зачинщиками этой „конспираціи, къ которой принадлежала часть стрѣльцовъ и множество черни", были будто бы Иванъ Воротынскій, Александръ Засѣкинъ и Андрей Голицынъ, братъ Василія. Даже послѣдній, отправляясь подъ Смоленскъ, вошелъ будто бы въ соглашеніе съ Самозванцемъ. Главныхъ виновниковъ, т. е. Андрея Голицына и Воротынскаго, взяли тотчасъ же подъ стражу: „надъ тѣмъ попомъ совершили экзекуцію; другихъ пришлось простить изъ-за смуты, которая вотъ-вотъ должна была вспыхнуть". Однако Гонсевскій, воспользовавшись этимъ случаемъ, ввелъ „нѣсколько сотъ нѣмцевъ въ Кремль", кромѣ того „онъ хорошо снабдилъ ружьями Китай-городъ и Крымъ-городъ".

Гонсевскій немедленно донесъ королю объ этихъ происшествіяхъ. Вскорѣ послѣ того (26-го ноября) пріѣхалъ подъ Смоленскъ князь Масальскій, „присланный отъ всѣхъ бояръ и столицы къ Е. К. В—у". Онъ сдѣлалъ подробный докладъ „о той измѣнѣ, которая обнаружилась въ Москвѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ дать ему информацію относительно того, какъ поступить съ виновными".

Полученныя извѣстія убѣдили Сигизмунда въ томъ, что Димитрій и тогда еще былъ весьма грознымъ соперникомъ, поэтому король рѣшилъ, уже не входя съ нимъ ни въ какія соглашенія, „либо уничтожить его, либо даже взять въ свои руки".

Съ этой цѣлью 3-го декабря онъ издалъ универсалъ къ жителямъ города Калуги, въ которомъ призывалъ ихъ къ разрыву съ Самозванцемъ, совѣтовалъ, „поймавъ его", прислать въ королевскій лагерь и вообще вѣрно служить какъ королю, такъ и его сыну. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался также ускорить переговоры съ войскомъ Сапѣги, чтобы такимъ образомъ

склонить его къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Димитрія.

Усвятскій староста, отступивъ отъ столицы, отправился въ Сѣверскую землю, а въ половинѣ октября расположился лагеремъ въ окрестностяхъ Мещовска. Его приближеніе къ Калугѣ, а также извѣстіе о переговорахъ съ Сигизмундомъ, до того обезпокоили Самозванца, что онъ намѣревался даже бѣжать „на нижній Донъ, въ Воронежъ". „Желая въ этой крѣпости— пишетъ Жолкевскій—приготовить себѣ соотвѣтствующее убѣжище, обманщикъ хорошо укрѣпилъ ее и снабдилъ всѣмъ необходимымъ. Но не дождался онъ этого", ибо вскорѣ своимъ собственнымъ поведеніемъ ускорилъ свою гибель.

Прежде однимъ изъ его сторонниковъ былъ такъ называемый касимовскій царь. Это былъ знатный татаринъ, происходившій изъ ногайской орды; его настоящее имя было Уразъ-Махметъ. Въ юности онъ попалъ въ московскую неволю, но цари въ виду „доблестей" его рода обращались съ нимъ очень милостиво; а Иванъ Грозный отдалъ ему въ обезпеченіе Касимовъ и по имени этого города назвалъ его касимовскимъ царемъ.

Когда второй Самозванецъ подступилъ къ Москвѣ, Уразъ-Махметъ перешелъ на его сторону. Онъ прибылъ въ Тушинъ „съ блестящей свитой и не малымъ количествомъ людей". Успѣхъ его былъ тѣмъ значительнѣе, что онъ отличался необыкновенной щедростью, такъ что въ короткій срокъ „пораздавалъ солдатамъ свыше трехсотъ тысячъ".

Послѣ перваго бѣгства Димитрія въ Калугу, онъ открыто объявилъ себя сторонникомъ Сигизмунда. Къ полякамъ изъ войска Самозванца онъ обращался будто бы со слѣдующими словами:

— „Удивляюсь вамъ, людямъ столь учтивымъ, что вы больше благоволите къ тому, о происхожденіи и

появленіи котораго вы ничего не знаете, нежели къ королю, своему государю, и къ своей родинѣ!“

Какъ разъ въ это время въ Тушинъ прибылъ персидскій посолъ. Онъ долго колебался къ кому выслать отъ себя посольство: къ Димитрію ли, къ Шуйскому, или къ польскому королю. Уразъ-Махметъ совѣтовалъ ему ѣхать къ Сигизмунду, „какъ величайшему изъ государей“. Въ заключеніе же онъ сказалъ:

— „А вѣдь и я тоже ѣду къ нему съ поклономъ!“

Дѣйствительно, въ началѣ апрѣля (1610 г.) онъ пріѣхалъ въ королевскій лагерь подъ Смоленскомъ. 4-го числа того же мѣсяца—пишетъ Самуилъ Тарговскій въ современномъ письмѣ къ Симеону Рудницкому — „цѣловалъ руку Е. К. В—а царь касимовской орды, которая принадлежитъ Московскому Государству. Это человѣкъ знатнаго происхожденія: какъ говорятъ, его дѣдъ былъ великимъ ханомъ. Онъ недурно говоритъ по-русски. Устно доложилъ Е. К. В—у, что пріѣхалъ служить ему и Рѣчи Посполитой, и просилъ, чтобы король, давъ ему войско, послалъ его противъ своихъ враговъ. Съ благодарностью приняли это отъ него;“ а Сигизмундъ, желая показать особую милость къ нему, „почтилъ его первымъ мѣстомъ между панами сенаторами“.

Два мѣсяца спустя, Уразъ-Махметъ вмѣстѣ съ Жолкевскимъ выступилъ противъ Димитрія Шуйскаго и „все время дѣйствовалъ стойко и вѣрно“.

Въ Калугѣ оставались его сынъ, жена и мать. Соскучившись по нимъ, касимовскій царь тайно отправился туда въ концѣ сентября. Однако „памятна ему была милость Е. В. Короля и гуманное отношеніе къ нему какъ со стороны воинства, такъ и со стороны пана гетмана“. Поэтому онъ задумалъ уѣхать оттуда, стараясь и сына склонить къ тому же. Но сынъ не только не послушалъ его, „но даже предупредилъ объ этомъ обманщика“. Самозванецъ рѣшилъ отомстить

за это и велѣлъ его убить, а потомъ утопить; и чтобы не возбудить къ себѣ непріязни, „пустилъ слухъ", будто Уразъ-Махметъ бѣжалъ изъ Калуги.

„Многіе люди—продолжаетъ Жолкевскій—жалѣли объ этомъ касимовскомъ царѣ, особенно же татары юртовскіе. Между ними особенно выдавался нѣкій князь Петръ Урусовъ, человѣкъ воинственный и храбрый, изъ мести онъ составилъ съ нѣсколькими десятками татаръ заговоръ на жизнь Димитрія". Былъ у него къ этому и личный поводъ.

За нѣсколько недѣль до этого, Урусовъ „упрекалъ" Самозванца за убіеніе Уразъ-Махмета; „тотъ велѣлъ его бить кнутомъ и посадить въ тюрьму. Ему обидна была тюрьма, а еще обиднѣе побои". И только въ половинѣ декабря, „по ходатайству царицы", Димитрій велѣлъ его выпустить и „тотчасъ же отправить въ караулъ подъ Мещовскъ". Этотъ подъѣздъ, встрѣтивъ польскую роту Чаплинскаго и разбивъ ее, „немало" плѣнныхъ, особенно челяди, привелъ въ Калугу.

Побѣдоносная стычка весьма обрадовала Самозванца. По этому-то поводу „во время обѣда 22 декабря онъ былъ очень веселъ. У него было обыкновеніе проводить время въ частыхъ поѣздкахъ". Такъ было и въ этотъ день: „выпивъ, что Димитрій очень любилъ дѣлать, послѣ обѣда онъ велѣлъ запречь сани" и выѣхалъ „на прогулку дорогой, ведущей къ столицѣ". Съ нимъ вмѣстѣ ѣхало „до 300 татаръ, надъ которыми Петръ Урусовъ былъ старшимъ, и нѣкоторые изъ московскихъ бояръ съ нѣсколькими десятками человѣкъ. Онъ велѣлъ двои сани нагрузить разными напитками, медомъ и водкой, которыми въ полѣ угощалъ бояръ и знатнѣйшихъ татаръ".

Димитрій „былъ въ хорошемъ расположеніи духа; возлѣ его саней выпускали зайцевъ, травили звѣрей и напивались". Эту минуту и выбралъ Урусовъ для приведенія въ исполненіе своего плана. „Среди об-

щаго шума онъ собралъ нѣсколько десятковъ человѣкъ противъ бояръ, а самъ съ остальными" бросился на Самозванца. „Схвативъ лошадей и возницу, они убили его тамъ же въ саняхъ". Урусовъ сперва выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, а потомъ саблей отрубилъ ему голову и руку. Прочіе, „соскочивъ съ коней, страшно его изрубили и сейчасъ же ограбили". Нѣкоторыхъ москвичей тоже убили, „другіе бѣжали". Урусовъ вмѣстѣ съ другими заговорщиками тотчасъ же спаслись бѣгствомъ.

Такимъ образомъ, окончилъ жизнь второй Самозванецъ, къ которому кромѣ Марины никто не привязался, и о которомъ кромѣ нея никто не жалѣлъ. Человѣкъ неотесанныхъ, „грубыхъ и дурныхъ нравовъ, пьяница, легкомысленный въ позорныхъ рѣчахъ", лишенный чувства собственнаго достоинства, онъ совершенно не былъ созданъ для той роли, за которую взялся. Вскорѣ послѣ своего появленія онъ почти повсемѣстно пріобрѣлъ званіе обманщика. Онъ служилъ лишь орудіемъ партіи, боровшейся съ Шуйскимъ, а затѣмъ съ Сигизмундомъ, польскихъ солдатъ, требующихъ уплаты просроченнаго жалованья, наконецъ, донцовъ и честолюбивыхъ замысловъ Марины. Не сожалѣли о немъ даже въ его собственной партіи, потому что онъ своей „тираніей" и неблагоразумнымъ поведеніемъ почти всѣхъ возстановилъ противъ себя.

—

Трупъ Димитрія остался въ полѣ на саняхъ и, лишь спустя нѣкоторое время, выѣхали за нимъ изъ города.

Когда извѣстіе о смерти Димитрія дошло до Калуги, ударили въ колокола, а народъ собрался толпой, чтобы поглядѣть на него. Вскорѣ узнала объ этомъ и Марина. Хотя она была тогда беременна, но „выбѣжала изъ замка, рвала на себѣ волосы и, не желая

жить безъ друга, просила чтобы и ее тоже убили". Она будто бы покупалась даже на свою жизнь, но ея раны не были смертельны.

Между тѣмъ „всѣ міряне выходили взять тѣло" Самозванца и „съ почетомъ привезли его въ Калугу", послѣ чего вмѣстѣ съ царицей „внесли его въ замокъ".

Одновременно съ этимъ „происходило въ городѣ большое смятеніе". Донцы, мстя за смерть Димитрія, „всѣхъ татаръ, что тамъ были, поубивали". Кажется, что черкъ бросилась бы также на поляковъ, находившихся въ то время въ Калугѣ, если бъ тамошній воевода, князь Шаховской, „не унялъ мятежа и не защитилъ нашихъ".

Послѣ убіенія Димитрія, котораго черезъ нѣсколько дней похоронили въ крѣпостной церкви, въ его партіи воцарилась полная анархія. На другой день послѣ его смерти даже Заруцкій хотѣлъ было бѣжать изъ Калуги, но „міръ не выпустилъ его изъ острога", донцы желали продолжать борьбу и, вѣроятно, поэтому „объявили себя сторонниками царицы". Однако боярамъ удалось захватить власть въ свои руки; и они рѣшили немедленно подчиниться Владиславу. А чтобы предупредить интриги Марины, „взяли подъ крѣпкую стражу" какъ ее, такъ и поляковъ, бывшихъ при ней.

Получивъ извѣстіе объ убіеніи Самозванца, Сапѣга тотчасъ же вышелъ къ Калугѣ, намѣреваясь „въ этомъ смятеніи овладѣть крѣпостью и городомъ". 26-го декабря онъ „пришелъ къ Устью въ Спасовъ монастырь" и оттуда „послалъ Латовскаго съ письмами къ царицѣ, къ боярамъ и къ міру", приглашая ихъ „вступить въ переговоры". На другой день съ такимъ же воззваніемъ „подъѣзжали подъ Калугу нашъ Будило и нашъ Тышкевичъ". Переговоры длились нѣсколько дней: и въ заключеніе калужане, хотя и заявили, что подчинятся „королевичу, которому уже

Москва крестъ цѣловала", однако поляковъ въ городъ не впустили, а 30-го числа того же мѣсяца, „когда панъ Сапѣга выслалъ пословъ для переговоровъ, они, устроивъ засаду, до вечера гарцовали съ нашими".

При такомъ настроеніи жителей города, не располагая достаточными силами для того, чтобы овладѣть имъ приступомъ, усвятскій староста долженъ былъ отступить. Онъ отправился сперва въ Перемышль, который добровольно подчинился Владиславу, а потомъ вернулся въ Мещовскъ.

Между тѣмъ Марину все еще держали въ строгомъ заключеніи. Когда Сапѣга 30-го декабря подъѣхалъ къ Калугѣ, къ нему пришелъ крестьянинъ, который въ свѣчѣ принесъ ему письмо отъ царицы. Въ этомъ письмѣ Марина писала:

„Освободите, освободите, ради Бога! Мнѣ осталось жить всего двѣ недѣли! Вы пользуетесь доброй славой: сдѣлайте и это! Спасите меня, спасите! Богъ будетъ вамъ вѣчной наградой".

Итакъ, въ тревогѣ, въ одиночествѣ и въ тюрьмѣ кончалась и вторая фаза жизни высокомѣрной и честолюбивой дочери воеводы.

—

XVI.

Новая фаза въ московскихъ отношеніяхъ.—Ошибки, сдѣланныя Сигизмундомъ.—Возстаніе противъ поляковъ.—Настроеніе приверженцевъ Сапѣги. – Ихъ переговоры съ Ляпуновымъ и Зарудскимъ въ Москвѣ. — Взрывъ возстанія. — Заключеніе патріарха въ тюрьму. — Повстанцы осаждаютъ столицу.

Въ концѣ 1610 г. обнаружилось новое направленіе въ московскихъ отношеніяхъ. Оно возникло главнымъ образомъ изъ неблагоразумныхъ дѣйствій Сигизмунда, а отчасти вслѣдствіе смерти Димитрія.

Жолкевскій, заключая договоръ отъ 27 августа, положилъ основаніе будущему соединенію обоихъ наро-

довъ. Но и тогда еще это дѣло не легко было провести. Среди московскихъ бояръ не было недостатка въ выдающихся личностяхъ, которые ради своихъ честолюбивыхъ цѣлей старались подорвать силу договора. Кромѣ того, помѣхой являлось традиціонное соперничество между Польшей и Москвой и сильный антагонизмъ, вытекавшій изъ различій, обусловленныхъ историческимъ прошлымъ и цивилизаціей. При такихъ условіяхъ, слѣдовало какъ можно точнѣе соблюдать договоръ, заключенный гетманомъ, и вообще поступать очень ловко и осторожно.

Къ несчастію, на польскомъ престолѣ возсѣдалъ монархъ, который совершенно не былъ созданъ для такой задачи. Уже одно его поведеніе въ присутствіи польскихъ пословъ должно было повліять весьма неблагопріятно на умы самыхъ некрепкихъ приверженцевъ Владислава. Больше всего поражала ихъ его колеблющаяся и двуличная политика. Изъ-за подобнаго поведенія Сигизмунда переговоры съ посольствомъ постоянно затягивались. „Мы все еще ведемъ переговоры съ Москвой" читаемъ въ письмѣ отъ 20-го ноября изъ-подъ Смоленска — положительнаго соглашенія нѣтъ. Е. В. Король, пообѣщавъ отпустить королевича, теперь хотѣлъ бы взять это обѣщаніе обратно; но они крѣпко стоятъ за это и добиваются письменнаго подтвержденія". Между тѣмъ, король вовсе не собирался удовлетворить этого желанія: вмѣсто этого, онъ усиленно требовалъ, чтобы ему прежде всего сдался Смоленскъ. Такъ какъ послы оправдывались неимѣніемъ соотвѣтствующаго полномочія, то объ стороны, т. е. какъ король, такъ и послы, обратились по этому вопросу къ Боярской Думѣ въ Москву.

3-го января 1611 г. пришелъ отвѣтъ изъ столицы. Въ этомъ актѣ бояре приказали какъ посламъ, такъ и смоленскому гарнизону сдаться королю и вообще „дальше не препятствовать дѣлу". Однако ни послы,

ни осажденные не подчинились этому распоряженію и заявили, что не считаютъ его „достаточнымъ", такъ какъ онъ не былъ подписанъ московскимъ патріархомъ.

При такихъ условіяхъ отношенія между послами и Сигизмундомъ обострились еще болѣе. Это повліяло на настроеніе умовъ населенія всего Московскаго Государства, такъ какъ все болѣе распространялись вѣсти о томъ, что король не хочетъ соблюдать договоръ, заключенный съ Жолкевскимъ.

Къ несчастію, Сигизмундъ дѣлалъ и другія еще болѣе непростительныя ошибки. Вмѣсто того, чтобы строго придерживаться договора, заключеннаго гетманомъ, онъ открыто выступалъ въ качествѣ обладателя Москвы и издавалъ всевозможныя распоряженія не отъ имени королевича, а отъ своего собственнаго. Такъ, боярамъ, прибывавшимъ подъ Смоленскъ, щедро раздавали должности и имущества; Сигизмундъ назначалъ даже членовъ Боярской Думы! Уже въ сентябрѣ 1610 г. Иванъ Грамотинъ былъ сдѣланъ думнымъ дьякомъ или канцлеромъ, князь Василій Масальскій — великимъ гофмейстеромъ, Ѳеодоръ Андроновъ — казначеемъ. „Сильно — пишетъ Мархоцкій гнѣвалась за это Москва, особенно бояре". Ихъ неудовольствіе выразилось даже весьма рѣшительнымъ образомъ. Когда нѣкоему Ржевскому дали подъ Смоленскомъ окольничество, онъ пріѣхалъ съ грамотами въ Москву къ боярамъ. Съ ними на совѣщаніи былъ тогда и панъ Гонсевскій, ибо онъ всегда тамъ бывалъ; и мнѣ также привелось быть тамъ. Всѣ были огорчены и гнѣвались за это, а Андрей Голицынъ обратился къ пану Гонсевскому со слѣдующими словами:

— „Господа поляки! Великую обиду претерпѣваемъ мы отъ васъ. Мы приняли королевича своимъ государемъ — вы не даете намъ его. Не отъ его имени, а отъ имени короля пишутъ намъ письма. Подъ титуломъ короля даютъ надѣлы и должности, какъ вы это

и теперь видите: люди низкаго происхожденія выростаютъ, ихъ приравниваютъ къ намъ, знатнымъ! Либо пусть этого больше не будетъ, либо освободите насъ отъ нашего крестнаго цѣлованія; а мы сами будемъ промышлять о себѣ".

Конечно, всѣ эти надѣлы и назначенія, даваемыя отъ имени короля, были совершенно незаконны. А такъ какъ новые сановники были преимущественно „людьми низкаго происхожденія", то это тѣмъ болѣе оскорбляло членовъ знатныхъ боярскихъ родовъ; и, кромѣ того, подкапывало ихъ вліяніе и значеніе въ собственномъ обществѣ. Эта политическая ошибка усугублялась еще тѣмъ, что именно названный классъ княжескихъ боярскихъ родовъ былъ единственнымъ общественнымъ слоемъ въ Москвѣ, который искренно желалъ соединенія съ Польшей. Быстро росло неудовольствіе въ Московскомъ Государствѣ. Отъ явнаго выраженія его многихъ сначала удерживалъ страхъ передъ Самозванцемъ; но когда съ его смертью исчезло опасеніе, что Москва можетъ попасть подъ власть „казачьяго царя", тотчасъ же какъ въ столицѣ, такъ и въ Рязанской землѣ началось весьма сильное движеніе противъ Сигизмунда.

Во главѣ движенія стояли двѣ вліятельныя личности, а именно: Гермогенъ, патріархъ московскій, который „изъ-за религіи былъ очень враждебенъ нашимъ дѣламъ", и Прокопій Ляпуновъ, рязанскій воевода. О Ляпуновѣ Жолкевскій разсказываетъ, „что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые не желали ни царствованія обманщика, ни царствованія Шуйскаго. Онъ былъ доволенъ, когда узналъ, что бояре съ паномъ гетманомъ условились относительно Владислава; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ принесъ присягу на имя королевича и привелъ къ ней всю Рязанскую губернію".

Сына своего Владиміра, который былъ совершеннолѣтенъ, послалъ въ Москву къ пану гетману для при-

несенія присяги, выражая свое благоволеніе и вѣрность всей области королевичу Владиславу. Онъ часто писалъ письма къ пану гетману, и панъ гетманъ ему, а сына его послѣдній почтилъ, удовлетворилъ и одарилъ.

„Долго находился Ляпуновъ въ такомъ настроеніи и даже пищу велѣлъ отвозить нашимъ людямъ въ Москву. Но когда стали сомнѣваться относительно пріѣзда королевича, онъ написалъ письмо къ думнымъ боярамъ съ запросомъ: будетъ ли, согласно договору, царемъ королевичъ или не будетъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ отъ себя и отъ имени всей Рязанской земли, что они съ удовольствіемъ желаютъ имѣть государемъ королевича, но никакъ не Е. К. В—о. Письмо было очень длинное: бояре отослали его королю подъ Смоленскъ. Когда же широко распространились слухи о томъ, что Е. В. Король не разрѣшаетъ королевичу выѣхать, Ляпуновъ написалъ другое, очень рѣзкое, письмо къ боярамъ, заявляя, что какъ недруговъ будетъ гнать нашихъ изъ столицы".

Кромѣ Ляпунова, и московскій патріархъ открыто объявилъ себя противникомъ польскаго короля, и даже разсылалъ письма, въ которыхъ призывалъ населеніе къ возстанію и освобождалъ его отъ присяги, принесенной Владиславу.

Ихъ приготовленія къ поднятію вооруженнаго возстанія начались, вѣроятно, еще въ концѣ 1610 г. Съ этой цѣлью враги Сигизмунда разослали анонимныя письма, въ которыхъ старались подстрекнуть народъ къ возстанію противъ поляковъ. Вскорѣ имъ удалось привлечь на свою сторону нѣкоторыхъ изъ бывшихъ сторонниковъ Самозванца.

Въ началѣ января 1611 г. Марина родила сына, „котораго — по выраженію тогдашнихъ донесеній — желая подольститься къ Москвѣ, отдала калужанамъ, чтобы они крестили его въ свою вѣру и воспитали по-сво-

ему". Ляпуновъ воспользовался этимъ и, по словамъ Кобѣжицкаго, „обязавшись принять его, какъ государя, въ случаѣ изгнанія поляковъ", склонилъ въ свою пользу и Зарудскаго, храбраго вождя донскихъ казаковъ.

Движеніе быстро росло. Можно предполагать, что во второй половинѣ января (1611 г.) оно приняло весьма значительные размѣры, такъ какъ въ письмѣ отъ 29-го числа того же мѣсяца Яковъ Задикъ доносилъ Симеону Рудницкому:

„Патріархъ взбунтовалъ народъ по тому поводу, что Е. В. Король не желаетъ дѣлать никакихъ обѣщаній относительно Е. В. Королевича. Поэтому-то отпалъ отъ насъ Нижній-Новгородъ съ сосѣдними крѣпостями и волостями; отпала земля Рязанская, воевода которой, нѣкій Ляпуновъ, собираетъ народъ и подступаетъ къ столицѣ, разсылая по всѣмъ крѣпостямъ очень рѣзкіе универсалы противъ Е. В. Короля. Король велѣлъ выступить противъ него его благородію пану старостѣ Хмѣльницкому и пану Сапѣгѣ".

Усвятскій староста находился тогда въ Перемышлѣ. Одновременно съ приказомъ короля онъ получилъ также письма отъ Николая Струся и отъ Гонсевскаго, просившихъ оказать имъ помощь. Но ни эти письма, ни приказъ Сигизмунда не имѣли никакихъ послѣдствій, такъ какъ войско Сапѣги, все еще неполучившее жалованья, „не согласилось на это, не имѣя никакихъ прочныхъ гарантій отъ Е. В. Короля". Итакъ, оппозиціонное движеніе, которое, вѣроятно, вначалѣ можно бы было подавить безъ труда, росло и распространялось все болѣе.

Тогдашнее настроеніе умовъ среди приверженцевъ Сапѣги являлось также однимъ изъ слѣдствій многочисленныхъ ошибокъ Сигизмунда.

Еще въ началѣ сентября 1610 г., когда усвятскій староста рѣшилъ порвать съ Самозванцемъ, Жолкев-

скій обѣщалъ ему, что будетъ просить короля, чтобы тотъ приравнялъ „заслуги“ его войска „съ полкомъ папа Зборовскаго“. Почти полгода длились переговоры по этому поводу. Войско Сапѣги высылалоословъ въ королевскій лагерь подъ Смоленскомъ, Сигизмундъ прислалъ своихъ въ Мещовскъ. Королевскіе комиссары договаривались детально на счетъ „вѣрнаго вычисленія“ и даже требовали „спеціальной переписи“, но на это „войско не дало согласія“; однако въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, какъ выплата жалованья, или помощь раненымъ и больнымъ, они не сдѣлали никакого рѣшительнаго шага и не взяли на себя отвѣтственности.

Это тѣмъ болѣе возмущало солдатъ, что по свидѣтельству Жолкевскаго „среди нихъ было множество раненыхъ и больныхъ“: и почти всѣ терпѣли нужду, и, „проведя нѣсколько лѣтъ въ этой экспедиціи, сильно нуждались въ коняхъ и военныхъ снарядахъ“.

Когда 12-го февраля послы Сапѣги возвратились изъ-подъ Смоленска и на генеральномъ совѣтѣ доложили, что „ничего утѣшительнаго не получили, а только кормили ихъ обѣщаніями“, озлобленіе достигло крайнихъ предѣловъ. Войско громко жаловалось на „неблагодарность Е. В. Короля“. Часть его, находящаяся въ Перемышлѣ, рѣшила, „чтобы еще лучше убѣдиться въ этомъ“, выслать усвятскаго старосту подъ Смоленскъ, но этому рѣшительно воспротивились отряды, стоявшіе въ Мещовскѣ. Поэтому, когда Сапѣга, по пути къ королю, 18-го числа того же мѣсяца прибылъ въ Ростворовъ, тамъ собрался „генеральный совѣтъ, въ которомъ задержали его благородіе пана гетмана“; а затѣмъ было рѣшено, что „войско, видя такое расположеніе Е. В. Короля, стянувшись вмѣстѣ, должно было само позаботиться о себѣ“.

Какимъ образомъ оно хотѣло сдѣлать это—не находимъ въ дневникахъ Сапѣги и Будилы. Однако въ

современной корреспонденціи находимъ развязку этой загадки.

Въ половинѣ февраля усвятскій староста послалъ письмо къ одному изъ вождей возстанія, князю Юрію Трубецкому, калужскому воеводѣ, предлагая ему какъ свои услуги, такъ и услуги своего войска: „Знайте о насъ—писалъ Сапѣга—что мы люди вольные и не служимъ ни королю, ни королевичу. Мы только настаиваемъ на своихъ заслугахъ и не замышляемъ ничего дурного противъ васъ. И мы не просимъ васъ уплатить намъ просроченное жалованье, а требуемъ лишь, чтобы вознаградилъ насъ за наши заслуги тотъ, кто будетъ московскимъ государемъ. Поэтому вы должны дѣйствовать заодно съ нами и защищать православную вѣру и святыя церкви; а за васъ и при своихъ заслугахъ мы готовы жизнь положить. Если же вы намъ не вѣрите, то получите отъ насъ заложниковъ. Сообщите объ этомъ Прокопію Петровичу Ляпунову. И не коварно, а подъ присягой, пишу вамъ всю правду".

„14-го января писали ко мнѣ изъ Москвы бояре,—князь Ѳеодоръ Мстиславскій съ товарищами,—что отъ нихъ отпалъ Прокопій Ляпуновъ со многочисленными городами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они убѣдительно просили, чтобы я направился въ рязанскіе города, на Ляпунова, на васъ и на тѣ города, которые дѣйствуютъ единодушно съ вами. Но я знаю, что вы, вмѣстѣ съ Ляпуновымъ, стоите за православную вѣру. Вы должны столковаться со мной и написать объ этомъ Ляпунову; ибо я не повинуюсь московскимъ боярамъ и драться съ вами не хочу, а хотѣлъ бы соединиться съ вами узами братства и любви".

Въ заключеніе усвятскій староста торжественно увѣрялъ Трубецкого въ томъ, что совершенно неосновательны слухи, будто его войско ругалось надъ православными церквями. „Злые люди — писалъ Сапѣга—

разсказывали въ Калугѣ, будто мы опустошаемъ святыя церкви и не позволяемъ совершать въ нихъ службу Божію, и даже лошадей въ нихъ ставимъ. Въ нашемъ войскѣ не найдется такого, кто сдѣлалъ бы это. Большая половина нашего воинства состоитъ изъ русскихъ людей; мы же строго наблюдаемъ за тѣмъ, чтобы церкви Божіи ни въ чемъ не были осквернены".

Вотъ какъ думало „порадѣть о себѣ" войско Сапѣги! Быть можетъ, отдавъ свои услуги врагамъ Сигизмунда, имъ, дѣйствительно, удалось бы добиться выплаты просроченнаго жалованья. Но какія причины склонили усвятскаго старосту къ принятію участія въ этомъ дѣлѣ, къ составленію письма, столь несогласнаго со всей его предшествовавшей дѣятельностью и направленіемъ?

Костомаровъ говоритъ, что поступилъ онъ такъ потому, что войско не вознаградили за „заслуги", и подъ вліяніемъ большого негодованія, которое должно было въ немъ вызвать поведеніе короля. Но это объясненіе мнѣ кажется совершенно недостаточнымъ. Вѣдь годъ тому назадъ, когда, благодаря перѣнительности Сигизмунда, „легкокопное воинство изъ полка пана Сапѣги, взбунтовавшись", снова перешло на сторону Самозванца, усвятскій староста поступилъ совершенно въ разрѣзъ съ его намѣреніями. Онъ отправился сперва въ королевскій лагерь подъ Смоленскомъ и, лишь переговоривъ съ Сигизмундомъ, предложилъ Димитрію свои услуги. Итакъ, причины, въ родѣ неуплаты просроченнаго жалованья, не могли привести его къ тому шагу, который сопровождался неисчислимыми послѣдствіями. Поэтому въ данномъ случаѣ слѣдуетъ допустить иныя несравненно болѣе сильныя причины; а именно, что и теперь, какъ послѣ сверженія Шуйскаго, дѣйствовали личныя цѣли Сапѣги. Только подобныя надежды и намѣренія могутъ вполнѣ объяснить намъ его тогдашнее поведеніе. А потому-то мнѣ ка-

кается, что гораздо ближе къ истинѣ стоитъ разсказъ Маскевича, который, упрекая Сапѣгу за подобное поведеніе, указываетъ, что онъ „самъ хотѣлъ сѣсть на царство".

Того же содержанія письма отправилъ усвятскій староста къ воеводамъ въ Тулъ и къ Зарудскому. Уже 24-го февраля получены были отъ нихъ отвѣты.

Предложеніе Сапѣги вызвало, конечно, немалое удовольствіе въ лагерѣ противниковъ. Вожди возстанія весьма охотно согласились на веденіе переговоровъ и потребовали, чтобы Сапѣга прислалъ къ нимъ своихъ пословъ; а сами они отправили своихъ въ Перемышль. Эти переговоры состоялись въ концѣ февраля и въ началѣ марта.

Но вскорѣ оказалось, какъ трудно было столковаться. Ляпуновъ, не довѣряя Сапѣгѣ, не только потребовалъ заложниками „знатныхъ людей", но, кромѣ того, поставилъ условіемъ, что усвятскій староста не соединится съ большой арміей повстанцевъ, которая стягивалась тогда для похода на Москву, а направится въ Можайскъ, чтобы не пропускать подкрѣпленій польскому гарнизону, находящемуся въ столицѣ.

При подобныхъ условіяхъ, предложенныхъ московскими вождями, весьма скоро охладѣло горячее стремленіе къ этому союзу. Кажется, что подъ впечатлѣніемъ полученныхъ доказательствъ недовѣрія, разсѣялись дерзновенные замыслы и надежды Сапѣги, такъ какъ уже въ половинѣ марта наступила новая перемѣна въ его дѣятельности.

Конечно, указанные переговоры совершались въ глубокой тайнѣ. О нихъ ничего не было извѣстно въ королевскомъ лагерѣ подъ Смоленскомъ. Сигизмунду донесли лишь о большой деморализаціи, царящей въ „полку пана Сапѣги"; а именно, „что они хотятъ раздѣлиться на три партіи. Одни, какъ панъ Сапѣга съ нѣкоторыми наиболѣе благоразумными, хотятъ пріѣхать

къ Е. В—у Королю и быть подъ начальствомъ гетмана. Другіе хотятъ итти въ одну изъ московскихъ областей и тамъ отдохнуть послѣ трудовъ. Третьи хотятъ составить конфедерацію, итти въ Польшу, въѣхать въ какую-нибудь экономію" и такимъ образомъ добиться уплаты просроченнаго жалованья.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ извѣстій Сигизмундъ, наконецъ, сдѣлалъ рѣшительный шагъ. 12-го марта прибылъ въ лагерь усвятскаго старосты въ качествѣ его посланнаго „панъ Яницовскій", который заявилъ, что Е. В. Король рѣшилъ войско Сапѣги „во всемъ равнять къ полку пана Зборовскаго".

Это заявленіе, наряду съ трудными условіями, предложенными Ляпуновымъ, подѣйствовали весьма успокоительно. 13-го марта былъ собранъ генеральный совѣтъ, на которомъ хотя и рѣшено было въ теченіе весны остаться на прежнихъ мѣстахъ, но все же „просить пана гетмана, чтобы онъ поѣхалъ къ Е. В. Королю, и самъ былъ ходатаемъ въ военныхъ дѣлахъ". Сапѣга согласился на это и, дѣйствительно, два дня спустя, отправился въ путь къ королевскому лагерю подъ Смоленскомъ. Итакъ, уже въ половинѣ марта наступила нѣкоторая перемѣна въ настроеніи „пановъ солдатъ". Но въ виду поведенія Сигизмунда, еще въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ мѣсяцевъ „нельзя было склонить къ этому воинство": между тѣмъ возстаніе все росло, а вожди его стягивали весьма значительныя силы.

Отряды повстанцевъ собирались между Коломной и Серпуховымъ и тогда уже препятствовали подвозу съѣстныхъ припасовъ къ Москвѣ. Для снабженія ея послѣдними, а также для того, чтобы „разгромить эти отряды", Гонсевскій высылалъ подъѣзды, но они были слишкомъ слабы и не могли помѣшать стягиванію этой арміи. Стали еще строже слѣдить за тѣмъ, чтобы жители столицы не приготовились къ возстанію. Съ

этой цѣлью былъ изданъ строгій приказъ, чтобы „никто не смѣлъ прятать у себя пищалей“. Усиленно слѣдили также за тѣмъ, чтобы затруднить подвозъ оружія въ городъ; у городскихъ воротъ польская стража осматривала всѣ проѣзжавшія телѣги, „чтобы въ нихъ тайно не провезли орудія“. „Мы были осторожны,— пишетъ Маскевичъ — вездѣ у насъ были шпіоны; расположенные къ намъ москали часто совѣтовали намъ не дремать. Шпіоны донесли намъ, что съ трехъ сторонъ идутъ къ столицѣ многочисленныя войска. Это было великимъ постомъ, въ самую распутицу. Подходитъ вербное воскресенье, когда со всѣхъ сторонъ народъ собирается въ Москву. У насъ - усиленная бдительность, стража: все войско не разсѣдлывало коней ни днемъ, ни ночью. Вербное воскресенье прошло спокойно. Во время крестнаго хода было множество народа, но москали не задирали насъ,—потому ли, что видѣли насъ наготовѣ, или же ждали войскъ, идущихъ имъ на помощь. Они, вѣроятно, хотѣли ударить всѣ вмѣстѣ“.

„Въ понедѣльникъ послѣ вербнаго воскресенья шпіоны дали знать, что Ляпуновъ идетъ изъ Рязани съ 80.000, отъ Калуги — Зарудскій съ 50.000, а Просвецкій —съ 15.000 человѣкъ войска. Отовсюду много уѣзженія - шутливо прибавляетъ тотъ же авторъ—ружья не снимаешь съ плечъ, но этимъ не помочь“.

„Совѣщались мы и насчетъ того, чтобы не ждать непріятеля на мѣстѣ, а напасть на нестянувшіяся войска и разбить ихъ каждое порознь. Рѣшено было, что мы выйдемъ на разстояніе нѣсколькихъ миль отъ столицы, чтобы предупредить непріятельскіе замыслы. Но во вторникъ утромъ, когда еще нѣкоторые изъ насъ были у обѣдни, въ Китай-городѣ началась ссора съ Москвой“.

Поводъ къ послѣдней подалъ одинъ изъ польскихъ ротмистровъ, Николай Косаковскій. Ему приказано

было поставить орудія надъ „воротами у львицы". Когда онъ сталъ принуждать извозчиковъ съ рынка, чтобы они помогли втащить орудія на верхъ, началась драка, которая стала принимать угрожающіе размѣры.

Узнавъ объ этомъ, Гонсевскій выбѣжалъ изъ Кремля, но напрасно старался онъ „усмирить" это возмущеніе. „Наши — продолжаетъ Маскевичъ — быстро истребили купеческій народъ въ Китай-городѣ, но въ Бѣлъ-городѣ они были очень сильны, ибо населеніе здѣсь больше и живетъ народъ ратный. Они сейчасъ же достали полевыя орудія съ башенъ и, разставивъ ихъ по улицамъ, жарили по нашимъ. Только мы бросимся на нихъ съ копьями, а они — уже за преградой: наготовѣ у нихъ столы, скамьи, колоды. Мы желая ихъ выманить изъ этой засады, снова отступимъ назадъ; а они, держа все это въ рукахъ, идутъ за нами, и лишь только замѣтятъ, что наши обратятся на нихъ, тотчасъ же загородятъ всѣ улицы. Съ этихъ площадокъ они стрѣляли изъ пищалей такъ удачно, что мы ничего не могли имъ сдѣлать"; особенно же потому, что они изъ „горницъ", изъ всѣхъ оконъ, то изъ пищалей, то камнями, то шестами сквозь рѣшетки поражали нашихъ. Уже пасъ, т. е. конницу, подогнали было ко Кремлю, но мы бросились къ пану Гонсевскому за пѣхотой, которой намъ досталось въ подкрѣпленіе сто человѣкъ. Въ виду многочисленности непріятельскихъ силъ это „подкрѣпленіе оказалось слабымъ, но и оно пригодилось намъ, ибо, съ его помощью и сѣвшивши сами, мы опрокинули ихъ баррикады, вслѣдствіе чего имъ пришлось бѣжать. Но мы еще не были въ выигрышѣ, такъ какъ они, снова построившись и пользуясь тѣсными улицами, сильно вредили намъ своими орудіями. Итакъ, почти каждому было жарко отъ нихъ; наконецъ, кто-то крикнулъ: „Огня! огня! Жгите дома"! Зажгли человѣкъ одинъ домъ, который никакъ не могъ воспла-

мениться. Я вѣрю, что огонь былъ заколдованъ, такъ какъ и во второй, и въ третій, и въ десятый разъ повторилось то же". Наконецъ „добрались наши до смолы, пряжи, смоляныхъ лучинъ и все же съ трудомъ развели огонь". Когда пожаръ увеличивался все болѣе и „вѣтеръ гналъ искры отъ насъ на нихъ, онъ выгналъ ихъ изъ позицій, а мы шли впередъ за огнемъ. Ночь разняла насъ, и тогда всѣ отступили въ Кремль".

На другой день „въ среду утромъ"—читаемъ въ одномъ изъ современныхъ писемъ —вышли думные бояре къ черни, которая снова вооружилась противъ насъ и отъ Бѣлъ-города за ночь укрѣпилась и огородилась отъ нашихъ острогомъ, бочками и другими препятствіями. Бояре просили и умоляли чернь отказаться отъ безпорядковъ, такъ какъ она уже надѣлала много бѣдъ. Но они, разсвирѣпѣвъ, не хотѣли слушать уговоровъ и ругали бояръ:

Вы, жиды, какъ и литва! Сейчасъ мы васъ шапками закидаемъ и рукавами прогонимъ!"

„Тотчасъ же они встрѣтили ихъ выстрѣлами, такъ что бояре должны были отступить, ничего не сдѣлавъ".

Вскорѣ борьба возобновилась. Ея дальнѣйшій ходъ слѣдующимъ образомъ описываетъ Маскевичъ:

„Въ среду мы вышли часа за два до разсвѣта, простившись съ тѣми, которые остались въ крѣпости, такъ какъ почти не надѣялись увидѣться вновь". Выступила нѣмецкая пѣхота и „наши гусары пѣшкомъ, кромѣ двухъ ротъ—т. е. моей, гдѣ я былъ поручикомъ, и пана Скумина, — и такъ шли мы по льду рѣки, ибо не было другого мѣста. Вдругъ наша стража съ „Ивана Великаго" (высокой колокольни въ Крымъ-городѣ) замѣтила что панъ Струсь подступилъ къ столицѣ и сражается съ Москвой, которая не даетъ ему соединиться съ нами, да и негдѣ этого сдѣлать. Въ деревянной оградѣ всѣ ворота заперты; при нихъ боль-

шая стража поставлена Москвой, которая, сдѣлавъ вылазку, тоже отражаетъ врага. Изъ крѣпости намъ дали знать, чтобы мы дали Струсю какое-нибудь подкрѣпленіе. Не зная, какъ иначе спасти его, мы подожгли ограду въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Она построена была очень красиво изъ смоленаго деревяннаго теса: когда заборъ обрушился, пламя все еще горѣло и пылали уголья; видно было, какъ много получилось ихъ отъ подобнаго сооруженія. Панъ Струсь, человѣкъ доблестный и храбрый, не ожидая дольше, пришпоривъ коня, крикнулъ:

— За мной, дѣти, кто доблестенъ!—и сквозь пламя и уголья (30-го марта) прискакалъ къ намъ, а за нимъ и всѣ. Итакъ, вмѣсто того, чтобы его подкрѣплять, онъ насъ подкрѣпилъ. Всѣ были ему рады, какъ Богъ доброй душѣ. Мы немного успокоились и пріободрились.

„Въ этотъ день уже никому не пришлось сражаться съ непріятелемъ; ибо сильный огонь объялъ дома, а жестокій вѣтеръ гналъ пламя. Москвѣ пришлось отступить передъ однимъ огнемъ, а мы шли за нею и до самаго вечера поддерживали пожаръ".

Ночью пожаръ этотъ принялъ такіе размѣры, что „въ замкахъ было такъ свѣтло, какъ въ самый свѣтлый день не бываетъ. Показывался также ужасный дымъ, такой смрадный, какой, вѣроятно, бываетъ въ аду. Тогда мы уже были въ безопасности, ибо насъ защищалъ огонь".

Не столь яркое и образное, но зато болѣе подробное описаніе этихъ событій находимъ въ донесеніи тогдашняго начальника польскаго гарнизона. „Москва, издавна недоброжелательная къ намъ—доносилъ Гонсевскій Сигизмунду въ письмѣ отъ 6-го апрѣля того же года — понадѣялась на свою численность и 29-го марта въ великій вторникъ, въ третьемъ часу дня, затѣяла драку въ Китай-городѣ, гдѣ стоитъ панъ Збо-

ровскій со своимъ полкомъ. Наши, предупрежденные мною съ вечера и въ этотъ день утромъ, всѣ были вооружены, какъ они и прежде часто дѣлали. Многихъ изъ нихъ съ перваго раза наши истребили; потомъ они, выстроившись вновь, огнестрѣльнымъ оружіемъ дали отпоръ также многимъ нашимъ, и въ Бѣлъ-городѣ, гдѣ находились стоянки части полка пана Зборовскаго и полковъ пана Казановскаго и пановъ Вейеровъ, овладѣли нѣкоторыми воротами, такъ что нашимъ пришлось отступать въ Китай-городъ. Видя, что исходъ битвы сомнителенъ, я велѣлъ поджечь деревянный городъ за Москвой-рѣкой и Бѣлъ-городъ въ нѣсколькихъ пунктахъ. Панъ Казановскій съ частью пѣхоты, данной ему въ подкрѣпленіе, держался со своими у воротъ до вечера. На ночь я долженъ былъ и ихъ стянуть въ Крымъ-городъ, гдѣ я живу со своимъ полкомъ и съ пѣхотой".

„Москва всю ночь, производя колокольный звонъ, барабанный бой и крики, не давала намъ спать. Между тѣмъ, два полка отъ Ляпунова, подъ начальствомъ двухъ Плещеевыхъ, вошли въ деревянный замокъ за Москвой рѣкой для подкрѣпленія здѣшнихъ. Къ его благородію пану Хмѣльницкому старостѣ я прежде этого писалъ много разъ, чтобы онъ къ намъ пришелъ. Подойдя къ городу на другой день—30-го марта, онъ, вслѣдствіе непріятельскихъ засадъ, не могъ тотчасъ же притти къ намъ или дать намъ знать. Тогда мы, заявъ свободный проходъ въ Крымъ и Китай-городъ, сдѣлали двѣ сильныя вылазки изъ Крымъ-города. Панъ Казановскій, выйдя въ Бѣлый Городъ съ частью войства, самъ открывая путь всѣмъ, оказалъ вѣрную службу В. К. Величеству и родинѣ. Онъ прогналъ Москву, которая ночью овладѣла было зубцами и башнями замка. Самъ я съ большею частью шелъ Москвой рѣкой, между Скородумомъ и Бѣлъ-городомъ, гдѣ были полки Ляпунова. Его благородіе

папъ Зборовскій, раздвоивъ силы, произвелъ изъ Китай-города черезъ двои ворота свои вылазки. Благословилъ насъ Господь Богъ, на счастье В. К. В—а: въ тотъ день убито большое количество непріятелей, и обширныя поселенія съ большимъ количествомъ измѣнниковъ превращены въ пепелъ. Однако изъ тѣхъ двухъ Ляпуновскихъ полковъ и изъ здѣшнихъ измѣнниковъ многіе, оставивъ все, бѣжали въ поле".

„Въ сумерки мы вернулись въ замокъ. Въ то же время и папъ староста Хмѣльницкій съ воинствомъ (своимъ) вошелъ въ Китай-городъ, счастливо отдѣлавшись отъ непріятельскихъ нападеній, направленныхъ противъ него".

„Въ четвергъ пополудни было спокойно. Потомъ Просовецкій, князь Василій Масальскій, Артемій Измайловъ, князь Рѣпнинъ и другіе воеводы, придя отъ Владиміра съ большимъ войскомъ, остановились верстахъ въ семи отъ Москвы". Согласно другому донесенію, Масальскій и Просовецкій привезли съ собой „на саняхъ доски и дротики, которыми хотѣли оградить себя въ лагерѣ и изъ-за нихъ сгрѣлять. Уже они начали было застраиваться", но поляки не дали имъ окончить постройку этихъ укрѣпленій. „Для этой службы В. К. В—а я послалъ пана старосту Хмѣльницкаго, пана Зборовскаго съ воинствомъ ихъ и его благородіе пана Ворковскаго съ нѣмецкой нѣхотой, присоединивъ къ нимъ изъ своего полка пана Гречину и пана Гласкаго съ ихъ рогами. Они загнали врага, усердно возводившимъ острожекъ: и тамъ ихъ Господь Богъ, къ удачѣ В. К. В—а, благословилъ: непріятель былъ разгромленъ, лагерь съ артиллеріей взятъ; непріятельской нѣхоты убито немало: а конница почти вся бѣжала; —ночь пришла ей въ помощь".

Нѣсколько точнѣе описываетъ эту битву другое современное донесеніе. „Наши — пишетъ авторъ этого

письма—не могли долго гнаться за ними вслѣдствіе глубокаго снѣга. Вернулись снова въ тотъ же лагерь и тамъ стрѣльцовъ и нищую нѣмецкую Москву, которые заперлись было въ одной церкви, истребили, сожгли орудія и лагерь съ городкомъ взяли".

Въ этомъ остроженъ погибло будто бы до 5000 человѣкъ. Кромѣ того, въ немъ была взята серебряная булава и тринадцать знаменъ. Нѣсколько недѣль спустя, нѣкій Глосковскій привезъ ихъ въ королевскій лагерь подъ Смоленскомъ.

Еще большее количество непріятелей погибло въ теченіе двухъ предыдущихъ дней. „Однако боярин Безобразовъ —младшій, который" за нѣсколько дней до этого „отъ того войска пріѣхать къ Е. В—у Королю и присутствовать при всемъ этомъ, не считаетъ убитыми болѣе 8000 человѣкъ, кромѣ погорѣлыхъ, говоря, что множество людей бѣжало отъ огня въ поле.

Черни наши убивать не хотѣли, а велѣли ей бѣжать изъ города".

Въ числѣ прочихъ погибъ тогда же Андрей Голицынъ, а также „много бояръ и богатыхъ купцовъ".

Во время этихъ битвъ, вообще свидѣтельствующихъ о славной храбрости польскаго гарнизона, къ несчастію, произошли также весьма печальныя и неблагопріятныя для нашихъ событія. „Когда была битва—разсказывалъ тотъ же Безобразовъ —нѣкоторые изъ нашихъ, забывъ совѣсть и всякую добродѣтель, вмѣсто того, чтобы подкрѣплять своихъ, бросились въ Китай-городъ и стали грабить церкви, купеческія лавки, которыхъ тамъ было очень много, боярскіе дворы и весь замокъ, взявъ большую добычу и гордясь ею, они перестали повиноваться своимъ начальникамъ. Карать ихъ нельзя никакъ; и старшимъ досталось немало хлопотъ съ ними. Наконецъ, когда, послѣ этого грабежа, наши ночью возвращались назадъ, они застали

этихъ безбожныхъ негодяевъ, пробравшихся уже въ Крымъ-городъ, къ послѣднему и самому высокому замку и грабившихъ его. Наши отбили ихъ, но съ трудомъ могли ихъ унять".

Грабежемъ занималась преимущественно лагерная челядь, но къ ней присоединились также „нѣкоторые легкокопные воины изъ полка паша Зборовскаго". Виновныхъ было столько, что невозможно было ихъ карать. Позднѣе награбленныя вещи распродавались въ полковыхъ манежахъ.

Одновременно съ этимъ въ Кремлѣ произошелъ также весьма важный случай.

Давно уже поведеніе патріарха возбуждало все болѣе сильное неудовольствіе, какъ среди расположенныхъ къ намъ бояръ, такъ и въ польскомъ лагерѣ подъ Смоленскомъ. Еще въ декабрѣ 1610 г. онъ тайно разсылалъ письма, въ которыхъ призывалъ народъ къ возстанію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освобождалъ его отъ присяги, принесенной Владиславу. Тогда же гонца съ такими грамотами схватилъ одинъ изъ польскихъ подъѣздовъ. Наконецъ, онъ вызвалъ столь сильное негодованіе, что, „какъ зачинщика этихъ бунтовъ, его заключили подъ стражу". Это дѣло было поручено нѣкоему „Малицкому, который сторожилъ его такъ, что никто не входилъ къ патріарху безъ его вѣдома и разрѣшенія, а его самого онъ за порогъ не выпускалъ".

Подъ вліяніемъ послѣднихъ событій еще суровѣе поступила съ Гермогеномъ Боярская Дума, слѣдуя примѣру московскихъ царей, которые произвольно назначали и устраняли патріарховъ. „Бояре — пишетъ несомнѣнно точно освѣдомленный въ этомъ отношеніи Арсеній, архіепископъ еласонскій — лишили патріарха его сана и, снявъ съ него архіепископское облаченіе,

одѣли въ монашескую рясу и заключили во дворѣ, принадлежащемъ монастырю св. Кирилла".

Въ этомъ заключеніи, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Гермогенъ и скончался.

„Послѣ отбитія Просовецкаго разсказываетъ Марковскій жители Москвы, отчаявшись въ помощи отъ своихъ сторонниковъ, стали просить милости и сдаваться. Мы приняли отъ нихъ это раскаяніе. Было запрещено убивать ихъ, и сейчасъ протрубили возвращеніе, а тѣмъ, которые сдались, велѣли носить знаки, т. е. подпоясываться полотенцами". Гонсевскій далъ имъ „приставовъ для защиты", въ присутствіи которыхъ они снова въ теченіе двухъ дней, т. е. въ четвергъ и въ пятницу, приносили присягу на имя Владислава.

Но недолго длилось это ихъ „вѣрное подданство;" ибо на третій день, —доноситъ Гонсевскій въ томъ же сообщеніи, - когда новыя арміи повстанцевъ подошли къ столицѣ, они снова „измѣнили: едва удалось моимъ приставамъ уйти живыми". Ибо за это время „Ляпуновъ, Заруцкій и князь Димитрій Трубецкой изъ Калуги съ внушительными силами остановились въ трехъ миляхъ отъ Москвы, въ монастырѣ на Угрѣшѣ". Съ другой стороны, отъ Ярославля, наступалъ князь Ѳеодоръ Волконскій и Иванъ Волынскій съ нѣсколькими тысячами войска. Просовецкій, Измайловъ, разбитые раньше, присоединились къ нимъ и уже захватили два каменныхъ укрѣпленныхъ монастыря—Симоновъ и Андроніевъ, расположенные тутъ же въ полѣ подъ Москвой. Мы не успѣли снабдить эти монастыри гарнизонами, а разрушить ихъ такъ скоро было невозможно. Кромѣ того, много здѣшнихъ изъ города бѣжало туда. Тамъ всѣ собираются. Конечно, этому старались воспрепятствовать, но у насъ

было мало пѣхоты и казачьихъ роть, а гусаръ вслѣдствіе глубокаго снѣга нельзя было употребить.

„Вчера (т. е. 5 апрѣля) я выходилъ на этихъ враговъ со своимъ полкомъ, съ частью нѣмецкой пѣхоты и съ нѣсколькими ротами изъ полка пана Зборовскаго и изъ полка пана Казановскаго. Они нападали на насъ, но будучи отбиты, бѣжали въ поселенія, находившіяся тутъ же подъ монастырскими стѣнами, въ которыхъ многіе изъ нихъ стояли, а мы сожгли до основанія острожки, которые они стали было строить возлѣ стѣнъ, и набрали много языковъ".

Но въ виду превосходства силъ непріятеля не легко было одержать эту побѣду. „Тутъ же подъ ихъ лагеремъ пишетъ Мархоцкій — находилось маленькое селеніе, въ которомъ у нихъ стояли свои стрѣльцы. Туда прибылъ панъ Гошевскій съ сотней мушкетеровъ нѣмецкой пѣхоты; онъ пустилъ ее въ это селеніе, чтобы она перестрѣляла московскую. Но они ничего не могли сдѣлать: ихъ выбили оттуда и нѣкоторыхъ застрѣлили, такъ что пѣхотѣ пришлось отступать къ конницѣ; а потомъ и намъ, конными, эта московская пѣхота стала вредить. Дошло до того, что легконогіе воины, у которыхъ были длинныя пищали, должно было спѣшиться и вступить въ перестрѣлку съ этой пѣхотой, а роты мы отвели далеко назадъ, ибо мы безъ нужды наступили. Пѣхота московская отступила: по конницу намъ не удалось выманить. И простоявъ такъ долго, мы начали отступать къ городу; увидя это, они, наконецъ, вышли за нами изъ своихъ позицій. Какъ только мы обращались къ нимъ фронтомъ, они отступали назадъ; какъ только мы отступали къ городу, они шли за нами. А потому трудно и опасно было это наше отступленіе съ поля, но мы, по милости Божьей, ушли благополучно".

„Пѣшіе, взятые въ этой битвѣ въ неволю, разсказывали—кончаетъ Гошевскій свое донесеніе —что

непріятель знаетъ о нашихъ небольшихъ запасахъ пищи, такъ какъ мы за гроши жили рыночными продуктами, а въ посадахъ, хотя запасовъ было и много, огнемъ все было превращено въ пепелъ: поэтому они хотятъ кругомъ обложить насъ острожками и надѣются только одинмъ голодомъ, при другихъ своихъ хитростяхъ, выгѣснить насъ отсюда, что ему легко можно будетъ сдѣлать, и на что В. К. В—о, государь нашъ, извольте обратить вниманіе. Поэтому покорнѣйше просимъ В. К. В—о прислать намъ подкрѣпленіе".

Помощи этой просилъ также Иванъ Безобразовъ, который въ половинѣ апрѣля „съ письмами отъ пана Гонсевскаго" прибылъ въ королевскій лагерь подъ Смоленскъ.

Но Сигизмундъ, занятый главнымъ образомъ осадой этой крѣпости, при войскѣ, давно уже не получавшемъ жалованья, и при пустой казнѣ, не могъ скоро удовлетворить даже этого требованія. Итакъ, польскій гарнизонъ въ столицѣ, въ виду превосходящихъ непріятельскихъ силъ, очутился вскорѣ въ весьма тяжеломъ положеніи.

XVII.

Безплодные переговоры со смоленскимъ гарнизономъ. — Заточеніе московскихъ пословъ. — Дальнѣйшія усилія съ цѣлью взять Смоленскъ.—Послѣдній штурмъ, увѣнчанный взятіемъ этой крѣпости.

Одновременно съ этимъ подъ Смоленскомъ произошли событія, еще болѣе возстановившія Москву противъ Сигизмунда и поляковъ.

Несмотря на настойчивость Смоленскаго гарнизона, въ 1611 году продолжались переговоры относительно сдачи этой крѣпости. Въ началѣ марта „Сигизмундъ даже разрѣшилъ", чтобы жители Смоленска не ему, а

Владиславу принесли присягу въ вѣрности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ, чтобы „впустили въ крѣпость“ польскій гарнизонъ, состоящій по крайней мѣрѣ изъ 600 человѣкъ. А Шеинъ на это условіе не согласился.

Въ польскомъ лагерѣ полагали, что главной причиной такой настойчивости были тайныя интриги московскаго посольства, преимущественно же Василія Голицына. „Посылаетъ онъ въ Смоленскъ жалуется письмомъ отъ 1-го декабря 1610 г. одинъ изъ королевскихъ придворныхъ,—когда хочетъ, и съ тѣмъ ему заблагоразсудится. Принимаютъ его письма и его гонцовъ, а онъ нисколько этого не отрицаетъ, только утверждаетъ, что все это дѣлаетъ для блага Е. В. Короля“.

Двоихъ изъ московскихъ пословъ, а именно—Луговскаго и князя Мезецкаго перебѣжчики изъ Смоленска „въ глаза укоряли“, что они уговаривали гарнизонъ „крѣпко держаться“ и обѣщали имъ скорую помощь. По словамъ Кобѣжицкаго, Голицынъ не только находился въ соглашеніи съ Шеинымъ, побуждалъ и впредь оказывать сопротивленіе, предупреждая о намѣреніяхъ польскихъ вождей; но кромѣ того велъ тайные переговоры со шведскимъ королемъ. Карлъ IX потребовалъ отъ него, чтобы одинъ изъ его сыновей былъ избранъ на московскій престолъ.

Чтобы прекратить подобныя интриги, уже въ началѣ 1611 г. рѣшено было удалить пословъ изъ лагеря и отправить ихъ къ королевичу Владиславу въ Вильно. „Голицыну—читаемъ въ современномъ письмѣ—велѣно собираться въ Вильно; ему сказано: „ты посланъ на сеймъ просить Е. В. Королевича. Поэтому ты теперь поѣдешь въ Вильно и будешь бить челомъ Е. В. Королевичу, чтобы онъ не препебрегъ вами и вашимъ государствомъ, и тамъ дождешься сейма“. Онъ, очень смущенный этимъ, оттоваривался тѣмъ, что у

него поколѣли лошади, почему и мошна у него пуста, но все это ему не удалось", тѣмъ болѣе, что въ теченіе слѣдующихъ недѣль были получены новыя доказательства его интригъ. Тогда литовскій канцлеръ призвалъ къ себѣ пословъ и, въ присутствіи всѣхъ сенаторовъ, находящихся въ королевскомъ лагерѣ, въ суровыхъ выраженіяхъ сталъ ихъ попрекать за коварное и вѣроломное поведеніе, совершенно не согласное съ инструкціей и приказаніями, данными имъ московскими боярами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сапѣга предупредилъ ихъ, что они немедленно должны отправиться въ Вильно.

Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что и эти упреки, и удаленіе пословъ изъ лагеря были совершенно справедливы; но, къ несчастью, Сигизмундъ не ограничился этимъ, а въ негодованіи своемъ допустилъ шагъ, являющійся возмутительнымъ нарушеніемъ международнаго права. 5-го апрѣля „пословъ заключили подъ стражу или, вѣрнѣе, въ тюрьму", а три недѣли спустя, выслали сперва въ Вильно, а затѣмъ въ Каменку подо Львовомъ. Здѣсь ихъ держали „больше полугода, наконецъ, зимой, послѣ новаго года", по приказанію короля, ихъ привезли въ Варшаву, „откуда потомъ разослали по разнымъ крѣпостямъ".

Заключеніе въ тюрьму московскихъ пословъ было однимъ изъ тяжкихъ заблужденій Сигизмунда, которое вызвало негодованіе и создало новыхъ враговъ Польши.

—

Несмотря на неудачи первыхъ попытокъ взятія смоленской крѣпости, какъ въ концѣ 1609 г., такъ и въ слѣдующемъ году, продолжали примѣнять тѣ же „хитрости". Обстрѣливали крѣпостныя стѣны, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подводили подкопы, а однажды ночью старались захватить двои ворота, но, благодаря бди-

тельности гарнизона, „обманули всѣ эти хитроумныя попытки“. Наконецъ, даже Сигизмундъ долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что его тогдашнія силы были совершенно недостаточны для взятія столь могущественной твердыни.

Съ наступленіемъ весны 1610 г. „задумалъ Е. В. Король изъ треснувшихъ орудій, прибавивъ мѣди, отлить новыя“, кромѣ того, онъ рѣшилъ выписать изъ Риги осадныя орудія.

29-го мая, дѣйствительно, восемь орудій „привезли въ лагерь: Бабу, Василиска и шесть Братьевъ, довольно крѣпкихъ и чистыхъ“. Но эти орудія „нуждались въ большой починкѣ“. Пока ихъ чинили, занялись рытьемъ шанцевъ, установкой и насыпаніемъ корзинъ.

Это была нелегкая задача, ибо осужденные старались изо всѣхъ силъ помѣшать работѣ. Конечно, работали ночью, но „каждую ночь шла большая и сильная стрѣльба“. „Наконецъ, пишетъ Яковъ Задикъ въ письмѣ отъ 26-го іюня—установили корзины на хорошемъ мѣстѣ, съ большимъ преобладаніемъ, но и не безъ урона нашихъ. Убито до двадцати гайдуковъ, подстрѣлили ихъ свыше тридцати. Весь напоръ стрѣльцовъ обратился было въ одно мѣсто, и если бъ наши вожди не раздвоили ихъ, то пришлось бы либо отступить отъ нашихъ корзинъ, либо многихъ оставить на мѣстѣ убитыми. Сдѣлали видъ, что съ одной стороны будутъ насыпать корзины, и, дѣйствительно, уставили тамъ около десятка штукъ. Съ другой стороны около двухъ съ половиной тысячъ казаковъ подбѣжали съ сильнымъ крикомъ подъ самую крѣпость. Такимъ образомъ эти люди, бывшіе въ одномъ мѣстѣ, должны были разрываться, чтобы защищать и другія мѣста, откуда они боялись опасности; а нашимъ представился удобный случай усерднѣе исполнить свою работу. Дѣйствительно, они много сдѣлали въ такую

свѣтлую и короткую ночь, которая длится не болѣе четырехъ часовъ: они поставили до 60 корзинъ и наполнили большую часть ихъ. Въ прошлую и въ сегодняшнюю ночи сдѣлали почти тоже, наполняя оставшіяся корзины и устанавливая другія. При этой работѣ оказалось нѣсколько убитыхъ, а также — подстрѣленныхъ".

Нѣсколько дней спустя, 2-го іюля „поставили орудія въ корзины и приготовили все для бомбардировки. Всѣхъ орудій въ корзинахъ было 19".

Одновременно съ этимъ стали дѣлать приготовленія для штурма. „Пороху и пуль — доносилъ Задикъ въ одномъ изъ своихъ предыдущихъ писемъ — довольно съ насъ, но пѣхоты мало. Хотѣлось бы этотъ недостатокъ пополнить казаками, которыхъ ожидаемъ изъ-подъ Стародуба и Почапова до двадцати тысячъ".

Еще въ началѣ іюня послали къ нимъ съ воззваніемъ и съ „уполномоченіемъ выплаты жалованья" Обалковскаго, одного изъ королевскихъ стряпчихъ. Но долгое время ихъ ждали напрасно. Это весьма безпокоило Сигизмунда, „ибо Москва изъ крѣпости противъ нашихъ орудій дѣлала подкопы", и польскіе инженеры „опасались какого-нибудь затрудненія по этому случаю". Дѣйствительно, 26-го іюля „осажденные подложили порохъ подъ пашцы". Миша, взорвавшись, „разрушила часть ихъ и смяла около десятка нѣмцевъ".

Между тѣмъ, понемногу стягивались отряды казаковъ. Первымъ прибылъ „панъ Щенсный-Харлинскій" и привелъ съ собой „нѣсколько сотъ человѣкъ". 21-го іюля „пришелъ какой-то Колибака со своей компаніей", состоящей изъ 2500 „сброда". Когда, наконецъ, прибыли 7000 казаковъ изъ Стародуба и Почапова, а также „люди отъ Бѣлой, въ среду (28-го іюля) — разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ — въ квадратную башню стали стрѣлять изъ орудій. Разрушивъ ее, около полудня открыли одну стѣну. Наши хотѣли

было сейчасъ же овладѣть ею, но Москва такъ сильно обстрѣливала ихъ, что они никакъ не могли тамъ удержаться и, потерявъ около двадцати человѣкъ, отступили. Въ четвергъ утромъ разрушили остатокъ башни и деревянныя части ея зажгли, такъ что вся верхушка обрушилась. Послѣ обѣда стрѣляли въ стѣну рядомъ съ башней и, сдѣлавъ немалую пробоину, собирались въ пятницу утромъ приступить къ штурму, но должны были отложить его до сегодняшняго дня. Вчера, выстрѣлами снося и разрушая зубцы, все войско въ строю ждало разсвѣта. Гусары снѣшились, чтобы итти на штурмъ. Казаки съ лѣстницами стояли наготовѣ съ нѣсколькихъ сторонъ, ожидая лишь условленнаго сигнала, чтобы всѣмъ одновременно сдѣлать нападеніе. Когда все находилось въ такомъ положеніи, пустили 200 человѣкъ пѣхоты изъ нѣмцевъ и венгерцевъ къ пролому въ стѣнѣ Они дружно подбѣжали и стали перестрѣливаться съ Москвой, ожидая подкрѣпленія; но, не видя послѣдняго, которому велѣли повременить, стали отступать, и въ этомъ отступленіи большая часть ихъ была убита выстрѣлами изъ угловыхъ башенъ. Казаки съ одной стороны окликнули ихъ, но и тѣ, услыша, что у пролома ничего не происходитъ, тоже потерпѣвъ не малый уронъ, отступили назадъ. Таковъ былъ сегодняшній первый штурмъ, въ которомъ распорядители битвы напрасно погубили немало хорошихъ людей".

Въ послѣдующіе дни продолжали обстрѣливать крѣпостныя стѣны, а 21-го августа снова „стали штурмовать"; но и на этотъ разъ поляки были отбиты съ большимъ урономъ. Въ современныхъ письмахъ мы находимъ жалобы на недостатокъ „пригодныхъ людей", главнымъ образомъ хорошей пѣхоты, на нестройность и безалаберность казаковъ; но кажется, что главной причиной неудачъ была неспособность „распорядителей битвы", а именно—какъ самого Сигизмунда, такъ

и „папа воеводы брацлавскаго", который послѣ ухода гетмана сдѣлался главнокомандующимъ осаждающей арміи.

Послѣ отбитія второго штурма на долгое время оставили всѣ попытки овладѣть Смоленскомъ. Между тѣмъ, Владиславъ былъ избранъ царемъ московскимъ, а въ половинѣ октября прибыло изъ Москвы торжественное посольство въ королевскій лагерь, чтобы съ самимъ Сигизмундомъ окончательно столковаться по этому дѣлу. Всѣ надѣялись, что съ помощью пословъ осажденные согласятся наконецъ на сдачу, и съ этой цѣлью въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ велись съ ними переговоры.

Во время этихъ переговоровъ 27-го ноября „пробрался" изъ Смоленска одинъ москвичъ. Онъ предложилъ подвести такую мину, которая, взорвавшись, облегчитъ доступъ въ крѣпость. Въ теченіе нѣсколькихъ дней работали надъ нею подъ руководствомъ Новодворскаго и „инженера" Апельмана. Въ этомъ подкопѣ заложено было будто бы сто пятьдесятъ центнеровъ пороха.

„Желая опять попытать удачу такой хитростью", 1-го декабря „до зари двинули войско подъ стѣны. Выѣхалъ въ поле и Е. В. Король. Зажгли одинъ фитиль на разсвѣтѣ, потомъ и другой. Уже былъ полдень, и солдатъ, стоя на морозѣ, скучалъ; но и третій фитиль не могъ поджечь пороха, который недѣлю лежалъ въ землѣ. Въ крѣпости всѣ были наготовѣ и ждали нашихъ, о чемъ свидѣтельствовала ихъ частая стрѣльба изъ башенъ и со стѣнъ. Только въ полдень дали одному венгерцу, главному гайдуку Е. В. Короля, 100 талеровъ, и онъ голой рукой поджегъ порохъ, послѣ чего выскочилъ впередъ къ нашимъ шанцамъ. Онъ сильно ожегся, но будетъ живъ и здоровъ. Не скоро послѣ этого, такъ что можно было прочесть половину молитвы Господней, порохъ взорвалъ боль-

шой участокъ земли возлѣ стѣны съ нашей стороны: наконецъ, стѣны обрушились, и даже земля дрогнула. Стѣну взорвало на двадцать съ лишнимъ сажень; разметало также и недавно разрушенную башню; осталася лишь небольшой ея обломокъ. Изъ нашихъ никто не пострадалъ. Нѣсколькихъ москалей взорвало на воздухъ, а остальныхъ — страху и ея отводные пикеты накрыли стѣны, которыя упали на ихъ сторону. Вѣтеръ гналъ на нашихъ весь порохъ, дымъ и пыль, поэтому Москва раньше насъ могла вступить въ битву. Однако подбѣжала часть венгерскихъ и нѣмецкихъ ротъ, изъ которыхъ нѣсколько храбрыхъ лицъ бросились впередъ къ проломy. Они увидѣли, что полконъ не до конца обрушился; а валъ остался цѣлъ, такъ какъ его почти не тронулъ взрывъ; послѣ чего наши сдѣлали отступленіе. Они хотѣли опять построиться и посылали гусаръ къ Е. В. Королю, желая непремѣнно выскочить изъ шанцевъ, но имъ не дозволили", ибо „кавалеръ" Новодворскій, который тоже отправился къ пролому, чтобы внимательно осмотрѣть его, вскорѣ убѣдился, что осажденные за стѣной насыпали валъ „вышиною въ два дротика", и что въ этомъ мѣстѣ они собрали весьма значительныя силы. Итакъ, подобно предыдущимъ, и эта попытка овладѣть крѣпостью была совершенно безплодна.

Съ этихъ поръ снова въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не предпринимали ничего. Наконецъ, когда, по разсказамъ перебѣжчиковъ, убѣдились, что силы осажденныхъ уже значительно ослабѣли, и что ихъ ряды сильно порѣдѣли отъ заразительныхъ болѣзней, въ началѣ іюня рѣшено было сдѣлать новый приступъ. Руководилъ имъ Яковъ Потоцкій, каменецкій каштелянъ, который послѣ смерти брата сдѣлался вождемъ осаждающей арміи.

„Въ воскресенье 12-го іюня — читаемъ въ современномъ донесеніи — какъ только стемнѣло, подсту-

шли паши къ стѣнамъ съ лѣстницами, петардами и мѣшками, въ которыхъ было пятьдесятъ центнеровъ пороха". Съ востока подошелъ къ крѣпости „его благородіе панъ каменецкій; съ сѣвера отъ Днѣпра—панъ маршалокъ Дорогостайскій съ паномъ Варѳоломеемъ Новодворскимъ съ петардой и порохомъ"; съ запада „отъ шанцевъ, гдѣ батарея стояла противъ большого пролома въ разрушенной стѣнѣ,—панъ староста Фелинскій" (Стефанъ Потоцкій): наконецъ, съ юго-западной стороны „отъ старыхъ шанцевъ—съ нѣмецкой пѣхотой Нейкирхенъ, поручикъ его благородія пана Мартина Вейера, пуцкаго старосты".

Каменецкій кашелянъ первымъ взобрался на стѣны. Тогда только спохватились осажденные и ударили въ набатъ. Но вскорѣ „на помощь нашимъ подоспѣли новые отряды, прорвавшіе ряды непріятеля".

Во время этой битвы на стѣнахъ „панъ кавалеръ Новодворскій, подложивъ петарду въ трубу, отводящую нечистоты изъ крѣпости въ Днѣпръ, собственной рукой и съ опасностью для жизни поджегъ ее и взорвалъ часть стѣны длиною въ десять саженъ, а шириною—въ четыре".

Послѣ взрыва петарды, „ударивъ въ трубы и барабаны", тотчасъ же ворвался въ крѣпость „его благородіе панъ маршалокъ съ паномъ кавалеромъ" и „захватилъ орудіе у того пролома, который пробили наши".

„Тогда-то палъ духомъ непріятель, уже и безъ того оробѣвшій: его удивило, какимъ образомъ обрушилась стѣна, такъ какъ съ этой стороны и подкоповъ не дѣлали и подложить петарду вслѣдствіе крѣпко заколоченныхъ воротъ было невозможно".

Между тѣмъ, послѣ краткой, но жаркой, схватки, при помощи другихъ отрядовъ, Стефанъ Потоцкій пробрался на высокій валъ „противъ пролома разрушенной ранѣе стѣны". Одновременно съ этимъ Дорогостайскому удалось отбить одни изъ заколоченныхъ во-

ротъ: польскія войска немедленно ворвались въ нихъ и вскорѣ овладѣли крѣпостью.

Осажденные, потерявъ надежду на возможность дальнѣйшей защиты, толпами укрывались въ крѣпостной церкви, но спастись удалось лишь немногимъ. „Ибо наши—разсказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Адамъ Вихровскій—безъ нужды зажгли зубцы. Этотъ пожаръ причинилъ много вреда: сгорѣло болѣе десяти башенъ въ крѣпости и вся крыша зубцовъ со стороны Днѣпра. Отъ этого пожара занялся и городъ" и „прекрасная каменная" церковь, „въ которой они", по тогдашнему обыкновенію, „хранили всѣ лучшія и драгоцѣннѣйшія вещи".

Въ другомъ мѣстѣ—„повыше царскихъ воротъ"—сами жители подожгли одинъ домъ. Дорогостайскій напрасно старался потушить этотъ пожаръ, такъ какъ солдаты послѣ овладѣнія крѣпостью тотчасъ же разбѣжались на грабежъ.

По близости отъ той церкви „въ нѣсколькихъ подвалахъ" находились большіе склады пороху; „когда огонь добрался до нихъ - разсказываетъ одинъ очевидецъ ужасно было слышать и смотрѣть. Ничто землетрясеніе, ничто молніи и громы, но какое-то соединеніе всего этого вмѣстѣ". Отъ такого ужаснаго взрыва рухнули какъ сосѣдніе дома, такъ и крѣпостная церковь, которая подъ своими обломками погребла толпы народа, а также—громадныя, хранившіяся тамъ, сокровища.

Такимъ образомъ крѣпость въ теченіе четырехъ часовъ была совершенно разрушена. Съ отчаянія многіе мѣстные жители толпами бросались въ огонь. Только женщины бѣжали въ польскій лагерь. Когда „ихъ спрашивали о Шеинѣ, онѣ сказали, что тотъ не убитъ и не сгорѣлъ, а заперся съ десяткомъ—двумя человѣкъ въ башнѣ". Дѣйствительно, Шеинъ съ женой и сыномъ заперся въ одной изъ крѣпостныхъ ба-

шепъ и яростно защищался. Этотъ достойный защитникъ Смоленска, несомнѣнно, хотѣлъ погибнуть въ борьбѣ; но „тѣ, что были съ нимъ“, главнымъ же образомъ—его маленькій сынъ, стали отговаривать его. Тогда онъ велѣлъ призвать пана Каменецкаго, а когда тотъ пришелъ“, сдался ему со всѣми окружавшими его.

Кромѣ него, былъ также взятъ въ плѣнъ архіепископъ смоленскій Сергій и другой тамошній воевода, Петръ Горчаковъ.

При этомъ штурмѣ погибло около тридцати поляковъ, кромѣ того, было около двадцати раненыхъ. Потери же осажденныхъ были громадны: „нѣсколько сотъ“ погибло въ борьбѣ, кромѣ того, „немало видно было обгорѣвшихъ, особенно тяжело больныхъ, которые не могли спастись отъ огня“.

За все время осады ихъ погибло, главнымъ образомъ отъ заразительныхъ болѣзней, будто бы болѣе двухсотъ тысячъ.

Значительная добыча досталась въ руки побѣдителей: 50 орудій большого калибра, около 200 меньшаго, гаковницъ[1]), мортиръ, ружей, свинца „несчетное количество“. Досталисъ также громадные запасы живности: „они могли продержаться съ нею больше года; здѣсь были: куры, павлины, свиньи. Цѣлые дома были наполнены всевозможнымъ зерномъ У нихъ были запасены также въ изобиліи медъ, водка, мальвазія, вино, пиво, только соли у нихъ не доставало. Пищи было столько—пишетъ въ томъ же письмѣ Адамъ Вихровскій—что скорѣе бы они заморили насъ голодомъ, чѣмъ мы ихъ“.

Всякую иную добычу, во избѣжаніе споровъ, король велѣлъ перепести въ манежъ. „Паны солдаты“ должны были поровну раздѣлить ее между собой, но имъ немногое досталось, такъ какъ огонь почти все „испортилъ“.

---

[1]) Большія старинныя ружья.

На другой день, 14-го іюня, въ длинной рѣчи каменецкій каштелянъ поздравлялъ Сигизмунда со взятіемъ крѣпости. Затѣмъ „плѣнныхъ вручили Е. В. Королю“, а послѣ торжественнаго благодарственнаго молебна былъ устроенъ великолѣпный пиръ для всего воинства.

Спустя три недѣли, Сигизмундъ уѣхалъ въ Польшу: 25-го іюля совершился его торжественный въѣздъ въ Вильно. Тогда ему и въ голову не приходило, что хотя онъ и овладѣлъ Смоленскомъ, но, благодаря своему поведенію, уже лишился почти всего Московскаго Государства.

XVIII.

Войско Сапѣги возвращается подъ столицу.—Двуличная роль усвятскаго старосты.—Его экспедиція за провіантомъ.—Потеря и пріобрѣтеніе вновь Бѣлыхъ стѣнъ.—Смерть Ляпунова.—Деморализація въ польскомъ войскѣ.—Смерть Яна Петра Сапѣги.—Ходкевичъ идетъ подъ Москву.

Между тѣмъ, въ Москвѣ все болѣе возрастала непріязнь къ Сигизмунду. Онъ старался смягчить ее и главнымъ образомъ съ этой цѣлью въ началѣ апрѣля того же года отправилъ новое посольство „къ думнымъ боярамъ въ столицѣ“. Эти послы должны были снова торжественно подтвердить имъ, что польскій король пришелъ подъ Смоленскъ „не для уничтоженія Московскаго Государства и церквей Божіихъ, не на погибель православной вѣры, а для прекращенія кровопролитія и установленія всеобщаго мира“. Въ случаѣ нужды они уполномочены были заявить объ этомъ всенародно—„передъ всѣмъ міромъ на Лобномъ мѣстѣ“. Но, вслѣдствіе крупнѣйшихъ ошибокъ Сигизмунда, это средство оказалось совершенно безплоднымъ. Весьма мѣтко выразился по этому поводу Левъ Сапѣга въ письмѣ отъ 15-го числа того же мѣсяца:

„Все непорчено ничѣмъ инымъ, какъ только плохими совѣтами и упрямствомъ, и теперь трудно уже поправить". При такихъ условіяхъ королю оставалось лишь одно средство: вооруженными силами подавить повстанческое движеніе.

Но польскій гарнизонъ въ столицѣ былъ слишкомъ слабъ, чтобы осилить подобную задачу. Поэтому Сигизмундъ рѣшилъ отправить въ Москву лифляндскія войска подъ начальствомъ Ходкевича и, кромѣ того, дать полякамъ Сапѣги требуемое ими „обезпеченіе".

Для основательнаго соглашенія по этому дѣлу еще 21-го марта, вмѣстѣ съ извѣстнымъ уже Матвѣемъ Янковскимъ, увятскій староста прибылъ въ королевскій лагерь. Онъ жилъ цѣлую недѣлю подъ Смоленскомъ и, какъ самъ выражается въ современномъ письмѣ,— „упорно работалъ надъ тѣмъ, чтобы получить отъ Сигизмунда удовлетворительный отвѣтъ". Наконецъ, 27-го марта Сигизмундъ подписалъ это „обезпеченіе". Въ этомъ актѣ онъ обязывался какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени Владислава, что „воинство" получитъ „заслуженное жалованье изъ московской казны, а также и за прежнія двѣ четверти;" а именно: гусары, „считая за каждую четверть по 30 злотыхъ на коня", пятигорцы по 25, а казаки по 20 злотыхъ. Если же они, не далѣе какъ черезъ полтора года послѣ „воцаренія" Сигизмунда на престолѣ, не получатъ этой уплаты, то имъ разрѣшается получать ее изъ доходовъ всѣхъ крѣпостей Сѣверской и Рязанской земель до полнаго погашенія.

Съ такой „декларацією" вернулся Янковскій 20-го апрѣля въ войско Сапѣги. Нѣсколько дней спустя, 26-го числа того же мѣсяца собрался „генеральный совѣтъ воинства", на которомъ было рѣшено „вступить на службу сторонничества Е. В. Короля". Вскорѣ всѣ отряды этого войска собрались „на Каменкѣ подъ Козельскомъ", а 8-го мая отправились подъ Москву.

Въ этомъ войскѣ было будто бы „4734 человѣка отборнаго войска, конейщиковъ—около двухъ тысячъ, пятигорцевъ больше, а казаковъ—четыреста". Итакъ, это было весьма значительное для того времени войско, и, вѣроятно, поэтому-то, при извѣстіи о его приближеніи къ столицѣ, вожди возстанія рѣшили вступить съ нимъ въ новые переговоры.

„20-го мая— пишетъ Будило въ своемъ дневникѣ — когда войско стояло подъ Медынью, пріѣхали послы отъ Трубецкого, Ляпунова и Заруцкаго съ просьбой,- нельзя ли войти съ ними въ переговоры". Недѣлю же спустя, прислалъ князь Григорій Шаховской „письма отъ Ляпунова" съ увѣдомленіемъ, „что онъ съ совершеннымъ полномочіемъ посылаетъ бояръ къ войску" и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проситъ назначить время и мѣсто для начатія переговоровъ съ ними. Однако ему отвѣтили, что, за отсутствіемъ Сапѣги, который въ то время находился въ Усвятѣ, ни въ какіе „переговоры имъ не подобаетъ вступать".

Вскорѣ послѣ этого (7-го іюня) Сапѣга подъ Можайскомъ соединился съ войскомъ, а 17-го числа того же мѣсяца подступилъ къ Москвѣ и „на разстояніи одной мили отъ столицы" расположился лагеремъ.

При извѣстіи о прибытіи усвятскаго старосты, Ляпуновъ прислалъ къ нему своихъ пословъ. 27-го числа того же мѣсяца имъ была дана „аудіенція". Эти послы сѣтовали сперва „на обманчивую присягу кіевскаго воеводы" (т. е. Жолкевскаго) и на опустошеніе Москвы, а затѣмъ потребовали, чтобы войско Сапѣги вмѣстѣ „съ ними истребляло тѣхъ, которые находятся въ столицѣ, или же, оставивъ ихъ въ покоѣ, отступило куда-либо въ плодородный край;" въ послѣднемъ случаѣ послы „обѣщали имъ тотчасъ же выдать деньги за одну четверть".

Однако переговоры эти были непродолжительны, ибо послы вскорѣ убѣдились въ томъ, насколько из-

мѣнилось настроеніе какъ „воинства", такъ и „пана гетмана". Имъ отвѣтили, что совѣтуютъ соблюдать присягу, данную королевичу, и разъѣхаться по домамъ, кромѣ того, „подумать о пищѣ и деньгахъ для войска".

Между тѣмъ, положеніе гарнизона въ столицѣ становилось все труднѣе, особенно съ 18-го апрѣля: въ этотъ день Казановскій совершилъ неудачную вылазку, въ высшей степени ободрившую непріятеля. „Съ этихъ поръ Москва — разсказываетъ Мархоцкій — сдѣлалась храброй, и въ ту же ночь москвичи стали переселяться по сосѣдству съ нами въ Бѣлыя стѣны, которыхъ Гонсевскій по недостатку своихъ войскъ" не могъ снабдить защитой. На другой день съ разсвѣтомъ поляки убѣдились въ томъ, что „Москва овладѣла уже большей частью Бѣлыхъ стѣнъ" и расположилась лагеремъ отъ рѣчки Нузы до самой Неглинной. Опасаясь, чтобы „они не захватили всѣ Бѣлыя стѣны вокругъ насъ, мы овладѣли меньшей ихъ частью, по ту сторону Неглинной, а именно—четырьмя воротами: Никитскими, Арбатскими, Чертольскими и Водяными, а также—угловой башней съ пятью вѣжами надъ рѣкой Москвой". „Съ тѣхъ поръ—пишетъ Маскевичъ—очень ужъ страшенъ и силенъ становился нашъ непріятель. Мы должны были держать бдительную стражу на стѣнахъ, а вылазки совершать больше пѣшкомъ, нежели верхомъ. Но хуже всего было то, что у насъ людей становилось все меньше, а Москвы собиралось все больше".

Послѣ прибытія Сапѣги подъ столицу, въ тотъ же день (14 іюня) встрѣтился съ нимъ Гонсевскій. Вѣроятно, литовскій референдарій требовалъ, чтобы усвятскій староста немедленно ударилъ на непріятеля. Но войско послѣдняго рѣшило, что оно до тѣхъ поръ „не двинется", пока изъ царской казны не получитъ „деньги за двѣ четверти", обѣщанныя имъ Сигизмундомъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней длились препирательства по этому поводу. Столковаться было тѣмъ труднѣе, что московская казна въ то время была уже совершенно лишена наличныхъ денегъ, поэтому „паны братья изъ столицы" предложили войску Сапѣги лишь „залогъ изъ царской казны", а именно—„вѣнецъ и два рога единороговъ".

Долгое время совѣщались по этому вопросу. Наконецъ, 7-го іюля генеральный совѣтъ рѣшилъ не принимать „залоговъ", а вмѣсто этого—отправить новое посольство подъ Смоленскъ. „Послы должны были сообщить Е. В. Королю, что воинство ничего не получило изъ столицы, такъ какъ войско, которое находилось тамъ уже давно, все перебрало". Слѣдовательно, они принуждены просить, чтобы онъ какъ можно скорѣе „соблаговолилъ имъ выдать деньги за двѣ четверти": въ противномъ же случаѣ -„отказаться отъ службы у него".

Во время описываемыхъ переговоровъ столичный гарнизонъ предпринималъ частыя вылазки. Войско Сапѣги сначала не принимало никакого участія въ стычкахъ; а во время столкновенія 1-го іюля усвятскій староста сыгралъ даже весьма двусмысленную роль. „Когда—пишетъ Маскевичъ—мы уже долго боролись съ непріятелемъ и были съ Божьей помощью противъ него сильны, прислалъ (Сапѣга) сказать нашимъ, чтобы они сходили съ поля. Наши не хотѣли оставить такое дѣло. Онъ въ другой разъ присылаетъ, чтобы уходили съ поля, приказавъ сказать, что иначе „я сзади на васъ ударю!" Итакъ „волей-неволей мы должны были отступить въ крѣпость".

Такое поведеніе усвятскаго старосты, о чемъ свидѣтельствуетъ и его собственный дневникъ, было слѣдствіемъ злополучныхъ, все еще продолжавшихся, переговоровъ съ Ляпуновымъ.

„1-го іюля — читаемъ въ упомянутомъ дневникѣ — въ теченіе четырехъ часовъ продолжались стычки со столичнымъ войскомъ, такъ какъ его благородіе потому не велѣлъ на нихъ наступать, что присылалъ Ляпуновъ, прося отсрочить до завтрашняго дня и не мѣшать ихъ совѣщанію;“ ибо они „совѣщались относительно умиротворенія земли и прекращенія кровопролитія“.

Но на другой день (2-го іюля) „Ляпуновъ пренебрегъ свиданіемъ и соглашеніемъ на что-либо хорошее съ его благородіемъ нашимъ гетманомъ“. Тогда Сапѣга, наконецъ, убѣдился въ истинной цѣли этихъ переговоровъ и въ томъ, какъ обманчивы были всѣ возлагаемыя на нихъ надежды. Съ этихъ поръ онъ рѣшительно измѣнилъ свой образъ дѣйствій и поступалъ вполнѣ согласно съ Гонсевскимъ.

Начиная съ 3-го іюля, оба вождя почти ежедневно видѣлись другъ съ другомъ. Во время этихъ свиданій они совѣщались о томъ, какъ поступать дальше.

Даже послѣ прибытія усвятскаго старосты положеніе поляковъ было весьма тяжело. „Невозможно было— пишетъ Маскевичъ — истреблять непріятеля: его лагерь хорошо укрѣпленъ; язычества этого—тьма“, о томъ, чтобы „одолѣть его, и думать напрасно, а пищевыхъ продуктовъ намъ уже не хватало“. Поэтому рѣшено было, что Сапѣга пойдетъ съ „сильнымъ дозоромъ по московскимъ крѣпостямъ, чтобы доставить съѣстные припасы и разъединить непріятеля“.

Дѣйствительно, 14-го іюля „вышелъ онъ со всѣмъ войскомъ изъ лагеря подъ Москвой. Съ нимъ вмѣстѣ выслали также изъ столицы нѣсколько ротъ съ челядью“. Усвятскій староста безъ труда овладѣлъ Братошинымъ и Александровской слободой, а затѣмъ осадилъ Переяславль.

Когда его войско разбило лагерь подъ этой крѣпостью, въ разныхъ направленіяхъ были посланы подъ-

ѣзды для сбора пищевыхъ продуктовъ. 31-го іюля „вернулась челядь съ дозора", а черезъ недѣлю Сапѣга прибылъ обратно подъ столицу.

Въ его отсутствіе произошли важныя событія подъ Москвой.

Послѣ ухода Сапѣги „насъ однихъ—разсказываетъ Мархоцкій—осталось не болѣе трехъ съ половиною тысячъ, кромѣ нѣмцевъ и польской пѣхоты. Желая скрыть нашу малочисленность, мы сочинили, будто получили извѣстіе, что къ намъ идетъ гетманъ литовскій съ большими силами. Когда стало смеркаться, всѣ мы вышли на зубцы и торжествуя стрѣляли изъ орудій и мушкетовъ". Ударили также „во всѣ колокола, которыхъ много было у насъ". „Намъ показалось, что у насъ стрѣльба вышла очень частая; а Москва высѣдила", что, когда челядь была отпущена, „насъ осталось въ стѣнахъ очень немного".

„Наши, обезпечивъ себя этимъ, ушли въ свои квартиры на обыкновенный ночлегъ, оставивъ лишь стражу на стѣнахъ. Но я остался при своихъ воротахъ и задержалъ изъ своихъ легкоконныхъ воиновъ тѣхъ, которыхъ мнѣ удалось убѣдить".

Между тѣмъ, „Москва, задумавъ сдѣлать попытку напасть на наши стѣны и на насъ самихъ, не бездѣйствовала въ эту ночь, а безшумно дѣлала приготовленія. Къ стѣнамъ Китай-города, къ стоянкамъ пана Зборовскаго и Струся, за три часа до разсвѣта приставили лѣстницы, а нѣсколько десятковъ человѣкъ уже были на стѣнахъ близъ стоянки пана Зборовскаго. Въ это время я на своихъ воротахъ по всѣмъ окнамъ помѣстилъ бдительные отводные пикеты. Одинъ изъ нихъ, слуга Щавинскаго, замѣтилъ москвичей, какъ они сновали передъ стоянкой Струся, которая находилась возлѣ моей, и, подумавъ сперва, что это собаки, которыхъ на мѣстѣ пожарища было большое количество, говоритъ:

— Не знаю,—собаки ли это или Москва?—а увидавъ, что это—люди, воскликнулъ:

— Это Москва! къ звонку!"

„Вскочилъ и я и велѣлъ звонить". Только „тогда Москва сдѣлала окликъ, а другіе полѣзли на лѣстницы".

„Когда забили тревогу, наши выбѣжали изъ квартиръ. Мои легкокопные воины первыми бросились къ стоянкѣ Струся и тамъ, уже вмѣстѣ съ лѣстницами, сталкивали ихъ со стѣны".

„Когда ихъ отбили отсюда, и уже начало свѣтать,— они всей силой ударили на стоянку Бобовскаго, который держалъ угловую башню въ Китай-городѣ надъ рѣкой Москвой и смежную съ ней въ Бѣлой стѣнѣ".

„Эта башня въ Бѣлой стѣнѣ—пишетъ Маскевичъ—была хорошо укрѣплена нами и могла бы служить намъ сильной помѣхой, если бъ находилась въ непріятельскихъ рукахъ. Въ ней сосредоточивалась вся рота Бобовскаго, 400 лошадей. Эта башня Москвѣ тоже причиняла сильный вредъ и была для нихъ камнемъ преткновенія. Они стали осаждать ее и тотчасъ же взяли, напавъ на неподготовленныхъ. Какъ только взяли ее, также быстро, захвативъ съ собой порохъ и ядра, они направили противъ насъ тѣ самыя орудія, которыя раньше были направлены противъ нихъ. Прибѣжалъ панъ Гонсевскій, который, увидя, что потеря этой башни сопровождалась бы большой опасностью для нашихъ, далъ распоряженіе легкокопнымъ воинамъ и направилъ туда роту Млоцкаго".

Изъ Китай-города можно было дойти до этой башни „по зубцамъ". Хотя проходъ этотъ былъ такъ узокъ, что съ трудомъ могли итти рядомъ двое, однако поляки храбро вскочили на стѣны съ однѣми саблями, истребили Москву и овладѣли башней.

„Лишившись этой башни, Москва большой толпой обратилась въ другую сторону, къ Крымъ-городу.

Намъ пришлось неожиданно встрѣтиться съ ними безъ доспѣховъ, т. е. въ томъ видѣ, какъ мы были на стѣнахъ. Принесли знамена, но подъ каждымъ изъ нихъ собралось не больше двадцати тридцати человѣкъ. Только теперь послали мы за доспѣхами и облеклись въ нихъ, но и это оказалось напраснымъ: мы должны были отступать въ замокъ передъ многочисленнымъ непріятелемъ". Повстанцы воспользовались этимъ и безъ труда овладѣли всѣми воротами и башнями въ Бѣлой стѣнѣ.

Дольше другихъ защищалась „башня съ пятью вѣжами, находившаяся на изгибѣ крѣпости, на углу Бѣлой стѣны, надъ рѣкой Москвой. Въ ней было 300 человѣкъ польской пѣхоты Краевскаго". Они заперлись и отбили бы непріятеля, если бъ ихъ не выдалъ барабанщикъ. Тотъ, продавъ себя, сказалъ, что въ этой башнѣ внизу было много гранатъ и воспламеняющихся веществъ: „къ этому мѣсту вело отверстіе въ родѣ воротъ, которое не было заперто, потому что самыхъ воротъ не было. Тогда, зажегши нѣсколько заранѣе приготовленныхъ стрѣлъ, они пустили ихъ въ эти гранаты, и тамъ все сейчасъ же загорѣлось".

Пожаръ распространился тѣмъ быстрѣе, что „всѣ этажи были не каменные, а деревянные;" поэтому, „если бъ они и хотѣли выбѣжать", то не могли бы пробраться даже къ дверямъ. „Имъ пришлось на веревкѣ спускаться черезъ окно за стѣну надъ рѣкой". Но такимъ образомъ никому изъ нихъ, кромѣ поручика Краевскаго, не удалось спастись: одни изъ нихъ, „не добравшись до окопъ, сгорѣли;" другихъ же, какъ только они „достигли земли, Москва тотчасъ же изрубила саблями".

„Мы смотрѣли на все это изъ замка. Сердце болѣло отъ скорби, но помочь было нельзя, такъ какъ не доставало силъ. Такъ отняли у насъ всю Бѣлую стѣну".

Этой побѣдой превосходно сумѣли воспользоваться вожди возстанія. Они немедленно „сильно укрѣпили каждыя ворота, каждую башню въ Бѣлой стѣнѣ и снабдили ихъ хорошими гарнизонами". А на другой день они подошли подъ Дѣвичій монастырь и послѣ краткой борьбы, благодаря измѣнѣ находящейся тамъ нѣмецкой пѣхоты, овладѣли и имъ. Кромѣ того, они съ юго-запада надъ рѣкой Москвой поставили два городка и вырыли глубокій ровъ вдоль Кремля и Китай-города. Съ этихъ поръ польскій гарнизонъ былъ осажденъ со всѣхъ сторонъ.

Положеніе его было бы еще тяжелѣе, не случись тогда смута въ непріятельскомъ лагерѣ.

Съ апрѣля этого года во главѣ повстанческой арміи стояло трое воеводъ, а именно: князь Дмитрій Трубецкой, Прокопій Ляпуновъ и Иванъ Заруцкій. Они управляли также и той частью Московскаго Государства, которая подчинилась имъ. Первое мѣсто среди нихъ занималъ Трубецкой, какъ потомокъ удѣльнаго князескаго рода. Но истиннымъ руководителемъ движенія и почти душой его былъ Ляпуновъ. Это былъ человѣкъ необыкновенно способный, вмѣстѣ съ тѣмъ гордый и прямодушный, чѣмъ многихъ возстановилъ противъ себя.

Съ особенной ненавистью относились къ нему казаки. Ляпуновъ, какъ представитель дворянскаго сословія, усиленно старался обуздать ихъ своеволіе. Онъ будто бы даже разослалъ по городамъ грамоты съ приказаніемъ хватать казаковъ, занимающихся разбоемъ, и отсылать ихъ въ лагерь подъ столицей, а иныхъ грабителей даже на мѣстѣ убивать.

Вскорѣ послѣ того случилось, что 25 донцовъ, вѣроятно, застигнутыхъ во время грабежа, были брошены въ воду. Но товарищамъ удалось спасти ихъ и привести въ казачій лагерь подъ Москвой. Узнавъ объ этомъ, казаки страшно возмутились: негодованіе было

столь велико, что Ляпуновъ собирался даже спасаться бѣгствомъ.

Этими обстоятельствами и старался воспользоваться Гонсевскій. „Онъ сочинилъ письма пишетъ Мархоцкій—которыя яко бы Ляпуновъ разослалъ по вѣмъ крѣпостямъ, чтобы гдѣ только ни встрѣтится донской казакъ, убивать его и топить". Эти подложныя грамоты, которыя были будто бы арестованы польскими подъѣздами, переслали черезъ одного изъ плѣнныхъ въ лагерь казаковъ. „Они, повѣрив этимъ письмамъ", 1-го августа „сейчасъ же собрали свой кругъ, по нашему коло", и вызвавъ въ него Ляпунова, изрубили его саблями".

Убивъ его, донцы бросились на его „домъ", а также на стоянки его сторонниковъ и жестоко ограбили ихъ. Вообще съ этого времени казаки совершенно заняли преобладающее положеніе, а ихъ насилія и разбои увеличились еще болѣе. Во всемъ государствѣ воцарилась ужасающая анархія. „Дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ" трудно было удержаться даже въ самомъ лагерѣ подъ Москвой. Поэтому они цѣлыми партіями покидали его и возвращались въ „свои дома и города". Главнымъ лицомъ въ лагерѣ сдѣлался съ этихъ поръ Заруцкій, который, благодаря полной неспособности Трубецкого, игралъ первостепенную роль.

Эта смута въ новотаническомъ лагерѣ благопріятно повліяла на положеніе польскаго гарнизона въ Кремлѣ и Китай-городѣ. Гонсевскій воспользовался ею и отправилъ гонца къ Сапѣгѣ, чтобы онъ какъ можно скорѣе возвращался къ столицѣ.

Гонцомъ былъ посланъ простой „крестьянинъ, который раньше продалъ себя въ непріятельское войско, а оттуда перешелъ къ нашимъ". Онъ и принесъ письмо, въ которомъ литовскій референдарій убѣдительно просилъ усвятскаго старосту, чтобы тотъ постарался захватить одни изъ воротъ въ Бѣлой стѣнѣ.

На другой день по полученіи этого письма (14-го августа), Сапѣга подступилъ къ Москвѣ, намѣреваясь сразиться съ Зарудскимъ. Но „непріятель даже на выстрѣлъ изъ лука не вышелъ къ нему навстрѣчу изъ своего укрѣпленнаго лагеря. Видя, что его нельзя выманить въ поле, онъ рѣшилъ по слѣдамъ московской конницы, которая стояла передъ лагеремъ, въѣхать въ самый лагерь. Тогда онъ велѣлъ войску наступать, а нѣкоторымъ ротамъ—сражаться. Но когда эту конницу начинали гнать, она всегда отскакивала въ сторону, открывая засады пѣхоты во рвахъ и остротѣ, такъ что въ этомъ мѣстѣ ничего не сдѣлали".

Одновременно съ тѣмъ и поляки изъ Китай-города предприняли вылазку. „По крикамъ и стрѣльбѣ—пишетъ Мархоцкій—мы догадались, что нашъ Сапѣга и наши вернулись и хотятъ насъ спасти. Мы сдѣлали вылазку въ ту сторону, откуда слышали крики, желая помочь своимъ и разъединить Москву. Мы добрались было до Бѣлыхъ стѣнъ, на которыхъ было уже нѣсколько десятковъ нашихъ, но насъ скоро отогнали, такъ что пришлось снова отступить въ Китай-городъ".

„Здѣсь"—это было какъ разъ въ воскресенье—„мы пошли къ обѣднѣ. Во время проповѣди ксендзъ Войцѣхъ, бернардинскій монахъ, а другой ксендзъ Шумскій, тоже бернардинецъ, въ Крымъ-городѣ, напоминали намъ о завтрашнемъ праздникѣ и службѣ Божіей Матери, перечисляя примѣры, сколь многихъ она спасла въ трудныхъ случаяхъ своимъ заступничествомъ.

— Вы—таковы были ихъ слова—надѣйтесь на Бога и на Ея заступничество. Увидите, что завтрашній праздникъ принесетъ намъ большое утѣшеніе!"

Послѣ обѣдни „мы пошли на свои посты, молясь каждый Господу Богу и Пресвятой Богородицѣ. Какъ-

дому хотѣлось тогда сдѣлаться набожнымъ: не надо было и на морѣ быть, чтобы выучиться молиться.

Намъ, шестнадцати ротамъ, велѣно было быть готовыми къ вылазкѣ, къ которой и я былъ причисленъ".

„Въ то время, когда мы слушали обѣдню", послалъ Саньга около двадцати ротъ подъ начальствомъ Касаковскаго, а также „столичную челядь", чтобы они, переправившись черезъ рѣку Москву, ударили на непріятеля съ юго-западной стороны. „Тамъ они неожиданно напали на одинъ городокъ; Москва въ тревогѣ побѣжала изъ этого городка въ другой, дальній, оставивши первый; а тѣ, оставивъ городки въ покоѣ и засыпавъ ровъ горстями, переправлялись и плыли подъ замокъ въ Крымъ-городѣ".

Узнавъ объ этомъ, „мы вскочили и бросились съ ротами къ рѣкѣ, думая, что ихъ надо прикрывать отъ непріятеля. Но увидя, что ихъ переправа совершается безъ препятствій, мы пошли черезъ Крымъ-городъ въ Бѣлыя стѣны, къ тѣмъ башнямъ и воротамъ, которыя мы утратили. Это было противъ мнѣнія и желанія пана Гонсевскаго, ибо всѣмъ казалось невозможнымъ, чтобы мы вновь отвоевали ихъ. Итакъ, мы почти насильно пробрались и сдѣлали приступъ къ первымъ воротамъ, называемымъ Водяными: мы извутри, а со стороны воды (т. е. отъ рѣки Москвы) панъ Борковскій съ восемьюдесятью пѣшцами, при которыхъ была и наша челядь. Москва не выдержала нашего напора въ этихъ воротахъ: они стали уходить въ башню съ пятью верхами, но и тамъ недолго пробыли. Такъ отступали они отъ воротъ къ воротамъ, а мы вездѣ слѣдовали за ними".

„На Арбатскихъ воротахъ ихъ заперлось восемьдесятъ человѣкъ, покинутыхъ остальными. На нихъ мы потратили много времени съ немалымъ урономъ для себя, желая овладѣть ими. Видя, однако, что эти усилія здѣсь напрасны, потому что тѣмъ временемъ

Москва могла бы вновь построиться, мы миновали ихъ и пошли по остальнымъ башнямъ до Никитскихъ воротъ: отняли и эти ворота и укрѣпили ихъ". Затѣмъ „мы пошли дальше до Тверскихъ воротъ. Они были сильно укрѣплены, такъ какъ при нихъ стояло обыкновенно двѣ тысячи человѣкъ. Мы держались здѣсь нѣкоторое время, но тутъ изъ-за Неглинной пришло немало Москвы изъ лагерей. Они вытѣснили насъ оттуда. Пули градомъ падали среди насъ, но какъ ни странно, причиняли мало вреда. Все же намъ пришлось отступить", а затѣмъ, „такъ какъ отряды ихъ при большомъ натискѣ становились все многочисленнѣе, сбѣжать и съ Никитскихъ воротъ. Мы уже близко подошли было къ своимъ замкамъ, когда нашихъ, наконецъ, удалось остановить и удержать, такъ что мы снова побѣжали къ Никитскимъ воротамъ". Вдругъ „навелъ Господь Богъ ужасъ на Москву, такъ что она оставила эти ворота и отступила къ Тверскимъ. Но передъ заходомъ солнца они снова подступили въ громадномъ количествѣ, и намъ снова пришлось отступать". Однако „обернувшись, мы вытѣснили ихъ, и они уже больше не пытались отнимать у насъ ворота".

Такимъ образомъ были вновь отбиты всѣ ворота и башни въ Бѣлой стѣнѣ, находившіяся до половины іюля этого года въ польскихъ рукахъ. Этой побѣдой, а также смутой въ непріятельскомъ лагерѣ Гонсевскій старался воспользоваться, чтобы овладѣть „остаткомъ" стѣны. На другой же день (15-го августа) онъ собралъ съ этой цѣлью военный совѣтъ. „Много было охотниковъ — пишетъ Мархоцкій — и нельзя сомнѣваться въ томъ", что тогда „мы вытѣснили бы встревоженную Москву. Очень охотно предлагалъ свои услуги и панъ Сапѣга со своими, обѣщая, что, когда мы изнутри будемъ штурмовать эти стѣны, онъ придетъ къ намъ на помощь съ поля".

Черезъ два дня усвятскій староста отправился въ столицу, гдѣ снова по этому дѣлу „были у него совѣщанія съ ихъ благородіями панами старшими".

Однако въ этомъ войскѣ, все еще неполучавшемъ жалованья, неповиновеніе достигло такихъ размѣровъ, что почти всѣ военныя дѣйствія зависѣли отъ желанія „пановъ солдатъ". Такъ, напр., 14-го августа, когда, послѣ отбитія значительной части Вяльихъ стѣнъ, роты прислали вечеромъ просить, чтобы „другихъ прислали на смѣну", никто не повиновался приказаніямъ вождя. „Въ войскѣ было такое неповиновеніе, жалуется Мархоцкій, что ни одна рота не хотѣла итти, хотя панъ Гонсевскій и далъ приказъ".

И прежде не было недостатка въ примѣрахъ подобнаго своеволія. „Даже нѣкоторые ротмистры - свѣтитъ тотъ же очевидецъ - самовольно вернулись на родину, а 5-го сентября, не обращая вниманія на запретъ и на то, что протрубили къ сбору, много легкоконныхъ воиновъ уѣхало въ Польшу".

Главной причиной такой деморализаціи была непріязнь къ Сигизмунду, который не платилъ войску жалованья, „кормилъ его одними лишь обѣщаніями" и давалъ „бумажныя" обезпеченія.

Самое сильное озлобленіе было въ войскѣ Сапѣги. Это войско вмѣсто того, чтобы сражаться, собирало „генеральные совѣты", заботясь о томъ, какъ бы ему получить жалованье, по крайней мѣрѣ обѣщанныя „двѣ четверти".

Наконецъ, войскомъ было рѣшено оставаться подъ Москвой только до 15-го сентября этого года, а если оно до этого времени „не получитъ никакой гарантіи данныхъ обѣщаній, то немедленно составитъ обезпеченную поручительствомъ конфедерацію, перейдетъ черезъ границу и тамъ будетъ получать за свои заслуги въ столовыхъ имѣніяхъ Е. В. Короля".

Положеніе Гонсевскаго было тѣмъ тяжелѣе, что именно въ это время усвятскій староста сильно болѣлъ. 3-го сентября онъ переѣхалъ въ Москву и „поселился въ Кремлѣ въ палатахъ Шуйскаго". Здѣсь же этотъ замѣчательный воинъ, спустя одиннадцать дней (14-го сентября), къ великой „скорби всего воинства", хотя не какъ царь, но въ „царскомъ" дворцѣ окончилъ свое земное существованіе.

Его смерть была настоящимъ бѣдствіемъ для польскаго гарнизона. Съ этихъ поръ его войско, хотя и получило изъ московской казны 50.000 злотыхъ въ счетъ просроченнаго жалованья и 4.000 злотыхъ „для подкрѣпленія раненыхъ", однако, по свидѣтельству Маскевича—„полковнику нашему да и никому не хотѣлось повиноваться. Оно работало только на себя, проводя время въ подстереганіи врага и не служа королю". Поэтому Гонсевскій возлагалъ почти единственную надежду на помощь, съ которою долженъ былъ притти литовскій гетманъ Ходкевичъ.

Сигизмундъ призвалъ его еще въ концѣ апрѣля, чтобы отправить въ Москву съ лифляндскимъ войскомъ. Однако Ходкевичъ, который находился тогда въ нѣсколько натянутыхъ отношеніяхъ съ королемъ, не особенно охотно соглашался на эту экспедицію, хотя и „набиралъ королю солдатъ". „О столицѣ (т. е. о Москвѣ)—писалъ онъ женѣ 10-го іюня того же года—не думаю, развѣ только вмѣстѣ съ королемъ; а безъ него—нѣтъ".

Настроеніе его измѣнилось лишь къ половинѣ іюля того же года, послѣ встрѣчи подъ Толочиномъ съ королемъ, когда послѣдній ѣхалъ въ Вильно. Весьма характерно разсказываетъ объ этомъ самъ гетманъ въ современномъ письмѣ:

„Я встрѣтился съ королемъ — писалъ онъ 15-го іюля—въ четырехъ миляхъ отъ Орши, гдѣ, сѣвъ съ нимъ въ карету, мы стали говорить о томъ и о семъ.

Были разныя подозрѣнія по поводу клеветы тѣхъ, которые хотѣли бы стереть меня съ лица земли. Все это я безъ затрудненія опровергъ, какъ и подобало мнѣ. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Ты помирился съ кравчимъ, и, какъ говорятъ, помирилъ васъ виленскій воевода?

— А я видѣлъ, что государь спрашиваетъ объ этомъ со злобою.

Я отвѣтилъ, что это клевета на меня и на виленскаго воеводу.

— Это правда, что нашъ воевода желаетъ примиренія: но такъ, чтобы нашъ кравчій прежде пошелъ съ поклономъ къ В. К. В—у, а потомъ помирился со мной. И я самъ, не имѣя лично ничего противъ него, послѣ удовлетворенія имъ В. К. В—а, помирюсь съ нимъ. Въ этомъ нуждается родина, я, мои дѣтки, которыя родственны съ этой кровью: требуется, чтобы мы жили между собой дружно и тѣмъ прочнѣе служили В. К. В—у и Рѣчи Посполитой".

„Съ этимъ мы пріѣхали въ Толочинъ, имѣніе канцлера.

Въ Толочинѣ стали сильно подозрѣвать мою бесѣду въ каретѣ и приписывали ей постыдныя намѣренія. Долго не давали поѣсть: заперлись и совѣщались съ Бобалей и вице-канцлеромъ,—что бы со мной сдѣлать? Рѣшили напоить меня до-пьяна тамъ же за столомъ. И самъ Е. В. Король, и другіе угощали меня. Даже и челядь мою посадили за тѣмъ же столомъ, поили ее, распрашивали, все относительно мирения съ кравчимъ, будто радуясь и желая, чтобы такъ было; и это дѣлали, чтобы вывѣдать отъ нихъ все.

Когда меня уже сильно подпоили, король пилъ мою здравицу, говоря:

— За здравіе вашего благородія, котораго мы душевно желаемъ!"

„Я покорно поблагодарилъ. Затѣмъ началось веселье. Велѣли играть на трубахъ, ударить въ барабаны", под-

нялись „возгласы въ комнатѣ. Е. К. В—о повелѣлъ, чтобы всѣ придворные пили за мое здоровье: и самъ онъ пилъ здравицу за моихъ солдатъ и слугъ. Веселье это дошло до того, что мы пили, стоя возлѣ короля. Мой мозгъ уже разгорячился до того, что я сталъ раздѣваться и въ одной линіи епанчѣ пришелъ къ королю. Я разгулялся, вѣроятно, черезчуръ, хотя не свыше благопристойности: но въ присутствіи государя это было слишкомъ".

„Подойдя близко я, вѣроятно, спросилъ,—такъ какъ я этого не помню,—почему онъ меня подозрѣваетъ и не испытать ли онъ уже мою честность? Даже если бъ я помирился съ кравчимъ, чего я не сдѣлалъ, развѣ я перешагнулъ бы тогда предѣлы моего достоинства? Вѣроятно, государь сказалъ мнѣ:

— Я никогда не сомнѣвался въ тебѣ, но опасался, ибо зналъ, что тебя сильно возбуждали противъ меня съ тѣмъ, чтобы поссорить насъ, и тѣмъ скорѣе вредить мнѣ, пользуясь тобою для своихъ цѣлей. Но сегодня я ничего не буду говорить съ тобой объ этомъ, только завтра скажу тебѣ нѣчто, а теперь пей за меня!

„Я, взявъ немалый стаканъ вина, вѣроятно, сказалъ ему:

— Свѣтлѣйшій милостивый король! Пивали поручники изъ руки твоей, государя милостиваго, почему же бы и мнѣ, гетману, не пить!—а Е. В. Король и подалъ руку.

Тогда Ходкевичъ поцѣловалъ у него руку и сказалъ:

— Я не хотѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ ты, государь мой, а я слуга. Я нисколько не нарушаю своего достоинства въ отношеніи къ тебѣ, государю моему; а если тотъ былъ глупцомъ, то пусть я не иду по его слѣдамъ!

Король, вѣроятно, сказалъ: —Тебѣ одно, а ему другое. Я тебѣ многимъ обязанъ. —Итакъ, взявъ ста-

канъ вина въ свою руку, онъ держалъ, пока я не выпилъ.

Я разбилъ стаканъ о свою голову, а король говоритъ:

— Милый пане гетманъ! Не бейте этой головы, отъ нея у насъ многое зависитъ.

Я, вѣроятно, отвѣтилъ: — и голова, и руки цѣлы, и сердце вѣрно, но пусть В. К. В—о не ослабляетъ ихъ немилостью.

Вѣроятно, онъ далъ мнѣ руку на то, что ничему не будетъ вѣрить противъ меня, и отъ меня тоже выслушивать, что я тоже никогда никому не буду вѣрить, если мнѣ скажутъ (что-либо дурное) о немъ".

Наконецъ, Ходкевичъ обращалъ вниманіе короля на „старую шляхту" и предостерегалъ отъ другихъ.

— „Вотъ тебѣ государь—прибавилъ онъ доказательствомъ служитъ будетъ. Тебя покинулъ не одинъ, а и тотъ, у котораго благодѣяніе торчало изъ устъ".

„Вѣроятно, я говорилъ и больше продолжаетъ гетманъ въ томъ же письмѣ—и обнялъ его въ поясѣ уже не низко, заливаясь слезами. Вѣроятно, король искренно вздохнулъ и слезы навернулись у него на глазахъ. Онъ обнялъ меня. Я этого всего совершенно не помню, ибо былъ позорно пьянъ, а разсказали мнѣ все это слуги и другіе придворные".

Потомъ „я ѣздилъ верхомъ возлѣ окномъ у короля. Хотѣлъ государь со мной еще пить, но, видя меня пьянымъ, оставилъ меня въ покоѣ. Итакъ, онъ убѣдился, что я не лукавый слуга его, и былъ необыкновенно доволенъ, узнавъ меня таковымъ".

„Это стало возмущать канцлера и, вѣроятно, онъ хотѣлъ столкнуться и подвергнуть меня презрѣнію: но король, узнавъ объ этомъ, велѣлъ тридцати гайдукамъ охранять меня. И солдаты были постоянно при мнѣ, такъ какъ Домброва и другихъ не мало пріѣхало ко мнѣ. Но Дитишкъ чуть было не хватилъ канцлера саблей по лбу; они стали уже крупно разговаривать

другъ съ другомъ. Придворные всѣ стояли за меня: если бъ канцлеръ подалъ малѣйшій поводъ, было бы очень худо. Но такъ какъ я не помышлялъ ни о какой ссорѣ, — я былъ очень пьянъ и веселъ, — то, вѣроятно, само придворное общество предупредило пана канцлера, чтобы онъ велъ себя сдержанно, иначе ему дома не уздѣть".

Эти разговоры съ Сигизмундомъ были причиной рѣзкой перемѣны въ настроеніи гетмана, который — по увѣренію Заранка въ письмѣ отъ 1-го августа — „такъ простился съ Е. В. Королемъ, что вскорѣ собирался поспѣшить къ столицѣ".

Дѣйствительно, онъ немедленно приступилъ къ соотвѣтствующимъ приготовленіямъ и надѣялся вскорѣ собрать весьма значительныя силы. „Сегодня писалъ онъ мнѣ 28-го іюля — прискакалъ ко мнѣ казакъ изъ-подъ Смоленска: подъ мое начальство идутъ всѣ, кто только остался, а люди все отмѣнные. Думаю, что одинхъ копейщиковъ, кромѣ конницы, будетъ у меня около трехъ тысячъ, всадниковъ шестьсотъ, а пятигорцевъ тысяча. Лисовскій тоже съ двумя тысячами людей идетъ ко мнѣ; нѣмецкой пѣхоты, отмѣннѣйшей, будетъ около тысячи, кромѣ казачества, котораго я не беру къ себѣ на службу". Сигизмундъ призвалъ также войско Сапѣги, чтобы оно соединилось съ литовскимъ гетманомъ.

Но вскорѣ Ходкевичъ убѣдился, какъ обманчивы были его надежды.

Уже въ концѣ іюля онъ писалъ Льву Сапѣгѣ, что когда послалъ „предварительныя письма къ ротамъ, находящимся подъ Смоленскомъ, тамъ происходили большія интриги, по наущенію пановъ Потоцкихъ, чтобы не итти, а если итти, то оставить половину кавалерійскихъ эскадроновъ въ лагерѣ у Смоленска". Гетманъ жаловался также на поведеніе Лисовскаго. „Я писалъ ему — читаемъ въ томъ же письмѣ — чтобы онъ, согласно приказу Е. В. Короля, шелъ ко мнѣ съ тѣмъ войскомъ,

которое находится при немъ. Онъ отвѣтилъ весьма уклончиво, указывая на то, что легкоконныхъ воиновъ онъ не можетъ набрать, и что Е. В. Король велѣлъ ему внимательно слѣдить за Нековомъ". Очевидно, онъ предпочиталъ продолжать „проводить время въ грабежахъ, вмѣстѣ со своимъ разнузданнымъ легкоконнымъ воинствомъ", нежели сражаться подъ начальствомъ гетмана.

Тоже произошло и „съ лифляндскими ротами", которымъ приказано было 31-го іюля „стянуться къ Витебску": лишь нѣкоторыя изъ нихъ повиновались приказаніямъ гетмана. Несмотря на это, Ходкевичъ, „взявъ около 1,200 лошадей изъ лагеря подъ Смоленскомъ, имѣя всего около 2,000 войска", со столь незначительными силами отправился отбивать Москву.

Конечно, въ виду громадности непріятельской арміи, особенно же при возраставшей деморализаціи въ польскомъ войскѣ, это прибытіе литовскаго гетмана не могло благопріятно повліять на положеніе польскаго гарнизона въ столицѣ.

XIX.

Тріумфальное возвращеніе Сигизмунда. — Негоціаціи относительно сношеній съ Москвой на сеймѣ въ 1611 г. — Послѣднее появленіе Юрія Мнишка. — Новое московское посольство въ Варшавѣ.

Съ тріумфомъ возвращался Сигизмундъ изъ-подъ Смоленска. Когда онъ 25-го іюля подъѣзжалъ къ Вильно, навстрѣчу ему выѣхали знатные литовскіе паны, у городскихъ воротъ привѣтствовали его мѣщане, а возлѣ воздвигнутой въ честь его тріумфальной арки — іезуиты и виленскіе академики. Отсюда, при фейерверкахъ и звукахъ музыки, король отправился въ замокъ. Въ память этой побѣды ученики іезуитскихъ школъ сыграли нѣчто вродѣ драмы, представлющей взятіе Смоленска.

Слухи о взятіи крѣпости уже 27-го іюня дошли до Кракова. На другой же день въ замкѣ, а 29-го во всѣхъ церквахъ отслужили благодарственные молебны.

„28-го іюня — пишетъ ксендзъ Зельнеръ въ своей хроникѣ — утромъ на разсвѣтѣ и вечеромъ было устроено свѣтское торжество въ замкѣ", а на другой день „стрѣляли изъ орудій на рынкѣ и устроили довольно большое торжество въ городѣ".

Такимъ же образомъ праздновали завоеваніе Смоленска и въ другихъ городахъ. Такъ, напр., въ Люблинѣ „во всѣхъ тамошнихъ церквахъ воздавали благодареніе Господу Богу, пѣли „Тебе Бога хвалимъ", цѣлый день стрѣляли изъ орудій и ружей. У его благородія пана краковскаго", т. е. Яруша Острогскаго, который какъ разъ въ это время находился въ Краковѣ, „трубили 24 трубача, били въ барабаны, пили рѣшительно всѣ".

16-го сентября совершилъ король тріумфальный въѣздъ въ Варшаву.

Вскорѣ послѣ того тамъ собрался сеймъ, созванный на 26-е число того же мѣсяца для важныхъ совѣщаній касательно нашихъ отношеній къ Москвѣ.

Сигизмунду необходимо было оправдать передъ народомъ начатіе этой войны безъ соизволенія сейма. Съ этой цѣлью какъ въ письмахъ къ сенаторамъ, такъ и въ инструкціи на малые сеймы, онъ подробно говорилъ о томъ, что „имъ руководила не жажда власти, какъ нѣкоторые дерзали распространять, его не манило желаніе absoluti domini, ни даже прирожденная любовь къ потомству", а предпринялъ онъ эту экспедицію исключительно съ цѣлью „расширенія границъ и пріобрѣтенія вновь отторгнутыхъ провинцій". Болѣе того, онъ старался даже доказать, что быстрое выступленіе на Москву было необходимо, чтобы „предупредить непріятеля, озлобленнаго вслѣдствіе появленія тамъ нашихъ людей и собиравшагося уже итти на наши вла-

дѣнія послѣ разбитія и изгнанія того сборища, которое находилось при ложномъ Димитріи".

Еще краснорѣчивѣе свидѣтельствуетъ объ этомъ „предложеніе", поданное на тотъ же сеймъ Феликсомъ Крыскимъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ разоблачилъ тайныя интриги бунтовщиковъ и единодушіе ихъ дѣйствій съ дѣйствіями перваго и второго Димитрія.

„Вѣдь (теперь), можетъ быть, раскрылось то — сказалъ вице-канцлеръ въ своей рѣчи 30-го сентября того же года — что до сихъ поръ держалось въ тайнѣ. Замыслы перваго, Отрепьева, убитаго въ Москвѣ, и интриги его простирались такъ далеко, что онъ льстилъ себя обладаніемъ даже польской короной. И этотъ второй (Димитрій) ожидалъ такого же благопріятнаго направленія въ своихъ дѣлахъ, какъ только овладѣетъ московскими сокровищами. Еще живы тѣ, которые знакомы съ дѣлами перваго Самозванца: живъ и Димитрій Шуйскій, который собирался съ 40.000 войскомъ итти подъ Смоленскъ, во время злополучной смуты нашей Рѣчи Посполитой (т. е. во время Зебжидовскаго мятежа). А зачѣмъ?—пусть спросятъ его тѣ, которые этого второго заманили въ Польшу. Вѣдь не ждать же было, чтобы этотъ врагъ основалъ въ нашей родинѣ sedem belli? Или, чтобы онъ осуществилъ свои замыслы? Воистину, было бы развѣ только по-польски, не торопясь, послѣ бѣды браться за дѣло. Раскрыть же эту, тогда еще свѣжую рану, неудобно было, ибо и теперь еще существуютъ тѣ, которые... то, что Господь Богъ нашей Рѣчи Посполитой черезъ руки Е. В. Короля наготовилъ мечемъ, другимъ присваиваютъ трактатами. Хорошо быть сострадательнымъ и предупредительнымъ, но родина — прежде всего: хорошо сочувствовать друзьямъ, но прежде всего — Рѣчи Посполитой! Были даже и такіе, которые въ то время, когда Е. В. Король подходилъ къ Смоленску, совѣтовали обманщику всѣ „сосѣднія волости, вмѣстѣ съ пищевыми продуктами,

сжечь; а самому пойти черезъ брянскіе лѣса въ Кіевщину и дальше, отводя отъ благочестиваго намѣренія войско голодомъ, а Е. В. Короля — своимъ вторженіемъ".

„Также, второе: силы нашихъ людей, находившихся при томъ калужанинѣ, до того сократились, что Шуйскій ежечасно льстилъ себя надеждой оттѣснить ихъ отъ столицы. Куда же бы все это войско вышло? Либо въ границы королевства, либо в. княжества Литовскаго. Не привело ли бы это непріятеля in viscera Begni? Что же было лучше: терпѣть его въ его же границахъ или вытѣснять изъ своихъ? Во имя Божье! на это надо обращать больше вниманія, нежели кажется. Мы знаемъ, каковы наши тайныя совѣщанія. Трудно скрыть ихъ отъ непріятеля, а отъ своихъ невозможно. А въ томъ дѣлѣ кого слѣдовало больше опасаться—своего или чужого"?

Эти заявленія, сдѣланныя вице-канцлеромъ публично на сеймѣ, служатъ весьма важнымъ поясненіемъ возникновенія войны и вообще нашихъ тогдашнихъ отношеній къ Москвѣ. Ихъ дополняютъ еще нѣкоторыя детали и примѣчанія, высказанныя во „мнѣніяхъ" другихъ сенаторовъ.

Такъ, напр., Янъ Остроругъ, познанскій воевода, заявилъ: „Знаю, что какъ того перваго (Димитрія), такъ и второго сманивали для овладѣнія королевствомъ, съ каковой цѣлью и въ королевствѣ велись интриги". Кромѣ того, Остроругъ требовалъ, чтобы имена виновныхъ были всенародно объявлены и чтобы ихъ строго покарали. Гнѣзненскій же архіепископъ, Войцѣхъ Барановскій, оправдывая начатіе этой войны безъ разрѣшенія сейма, замѣтилъ, что потому могъ не „послѣдовать consensus Ordinum", что нѣкоторые (т. е. Мнишки) предъявляли какія-то права на Московское Государство. Поэтому разоблачать подобныя дѣла совершенно не слѣдовало". Сандомірскаго воеводу упрекали также, что онъ вернулся въ началѣ 1609 г. въ Польшу для

того, чтобы „интриговать" на малыхъ сеймикахъ и на тогдашнемъ сеймѣ противъ этой экспедиціи короля. Такимъ образомъ, Мнишки, поддерживая Самозванца для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей, не только были главной причиной враждебныхъ отношеній между Польшей и Москвой, но, кромѣ того, когда Сигизмундъ старался воспользоваться ими для блага Рѣчи Посполитой, они старались сдѣлать тщетными всѣ его усилія.

Отъ такихъ обвиненій, съ которыми открыто выступилъ Адамъ Стадницкій, калишскій каштелянъ, сандомірскій воевода оправдывался въ длинной рѣчи. Но рѣчь его, состоящая изъ фальши и уловокъ, не произвела однако желаемаго впечатлѣнія.

Послѣ Мнишка „выражалъ свое мнѣніе панъ Калишскій", а послѣ него пять другихъ сенаторовъ. „Затѣмъ читаемъ въ дневникѣ того же сейма —всталъ его благородіе панъ воевода сандомірскій, говоря:

— И долженъ уйти, потому что болѣнъ, но прошу В. К. В—о, пусть мой клеветникъ (т. е. Адамъ Стадницкій) не уходитъ и докажетъ это! Е. К. В. былъ весьма не доволенъ этимъ, что видно было по его лицу, а паны сенаторы тотчасъ же встали ad consultandum".

Тутъ между Мнишкомъ и Стадницкимъ возникъ споръ, во время котораго и съ той и съ другой стороны были произнесены въ высшей степени грубыя и оскорбительныя слова. Оба прибѣгли бы даже къ оружію, если бъ ихъ не удержали остальные сенаторы.

„Послѣ консультаціи" отъ имени короля коронный маршалъ Сигизмунда, Мышковскій, заявилъ, что хотя „Е. В. Король обыкновенно руководствовался своей добродушной природой, но теперь онъ очень оскорбленъ тѣмъ, что одинъ изъ вашихъ благородій внесъ дѣло extra propositionem, а другой произнесъ непристойныя слова, соединенныя съ оскорбленіемъ величества. Однако онъ теперь не обращается ad rigorem juris, но, не имѣя обыкновенія рѣшать важные вопросы безъ сената, пред-

ложить послѣднему на разсмотрѣніе, какъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ поступить. А теперь онъ предупреждаетъ, чтобы вы помнили, гдѣ находитесь, и чтобы въ присутствіи государя, обезпеченнаго правомъ, вы вели себя спокойно".

Таково было послѣднее появленіе на общественной аренѣ пана воеводы. Полтора года спустя (16-го мая 1613 г.), онъ окончилъ свое земное существованіе.

Во время этого сейма, 29-го октября гетманъ Ходкевскій совершилъ тріумфальный въѣздъ въ Москву. Вмѣстѣ съ нимъ прибыли Шуйскіе, Шеинъ, воевода смоленскій, плѣнные московскіе послы, наконецъ, прислуга ихъ и придворные. Ходкевскій направился черезъ Краковское предмѣстье прямо къ замку, гдѣ торжественно передалъ королю царя и его братьевъ.

Сигизмундъ поступалъ съ ними очень милостиво. Хотя ихъ поселили подъ стражей въ гостинскомъ замкѣ, но оказывали надлежащій почетъ и въ изобиліи доставляли все необходимое.

Во время сейма ожидали прибытія въ Варшаву новаго московскаго посольства. Эти послы должны были заключить новый договоръ между Польшей и Москвой, который окончательно умиротворилъ бы оба государства и урегулировалъ отношенія между ними. Еще въ концѣ августа Сигизмундъ обратился къ Боярской Думѣ съ требованіемъ прислать это посольство.

Бояре немедленно выбрали четырехъ пословъ, которые 21-го сентября отправились въ Варшаву, чтобы снова пригласить Владислава на московскій престолъ. Однако, по пути 29-го числа того же мѣсяца „въ тридцати верстахъ за Можайскомъ", они встрѣтились съ Ходкевичемъ, который вернулъ ихъ въ столицу. „Панъ гетманъ литовскій"—разсказываетъ Мархоцкій—убѣдившись, что данная имъ вѣрительная грамота „была

несогласна съ намѣреніями короля, вернулъ ихъ въ Москву, съ цѣлью добиться отъ нихъ другого посольства".

Какъ извѣстно, Сигизмундъ самъ возымѣлъ желаніе стать московскимъ царемъ и поэтому добивался, чтобы послы предложили вѣнецъ ему, а не его сыну. Въ этомъ смыслѣ Ходкевичъ и поясняетъ боярамъ, что „если они хотятъ быть подъ благополучнымъ царствованіемъ Е. В. Короля, а съ Польской Короной и В. Княжествомъ Литовскимъ на вѣки пребывать въ единеніи, братствѣ и любви, тогда Е. К. В. о пожалуетъ ихъ и приметъ подъ свою защиту и свое благополучное правленіе, вѣру же ихъ и церкви Божіи и всѣ ихъ старые обряды сохранитъ. Кромѣ того, онъ щедро надѣлитъ ихъ правами, должностями и помѣстьями, а въ правахъ и преимуществахъ приравняетъ къ Коронѣ Польской и В. Княжеству Литовскому".

Но Сигизмундъ до того былъ ненавистенъ Москвѣ, что даже самые расположенные въ нашу пользу московскіе бояре никакъ не могли согласиться на это требованіе. Они отвѣтили, что хотя и „рады жить въ мирѣ и согласіи съ Короной Польской и В. Княжествомъ Литовскимъ, однако считаютъ, что присяга уже была принята на имя Е. В. Королевича: поэтому никого другого они не желаютъ имѣть своимъ государемъ, о чемъ и объявлено уже во всѣхъ самыхъ дальнихъ частяхъ Московскаго Государства. Они также докладывали, что его благородіе панъ коронный гетманъ произносилъ и присягой подтвердилъ это постановленіе: но если бы онъ тогда упомянулъ о Е. В. Королѣ самомъ, навѣрно, всѣ служебные и иныхъ сословій люди изъ всего государства ни за что не согласились бы на правленіе самого Е. В. Короля помимо сына: напротивъ, они допустили бы еще бо́льшее кровопролитіе, нежели прежде, а на престолъ посадили бы тушинскаго вора, къ которому благоволили чуть ли не всѣ мелкіе люди".

Такимъ образомъ, усилія Ходкевича были совершенно безплодны: боярь невозможно было склонить къ измѣненію содержанія вѣрительныхъ грамоть. Они будто бы заявили даже:

— „Если бъ даже это стоило намъ жизни, вы не добьетесь отъ насъ другого посольства!"

Итакъ, „двѣ недѣли спустя", снова отправились послы въ путь съ прежними вѣрительными грамотами. Послѣ двухмѣсячнаго путешествія, въ половинѣ декабря, прибыли они въ Варшаву.

Это посольство вмѣстѣ со своей свитой состояло изъ 88 лицъ.

Во главѣ его были два князя, а именно: Юрій Трубецкой и Михаилъ Салтыковъ-Морозовъ, а также думный дьякъ Василій Осиповичъ Яновъ.

18-го декабря послы получили аудіенцію у короля. Сигизмундъ принялъ ихъ торжественно въ кругу сенаторовъ. Какъ обыкновенно, при чтеніи грамотъ всѣ три посла говорили поперемѣнно. Сперва они обширно излагали послѣднія событія въ Москвѣ, затѣмъ объясняли, почему не могли удовлетворить требованіе литовскаго гетмана, въ заключеніе убѣдительно просили, чтобы Сигизмундъ, вмѣстѣ съ королевичемъ, какъ можно поскорѣе прибылъ въ Москву. Они просили также, „чтобы Е. В. Король отъ имени королевича изволилъ писать ко всѣмъ городамъ, объявляя объ избраніи его на царство и повелѣвая, чтобы изъ городовъ люди всѣхъ сословій посылали своихъ пословъ для договора и соглашенія относительно всякихъ государственныхъ и земскихъ дѣлъ и насчетъ вѣчнаго мира".

Послѣ этого Трубецкой вручилъ „грамоты отъ бояръ"; затѣмъ король спросилъ ихъ о здравіи и пригласилъ сѣсть.

При концѣ аудіенціи послы просили, чтобы король разрѣшилъ имъ „видѣть очи Государя Царя и Ве-

ликаго Князя всея Руси Владислава Сигизмундовича и вручить ему грамоту отъ бояръ".

Черезъ два дня состоялась аудіенція у королевича. Онъ принялъ пословъ тоже въ кругу знатныхъ сановниковъ. Въ своихъ рѣчахъ послы и его убѣдительно просили поскорѣе отправиться въ Москву „на свой царскій престолъ".

По окончаніи чтенія посольскихъ грамотъ, Салтыковъ вручилъ ему „грамоту отъ бояръ", а Владиславъ, освѣдомившись о здоровьи, пригласилъ ихъ сѣсть.

Черезъ нѣкоторое время на ихъ рѣчи отвѣчалъ Левъ Сапѣга, а затѣмъ и послы, и польскіе сенаторы ушли въ другой залъ для совѣщаній.

Здѣсь послы сѣтовали на то, что во всемъ Московскомъ Государствѣ наступило великое кровопролитіе изъ-за того, что Сигизмундъ до сихъ поръ не прислалъ своего сына и, такимъ образомъ, не осуществилъ присяги, данной гетманомъ Жолкевскимъ.

На это литовскій канцлеръ отвѣтилъ имъ, что король польскій въ столь важныхъ дѣлахъ ничего не можетъ предпринять безъ постановленія сейма, и что, впрочемъ, не слѣдовало посылать молодого королевича управлять государствомъ, объятымъ въ столь сильной степени смутой.

Послы объясняли, что смута эта произошла единственно изъ-за того, что пріѣздъ Владислава былъ отложенъ: въ заключеніе они просили польскихъ сенаторовъ ходатайствовать за нихъ передъ королемъ и добиться возможно скорѣйшаго выѣзда Сигизмунда вмѣстѣ съ сыномъ въ Москву.

Но неповоротливый и неспособный Сигизмундъ нескоро рѣшился исполнить это требованіе.

—

XX.

Ходкевичъ подступаетъ къ Москвѣ.—Недостатокъ пищевыхъ продуктовъ принуждаетъ поляковъ отступить отъ столицы.—Польское войско составляетъ конфедерацію.—Прибытіе Струся.—Сигизмундъ полгода собирается въ походъ на Москву.—Зарудскій.—Новое движеніе въ Московскомъ Государствѣ. Ходкевичъ старается снабдить столицу пищевыми продуктами. Сигизмундъ подъ Оедоровскимъ.—Страшный голодъ въ Москвѣ.—Сдача польскаго гарнизона.—Сигизмундъ пытается начать переговоры.—Смѣлые замыслы и послѣдняя борьба Зарудскаго.—Характеристика Марины.

4-го октября (1611 г.) Ходкевичъ прибылъ подъ Москву. Его приходу были тѣмъ болѣе рады, что именно въ это время сильно ухудшилось положеніе польскаго гарнизона.

За нѣсколько дней до этого (25-го сентября) „Москва сдѣлала сильный приступъ“ къ столицѣ. Узнавъ о происшедшемъ, „войско пана Санѣги“ послало „нѣсколько ротъ въ замокъ на помощь“ и одновременно съ этимъ ударило также на непріятельскій лагерь; благодаря такой помощи, приступъ былъ отбитъ безъ труда. Но во время этой борьбы повстанцамъ удалось поджечь Китай-городъ. „Изъ десяти мортиръ разсказываетъ Маскевичъ—они выстрѣлили огненными ядрами“, отъ которыхъ загорѣлось сложенное тамъ сѣно. „Вслѣдствіе сильнаго вѣтра и жара мы не могли тушить огня. Они сожгли весь Китай-городъ, остались лишь каменныя лавки, церкви и кучи кирпичей“. Вмѣстѣ съ этимъ замкомъ, кромѣ многихъ драгоцѣнныхъ предметовъ, сгорѣли находившіеся тамъ запасы корма и пищевыхъ продуктовъ, что являлось, конечно, немалымъ бѣдствіемъ для осажденныхъ.

На другой день послѣ своего прибытія подъ столицу, Ходкевичъ подступилъ къ непріятельскому лагерю. Вмѣстѣ съ нимъ двинулось также и войско Санѣги. „Подъ самыми лагерями—пишетъ Будило—была у нихъ битва съ Москвой, которая держалась въ своей укрѣпленной позиціи и не дерзала выходить

далеко въ полѣ". Поляки „часто загоняли ихъ въ самые лагери, но такъ какъ (у повстанцевъ) было достаточно пѣхоты, они безъ труда выстрѣлами отгоняли нашихъ отъ стѣнъ".

На укрѣпленный лагерь гетманъ не могъ ударить, такъ какъ у него была только конница. Послѣдняя, „хотя охотно предприняла бы это, не могла ничего сдѣлать изъ-за рва и ограды, и негдѣ ей было развернуться среди обломковъ погорѣлаго города".

Но не одинъ лишь недостатокъ пѣхоты затруднялъ Ходкевича почти во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Польское войско, которое гетманъ засталъ въ Кремлѣ и подъ Москвой, „необыкновенно обнищало": хотя оно почти исключительно состояло изъ конницы, но до того „нуждалось въ лошадяхъ", что роты, стоявшія въ замкахъ, почти совсѣмъ не имѣли ихъ, а въ войскѣ Сапѣги лишь „третья часть" была снабжена лошадьми.

Величайшимъ же бѣдствіемъ являлась все возраставшая деморализація этой арміи. Гонсевскій вначалѣ очень строго карать виновныхъ, „но впослѣдствіи -разсказываетъ Маскевичъ—онъ не хотѣлъ ихъ судить, предоставляя это дѣло пану гетману: а если въ дѣлахъ такого рода для пресѣченія зла не караютъ первыя злоупотребленія и впредь имъ даютъ волю, то потомъ ихъ трудно подавить, ибо одинъ другого попрекаетъ: почему перваго не наказали?"

Ходкевичъ, прибывъ подъ Москву, „сталъ производить строгій судъ", но тщетны были его усилія возстановить въ войскѣ порядокъ и повиновеніе, и онъ „лишь вооружилъ многихъ противъ себя. Впослѣдствіи онъ замѣтилъ это, но уже было поздно", такъ какъ почти „всѣ охладѣли къ нему и усиленно стали помышлять о конфедераціи".

Между тѣмъ, недостатокъ пищи заставилъ поляковъ отступить отъ столицы. 21-го октября, „не будучи въ

состояніи дольше держаться вслѣдствіе голода", войска Сапѣги отправились „въ болѣе плодородный край" и расположились на зимовку въ Ростовѣ. Черезъ недѣлю и литовскій гетманъ оставилъ свой лагерь подъ Дѣвичьимъ монастыремъ; вмѣстѣ съ нимъ вышла также значительная часть московскаго гарнизона. Эта конница до того „обнищала", что, по свидѣтельству Краевскаго, „лишь кое-гдѣ было нѣсколько лошадей, а пѣшкомъ шло до тысячи пятисотъ легконогихъ воиновъ".

Въ Москвѣ осталось лишь „тысяча триста человѣкъ изъ столичнаго войска и 300 воиновъ изъ ротъ лифляндскихъ и смоленскихъ: наконецъ,—немало добровольцевъ изъ войска Сапѣги". Всѣхъ вмѣстѣ было будто бы около 3.000.

Чтобы пріохотить ихъ къ дальнѣйшей оборонѣ, особенно въ виду того, что „крѣпостная служба — необычна", кромѣ обыкновеннаго жалованія, „отнынѣ стали отпускать каждому легконогому воину по 20 злотыхъ, а слугѣ — по 15 злотыхъ въ мѣсяцъ". Но такъ какъ—продолжаетъ Маскевичъ „не было наличныхъ денегъ, а также никакой гарантіи, то бояре дали намъ залоги, которые они въ скоромъ времени должны были выкупить, а именно: два царскихъ вѣнца, одинъ Годунова, а другой Димитрія, который былъ женатъ на Мнишекъ, два или три рога единороговъ, посохъ царскій изъ кости единорога въ золотой оправѣ съ алмазами по концамъ, сѣдло гусарское того же Димитрія", усыпанное „камнями и жемчугомъ". „Сапѣжницамъ же дали въ залогъ два вѣнца въ золотыхъ чехлахъ, усыпанные камнями; этими вѣнцами Москва обыкновенно короновала своихъ царей; къ нимъ присоединили скипетръ и державу золотые" и также усыпанные камнями.

1-го ноября, т. е. на четвертый день послѣ ухода изъ Москвы, прибылъ Ходкевичъ въ Рогачевъ. Походъ

совершался медленно и съ большимъ трудомъ, такъ какъ отощавшія лошади не могли тащить повозокъ по вязкимъ дорогамъ. „Тогда они стали обращать повозки въ доски, а вещи пожгли“. Нѣкоторымъ пришлось даже „оставить въ болотѣ некадрошныхъ лошадей“.

Изъ Рогачева выслали за Волгу лагерную челядь за припасами. Черезъ три недѣли эти отряды вернулись и „привезли большое количество“. Но въ то же время нужда въ Москвѣ достигла крайней степени. „Въ столицѣ разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ — была тогда такая дороговизна: за телушку платили 600 злотыхъ, за кусокъ мяса 15, за кварту масла 4, за курицу 7, за куриное яйцо 3, за сороку или ворону — полгора, за ковригу хлѣба — 6, за воробья — 6 грошей. Однажды собрались воины къ его благородію пану референдарію (т. е. Александру Гонсевскому) и къ его благородію пану Зборовскому, которые, велѣвъ накрыть столы, пригласили ихъ на банкетъ, гдѣ лучшими блюдами были: запѣченные сухари съ хрѣномъ, каша съ перцемъ, квасъ или вода вмѣсто вина“. Такова была нужда у старшихъ. Иные даже умирали съ голоду; ѣли, что могли достать: собакъ, кошекъ, крысъ, сухія кожи и даже — людей. Однажды пришли нѣмцы, жалуясь на голодъ, къ пану военному судьѣ Александру Ровницкому. У него не оказалось ничего, но, когда они настаивали, онъ далъ имъ двухъ нѣмчиныхъ, потомъ — трехъ. И во время вылазокъ, если они убивали кого-нибудь, то брали его для съѣденія, какъ нѣмцы, такъ и челядь“.

Наконецъ, въ половинѣ декабря Ходкевичу удалось собрать весьма значительные запасы пищи въ Рогачевѣ. Часть этихъ запасовъ гетманъ немедленно отправилъ въ Москву. „18-го декабря — пишетъ Маскевичъ — мы шли съ запасами пищи въ столицу. Полковникомъ былъ князь Корецкій; боевыхъ людей было

всего около 500 человѣкъ. Морозы стояли тогда сильные; когда мы подходили къ столицѣ, —такъ какъ костровъ намъ не позволено было разводить, чтобы не дать знать непріятелю,—изъ нашихъ людей замерзло 360, но Москвы больше. Руки примерзали у насъ къ саблямъ, многіе изъ воиновъ и челядн отморозили пальцы на рукахъ и на ногахъ и даже самыя ноги. Никогда не страдали мы такъ отъ холода, какъ тогда. И князь Корецкій отморозилъ пальцы на рукахъ и на ногахъ". Ночь самой столицей „выбѣжала Москва и отбила нѣкоторыя повозки съ пищей, но немного; однако у меня одного ихъ взяли пять. Мы долго преслѣдовали ихъ по самой рѣкѣ и отгѣснили врага. Вернулись мы изъ столицы въ Рогачевъ наканунѣ Рождества".

Во время этихъ событій въ „столичномъ войскѣ до того утратили всякое рвеніе къ дѣлу", что, по свидѣтельству самого Маскевича, „о службѣ" уже вовсе не думали, а только о „конфедераціи".

Въ концѣ сентября эта армія выслала новое посольство къ королю. Послы должны были изобразить ея печальное положеніе и большія потери, понесенныя ею, просить „основательной и полной уплаты жалованья" и, наконецъ, заявить, что дольше 6-го января будущаго года „они на службѣ у Е. В. Короля оставаться не могутъ".

Дѣйствительно, въ тотъ же день начались по этому дѣлу совѣщанія въ военныхъ кругахъ. Ходкевичъ и черезъ посредство надежныхъ людей, и лично старался „заставить ихъ отказаться отъ этого плана, но, ничего не сдѣлавъ, уѣхалъ. Условившись—разсказываетъ Маскевичъ—относительно военнаго порядка, мы пошли къ столицѣ, и съ нами нашъ гетманъ со своимъ войскомъ". Въ Москвѣ „14-го января (1612 г.) мы составили конфедерацію: ея предсѣдателемъ выбрали Іосифа Цеклинскаго. Мы хотѣли тотчасъ же уйти изъ

столицы, поручивъ ее пану гетману: но, видя малое количество войска съ паномъ гетманомъ, склонились къ доводамъ его благородія и оставили тамъ своихъ легкоконныхъ воиновъ до 14 марта: въ этотъ день панъ гетманъ обязался явиться къ нимъ и свести ихъ. 18-го января мы опять вернулись въ Рогачевъ".

Послѣ заключенія конфедераціи ея вожди издали универсалъ, въ которомъ, жалуясь на поведеніе Сигизмунда, они увѣряли, что и къ дальнѣйшей борьбѣ „у нихъ нашлась бы добрая охота, если бъ имъ не измѣнили силы и не замиралъ пульсъ". „Но читаемъ дальше въ томъ же актѣ не имѣя столь долгое время въ нуждѣ нашей никакой помощи, мы принуждены теперь думать не объ оборонѣ, а о мирѣ. Приходится намъ, обрызганнымъ кровью, лишеннымъ всего, сойти съ позиціи, столь давно занимаемой, лѣчить свои раны и добиваться уплаты своего жалованья. А что мы поступаемъ такъ не изъ-за какого-нибудь упрямства, не изъ-за какого-нибудь незаконнаго чувства противъ государя и противъ родины, не изъ-за какихъ-либо неумѣстныхъ замысловъ, но уступая лишь необходимости, которая не подчинена никакимъ законамъ и происходитъ лишь отъ нерадѣнія о насъ,— то въ этомъ мы призываемъ въ свидѣтели Бога, который видитъ всѣ наши сердца, призываемъ людей, умѣющихъ отличить право отъ безправія, призываемъ короля, государя нашего, и старшихъ полководцевъ нашихъ, которые смотрѣли на всѣ неслыханныя наши бѣдствія, и сами ихъ на себѣ испытали. Сдѣлавъ эту декларацію, мы прибѣгаемъ къ обычному способу для полученія своего жалованья, подобно предшественникамъ нашимъ. Итакъ, если мы до 24-го іюня сего 1612 года не получимъ своего жалованья, то, выйдя за границу, явимся въ столовыя имѣнія Е. В. Короля и не уйдемъ изъ нихъ до тѣхъ поръ, пока каждый не получитъ полностью" заслуженнаго.

Одновременно съ этимъ выслали также къ королю двухъ пословъ, которые должны были увѣдомить его о резолюціи, принятой конфедераціей. Но и это посольство, подобно предыдущему, не имѣло никакихъ послѣдствій.

При такихъ условіяхъ, не будучи въ состояніи склонить „столичное" войско къ дальнѣйшей службѣ, Ходкевичъ очутился въ весьма затруднительномъ положеніи. „У него были основательныя причины къ тому, чтобы самому не оставаться въ столицѣ". Поэтому онъ отправилъ „пана Кендерскаго" въ Ростовъ съ просьбой доставить провіантъ и „послать" изъ тѣхъ ротъ „въ гарнизонъ около 1.500 человѣкъ". Вначалѣ санѣжницы „отпустили этого посла ни съ чѣмъ. Однако потомъ, сообразивъ, что, если столица попадетъ въ руки непріятеля, вся вина падетъ на нихъ, они отправили пана Будилу съ провіантомъ, давъ ему изъ каждой роты поль-эскадрона". Этотъ отрядъ, дѣйствительно, прибылъ въ Москву 27-го января. Но большая часть санѣжницевъ вступила въ конфедерацію такъ скоро, что „еще во время саннаго пути" отправилась въ Литву.

Въ февралѣ „столичное" войско отправилось за Волгу для лучшаго пропитанія, а Ходкевичъ расположился „въ Ѳедоровскомъ" на разстояніи 20 миль отъ столицы.

Онъ надѣялся дождаться здѣсь помощи изъ Польши. Дѣйствительно, въ началѣ марта ему послали изъ Смоленска въ подкрѣпленіе 1.200 человѣкъ. Во главѣ этого отряда былъ Николай Струсь. Въ это самое время онъ намѣревался возвратиться въ Польшу, но, по прибытіи въ Смоленскъ, уступая совѣтамъ Якова Потоцкаго и „движимый присущимъ ему стремленіемъ къ славѣ", рѣшилъ вернуться въ Москву.

5-го марта хмѣльницкій староста отправился въ столицу. Но причинѣ глубокихъ снѣговъ, походъ его

былъ сопряженъ съ немалыми затрудненіями. Вскорѣ онъ былъ окруженъ многочисленными отрядами „шишей“[1]), движеній которыхъ не стѣсняли снѣжные сугробы, такъ какъ они „на своихъ лыжахъ бѣгали по ихъ поверхности“. 7-го числа того же мѣсяца Струсь сразился съ ними, но былъ разбитъ и понесъ весьма значительныя потери. У него отняли значительную часть повозокъ и даже съ него самого „стащили свортукъ“.

Вскорѣ послѣ этого онъ старался подойти еще ближе къ Москвѣ, но, по причинѣ глубокихъ снѣговъ и многочисленныхъ непріятельскихъ отрядовъ, окружавшихъ его, долженъ былъ снова отступить къ Вязьмѣ, гдѣ и остался до мая того же года.

Въ половинѣ марта послали конфедераты къ гетману, „напоминая ему о данномъ словѣ, чтобы прислалъ въ столицу сводить войско, какъ онъ обязался“. Ходкевичъ отвѣтилъ, что не можетъ этого сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не вернется его челядь, посланная за Волгу за провіантомъ. Онъ умышленно затягивалъ дѣло, такъ какъ „у него еще не было войска, котораго онъ ожидалъ“ и съ которымъ намѣревался осаждать столицу. Но „войско, пишетъ Маскевичъ, — не обращая вниманія на гетмана, согласно уговору, отправило полковника Костюшкевича сводить ихъ, подвозя имъ частями лошадей и провіантъ. Ѣхать намъ приходилось черезъ гетманскій лагерь. Войско отправило къ нему меня съ паномъ Подгородынскимъ, но онъ отпустилъ насъ съ тѣмъ же, что и раньше. Однако мы сами пошли, хотя знали, какъ трудно войти въ столицу со столь слабыми силами, какими были тогда наши. Насъ было около 300, но у каждаго было двое слугъ и три лошади; какъ же было драться? Только что мы отошли на разстояніе мили или больше

[1]) „Шишами“ называли московскихъ партизановъ, занимающихся также разбоемъ.

отъ пана гетмана, какъ на насъ напали шиши и сильно насъ замучили, такъ какъ Москва, везшая повозки съ провіантомъ, сейчасъ же бѣжала къ своимъ; а другіе такъ заставили дорогу повозками, что нельзя было пройти: снѣгъ былъ необыкновенно глубокъ, такъ что если кто проводилъ лошадь мимо дороги, то не могъ вытащить ее оттуда, какъ изъ самой ужасной грязи. Мы ничѣмъ не могли пособить, и такимъ образомъ они насъ разъединили. Половина вернулась къ гетману, а половина, что была впереди, —гдѣ былъ и я,—пробившись, съ трудомъ еле-еле добралась до Можайска".

„Чтобы намъ не попасть по ошибкѣ въ Волокъ, гдѣ врагъ былъ силенъ, встрѣтивъ стараго крестьянина въ деревнѣ Вишенкѣ, мы взяли его живымъ, чтобы онъ служилъ провожатымъ. Тотъ почью умышленно повернулъ съ нами къ Волоку, и уже мы находились въ верстѣ отъ него. Къ счастью, Рудскій, который зимовалъ со своей казачьей ротой въ Рузѣ, проводивъ войнство, посланное изъ столицы къ гетману, какъ разъ въ это время возвращался подъ самыми стѣнами Волока и встрѣтился съ нами". Только онъ предупредилъ поляковъ о грозящей имъ опасности. „Мы обезглавили крестьянина, но за опасенія никто не вознаградитъ".

„Гетманъ былъ этому радъ. Мы вынуждены были дожидаться весны, одни въ лагерѣ гетмана, другіе — въ Можайскѣ. Панъ гетманъ изъ Ѳедоровскаго пришелъ къ Можайску и, остановившись на разстояніи мили, разбилъ лагерь. Пошли и мы къ нему, а онъ, уступая нашимъ частымъ просьбамъ, понемногу двигался къ столицѣ и остановился въ шести миляхъ отъ нея, ожидая пана Струся", который, наконецъ, „истребивъ три непріятельскихъ городка, соединился съ нимъ 15-го іюля". Вмѣстѣ съ хмѣльницкимъ старостой прибылъ также Ширай съ отрядомъ казаковъ.

На другой день, 16-го числа того же мѣсяца, подошелъ Ходкевичъ къ Москвѣ и подъ Дѣвичьимъ монастыремъ разбилъ лагерь.

Между тѣмъ, Гонсевскому удалось „убѣдить немалую часть столичнаго войска", такъ что она согласилась и впредь оставаться въ Москвѣ. По этому помѣшали интриги Якова Потоцкаго, который, „завидуя славѣ" Гонсевскаго и Ходкевича, только подъ тѣмъ условіемъ отправилъ подкрѣпленія подъ начальствомъ своего племянника Струся, что онъ, а не кто иной, получитъ главное командованіе столичнымъ гарнизономъ. Кажется, что Гонсевскій довольно охотно удовлетворилъ это требованіе. Съ нимъ вмѣстѣ (21-го іюня) покинуло Москву и „столичное" войско. Вскорѣ послѣ этого конфедераты отправились въ Польшу, чтобы „въѣхавъ въ королевскія имѣнія", такимъ образомъ добиться уплаты просроченнаго жалованья. Въ московскихъ замкахъ осталась лишь часть сапѣжинцевъ подъ начальствомъ Іосифа Будилы; кромѣ того, 22-го іюня ее заняло также „войско пана Струся".

Во время этихъ событій, начиная съ марта того же года, Сигизмундъ все еще собирался въ походъ на Москву, но, по обыкновенію, постоянно откладывалъ его. Такъ, въ письмѣ отъ 22-го марта писалъ Яковъ Задикъ къ Симеону Рудницкому: „относительно путешествія Е. В. Короля въ Вильно уже почти рѣшено, что онъ поѣдетъ вскорѣ послѣ Пасхи. Однако мы не видимъ, чтобы дѣлались необходимыя для этого приготовленія". А двумя мѣсяцами позднѣе доносилъ Задикъ вармискому епископу: „Господь Богъ необыкновенно откладывалъ до сихъ поръ отъѣздъ Е. В. Короля, посѣщая болѣзнью то одно, то другое лицо королевства. Теперь ужъ всѣ, по милости Божіей, выздоравливаютъ, и Е. В. Королева благополучно разрѣшилась отъ бремени. Она родила сына 25 мая между восьмымъ и девятымъ часомъ утра, послѣ чего дѣло,

вѣроятно, будетъ ближе къ отъѣзду. Когда я вчера освѣдомлялся объ этомъ у кеендза канцлера Е. В. Короля, тотъ сказалъ мнѣ, что хотѣлъ бы выѣхать во вторникъ послѣ Троицына дня (12-го іюня), если ничто не помѣшаетъ. Многіе опасаются, что Е. В. Король будетъ ждать, но нынѣшнее положеніе московскихъ дѣлъ не дозволяетъ этихъ проволочекъ. Привезено также письмо отъ бояръ московскихъ изъ столицы, въ которомъ они просятъ, чтобы Е. В. Король съ королевичемъ пріѣзжали скорѣе, указывая, что все зависитъ отъ поспѣшности, особенно же въ виду того, что къ Зарудскому стягиваются большія подкрѣпленія съ разныхъ сторонъ".

Но это извѣстіе не заставило Сигизмунда поторопиться съ отъѣздомъ. „Московскія дѣла писалъ Станиславъ Лубенскій въ письмѣ отъ 14-го іюня—требуютъ скораго прибытія въ эти края Е. В. Короля, которое мы со дня на день откладываемъ. Если не ошибаюсь, Е. В. Король намѣренъ ждать, пока Е. В. Королева будетъ въ состояніи съ нимъ вмѣстѣ отправиться въ путь. Уже прошло почти три недѣли со времени ея родовъ: не знаю, какъ скоро могла бы она собраться въ путь".

„Пословъ сапѣжинскаго войска съ ихъ рѣзкими требованіями отпускаютъ съ ласковыми словами. А тѣ солдаты, что остались при литовскомъ гетманѣ, находятся въ наибольшей опасности. При равнодушіи въ такихъ дѣлахъ, Господь Богъ знаетъ, что тамъ дѣлается".

„На крестины приглашалъ Е. В. Король короля французскаго съ матерью, князя флорентійскаго и эрцгерцога Фердинанда съ женой. Нѣкоторые говорятъ, что отъ имени своего брата долженъ былъ пріѣхать сюда эрцгерцогъ Карлъ, епископъ вроцлавскій. Прошлую среду совершился этотъ обрядъ, но никто изъ названныхъ государей не отвѣтилъ ни черезъ посла, ни

письменно: этого одного мы ждемъ и, говорятъ,
деть ждать, ибо всѣ приготовленія къ отъѣзду
остановлены".

Когда Сигизмундъ такимъ образомъ продолжалъ
кладывать свой отъѣздъ и, несмотря на пустую каз
собирался устраивать великолѣпные пиры для сво
гостей, въ Московскомъ Государствѣ все болѣе ст
развиваться новое и сильное движеніе.

Послѣ убіенія Ляпунова главную роль въ непр
тельскомъ лагерѣ игралъ Иванъ Заруцкій,—одна
такихъ личностей, которыя устраиваютъ лишь б
въ исторіи.

Онъ былъ сыномъ простого крестьянина изъ дере
Заруды подъ Тарнополемъ; отсюда происходитъ и
фамилія. Небольшимъ мальчикомъ онъ былъ вз
татарами въ неволю, и только „когда выросъ и
рошо научился ихъ языку", спасся отъ нихъ бѣгство
Тогда онъ попалъ на Донъ къ казакамъ и „вос
тывался среди нихъ долгое время". Это былъ чо
вѣкъ необыкновенно способный и, кромѣ того,
выраженію Мархоцкаго, „собой красивъ и пропор
наленъ". Благодаря такимъ качествамъ, онъ сдѣла
атаманомъ донскихъ казаковъ и во главѣ ихъ сража
сперва подъ знаменами перваго Самозванца, а зат
присоединился и ко второму Димитрію. „Вначалѣ
пишетъ Жолкевскій—пока „пріобрѣталъ извѣстно
этотъ второй обманщикъ, Заруцкій много помог
ему и пользовался у него большой милостью.
дучи старшимъ надъ донцами, онъ усердно исп
нялъ, если надо было кого-нибудь обезглавить, уби
утопить". Но онъ оказывалъ тому также иныя,
сравненно болѣе важныя, услуги. „Въ лагерѣ н
Тушинымъ бдительность его была особенно вел
такъ какъ князь Рожинскій почти всегда былъ пья
онъ завѣдывалъ стражею, подкрѣпленіями, достав
извѣстій".

Въ декабрѣ 1609 г., когда королевскіе послы прибыли въ лагерь Самозванца, имъ удалось и Зарудскаго привлечь на сторону Сигизмунда. „Онъ вѣрно служилъ Е. В. Королю“—увѣряетъ Станиславъ Мишекъ въ одномъ изъ своихъ писемъ; а 13-го мая (1610 г.) онъ прибылъ подъ Смоленскъ и съ тѣхъ поръ во главѣ 2.000 казаковъ сражался подъ начальствомъ гетмана. „Онъ былъ при клушинской битвѣ—пишетъ Жолкевскій—и хорошо себя зарекомендовалъ при взятіи городка“. Мархоцкій говоритъ о немъ, что это былъ „мужъ добрый и весьма расположенный къ намъ, пока его безчеловѣчіемъ не отвадили отъ Смоленска“, но „такъ какъ его не такъ уважали, какъ онъ на то разсчитывалъ, то онъ обидѣлся“ и 7-го августа снова перешелъ на сторону Самозванца.

Послѣ убіенія Димитрія его сторонничество попятилось. Вначалѣ Зарудскій хотѣлъ бѣжать изъ Калуги, но донцы, желая продолжать эту борьбу, не выпустили его изъ города и „объявили себя сторонниками царицы“.

Съ этихъ поръ установилась тѣсная связь между нимъ и Мариной; разсказывали даже, что онъ былъ ея мужемъ или любовникомъ. Къ сожалѣнію, не можемъ сказать, насколько вѣрны эти слухи; несомнѣнно лишь то, что съ этихъ поръ онъ сталъ ея самымъ вѣрнымъ и совершенно преданнымъ сторонникомъ.

Вскорѣ послѣ этого Марина родила сына.

Между тѣмъ, въ началѣ 1611 г. вспыхнулъ бунтъ противъ Сигизмунда. Главари этого бунта сумѣли склонить въ свою пользу и Зарудскаго, обѣщая ему, что, въ случаѣ изгнанія поляковъ, они сдѣлаютъ царемъ московскимъ сына Димитрія. По извѣстіямъ, дошедшимъ въ королевскій лагерь подъ Смоленскомъ, прибылъ тогда „Ляпуновъ съ нѣсколькими сотнями человѣкъ въ Калугу и взялъ къ себѣ этого царевича“.

Вѣроятно, съ нимъ вмѣстѣ выѣхала также Марина, которая со своей свитой направилась въ Коломну, гдѣ они находились вполнѣ въ теченіе продолжительнаго времени.

Въ концѣ марта 1611 г., во главѣ 3.000 донцовъ и вмѣстѣ съ другими войсками, поступилъ Заруцкій къ Москвѣ. Вскорѣ однако силы его до того увеличились, что онъ сталъ одною изъ наиболѣе вліятельныхъ личностей въ непріятельскомъ лагерѣ. Потому-то, когда въ апрѣлѣ того же года повстанцы рѣшили „выбрать себѣ начальниковъ, которымъ повиновались бы всѣ", ему вѣрили эту должность вмѣстѣ съ Трубецкимъ и Ляпуновымъ.

Но недолго жили они мирно, а по убіеніи Ляпунова, въ виду неспособности Трубецкого, собственно говоря, одинъ Заруцкій былъ главнокомандующимъ.

Это было весьма благопріятно для Марины. Она могла надѣяться, что вскорѣ снова будетъ коронована и возсядетъ на московскомъ престолѣ въ качествѣ матери и опекунши малолѣтняго „царевича". Но надежды эти вскорѣ рушились, благодаря ужасающимъ насиліямъ и злоупотребленіямъ, все чаще и чаще производимымъ ея сторонниками.

Это „казачье правленіе" является самымъ печальнымъ эпизодомъ всей „смутной эпохи" московской исторіи, столь обильной различными бѣдствіями. Вскорѣ началось новое и сильное движеніе, направленное не только противъ поляковъ, но главнымъ образомъ и прежде всего противъ „казачества и казачьихъ воеводъ".

Первый кличъ къ этой борьбѣ вышелъ опять ранѣе отъ патріарха Гермогена. Хотя онъ, въ качествѣ плѣннаго, находился тогда „во дворѣ, принадлежащемъ монастырю Св. Кирилла", но поддерживалъ тайныя сношенія съ врагами Сигизмунда. Такимъ образомъ, ему удалось еще въ концѣ августа 1611 г. отправить

особую грамоту жителямъ Нижняго-Новгорода. Въ этой грамотѣ онъ повелѣвалъ имъ призвать всѣ города къ дальнѣйшей борьбѣ, не довѣрять дѣятельности казаковъ, главнымъ же образомъ не допускать „избранія на царство преданнаго анаѳемѣ имъ и св. соборомъ“ сына Марины.

Съ этихъ поръ Нижній-Новгородъ сдѣлался главнымъ очагомъ возстанія. Во главѣ его стали Кузьма Мининъ и князь Дмитрій Пожарскій, два истинныхъ героя, которыхъ весь русскій народъ совершенно справедливо почитаетъ и превозноситъ какъ таковыхъ.

Эти новые вожди весьма разумно приступили къ дѣлу: прежде всего они постарались собрать соотвѣтствующія средства. Движеніе вскорѣ приняло столь обширные размѣры, что уже въ началѣ 1612 г. подъ начальствомъ Пожарскаго собрались весьма значительныя силы.

Зарудскій прекрасно понялъ грозившую ему оттуда опасность и, желая отрѣзать противникамъ сообщеніе съ сѣверной частью государства, рѣшилъ овладѣть Ярославлемъ и заволжскими городами. Но Пожарскій предупредилъ его. Въ половинѣ апрѣля онъ прибылъ въ Ярославль и собралъ тамъ земскій соборъ. Съ этихъ поръ уже не Зарудскій и Трубецкой, а Пожарскій и „его бояре“ являлись представителями законной власти.

Вскорѣ началась открытая война между обѣими партіями. Въ этой борьбѣ войска Пожарскаго вездѣ одерживали рѣшительный перевѣсъ. Они безъ труда вытѣснили казаковъ изъ Суздаля, Пошехонья и Переяславля Залѣсскаго; а подъ Угличемъ нанесли имъ даже весьма тяжелое пораженіе. Когда же первые отряды этого „ополченія“ прибыли подъ Москву, въ казачьемъ лагерѣ вспыхнули мятежи. Часть войскъ перешла на сторону Пожарскаго, а съ остальными „7-го іюня Зарудскій ушелъ въ Коломну“. Съ этой

минуты сдѣлалась уже несомнѣнной побѣда партіи, во главѣ которой стояли „дворяне и дѣти боярскія". Съ упадкомъ „казачьяго правленія" рухнули также дерзновенныя надежды честолюбивой дочери воеводы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ этихъ событій все тяжелѣе становилось положеніе польскаго гарнизона въ столицѣ.

Когда Струсь занялъ ее, Ходкевичъ отправился въ окрестности Волока, надѣясь, что оттуда ему будетъ легче снабжать ее провіантомъ. Но выполнить эту задачу въ столь разоренной странѣ было слишкомъ трудно. 23-го іюля—пишетъ Будило—хотя и прибылъ „панъ Бобовскій отъ его благородія пана гетмана", но привезенные имъ запасы были такъ ничтожны, что едва „по пашкѣ ржи досталось каждому изъ насъ".

Въ началѣ августа войска Пожарскаго начали стягиваться подъ Москвой; а 30-го числа того же мѣсяца прибылъ самъ онъ съ главной своей силой и „подъ Бѣлыми стѣнами расположился лагеремъ". Въ тотъ же день „онъ отбилъ всѣ стѣны вмѣстѣ съ Алексѣевской башней".

Узнавъ объ этомъ, Ходкевичъ поспѣшилъ къ столицѣ. „Панъ гетманъ В. Княжества Литовскаго,—разсказываетъ дальше Будило—дождавшись лишь небольшого подкрѣпленія (ибо ему прислали изъ Польши всего 15 ротъ), не страшась однако сильнаго войска, пришелъ (1-го сентября) подъ столицу, желая спасти осажденныхъ и доставить имъ припасы. Москва въ боевомъ порядкѣ вышла ему навстрѣчу и ждала у своихъ лагерей, размѣстивъ во рвахъ засаду изъ пѣхоты. Панъ гетманъ, зная храбрость конницы, хотя ея было немного, велѣлъ ей наступать; но ей невозможно было устоять противъ московской конницы, въ которой насчитывалось нѣсколько десятковъ тысячъ.

Но когда польская пѣхота, которой было 1.500 человѣкъ, подкрѣпила и подбодрила конницу, послѣдняя стала наступать еще храбрѣе. Они разбили большое московское войско и загнали его къ рѣкѣ Москвѣ, такъ что нѣкоторымъ пришлось прыгать съ береговъ: иные миновали свой лагерь, а третьимъ едва удалось остаться въ таборахъ, въ которые загонялъ ихъ натискъ польской пѣхоты. Осажденные, желая разорвать московское войско, сдѣлали вылазку къ Алексѣевской башнѣ и къ Чертольскимъ воротамъ: но такъ какъ Москва, имѣя много стрѣльцовъ, хорошо укрѣпила эти пункты, то она дала имъ отпоръ съ немалымъ урономъ для нашихъ: хорошенько поѣвъ хлѣба, она была сильнѣе нежели наши, которые отъ вѣтра шатались. А все же ихъ шляхетская храбрость доказала гетману, какъ вождю, и Е. В. Королю, что для блага родины они всегда готовы умереть".

„Въ это время обнищавшіе осажденные попали въ большую бѣду нежели когда-либо. Ибо когда они наѣдались хлѣбомъ, Москва не была для нихъ страшна и сильна. Они всегда оттѣсняли ее вылазками, а изъ таборовъ, какъ грибовъ, набирали плѣнныхъ засадами. Но какъ только хлѣба не стало, голодъ усилился; не только ноги, но и руки отказывались тогда служить. Нетрудно было Москвѣ бить совершенно потерявшихъ сознаніе, которые не могли ни ходить, ни бѣгать въ вооруженіи". Итакъ, эта борьба, хотя и побѣдоносная въ открытомъ полѣ, была куплена дорогой цѣной.

„Затѣмъ нашъ гетманъ, видя, что безъ подготовки имъ ничего нельзя сдѣлать, отвелъ свое войско въ лагерь, который онъ разбилъ здѣсь же по ту сторону рѣки Москвы подъ Дѣвичьимъ монастыремъ".

Черезъ два дня, 3-го сентября, еще разъ пытался Ходкевичъ доставить въ столицу привезенные имъ запасы.

„Польскія войска — читаемъ дальше въ томъ же дневникѣ — долго сражались съ непріятелемъ и въ заключеніе все же оттѣснили его, оставивъ за собой поле. Москва, отступивъ за рѣку и опустивъ руки, ждала, скоро ли панъ гетманъ ввезетъ провіантъ въ станъ. Когда гетманскій таборъ пришелъ въ деревянный городъ, гдѣ засѣли у рвовъ московскую пѣхоту съ нѣсколькими орудіями, они открыли сильную стрѣльбу. Панъ гетманъ, видя, что иначе поступить нельзя, велѣлъ половинѣ войска спѣшиться и съ ручнымъ оружіемъ броситься на врага. Московскіе стрѣльцы, не выдержавъ, побѣжали. Такъ какъ помѣхой служилъ еще городокъ, панъ гетманъ послалъ пана Граевскаго съ пѣхотой, а панъ Зборовскій, по собственному побужденію, привелъ свою казаковъ. Они взяли городокъ, но такъ какъ уныли, не укрѣпивъ его, то сейчасъ же Москва, замѣтивъ это, снова овладѣла имъ“.

„Послѣ такихъ успѣховъ панъ гетманъ хотя бы нѣсколько разъ былъ вынужденъ съ провіантомъ, но такъ какъ рвы были часты, мѣшали ямы и остатки пожарищъ, то наши отдыхали, велѣвъ купцамъ засыпать рвы“.

Во время этого отдыха разсказывалъ князь Корецкій, одинъ изъ участниковъ этой борьбы — воины съ „обѣихъ сторонъ, сойдя съ коней, бесѣдовали между собой, а потомъ снова дрались, и такъ поступали они нѣсколько разъ“.

„Между тѣмъ Москва со всей своей силой, которая оказалась во всѣхъ таборахъ, спѣшившись, стала сильно наступать. Панъ гетманъ долго перестрѣливался съ ними, потомъ, видя малочисленность своихъ людей, изъ которыхъ многіе были ранены и убиты, велѣлъ своему табору отступать назадъ. А самъ онъ со своими людьми одинъ выдерживалъ напоръ непріятеля и только черезъ часъ, когда тѣ вышли на волю“, вернулся въ свой лагерь.

Во время этихъ битвъ Ходкевичъ убѣдился, что со столь слабыми силами невозможно было ни притти на помощь осажденнымъ, ни даже снабдить ихъ провіантомъ. 7-го сентября онъ снова отступилъ отъ столицы. Передъ своимъ уходомъ онъ прислалъ къ „осажденнымъ, прося ихъ быть терпѣливыми и обѣщая имъ черезъ три недѣли притти съ лучшею помощью". Онъ надѣялся, что съ приходомъ королевской арміи будетъ дѣйствительно въ состояніи оказать имъ необходимую помощь.

Но нерасчетливый и неспособный Сигизмундъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ не торопился. Хотя онъ въ началѣ іюля и выѣхалъ изъ Варшавы, но почти до конца августа прожилъ въ Вильнѣ.

При польскомъ дворѣ надѣялись, что знатные вельможи своими эскадронами значительно увеличатъ королевскія войска. Однако надежды эти почти не оправдались. „Любовь къ родинѣ—сѣтуетъ Вацлавъ Кобъяницкій въ письмѣ отъ 30-го августа того же года — удивительно охладѣла въ вельможахъ, ибо для нынѣшней экспедиціи изъ всѣхъ придворныхъ Е. В. Короля только двое прислали эскадроны по шесть лошадей: князь Огинскій и воевода поморскій (Самуилъ Калинскій). Иные съ однимъ или двумя кавалеристами тянутся рядомъ съ Е. В. Королемъ. Отъ пана короннаго маршала (Сигизмунда Мышковскаго) пришло двѣсти человѣкъ пѣхоты, отъ пана Люблинскаго (Фелікса Слупецкаго) сто, отъ иныхъ по нѣсколько десятковъ. Такимъ образомъ, совершенно небольшую помощь получилъ Е. В. Король отъ вельможъ".

При такихъ условіяхъ, главной силой королевской арміи являлись два полка нѣмецкой пѣхоты, въ которыхъ было 3000 человѣкъ. Съ этимъ войскомъ король 28-го августа выступилъ изъ Вильно. Онъ намѣревался взять изъ Смоленска мѣстный гарнизонъ и отправиться прямо къ Москвѣ. Но вскорѣ представи-

.лись новыя затрудненія. Когда Сигизмундъ 11-го сентября прибылъ въ Оршу, къ нему явились послы отъ „смоленскихъ солдатъ“ и заявили, что тамошнее „воинство“ лишь въ томъ случаѣ приметъ участіе въ этой экспедиціи, если король въ счетъ просроченнаго жалованья велитъ имъ тотчасъ же выплатить триста тысячъ злотыхъ. „Затѣмъ еще—читаемъ въ одномъ изъ современныхъ писемъ—говорили, что будто бы насъ не рѣшались пускать въ смоленскую крѣпость: вслѣдствіе чего возникли различные вопросы относительно того что дѣлать: миновавъ ли Смоленскъ, прямо ѣхать къ его благородію пану гетману, или, если ихъ нельзя будетъ убѣдить, вернуться назадъ въ Польшу?“ Наконецъ, по совѣту и усиленнымъ просьбамъ Хоткевича, который, оставивъ свое войско подъ Можайскомъ, 28-го того же мѣсяца также прибылъ въ Оршу, снова рѣшено было итти подъ Москву. „Итакъ рѣшено было—доносилъ Задикъ варминскому епископу—чтобы отъ королевича были посланы письма въ столицу къ московскому войску, въ которыхъ онъ заявилъ бы, что Е. В. Король идетъ умиротворять государство, въ которое онъ готовъ отпустить его государемъ, когда они пришлютъ къ нему своихъ пословъ для договора“.

2-го октября—писалъ одинъ изъ камердинеровъ короля „въѣхалъ въ Смоленскъ Е. В. Король со своимъ войскомъ, котораго было 4000. Здѣсь тамошніе солдаты принимали его сначала съ большой радостью и удовольствіемъ. Но потомъ эти солдаты, которыхъ было 2000 человѣкъ, не хотѣли ѣхать дальше съ Е. В. Королемъ, пока имъ не уплатятъ жалованья“. Вскорѣ они даже „составили конфедерацію и собрали совѣтъ, въ которомъ они уговаривались относительно того, что имъ надо отсюда уѣхать и присоединиться къ другимъ конфедератамъ. Наконецъ, Е. В. Королевичъ самъ пришелъ въ ихъ совѣтъ и обратился къ

нимъ съ рѣчью, прося, чтобы они не покидали въ этомъ предпріятіи ни Е. В. Короля, ни его самого, обѣщая имъ приличное вознагражденіе и удовлетвореніе". Только послѣ этой просьбы королевича и „послѣ долгихъ переговоровъ, смоленскіе солдаты согласились дать Е. В. Королю по полъ-эскадрона; ихъ наберется тысячи полторы, потому что нѣкоторыя (роты) идутъ цѣликомъ".

Однако эти переговоры со смоленскимъ „воинствомъ" заняли снова двѣ недѣли. Лишь 16-го числа того же мѣсяца отправился Сигизмундъ въ Вязьму, откуда, собравъ тамъ всю свою армію, отправился въ дальнѣйшій походъ. Въ половинѣ ноября онъ расположился лагеремъ подъ Федоровскимъ, стараясь овладѣть по сосѣдству и Волокомъ, но осада этой крѣпости была отбита со значительными потерями.

Когда Сигизмундъ, наконецъ, подходилъ къ Москвѣ, именно въ это время польскій гарнизонъ въ столицѣ, мучимый страшнымъ голодомъ и „полумертвый", послѣ почти нечеловѣческихъ усилій, въ концѣ концовъ долженъ былъ сдаться непріятелю.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ нужда и дороговизна въ Москвѣ достигли снова ужасающихъ размѣровъ.

Богданъ Балыка, одинъ изъ кіевскихъ купцовъ, находившійся тогда въ Кремлѣ, разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что за четверть ржи платили тогда 100 злотыхъ, за четверть овса 40, за кварту крупы 20, за кварту водки 40. „Панъ Харлинскій, пѣхотный капитанъ, взялъ за лошадь, четверть которой онъ оставилъ для себя, 500 золотыхъ: за корову давали 600, за четвертушку мяса конскаго 120: панъ Рачинскій заплатилъ за кота 8 злотыхъ, воинъ пана Будилы за собаку 15. Потомъ насъ сталъ мучить такой невыносимый голодъ, что пѣхота и нѣмцы тайно убивали и ѣли людей. Мы первые это замѣтили, ибо од-

пажды, возвращаясь отъ службы изъ соборной церкви Пресвятой Богородицы, нашли въ ямѣ въ мышкѣ человѣческую голову и ноги".

„Когда нѣкоторъ выгнали больше десяти московскихъ нѣмцевъ, она сейчасъ же убила ихъ и съѣла. Черезъ нѣсколько дней случилось, что Москва несла уголь рабочимъ, занятымъ при Никольскихъ воротахъ. Гайдуки, выскочивъ изъ-за стѣнъ, схватили одного изъ нихъ и, убивъ его, тотчасъ же съѣли. Вскорѣ послѣ этого одинъ солдатъ Воронецъ и казакъ Щербина ворвались въ домъ князя Ѳеодора Мстиславскаго, отыскивая, что бы поѣсть; а когда Мстиславскій началъ ихъ усовѣщивать, одинъ изъ нихъ ударилъ его кирпичемъ по головѣ такъ сильно, что онъ отъ полученной раны чуть не умеръ. Панъ Струсь, узнавъ объ этомъ, велѣлъ обоихъ арестовать. Воронца обезглавили и похоронили, а Щербину велѣли повѣсить. Но онъ и одного часу не пробылъ на висѣлицѣ: нѣхота сейчасъ же сняла его и, разрубивъ на куски, съѣла. Одного изъ челядинъ, который недавно умеръ, даже изъ могилы вырыли и съѣли".

„26-го октября выпалъ такой глубокій снѣгъ, что совершенно покрылъ всякую траву и корни. Съ этихъ поръ страшный голодъ морилъ насъ: мы ѣли ремни, подпруги, пояса, кожаные чехлы, даже кости и падаль, какія попадались. Въ Китай-городѣ въ церкви Богоявленія, гдѣ и греки бываютъ, мы нашли нѣсколько пергаментовыхъ книгъ: мы питались ими, а также травой, собранной до снѣга и приправленной свѣчнымъ саломъ".

Іосифъ Будило еще болѣе яркими красками описываетъ тогдашнее бѣдственное положеніе польскаго гарнизона. „Осажденные, — читаемъ въ его дневникѣ — когда уже травъ, корешковъ, мышей, собакъ, кошекъ и падали не хватало, съѣдали нѣмцевъ и трупы, которые вырывали изъ земли. Нѣхота сама себя не-

рѣла. Трусковскій, пѣхотный поручикъ, съѣлъ своихъ двухъ сыновей. Одинъ гайдукъ тоже съѣлъ сына, другой — мать. Одинъ воинъ тоже съѣлъ своего слугу. Словомъ, сынъ отца, отецъ сына не жалѣли: господинъ долженъ былъ остерегаться слуги, слуга — господина. Кто кого одолѣлъ, тотъ того и съѣлъ; болѣе здоровый освобождалъ себя отъ больного. Тотъ, чьего родственника или товарища съѣлъ кто-нибудь другой, судился за него, какъ за свою собственность. Такое дѣло возникло было въ отрядахъ пана Ленницкаго. Гайдуки съѣли мертваго гайдука, а родственникъ покойнаго изъ другого десятка жаловался своему ротмистру, что съѣсть его полагалось ему, какъ родственнику, а не кому-либо другому. Тѣ же отвѣчали: „Намъ полагалось его съѣсть, потому что онъ былъ съ нами въ одномъ строю, въ одной шеренгѣ, въ одномъ десяткѣ". Ротмистръ не зналъ, какой произнести приговоръ, и опасаясь, чтобы какая-нибудь сторона, недовольная приговоромъ, не съѣла его самого, долженъ былъ бѣжать изъ суда.

„При такомъ ужасномъ голодѣ появились различныя болѣзни, жестокія агоніи. Со страхомъ и не безъ слезъ приходилось смотрѣть на человѣка, умирающаго отъ голода; а я многихъ такихъ видѣлъ, которые грызли землю подъ собой, руки, ноги, тѣло; а что хуже всего, они хотѣли бы умереть и не могли: они камни и кирпичи кусали, прося Господа Бога, чтобы они сдѣлались хлѣбомъ, но откусить не могли. Ахъ! крѣпость наполнена была такими, а передъ крѣпостью — тюрьма и смерть. Было множество такихъ людей, которые добровольно шли на смерть къ непріятелю и продавали себя. Если кто-нибудь изъ нихъ попадалъ на порядочнаго человѣка, тотъ не убивалъ его: но большинство несчастныхъ попадали на жестокосердыхъ, которые рубили еще прежде, чѣмъ они успѣвали спуститься со стѣны".

Несмотря на столь ужасное положеніе, еще въ теченіе нѣсколькихъ недѣль послѣ ухода Ходкевича осажденные храбро защищались и отбили три штурма. Когда же „Москва стала подводить подкопъ къ Китай-городу 15-го октября, они, хотя уже еле могли ходить отъ голода, однако ночью ворвались въ этотъ подкопъ и перебили людей, которыхъ тамъ застали, а самого подкопщика захватили въ плѣнъ и невредимые вернулись назадъ въ крѣпость".

Въ концѣ сентября князь Пожарскій обратился къ нимъ съ предложеніемъ сдаться, увѣряя, что выхлопочетъ для нихъ свободное возвращеніе въ Польшу и даже снабдитъ ихъ лошадьми и провіантомъ. Но польскій гарнизонъ надменно отвергъ это предложеніе.

Наконецъ, въ началѣ ноября, когда уже поляки потеряли всякую надежду на помощь, и когда ихъ силы совершенно истощились, они начали вести переговоры относительно сдачи крѣпостей. Эти переговоры длились нѣсколько дней. Наконецъ, 6-го числа того же мѣсяца заключенъ былъ договоръ, въ которомъ московскіе воеводы „клятвенно обязались оставить въ живыхъ осажденныхъ и не посягать на ихъ имущество". Но этой клятвы они не сдержали. „На другой день, 7-го ноября повѣствуетъ дальше Будило—къ своему удовольствію и къ нашей великой печали и скорби, вошла Москва въ замокъ. Воиновъ взяли въ таборъ и роздали ихъ боярамъ, а если у кого было имущество, то его отняли и отдали московскимъ казакамъ. Вопреки клятвѣ, казаки и даже сами бояре убили многихъ воиновъ". Эта печальная судьба была удѣломъ почти всѣхъ тѣхъ, которые попали въ таборы Трубецкого, а „нѣхота рѣшительно вся была перебита".

Затѣмъ всѣхъ польскихъ плѣнныхъ разослали по тюрьмамъ въ разные города; многіе изъ нихъ здѣсь были убиты мѣстнымъ населеніемъ.

Струся заключили сперва въ одинъ изъ московскихъ монастырей, „а потомъ посадили его въ тѣсный дворъ, окруживъ острогомъ и стражей". Будилу выслали въ Нижній-Новгородъ, гдѣ въ теченіе 19 недѣль держали его „въ темной и смрадной башнѣ".

Въ тотъ самый день, когда войска Пожарскаго вошли въ Кремль, Сигизмундъ выслалъ торжественное посольство въ Москву, заявляя, что онъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ приближается къ столицѣ. Эта миссія была поручена двумъ полякамъ, а именно — Александру Зборовскому и Андрею Млоцкому, и двумъ „изъ московскихъ людей—князю Даніилъ Мезецкому и Ивану Грамотину". Вмѣстѣ съ ними отправили также 1200 конныхъ подъ начальствомъ Адама Жолкевскаго.

Эти послы, прибывъ въ Рузу, 29-го ноября выслали съ письмомъ въ Москву двухъ гонцовъ „пана Шалевскаго и дворянина Ѳеодора Матова". Они получили приказъ не позднѣе 4-го декабря того же года „вернуться въ село Лучинское", куда и отправилось тотчасъ же посольство. Однако упомянутые гонцы были задержаны въ Москвѣ, а когда послы, не дождавшись ихъ, сами прибыли въ Тушинъ и еще разъ просили бояръ прислать заложниковъ для того, чтобы начать переговоры, — ихъ письма остались безъ всякаго отвѣта. Вмѣсто этого Москва вскорѣ начала сражаться съ польской конницей, которая прибыла подъ столицу вмѣстѣ съ посольствомъ.

Во время одной изъ такихъ стычекъ былъ взятъ въ неволю „смолянинъ, боярскій сынъ Иванъ Философовъ". Когда польскіе послы допрашивали этого плѣнника относительно тогдашняго положенія дѣлъ въ Москвѣ, онъ сказалъ слѣдующее:

„Бояре, которые до сихъ поръ служили королю,— заявилъ Философовъ — и вообще „лучшіе люди" желаютъ призвать на престолъ королевича Владислава:

но, опасаясь казаковъ, не смѣютъ открыто заявлять объ этомъ. Они твердятъ лишь, что слѣдовало бы „избрать на государство чужеземца". Казаки же говорятъ, чтобы „царемъ избрать кого-нибудь изъ русскихъ бояръ", напр., Михаила Романова или „сына калужскаго вора". Они имѣютъ рѣшительный перевѣсъ въ столицѣ и дѣлаютъ, что хотятъ, ибо разъѣхалось уже очень много „дворянъ и дѣтей боярскихъ": въ Москвѣ осталось ихъ только тысячи двѣ, казаковъ же четыре съ половиной тысячи.

„Князя Ѳеодора Мстиславскаго разсказывалъ далѣе Философовъ — и товарищей его черни не подпускаетъ къ Думѣ. Писали также въ города, спрашивая, какъ слѣдовало бы поступить въ данномъ случаѣ. Между тѣмъ всѣ дѣла рѣшаютъ Димитрій Трубецкой, князь Пожарскій и Кузьма Мининъ. Польскихъ людей разослали по городамъ, а въ Москвѣ оставили только знатныхъ полковниковъ и ротмистровъ, пана Струся и иныхъ. Ѳеодора Матова и пана Шалевскаго также сдали на руки приставовъ. Ихъ собираются вскорѣ отослать съ письмами: но заложниковъ „для начатія переговоровъ не пришлютъ".

Получивъ такія извѣстія, послы тотчасъ же отправили подробное донесеніе о всемъ королю.

Въ это время Сигизмундъ находился въ лагерѣ подъ Ѳедоровскимъ, ожидая результата переговоровъ, къ которымъ посольство должно было приступить. Уже ранѣе до него дошли извѣстія о сдачѣ столицы. Подъ вліяніемъ такихъ происшествій онъ очутился въ весьма затруднительномъ положеніи. Настроеніе лицъ, окружавшихъ короля, лучше всего передается въ отрывкѣ изъ письма Льва Сапѣги, посланнаго изъ лагеря 30-го ноября того же года. „Когда взяли Москву — писалъ литовскій канцлеръ — вся надежда упала. Мы жалкимъ образомъ лишились столицы, а затѣмъ — подумаешь, изъза чего только — и всего Московскаго Государства. А

мы тутъ по всемъ теримъ нужду. Нѣмцы хуѣютъ отъ голода и холода, кони, вслѣдствіе недостатка сѣна, овса и соломы, уходятъ. И намъ самимъ едва осталось на пропитаніе, ибо изъ поволокъ ѣдимъ и пьемъ, и уже все замѣтно на исходѣ".

При такихъ условіяхъ, дальнѣйшее пребываніе въ непріятельской странѣ, къ тому же еще сильно опустошенной, во время суровой зимы и со столь малочисленнымъ войскомъ не только было бы необыкновенно тягостно, но даже и совершенно безцѣльно. Поэтому-то 7-го декабря король снялъ свой лагерь подъ Федоровскимъ и черезъ Смоленскъ вернулся въ Польшу.

Три мѣсяца спустя, земскій соборъ въ Москвѣ избралъ царемъ Михаила, сына ростовскаго митрополита Филарета, находящагося въ плѣну въ Польшѣ.

Такимъ-то образомъ, благодаря лѣни и сумасброднымъ прихотямъ Сигизмунда, были утрачены плоды умной и честной политики гетмана Жолкевскаго.

„7-го августа (1612 г.) разсказываетъ Будило въ своемъ дневникѣ — ушелъ Заруцкій въ Коломну и, взявъ тамъ царицу, отправился съ ней въ Михайловъ": совершая оттуда частыя экспедиціи, „онъ въ теченіе лѣта и зимы дрался съ Москвой". Это не были однако обыкновенные казачьи набѣги съ цѣлью грабежа имущества или провіанта: его тогдашней дѣятельностью руководилъ весьма обширный и смѣлый политическій замыселъ.

Послѣднія событія убѣдили его въ томъ, что ему никогда не удастся стать однимъ изъ правителей Московскаго Государства, а также не удастся провести избраніе Ивана, сына Димитрія. Онъ рѣшилъ поэтому на низовьяхъ Дона и Волги, среди казачьяго населенія, создать отдѣльное государство и управлять имъ въ качествѣ мужа или любовника Марины.

Съ этой мыслью, начиная съ осени 1612 года, Заруцкій опустошалъ мѣстности, признавшія власть Пожар-

ского, а затѣмъ – Михаила, ограбилъ Коломну и Рязанскую землю, а „многіе города истребилъ и сжегъ".

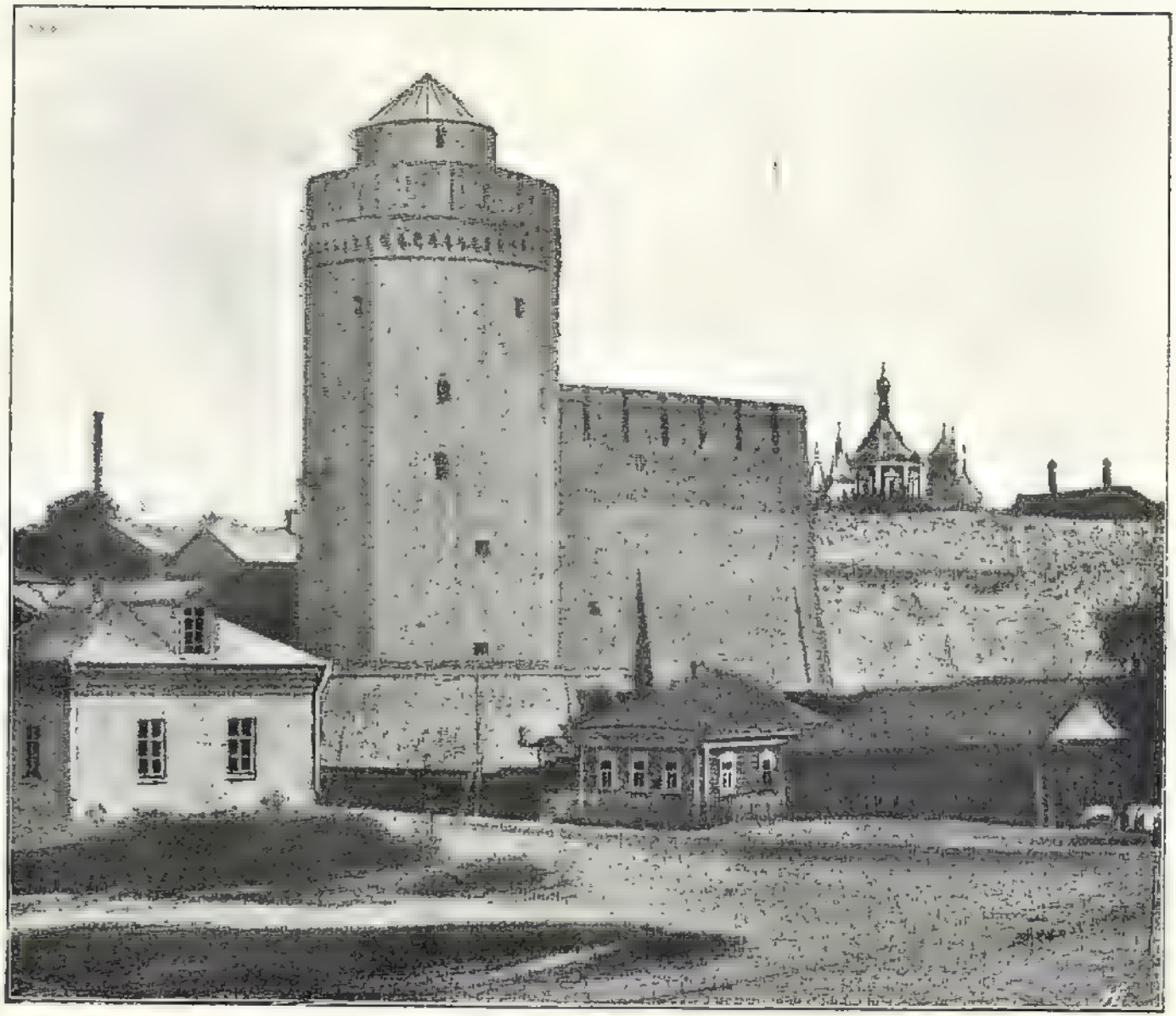
Это движеніе было, вѣроятно, весьма грозно для Московскаго Государства, такъ какъ новый царь, отправившись для вѣнчанія, еще передъ прибытіемъ въ столицу (въ концѣ марта 1613 г.), издалъ распоряженіе тотчасъ же начать военныя дѣйствія противъ него.

Такая миссія была поручена князю Ивану Одоевскому и нѣкоторымъ другимъ военнымъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ стягивались войска изъ Михайлова, Зарайска, Владиміра, Тулы и Суздаля. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ сентября произошло подъ Воронежемъ генеральное двухдневное сраженіе, въ которомъ однако ни Одоевскій, ни Зарудскій не остались побѣдителями. „Въ этомъ бою – – свѣтитъ лѣтописецъ—ничего ему не сдѣлали, онъ же побилъ многихъ воронежцевъ и, переправившись черезъ Донъ, вмѣстѣ съ Мариной пошелъ въ Астрахань".

Въ теченіе зимы и та и другая стороны приготовлялись къ дальнѣйшей борьбѣ. Зарудскій склонилъ въ свою пользу Шитерека, князя ногайской орды, и съ наступленіемъ весны съ нимъ вмѣстѣ намѣревался ударить на Казань и Самару. Онъ старался также возстановить противъ Москвы персидскаго шаха Аббаса. Съ этой цѣлью онъ выслалъ къ нему двухъ пословъ и предложилъ уступить ему Астрахань за оказаніе ему, Зарудскому, помощи.

Но и противники въ это время не бездѣйствовали. Изъ Москвы были отправлены грамоты къ жителямъ Астрахани, къ ногайской ордѣ, къ казакамъ на Донъ и Волгу съ цѣлью склонить ихъ къ вѣрному подданству новому царю. Казакамъ присылали деньги, сукна, запасы пищи и вина. Одновременно съ этимъ князь Одоевскій собиралъ войска подъ Казанью. Но не успѣла еще эта армія выйти навстрѣчу Зарудскому, какъ въ Астрахани уже произошли весьма важныя событія.



Башня Марины Мнишекъ въ Коломнѣ.

Тамошнее населеніе, возмущенное самостоятельностью дѣйствій Зарудскаго, въ концѣ концовъ подняло противъ него открытый бунтъ. На помощь Астрахани изъ Терска прибыли вскорѣ 700 стрѣльцовъ, вождь которыхъ, Василій Хохловъ, склонилъ въ пользу Михаила и ногайскихъ татаръ.

Между тѣмъ Зарудскій заперся въ астраханскомъ кремлѣ, но вскорѣ, опасаясь, что, съ приходомъ войскъ Одоевскаго, ему не удастся выдержать въ немъ осады, въ ночь на 22-е мая рѣшилъ вмѣстѣ съ Мариной и ея сыномъ спастись бѣгствомъ. Сперва онъ хотѣлъ съ отрядомъ преданныхъ ему казаковъ направиться въ глубь страны, но тотчасъ же измѣнилъ свое намѣреніе и рѣшилъ бѣжать моремъ. Но когда онъ, возвращаясь 24-го числа того же мѣсяца, плылъ возлѣ Астрахани, Хохловъ ударилъ на него и совершенно разбилъ его. Часть его сторонниковъ попала въ неволю, въ числѣ ихъ и „старая пани Варвара Казановская", экономка Марины. Только Зарудскій съ царицей, ея сыномъ и съ горстью казаковъ успѣлъ уплыть въ море.

Тотчасъ же въ различныхъ направленіяхъ послали за ними погоню, но долгое время относительно ихъ не получалось никакихъ извѣстій. Наконецъ, 4-го іюля ихъ настигъ отрядъ стрѣльцовъ на рѣкѣ Яикъ, или Уралъ, на „Медвѣжьемъ островѣ". Хотя казаки и выстроили тамъ острожекъ, но, застигнутые врасплохъ, выдали на другой день Зарудскаго, Марину и ея сына; а сами принесли присягу на подданство Михаилу.

16-го іюля привезли плѣнныхъ въ Астрахань, откуда Марину и Зарудскаго въ кандалахъ и съ большими предосторожностями отправили въ Москву. Здѣсь ихъ ждала ужасная судьба. Послѣ того, какъ ихъ допросили самъ царь и бояре, Зарудскаго посадили на колъ; трехлѣтняго сына Димитрія повѣсили; Марину сослали въ заточеніе въ Коломну, гдѣ она вскорѣ умерла, вѣроятно, отъ горя.

Итакъ, въ тюрьмѣ кончилась и послѣдняя фаза жизни честолюбивой дочери воеводы. Но заслужила ли она, дѣйствительно, такую смерть и такую жизнь?

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Марина жаловалась на свою судьбу. „Если кѣмъ-нибо на свѣтѣ — писала она — счастье жестоко поигрывало, то это — мной". Но дѣйствительно ли она была только игрушкой судьбы безъ вины со своей стороны?

Воспитанная съ дѣтства въ сознаніи своего знатнаго происхожденія, она еще въ очень юныхъ лѣтахъ отличалась необыкновеннымъ высокомѣріемъ. Очень характерную въ этомъ отношеніи подробность приводитъ Немоевскій.

Во время ея свадьбы въ Москвѣ, когда однажды польская челядь старалась заглянуть въ комнату, гдѣ происходилъ пиръ, возмущенная этимъ царица воскликнула:

— Скажите имъ: если сюда войдетъ кто-нибудь изъ нихъ, то я велю не одинъ, а три раза бить его кнутомъ!

Столь же безумное высокомѣріе и преувеличенное представленіе о собственномъ безмѣрномъ превосходствѣ сквозятъ также въ ея позднѣйшей корреспонденціи. Въ своихъ письмахъ она говоритъ, что предпочитаетъ смерть тому сознанію, „что міръ будетъ долѣе глумиться надъ ея горемъ"; что „будучи повелительницей народовъ, московской царицей, она не думаетъ и не можетъ быть снова подданной и возвратиться въ сословіе польской шляхтянки". Она сравнивала себя даже съ солнцемъ, которое не перестаетъ свѣтить, хотя „его иногда закрываютъ черныя тучи".

Марина отличалась также необыкновенной храбростью, краснорѣчіемъ и энергіей. Удивительно доказала она это главнымъ образомъ въ Тушинѣ и въ Дмитровѣ.

Когда въ началѣ 1610 г. поляки, служившіе Самозванцу, намѣревались перейти на сторону Сигизмунда,

Марина Мнишекъ.

„царица обходила ихъ стоянки“: своимъ краснорѣчіемъ она многихъ изъ нихъ убѣдила оставить короля и укрѣпила ихъ въ преданности своему супругу.

Также и въ Дмитровѣ она „въ гусарскомъ платьѣ вошла въ воинскій совѣтъ, гдѣ своей жалобной рѣчью“ произвела большое впечатлѣніе и даже „взбунтовала многихъ изъ воинства“. Марина отличалась необыкновенной храбростью. Во время бѣгства въ Калугу она отправилась въ путь лишь въ сопровожденіи десятка-двухъ донцовъ, а въ Дмитровѣ еще болѣе—какъ выражается Мархоцкій —„обнаружила свое мужество“. Когда наши, встревожившись, слабо принимались за защиту, она выбѣжала изъ своей квартиры къ валамъ и воскликнула:

— „Что вы дѣлаете, злые люди?! Я женщина, а храбрости не утратила“!

Для женщины это были признаки необыкновенной храбрости и энергіи. Благодаря этимъ качествамъ, она, навѣрно, сумѣла бы устоять противъ уговоровъ отца, если бъ захотѣла, когда тотъ, подкупленный вторымъ Самозванцемъ, заставлялъ ее признать послѣдняго своимъ мужемъ. Но въ психическомъ процессѣ, происходившемъ въ ея душѣ, несомнѣнно, и тогда одержали верхъ честолюбіе и безумное высокомѣріе.

Итакъ, жажда власти и царствованія была наиболѣе выдающейся, преобладающей чертой ея характера. Поэтому-то она и сдѣлалась по очереди супругой двухъ обманщиковъ, а въ заключеніе даже любовницей или, быть можетъ, супругой казачьяго атамана. Съ паденіемъ Зарудскаго и высокомѣрную дочь воеводы постигла страшная кара.

Итакъ, Марина была не „игрушкой судьбы“, какъ она жаловалась въ своемъ ослѣпленіи, а прежде всего—жертвой собственнаго честолюбія.

УКАЗАТЕЛЬ.

(№№ обозначаютъ страницы).

А.

Аббасъ, шахъ персидскій, 352.
Александровская слобода, 110, 201, 301.
Алексѣевская башня (Москва), 340, 341.
Андроновъ Ѳеодоръ, 124, 236.
Анельманъ, инженеръ, 291.
Арбатскія ворота (Москва), 299, 308.
Арсеній, архіепископ. еласонскій, 282.
Архангельскій соборъ (Москва), 34.
Астрахань, городъ, 37, 49, 352, 353.

Б.

Баба, орудіе, 288.
Балабанъ Александръ, полякъ, 231.
Балыка Богданъ, купецъ, 345.
Барановскій Войцѣхъ, гнѣзненскій архіепископ., 198, 319.
Баритинскій, князь, 209, 210, 219.
Баторій, король, 87.
Беззубцевъ, атаманъ донск. казаковъ, 126.
Безобразовъ, бояринъ (младшій), 281.
Безобразовъ Иванъ, 19, 285.
Бильчинскій Янъ, слуга, 46, 47.
Блинскій, нѣкто, 254.
Бобаль, полякъ, 312.
Бобовскій, 185, 197, 303, 340.
Бобровскій, ротмистръ, 126.

Богухвалъ, ротмистръ, 126.
Божковскій Петръ, полякъ, 72.
Болотниковъ Иванъ, 47, 48, 49, 50, 51, 54.
Болховъ, городъ, 67, 68, 70, 71, 72, 76.
Борисовъ, городъ, 72, 197, 221, 251.
Борковскій, полякъ, 218, 249, 280, 308.
Боровскъ, городъ, 222, 223.
Борша, полякъ, 19.
Боярская Дума, 26, 228, 229, 243, 265, 266, 282, 321, 350.
Брагинъ, 10.
Братошино, деревня, 49, 301.
Братья (шесть), орудія, 288.
Брестъ, городъ, 82, 148.
Брянскъ, городъ, 57.
Будзиновскій Матѳѣй, ротмистръ, 82.
Будило Іосифъ, мозырскій хорунжій, 55, 56, 57, 61, 69, 103, 126, 131, 134, 136, 138, 156, 194, 263, 270, 298, 325, 331, 334, 340, 345, 346, 348, 349, 351.
Буссовъ, 12, 27, 97.
Бутурлинъ Василій, генерал. полковникъ, 101, 105, 219.
Бучинскіе, 31, 142.
Бучинскій, 28, 74, 169.
Выховецъ, полякъ, 196, 240.
Вѣгичевъ Иванъ, вяземскій воевода, 92.
Вѣлевъ, городъ, 57.
Вѣлоозерскъ, городъ, 40, 43.
Вѣлъ-городъ (Москва), 251, 276, 277, 279.
Вѣлый (Вѣлая), городъ, 99, 158, 197, 209, 210, 211, 250, 289.
Вѣльскій, бояринъ, 26.

В.

Ваза, королевскій домъ въ Швеціи, 174.
Валахія, 86.
Валевскій Валентинъ, 55, 57, 60, 65, 69, 74, 95, 98, 118, 208, 242, 256.
Валуевъ, 202, 205, 209, 211, 212, 213, 214, 220, 222.
Варшава, городъ, 81, 115, 116, 117, 118, 145, 156, 241, 287, 317, 321, 323, 334, 343.
Василискъ, орудіе, 288.
Васичинскій, 219.
Ватиканъ, упоминается, 46, 119.

Вейеръ, полякъ, 251.
Вейеръ Людовикъ, 153, 216.
Вейеръ Мартинъ, пуцкій староста, 213, 293.
Вейеры, упоминаются, 279.
Велижъ, городъ, 95.
Великіе Кончицы (Моравія), 6, 99.
Великія Луки, городъ, 155.
Велогловскій, полякъ, 55, 68.
Венеція, городъ, 47.
Верхово, деревня, 95.
Виламовскій Маркъ, ротмистръ, 85, 103, 104, 136, 137, 195.
Вильковскій, полякъ, 197.
Вильно, городъ, 147, 148, 281, 287, 296, 311, 316.
Витебскъ, городъ, 316.
Витковскій, полякъ, 165.
Витовскій Станиславъ, парчевскій войтенш, 78.
Вихровскій, полякъ, 152, 294, 295.
Вишенка, деревня, 333.
Вишневецкіе, упоминаются, 5, 10, 11.
Вишневецкій Адамъ, князь, 10, 55, 65, 80, 101, 113, 167.
Вишневецкій Константинъ, князь, 8, 11, 23, 30, 39, 76, 92, 101.
Вишневецъ, мѣстечко, 11, 13.
Верея, городъ, 251.
Владиміръ, городъ, 111, 241, 280, 352.
Владиславъ, королевичъ, 19, 78, 174, 175, 176, 197, 220, 232, 233, 234, 235, 242, 243, 245, 246, 247, 253, 263, 264, 268, 282, 283, 286, 291, 297, 331, 334, 349.
Власьевъ Аѳанасій, канцлеръ и казначей царскій, 18, 20.
Водяныя (Водяныя) ворота (Москва), 299, 308.
Водяная башня (Троицко-Сергіев. монаст.), 106.
Война Матвѣй, приказный литовскій, 10.
Войтковскій, полякъ, 164.
Войцѣхъ, ксендзъ, бернардинскій монахъ, 307.
Волга, рѣка, 31, 37, 43, 94, 122, 136, 138, 139, 186, 189, 191, 328, 332, 351, 352.
Волконскій Григорій, князь, 77, 78.
Волконскій Ѳеодоръ, князь, 283.
Вологда, городъ, 111, 123.
Волокъ, 194, 195, 202, 333, 340, 345.
Волынскій Иванъ, 283.
Воронежъ, городъ, 259, 352.
Воронецъ, солдатъ, 346.

Воротынскій Иванъ, князь, 258.
Восма, рѣка, 50.
Высоцкій, полковникъ, 83.
Вязьма, городъ, 92, 158, 197, 210, 332, 345.

Г.

Габсбурги, царствующая династія въ Австріи, 5.
Галичъ, городъ, 123, 241.
Гермогенъ, патріархъ московскій, 170, 227, 252, 267, 282, 283, 338.
Гласкій, полякъ, 280.
Глинскій дворъ, 42.
Глосковскій, нѣкто, 281.
Годунова Ксенія, дочь царя, 19, 127.
Годуновъ Борисъ, царь, 9, 16, 17, 20, 21, 26, 34, 38, 49, 58, 67, 87, 144, 145, 152, 170, 226, 251, 327.
Гойскій Гавріилъ, кіевскій капителянъ, 10.
Голицынъ Андрей, князь, 200, 218, 220, 258, 266, 281.
Голицынъ Василій, князь, 68, 223, 227, 232, 243, 244, 252, 286.
Голицынъ, князь, 101, 225.
Головинъ Ѳеодоръ, полковникъ, 105.
Голохвастовъ, воевода, 106, 109.
Гонсевскій Александръ, староста велижскій, 38, 76, 94, 95, 143, 148, 209, 236, 239, 249, 253, 254, 255, 258, 266, 269, 274, 275, 276, 278, 283, 284, 285, 299, 301, 303, 306, 308, 309, 310, 311, 326, 328, 334.
Горайскій Петръ, полякъ, 84.
Горнъ Эдвардъ, начальникъ шведско-москов. войскъ, 209, 210, 214, 217, 218.
Горчаковъ Петръ, смоленскій воевода, 295.
Гоща, 10.
Граевскій, полякъ, 304, 342.
Грамотинъ Иванъ, думный дьякъ, 172, 173, 266, 349.
Гречина, полякъ, 280.
Гродно, городъ, 199, 240.
Грозный Иванъ Васильевичъ, царь, 21, 30, 53, 68, 95, 144, 259.
Грызецъ, слуга, 225.

Д.

Двожицкій, 42.
Делавиль, вождь французовъ, 202.

Делагарди Яковъ, вождь иностран. арміи, 214, 217, 218.
Дембинскій Матѳѣй, ротмистръ, 82.
Демидовъ Яковъ, разрядный дьякъ, 219.
Димитрій, 1-й Самозванецъ, 10, 11 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 36, 37, 38, 39, 44. 46, 47, 48, 58, 77, 84, 85, 87, 96, 119, 122, 143, 144, 170, 318, 319, 327, 336.
Димитрій, 2-й Самозванецъ, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 72, 73, 74, 76, 80, 81, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 93, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 110, 111, 112, 113, 114, 116, 117, 118, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 131, 133, 135, 136, 139, 147, 149, 155, 156, 157, 159, 162, 163, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 176, 177, 179, 181, 182, 184, 185, 191, 192, 193, 194, 196, 206, 207, 208, 209, 214, 222, 223. 224, 225, 227, 229, 230, 231, 234, 237, 238, 240. 241, 242, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 267. 268, 269, 272, 318, 319, 320, 336, 337, 353, 354, 355.
Димитрій Іоанновичъ, царевичъ, 9, 10, 32, 33, 34, 35.
Дитишкъ, 314.
Дмитровъ, городъ, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 196, 221, 354, 355.
Днѣпръ, рѣка, 245, 293, 294.
Добрыничи, мѣстечко, 16, 17.
Долгорукій, воевода, 106, 109.
Долгорукій Даніилъ, князь, 170.
Домарадскій Станиславъ, львовскій подстольничій, 30, 52, 74, 185, 231, 249.
Домброва, полякъ, 314.
Донъ, рѣка, 259, 336, 351, 352.
Дорогобужъ, городъ, 197.
Дорогостайскій Христофоръ, маршалокъ, 151, 293, 294.
Дульскій Янъ, великій коронный казначей, 7.
Дунковскій Самуилъ, 216, 219.
Дьяментовскій, полякъ, 32, 42, 45, 114, 122.
Дѣдиловъ, 57.

Е.

Елецъ, городъ, 128.
Ельная, владѣніе Сапѣговъ, 86.
Епифань, городъ, 57.

Ж.

Жалинскій Самуилъ, поморскій воевода, 343.
Жолкевскій Адамъ, племянникъ гетмана, 218, 220, 349.
Жолкевскій Станиславъ, коронный гетманъ и великій канцлеръ, 83. 145, 146. 147, 148. 149, 150, 152, 153, 159, 161, 197, 200, 205, 206, 210, 211, 213, 214. 215, 217, 218, 219, 220, 221, 223, 225. 227, 228, 229, 230. 231, 232. 233. 234. 235, 237. 238. 239. 240. 241, 242. 243, 244. 245. 246. 247. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 256. 257, 259. 260. 261. 264. 266. 267. 269, 270. 298. 301. 321, 324, 336, 337, 351.

З.

Заблоцкій, полякъ, 96.
Завадскій Янъ, 199.
Задикъ Яковъ, 269, 288, 289. 315. 334. 344.
Замойскій. 86.
Заполія, упоминается, 5.
Запорскій, 42.
Зарайскъ, городъ, 352.
Заруда, деревня, 336.
Зарудскій, атаманъ донск. казаковъ. 65. 74. 133. 170. 171, 182, 183, 195, 210, 241, 242, 263, 264. 269, 273, 275, 283, 298, 305. 306. 307, 335, 336, 337. 338. 339. 351, 353. 355.
Засѣкинъ Александръ, 258.
Збаражскій Христофоръ, князь, кременецкій староста. 162, 169, 245.
Зборовскій Александръ. 85. 95, 124. 133. 134, 135, 136, 137, 138, 139, 158, 163, 167, 170, 195, 196, 197, 204, 211, 213, 215. 240. 251. 270. 274. 278, 302. 328. 342, 349.
Звенигородскій Семенъ, князь, 170.
Звенигородъ, городъ, 72.
Зебжидовскій, полякъ, 81, 83, 84.
Зельверъ, ксендзъ, 317.
Зеновичъ, солдатъ, 49.
Зеретиновскій, полякъ, 54.
Зубцовъ, городъ, 202, 221.
Зудерманландскій Каролусъ, упоминается, 163.

И.

Ивангородъ, крѣпость, 26.
Ивановичи, деревня, 89.
Ивановъ Андрей, дьякъ, 77, 78.
Иванъ Великій, колокольня (Москва), 277.
Иванъ, сынъ Самозванца, 351.
Игнатій, патріархъ московскій, 20.
Измайловъ Артемій, воевода, 280, 283.
Илейко (Петрашко), самозванецъ, 49.
Ирина, царица, 49.
Истебнь, 92.
Историческій Музей въ Москвѣ, 11, 13.
Иштерекъ, князь ногайской орды, 352.

І.

Іоасафъ, архимандритъ, 106.
Іорданъ изъ Закличина, полякъ, 8.

К.

Казановская, гофмейстерина, 12, 22, 116, 191, 353.
Казановскій, полякъ, 204, 211, 215, 251, 279, 284, 298.
Казань, городъ, 26, 352.
Казимерскій, полякъ, 55, 168, 172, 231.
Калискій Арнульфъ, еврей, 66.
Калуга, городъ, 48, 50, 72, 103, 168, 171, 177, 179, 181, 182, 183, 185, 191, 193, 194, 196, 206, 207, 208, 242, 250, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 272, 275, 283, 337, 355.
Калязинъ, городъ, 136, 137, 139.
Каменецкая, дочь сапоцкаго каштеляна, 6.
Каменка подъ Козельскомъ, 297.
Каменка подо Львовомъ, 287.
Каменскій, полякъ, 196.
Карачевъ, городъ, 56, 57.
Каргополь, городъ, 51.
Карлъ, эрцгерцогъ, епископъ вроцлавскій, 335.
Карлъ IX, шведскій король, 286.
Карпаты, горы, 6.

Касимовъ, городъ, 259.
Катыревъ-Ростовскій Иванъ, князь, 111.
Кашинъ Михаилъ, брянскій воевода, 57.
Кашира, городъ, 50, 241.
Кендерскій, полякъ, 331.
Китай-городъ (Москва), 226, 251, 255, 256, 258, 275, 276, 278, 279, 280, 281, 302, 303, 305, 306, 307, 325, 326, 348.
Кіевщина, 319.
Кіевъ, городъ, 10, 16, 58.
Клушинъ, 214, 221.
Кнышинъ, городъ, 7.
Кобыжницкій Вацлавъ, 182, 205, 247, 269, 286, 313.
Ковно, городъ, 198.
Козельскъ, городъ, 56, 57, 72, 297.
Колибака, нѣкто, 289.
Коломна, городъ, 103, 126, 241, 274, 338, 351, 352, 353
Колускій Андрей, ротмистръ, 82.
Комаровскій, полякъ, 167.
Конарскій, сынъ хелминскаго каштеляна, 213.
Константинополь, городъ, 47.
Констанція, королева, 87.
Конычпнскій, полякъ, 165, 219.
Корела, упоминается, 26.
Корецкій, князь, 215, 328, 329, 342.
Косаковскій Николай, ротмистръ, 275.
Костенецкій, 137.
Костомаровъ, рус. историкъ, 272.
Кострома, городъ, 39, 123.
Костюшкевичъ, полковникъ, 332.
Которосль, рѣка, 43.
Кохановскій, нѣкто, 48.
Краевскій, поручикъ, 304, 327.
Краковское предмѣстье, 321.
Краковъ, городъ, 11, 15, 18, 19, 65, 77, 82, 83, 119, 146, 147, 317.
Крапивная, городъ, 57.
Красная гора, 128.
Красная площадь (Москва), 24, 36.
Краснославъ, городъ, 83.
Красныя ворота (Троицко-Сергіев. монаст.), 108.
Кремль московскій, 20, 26, 36, 52, 222, 255, 258, 276, 277, 282, 305, 306, 311, 326, 345, 349
Кромы, городъ, 16, 17, 48, 59, 61, 65.

Крукеницкій Викентій, 254.
Крымъ-городъ (Москва), 226, 251, 257, 258, 277, 279, 282, 307, 308.
Крыскій (Щенсный), коронный вице-канцлеръ, 84, 85, 158 160, 161, 246, 318.
Куракинъ, Иванъ, 68, 69.
Куровскій Станиславъ, полякъ, 55, 59.
Курскъ, городъ, 16.
Кучборскій Янъ, коронный регентъ, 161.

Л.

Лабуповъ, мѣстечко, 57.
Лавицкій Андрей, ксендзъ, 46, 47.
Лазовскій, полякъ, 230.
Лама, рѣка, 205.
Ланцкоронскій Бонкъ, ротмистръ, 123, 137, 219.
Ласкіе, упоминаются, 5.
Латовскій, 263.
Лащъ, полякъ, 104.
Ленницкій, полякъ, 347.
Леонидъ, черецъ, 32.
Лисовскій, полякъ, 68, 103, 104, 123, 315.
Лифляндія, 86, 133, 146, 155, 163, 231.
Лихачевъ Иванъ, москвичъ, 70.
Лобное мѣсто (Москва), 24, 31, 226, 259, 296.
Лопухинъ Ѳеодоръ, секретарь Самозванца, 117, 118.
Лосмянъ, рѣчка, 89.
Лубны, село, 11.
Луговскій Томило, думный дьякъ, 232, 244, 286.
Луковскій староста, 116.
Лучинское, село, 349.
Львовъ, городъ, 46.
Любельчикъ Антоній, ксендзъ, 100.
Любенцы, деревня, 92, 96.
Любенскій Станиславъ, 335.
Люблинъ, городъ, 82, 148, 317.
Лящуновъ, 226, 227, 228, 248.
Лящуновъ Владиміръ, сынъ воеводы, 267.
Лящуновъ Прокопій, рязанскій воевода, 267, 268, 269, 271, 273, 274, 275, 279, 283, 298, 300, 301, 305, 306, 336, 337, 338.

М.

Малицкій, нѣкто, 282.
Малицкій, ротмистръ, 237.
Маржерэ, французъ, 13, 28, 36.
Мархоцкій, полякъ, 52, 53, 58, 60, 61, 65, 69, 72, 74, 75, 81, 85, 95, 97, 100, 111, 112, 113, 114, 131, 134, 158, 159, 165, 181, 182, 183, 188, 189, 191, 192, 193, 195, 197, 202, 203, 295, 266, 283, 284, 299, 302, 305, 306, 307, 309, 310, 321, 336, 337, 355.
Марѳа, царица, 30, 33, 34.
Масальскій (Рубецъ) Василій, князь, 26, 48, 56, 57, 95, 97, 101, 172, 173, 230, 258, 266, 280.
Маскевичъ, 51, 151, 213, 216, 225, 235, 236, 250, 251, 254, 256, 273, 275, 276, 277, 278, 300, 301, 303, 311, 325, 326, 327, 328, 329, 332
Масса, 13, 24, 29, 33, 45.
Матовъ Ѳеодоръ, дворянинъ, 349, 350.
Мацѣевскій Бернардъ, кардиналъ, 7, 18.
Медвѣжій бродъ, 223.
Медвѣжій островъ (р. Уралъ), 353.
Медынь, городъ, 241, 298.
Мезецкій Іаннзо, князь, 200, 218, 232, 244, 286, 349.
Мельштынскіе, упоминаются, 6.
Мещерскій Ѳеодоръ, князь, 172.
Мещовскъ, городъ, 259, 261, 264, 270.
Мизиновъ Матвѣй, воевода, 56, 57.
Микулинскій, полякъ, 55.
Мининъ Кузьма 339, 350.
Минскъ, городъ, 148.
Михайловъ, городъ, 68, 351, 352.
Млоцкій Андрей, ротмистръ 85, 126, 165, 169, 183, 185, 197, 210, 303, 349.
Мнишекъ Анна, дочь сандомірск. воеводы, 8.
Мнишекъ Евфросинія, дочь воеводы, 8.
Мнишекъ Марина, 5, 8, 9, 11, 12, 13, 15, 18, 19, 20, 22, 28, 38, 39, 40, 44, 47, 76, 77, 79, 90, 92, 93, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 111, 115, 116, 117, 120, 122, 139, 140, 159, 163, 171, 176, 177, 179, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 191, 192, 196, 241, 242, 257, 262, 263, 264, 268, 327, 337, 338, 351, 352, 353, 354, 355.
Мнишекъ Николай, отецъ воеводы, 6, 7.

Мнишекъ Николай, сынъ воеводы, 8, 119.
Мнишекъ Сигизмундъ, сынъ воеводы, 8, 119.
Мнишекъ Станиславъ, сандомірскій староста, 8, 30, 116, 163, 183, 191, 196, 207, 337.
Мнишекъ Урсула, дочь воеводы, 8, 9.
Мнишекъ Францискъ, сынъ воеводы, 8.
Мнишекъ Юрій, сандомірскій воевода, 8, 11, 14, 15, 16, 18, 38, 39, 44, 66, 67, 79, 99, 101, 115, 116, 117, 139, 156, 320.
Мнишекъ Янъ, сынъ воеводы, 8.
Мнишки, упоминаются, 6, 7, 9, 14, 30, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 76, 92, 97, 98, 122, 147, 319, 320.
Могилевъ, городъ, 49.
Можайскъ, городъ, 72, 96, 163, 194, 200, 210, 213, 214, 220, 221, 251, 273, 298, 321, 333, 344.
Молчановъ Михаилъ, любимецъ 1-го Самозванца, 26, 46, 47, 48.
Монастыри: Андроніевъ (Москва) 283; Даниловъ (Москва) 227; Дѣвичій (Москва) 231, 232, 251, 305, 327, 333, 341; Калязинскій 136; Осиповъ 195; Острожско-Троицкій въ Дерман 10; Печерскій (Кіевъ) 10; Рабовъ 137; Св. Кирилла 283, 338; Св. Николая на Угрѣшѣ 223, 240, 283; Св. Нафанаила 222; Св. Троицы (Сергіевъ) 103, 105, 106, 107, 113, 122, 123, 126, 127, 129, 130, 134, 136, 139, 156, 157, 165, 178, 185, 189, 206; Симоновъ (Москва) 283; Спасовъ 263; Троицкій (на Дальнѣ) 145; Чудовъ (Москва) 32, 228.
Моравскъ, крѣпость, 16.
Москва, городъ, 5, 7, 13, 17, 18, 19, 20, 21, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 37, 38, 39, 46, 47, 48, 49, 51, 52, 58, 71, 72, 73, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 84, 86, 87, 88, 92, 95, 96, 99, 101, 102, 103, 109, 111, 116, 117, 121, 126, 127, 133, 136, 141, 143, 144, 145, 146, 155, 157, 162, 163, 168, 173, 174, 176, 192, 197, 198, 200, 209, 219, 220, 222, 223, 224, 225, 227, 228, 229, 230, 231, 234, 235, 238, 241, 242, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 254, 257, 258, 259, 264, 265, 266, 267, 268, 271, 273, 274, 275, 280, 283, 285, 291, 296, 297, 298, 301, 302, 305, 306, 307, 310, 311, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 331, 332, 334, 338, 339, 340, 343, 344, 345, 349, 350, 351, 352, 353, 354.
Москва, рѣка, 73, 74, 97, 279, 299, 304, 305, 308, 341.

Мстиславскій Ѳеодоръ, князь, 30, 35, 37, 227, 228, 230, 232, 234, 236, 237, 250, 252, 253, 257, 258, 271, 346, 350.
Муромъ, городъ, 49, 111.
Мышковскій Сигизмундъ, коронный маршалъ, 320, 343.
Мѣховецкій Николай, полякъ, 52, 56, 59, 60, 61, 63, 114, 115.

Н.

Нагіе, бояре, 36.
Нагой Андрей, царскій дядя, боярин, 53.
Нагой Михаилъ, великій царск. конюшій, 26.
Нагурскій Лука, гарволинскій староста, 7.
Неглинная, улица, 299, 309.
Незнань, рѣка, 72.
Нейкирхенъ, поручикъ, 293.
Немоевскій, полякъ, 13, 24, 38, 40, 354.
Нижневскій, полякъ, 193.
Нижній-Новгородъ, городъ, 123, 269, 339, 349.
Никитская улица (Москва), 23.
Никитскія ворота (Москва), 299, 309.
Николаевская дорога, 241.
Никольскія ворота (Москва), 346.
Новгородъ Великій, городъ, 15, 37, 123, 133, 235.
Новгородъ-Сѣверскъ, городъ, 16.
Новогрудокъ, городъ, 58, 59.
Новодворскій, полякъ, 153, 291, 292, 293.

О.

Обалковскій, королевскій стряпчій, 193, 289.
Огинскій, князь, 78, 343.
Одоевскій Иванъ, князь, 352, 353.
Ока, рѣка, 27, 37.
Олесницкій Николай, каштелянъ малагоскій, 38, 50, 76, 94, 99, 116, 142, 143, 145.
Олизаръ, ротмистръ, 237.
Опаковъ, владѣніе Саиѣговъ, 86.
Орелъ, городъ, 58, 59, 61, 65, 67.
Орша, городъ, 49, 50, 148, 149, 150, 311, 344.
Осиповъ, крѣпость, 190, 191, 195, 196, 202, 204, 209, 221, 250.

Осмульскій Янъ, лакей Марины, 22.
Острогскій Янушъ, краковскій каштелянъ, 82, 151, 317.
Острожскій князь, 10.
Остроруть Янъ, познанскій воевода, 319.
Отрепьевъ Гришка, 30, 31, 32, 318.

П.

Павелъ V, папа, 20, 46, 119, 122.
Палицынъ, келарь, 108, 109 128.
Папроцкій, полякъ, 8.
Пашковъ Истома, 48.
Перемышль, городъ, 264, 269, 270, 273.
Пермь, городъ, 37.
Переяславль, городъ, 95, 110, 248, 301.
Переяславль-Залѣсскій, городъ, 339.
Петрашко, самозванецъ, 31, 49, 50, 51, 55.
Петроконскій канцлеръ, 78.
Пимент, чернецъ, 32.
Пинскъ, городъ, 142.
Плещеевъ Иванъ, боярин, 163.
Плещеевъ Левъ, князь, 172.
Плещеевы, упоминаются, 279.
Побѣдинскій, полякъ, 115, 238, 240.
Погорѣлое Городище, 202, 221.
Подгородынскій, полякъ, 332.
Подольскъ, городъ, 72.
Пожарскій Дмитрій, князь, 339, 340, 348, 349, 350, 351.
Попятовскій Людовикъ, полковникъ, 82, 83.
Посольскій дворъ, 38.
Потоцкіе, упоминаются, 315.
Потоцкій Стефанъ, староста фелинскій, 246, 293.
Потоцкій Яковъ, каменецкій каштелянъ, 172, 197, 245, 291, 331, 334.
Потоцкій Янъ, брацлавскій воевода, 246.
Почаповъ, упомянается, 56, 289.
Понехонье, городъ, 339.
Прозоровскій Ѳеодоръ, князь, 101.
Просовецкій 275, 280, 283.
Псковъ, городъ, 15, 37, 111, 115, 155, 235, 316.
Пускинъ, нѣкто, 241.
Путивль, городъ, 16, 17, 27, 47, 48, 49, 57.
Пятница, 126.

Р.

Радзивиллъ Янушъ, князь, 82, 84.
Радиевскій Станиславъ, посланникъ короля, 146.
Рангони Клавдій, папскій нунцій, 13, 18, 120.
Ратомскій Михаилъ, остерскій староста, 10, 30.
Рахманцы, село, 103, 110.
Рачинскій, полякъ, 345.
Ржевскій, нѣкто, 266.
Ржевъ, городъ, 202, 221.
Ржовъ Володимировъ (Ржевъ), городъ, 197.
Рига, городъ, 287.
Римъ, городъ, 46, 116, 118, 119, 120, 122, 139.
Ровицкій Александръ, военный судья, 328.
Рогачевъ, городъ, 327, 328, 329, 330.
Рожинскій Романъ, князь, 52, 55, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 68, 69, 74, 80, 97, 101, 115, 120, 122, 134, 157, 158, 163, 165, 167, 168, 169, 177, 178, 181, 182, 183, 184, 189, 192, 193, 195, 197, 201, 224, 236.
Рожнятовскій Авраамъ, 119.
Романово, деревня, 49.
Романовъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, 223, 350, 351, 352, 353.
Романовы, царствующая династія, 170.
Ромодановскій, князь, 105.
Ромушка, стрѣлецкій сынъ, 35.
Ростворовъ, 270.
Ростовъ, городъ, 40, 110, 170, 241, 327, 331.
Рудницкій Симеонъ, полякъ, 260, 269, 334.
Рудницкій Станиславъ, 55, 146, 197.
Рудскій, полякъ, 68, 70, 190, 195, 203, 204, 333.
Руза, городъ, 333, 349.
Русель, 32.
Русецкій, полякъ, 203.
Рыльскъ, городъ, 16.
Рѣпнинъ, князь, 280.
Рюрику,по мнѣнается, 173.
Рязанская земля, 90, 201, 248, 249, 267, 268, 269, 297, 352.
Рязань, городъ, 37, 103, 201, 275.

С.

Савицкій Касперъ, ксендзъ, 93.
Салтыковъ Иванъ, боярин, 172, 173, 181, 220, 222, 226, 227, 251.
Салтыковъ-Морозовъ, боярин, воевода, 26, 124, 170, 171, 172, 173, 230, 233, 323, 324.
Самара, городъ, 352.
Самборъ, резиденція Мнишка, 6, 9, 11, 14, 15, 16, 17, 46, 48, 52, 240.
Сапѣга Андрей, оршанскій староста, 49, 50.
Сапѣга Богданъ, прадѣдъ литов. канцлера, 87.
Сапѣга Левъ, гетманъ и великій канцлеръ литов., 10, 48, 86, 87, 124, 145, 148, 150, 151, 238, 245, 246, 287, 296, 315, 324, 350.
Сапѣга Янъ Петръ, усвятскій староста, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 116, 123, 124, 125, 126, 128, 130, 131, 134, 135, 136, 137, 139, 157, 162, 169, 172, 177, 185, 186, 187, 189, 191, 196, 206, 207, 223, 224, 225, 230, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 248, 249, 258, 263, 264, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 297, 298, 300, 301, 302, 306, 307, 308, 309, 310, 325, 326, 327.
Сапѣги, упоминаются, 86, 224.
Св. Викентій преподоб., упоминается, 121.
Св. Илія, 230.
Св. Михаилъ Архангелъ, 109, 110.
Св. Никонъ, 109.
Св. Петръ и Павелъ Апостолы, 121.
Св. Сергій, 106, 109, 110.
Сенкевичъ, солдатъ, 49.
Сецкій, полякъ, 138.
Сергій, архіепископ. смоленскій, 295.
Серпуховъ, городъ, 27, 28, 223, 241, 242, 257, 274.
Сигизмундъ I-й, король польскій, 5, 6, 86.
Сигизмундъ II-й Августъ, король, 7.
Сигизмундъ III-й, король, 6, 7, 11, 14, 15, 18, 46, 50, 66, 67, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 85, 86, 87, 116, 117, 118, 142, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 161, 162, 163, 168, 169, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 181, 193, 194, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 204, 206, 207, 208,

209, 210, 211, 224, 225, 231, 233, 235, 236, 239, 243, 245, 246, 247, 252, 254, 258, 259, 260, 262, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 272, 273, 274, 278, 285, 287, 288, 289, 290, 291, 296, 297, 299, 310, 311, 315, 316, 317, 320, 321, 322, 323, 324, 330, 334, 335, 336, 337, 338, 343, 344, 345, 349, 350, 351, 354.
Симонетти Франциск, папскій нунцій, 120.
Сицкій Алексѣй, князь, 111.
Скопинъ-Шуйскій Михаилъ, 72, 133, 135, 136, 137, 148, 152, 170, 174, 177, 178, 185, 186, 189, 191, 197, 200, 201, 202, 211.
Скородумъ, 279.
Скуминъ, 244, 277.
Слизенъ, королев. стряпчій, 200.
Слонимъ, городъ, 148.
Слонскій, полякъ, 226.
Слупецкій Феликсъ, 343.
Смоленская земля, 30, 86, 87.
Смоленскъ, городъ (крѣпость), 85, 87, 91, 92, 93, 95, 102, 145, 146, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 158, 162, 165, 172, 179, 181, 183, 191, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 206, 208, 209, 210, 231, 233, 235, 236, 243, 245, 246, 247, 251, 252, 253, 254, 258, 265, 266, 267, 268, 270, 272, 273, 274, 281, 282, 285, 286, 291, 295, 296, 297, 300, 315, 316, 318, 331, 337, 343, 344, 351.
Соборщикъ, 195.
Соколинскій Янъ, королев. секретарь, 78.
Солаконъ Иванъ, боярщинъ, 126.
Солиманъ, турецкій султанъ, 5.
Стадницкіе, упоминаются, 30, 39, 76.
Стадницкій Адамъ, калишскій каштелянъ, 320.
Стадницкій Мартинъ, 51.
Стадницкій Николай, бургграфъ краков. замка, 7.
Стадницкій Станиславъ, пшемыскій каштелянъ, 150, 162, 163, 164, 168, 171, 176.
Старица, городъ, 133.
Стародубъ, городъ, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 197, 289.
Стефанъ, король польскій, 7, 144.
Стравинскій Эразмъ, 103, 104, 123.
Струсь Николай, староста хмѣльницкій, 158, 215, 219, 249, 269, 277, 278, 302, 303, 331, 332, 333, 334, 340, 346, 349, 350.

Суздаль, городъ, 103, 111, 241, 339, 352.
Сѣверская земля. 16, 27, 30, 37, 39, 58, 73, 90, 99, 113, 145, 165, 166, 197, 208, 249, 259, 297.

Т.

Тарговскій Самуилъ, 210, 260.
Тарло. 30.
Тарло Павелъ, двоюрод. братъ Марины, 99.
Тарло Сигизмундъ, нѣмецкій хорунжій, 116.
Тарло Ядвига, жена сандомір. воеводы, 8.
Тарловъ семья, упоминается, 8, 9, 40, 76.
Тарновецкій, воинъ, 255.
Тарнополь, 336.
Тверскія ворота (Москва), 309.
Тверь, городъ, 37, 40, 102, 134, 135.
Телепневъ Василій, думный дьякъ, 232. 233.
Телятевскій, князь, 47.
Терекъ, рѣка, 49.
Терекъ, 353.
Токарскій, полякъ, 104.
Толочинъ, имѣніе канцлера, 311, 312.
Торжокъ, городъ, 133.
Троекуровъ Иванъ, князь, 111, 231.
Троекуровы, князья, 170.
Троицкій (Св. Троицы) соборъ (лавра), 106. 109.
Тромбчинскій, полякъ, 52, 53.
Трубецкіе, князья, 111, 170.
Трубецкой, 338, 339, 348.
Трубецкой Дмитрій, князь, 283, 298, 305, 306, 350.
Трубецкой Юрій, князь, 271, 323.
Трусковскій, нѣхот. поручикъ, 347.
Тула, городъ, 50, 51, 54, 56, 57, 103, 273, 352.
Тупальскій, 69.
Тушино, село, 74, 76, 80, 81, 89, 94, 95, 96, 97, 102, 107, 111, 114, 115, 116, 118, 123, 125, 126, 133, 136, 139, 141, 155, 156, 157, 162, 164, 166, 168, 170, 172, 174, 176, 177, 181, 182, 183, 184, 185, 191, 192, 193, 194, 195, 206, 259, 260, 349, 354.
Тушинскій, татаринъ, 91.
Тылицкій, епископъ краковскій, 145.
Тышкевичъ, полякъ, 167, 192, 263.
Тышкевичъ Самуилъ, 55, 57.

Тышкевичъ Фридрихъ, 54.
Тышкевичъ Янушъ, 181.

У.

Угличъ, городъ, 30, 32, 36, 111, 339.
Угра, рѣка, 206, 209, 222.
Уиковскій Ѳеодоръ, бояринъ, 163.
Уна, рѣка, 51.
Уразъ-Махметъ, касимовскій царь, 259, 260, 261.
Уралъ (Яикъ), рѣка, 353.
Урусовъ Петръ, князь, 261, 262.
Усвятъ, 298.
Успенскій соборъ (Троицко-Сергіевъ монаст. 106.
Успенскій соборъ (Москва). 24.
Устье. 263.
Устюжна, городъ, 111.
Уфа, городъ, 26.

Ф.

Фердинандъ, эрцгерцогъ, 335.
Филаретъ Никитичъ, митрополитъ ростовскій, 170, 173, 194, 206, 223, 244, 351.
Философовъ Иванъ, боярскій сынъ. 349, 350.
Фирлей, упоминается, 219.
Фирлей Генрихъ, коронный референдарій, 84.
Фирлей Янъ, краковскій воевода, 7.

Х.

Харлинскій, полякъ, 54, 65, 345.
Хвастовъ, 46.
Хворостинъ, князь, 26.
Хворостинъ Юрій, князь, 172.
Хмѣлевская, спутница Марины, 23.
Ходкевичъ, великій гетманъ литов.. 82, 84, 86, 142, 199, 297, 311, 314, 315, 316, 321, 325, 326, 327, 328, 329, 331, 332, 334, 340, 341, 343, 344, 348.
Ходкевичъ Іеронимъ, виленскій каштелянъ, 155, 198.
Ходынка, рѣка, 74, 75, 131, 132, 133.
Хомутовъ, дворянинъ, 226, 227.

Хорошево, село, 74.
Хохловъ Василій, 353.
Хруслинскій, полякъ, 64, 194.
Хрустинскій, 55.

Ц.

Царево-Займище, село, 92, 200, 204, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 220, 221.
Цеклинскій Іосифъ, 329.

Ч.

Чаплинскій, полякъ, 261.
Чейстоховъ, городъ, 106.
Черкасскій Димитрій, князь, 111.
Черниговъ, городъ, 16, 58, 197.
Чертольскія ворота (Москва), 299, 341.

Ш.

Шалевскій, полякъ, 349, 350.
Шаховскіе, князья, 170, 321.
Шаховской Григорій, князь, 27, 28, 37, 47, 49, 50, 124, 133, 298.
Шаховской, князь, воевода, 263.
Швеція, упоминается, 142, 146.
Шеинъ Михаилъ, смоленскій воевода, 91, 149, 151, 152, 286, 294, 321.
Шереметевъ Петръ, боярин, 35, 36, 37.
Шереметевъ Ѳеодоръ, боярин, 123, 133, 136, 177, 232.
Ширай, нѣкто, 333.
Шишковскій Петръ, войницкій каштелянъ, 8.
Шуйскіе, бояре, 20, 21, 30.
Шуйскій Василій, князь, впосл. царь, 21, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 43, 44, 45, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 57, 58, 66, 67, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 79, 80, 85, 89, 90, 92, 93, 95, 101, 102, 103, 107, 111, 121, 122, 123, 127, 131, 133, 141, 142, 143, 144, 146, 156, 162, 163, 170, 171, 174, 200, 201, 202, 205, 206, 208, 219, 221, 222, 225, 226, 227, 228, 230, 240, 250, 260, 262, 267, 311, 319.

VIII -512.

Шуйскій Димитрій, князь, братъ царя, 67, 68, 69, 71, 85, 202, 209, 211, 213, 214, 220, 227, 250, 260, 318.
Шуйскій Иванъ, князь, 103, 105, 227, 250.
Шуйскій, ротмистръ, 126.
Шуйскъ, 210, 211.
Шумскій, ксендзъ, бернардинскій монахъ, 307.

Щ.

Щавинскій, полякъ, 302.
Щенсный-Харлинскій, полякъ, 289.
Щербина, казакъ, 346.

Э.

Эрмитажъ Петербургскій, упоминается, 11.

Ю.

Юрьевъ-Польскій, городъ, 111, 241.

Я.

Ягеллоны, династія польскихъ королей, 7.
Яйковскій, полякъ, 169.
Яикъ (Уралъ), рѣка, 353.
Яниковскій Матвѣй, 165, 231, 274, 297.
Янковскій, полякъ, 194.
Яновъ Василій Осиповъ, думный дьякъ, 323.
Ярославль, городъ, 40, 42, 44, 45, 46, 103, 111, 116, 139, 283, 339.
Ясенскій, 91.
Яуза, рѣка, 299.

Ѳ.

Ѳедоровское, 331, 345, 350, 351.
Ѳедоръ Ѳедоровичъ, царевичъ, самозванецъ, 56.
Ѳеодоръ Іоанновичъ, царь, 9, 21, 31, 87, 174.

2007089500